Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Кучко Валерия Станиславовна

Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН
Березович Елена Львовна

Екатеринбург
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОГО ПОЛЯ «ЛОЖЬ, ОБМАН» И ЕГО СВЯЗИ С ДРУГИМИ ПОЛЯМИ 24

1.1. Вводные замечания 24

1.2. Семантическая организация поля «Ложь, обман» 26

1.2.1. Семантическая структура слов *обманывать*, *обман* 26

1.2.2. Семантическая структура слов *лгать*, *ложь* и *неправда* 35

1.2.3. Ядерная зона и семантические секторы поля «Ложь, обман» 42

1.2.4. Участники ситуации обмана 50

1.3. Смысловые связи поля «Ложь, обман» с другими семантическими областями 52

1.3.1. Ближайшее и дальнейшее семантическое окружение поля «Ложь, обман» 52

1.3.2. Семантические комплексы с участием значения ‘обманывать’ 63

1.3.3. Междиалектная энантиосемия: значения ‘обманывать’ и ‘говорить правду’ 69

1.4. Выводы 75

ГЛАВА 2. МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОГО ПОЛЯ «ЛОЖЬ, ОБМАН» 79

2.1. Принципы мотивационной организации поля 79

2.2. Этимология слов – основных выразителей семантики обмана в славянских языках 85

2.3. Предметно-тематические коды, реализованные в поле «Ложь, обман» 94

2.3.1. Соматический код 97

2.3.2. Социальный код 111

2.3.3. Код производственных действий 133

2.3.4. Код неспециализированных действий 139

2.3.5. Кулинарный код 144

2.3.6. Предметно-бытовой код 147

2.3.7. Обрядово-игровой код 153

2.3.8. Звуковой код 157

2.3.9. Пространственный код 165

2.3.10. Природно-метеорологический код 170

2.3.11. Зоологический код 174

2.3.12. Мифологический код 179

Выводы к разделу 2.3 186

2.4. Мотивы номинации, реализованные в поле «Ложь, обман» 193

2.5. Выводы 203

ГЛАВА 3. СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЛЮБОВНОЙ ИЗМЕНЫ 206

3.1. Вводные замечания 206

3.2. Семантическая и мотивационная характеристика обозначений любовной измены 208

3.3. Выводы 229

ГЛАВА 4. СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ И ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД С СЕМАНТИКОЙ ОБМАНА 232

4.1. Вводные замечания 232

4.2. О развитии семантики рус. *мытарь* и его системных связях в литературном языке и говорах 233

4.3. Гнездо рус. диал. *шавать* 246

4.4. Об этимологии рус. *мазурик* и ряда русских диалектных слов с основой *мазур-* 254

4.5. Влг. *калаушник* ‘болтун, врун’ 263

4.6. Краткий этимологический комментарий к отдельным русским диалектным словам со значением обмана 266

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 283

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 292

ПРИЛОЖЕНИЕ 316

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению лексики русских говоров и общенародного языка, в которой воплощены представления об обмане. Понятие «обман» объединяет в себе смыслы, которые соотносятся с разными сферами действительности. В самом общем виде можно определить обман как действие, совершаемое одним человеком (несколькими людьми) с целью намеренного введения другого человека (людей) в заблуждение[1], и результат этого действия. Действие может быть воплощено как реальный поступок (например, акт мошенничества, любовной измены) и как речевой акт (говорение неправды). Намеренное введение в заблуждение, как правило, инициировано корыстными побуждениями деятеля; однако цель может быть не связана с извлечением прямой выгоды для деятеля (ср. выражения *невинное вранье*, *ложь во спасение*), в иных случаях целеполагание может вовсе отсутствовать (ср. возможность сочетаний *невольный обман*, *случайная ложь*).

Обман предполагает связь между ментальными операциями обманщика (субъекта обмана) – это, как правило, предварительное планирование – и их поведенческими реализациями. Лицо, на которое направлен обман (объект обмана), либо распознает обман, либо оказывается неспособным на это, обеспечивая тем самым успешное осуществление обмана. Обман, следовательно, относится одновременно к ментальной и поведенческой сферам действительности.

Укажем коротко еще несколько аспектов, без учета которых определение понятия «обман» не будет сколько-нибудь достаточным. Обман может считаться истинностной категорией, которая включена в логическую оппозицию «истинно – ложно». В этом аспекте обман – то, что не соответствует действительности, ср. чисто «истинностные» употребления *оптический обман* ‘несоответствие видимого действительности’ или *обман чувств* ‘несоответствие испытываемого действительности’. Такое понимание обмана близко понятию ошибки, ср. одно из значений слова *обман*: ‘заблуждение, ошибка; ложное представление о чем-либо’ [ССРЛЯ 8: 232], а также синонимию глаголов *обмануться* и *ошибиться*. Далее, обман может расцениваться как нравственная категория, включенная в этическую

[1] Это определение не охватывает не рассматриваемое в работе понятие «самообман», за которым стоит иная модель ситуации.

оппозицию «добро – зло»[2]. Обманщик нарушает установленные в обществе этические нормы, и его действия вызывают оценку со стороны владеющих понятием об этих нормах людей. С этическим аспектом связан аксиологический: обман – «антиценность», противопоставленная таким нравственным ценностям, как правда, совесть, честь. Обман, наконец, может рассматриваться как правовая категория и в оговоренных законом случаях подлежать уголовному преследованию (это случаи клеветы и мошенничества). Феномен обмана, таким образом, является многоаспектным и лежит на пересечении нескольких бытийных сфер, «измерений», в которых существует человек.

Обман и ложь находятся в кругу объектов изучения сразу нескольких наук: философии, логики, психологии, семиотики, культурологии. Например, среди недавних работ культурологического плана, имеющих явную национальную ориентированность, можно назвать монографию филолога Б. Ф. Егорова «Обман в русской культуре» [Егоров 2012], где затрагивается широкий спектр сфер российской жизни в диахронии, в которых возможно столкновение с обманом (политика, экономика, военная сфера, бытовая сфера, наука, искусство и пр.). Там же можно обнаружить обширную библиографию вопроса. Интерес к изучению обмана силами разных наук весьма значителен, так что немецкая исследовательница С. Дённингхаус предложила ввести термин *фраудология* (от лат. *fraus, fraudis* ‘ложь, обман’), который обозначал бы область научных исследований, объектом которых является обман [Дённингхаус 2008: 344].

Лингвистика также обращается к изучению обмана и лжи, ср. показательное высказывание о семиотической природе обмана: «В мире знаков не действует закон тождества (А = А. – *В. К.*); в основе семиотики лежит внутренняя парадоксальность: А ? А. <…> Именно внутренняя противоречивость знаков лежит в основе феномена лжи: во вне- и дознаковом мире лжи нет, ложь входит в мир вместе с языком, ложь творят знаки. Как утверждал Руссо, а до него, по слухам, еще Эзоп, язык создан для обмана» [Лотман М. 2002].

В лексической системе языка понятие обмана имеет множественное и вариативное воплощение. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, с

---

[2] В христианской традиции эта оппозиция соотносится с оппозицией «бог – дьявол», ср. две наиболее «прямые» новозаветные цитаты: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6); «Когда говорит он [диавол] ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44).

обширностью его содержания (как обман квалифицируется большое число различных явлений: ложь, клевета, сокрытие правды, невыполненные обещания, денежный обсчет, любовная измена и пр.). Во-вторых, с явным негативно-оценочным отношением к обману, которое порождает высокую степень экспрессии, присущей «обманным» языковым единицам (экспрессивная лексика, в свою очередь, провоцирует количественный рост среди группы единиц с семантикой обмана). Наконец, это обусловлено значимостью обмана как явления. Языковым доказательством значимости может служить факт вхождения основных выразителей семантики обмана в общенародной лексике – глаголов *обмануть, обманывать, лгать, врать*, существительных *обман, неправда, ложь* – в число слов русского языка с высокой частотой появления в текстах разной жанровой дифференциации по данным [НЧСРЛ; ЧСРЯ]. Так, в «Новом частотном словаре русской лексики» [НЧСРЛ], составленном на базе текстов из НКРЯ, в перечень 8 000 наиболее частотных слов современного русского языка попали (в порядке уменьшения частотности) слова *врать, обмануть, обман, неправда, обманывать* и *лгать*. Для того, чтобы показать равномерность распределения слов в текстах разных жанров и предметных областей, в словаре используется т. н. коэффициент вариации D, значение которого определяется в интервале от 0 до 100: если слово встречается практически во всех текстах НКРЯ, коэффициент близится к 100. Для названных выше «обманных» слов этот коэффициент варьирует от 91 (для лексем *врать* и *неправда*) до 95 (для глагола *обмануть*), что означает их использование в текстах различной тематики, а также стилевой и жанровой отнесенности.

Понятие обмана, понимаемого как введение кого-либо в заблуждение, и связанные с ним смыслы выражаются системой лексических и фразеологических единиц, организованных в виде семантического поля. Обозначим три основных условия, при которых какая-либо совокупность языковых единиц функционирует как семантическое поле: во-первых, она разделяет общий компонент значений между всеми входящими в нее единицами (ср. «Семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент» [Апресян 1995: 251]), во-вторых, имеет незамкнутый характер, т. е. обнаруживает связи с другими семантическими областями (ср. «Из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих

звеньев, можно попасть в любое другое поле» [Там же: 252], в-третьих, обладает внутренней структурой (ядерной, околоядерными и периферийными зонами, ср. топографию ментального поля в [Гак 1998: 663–670]). Иерархически организованная незамкнутая система языковых единиц, имеющих общую сему ‘относящийся к обману’, формирует **семантическое поле «Обман»**.

Языковые единицы, входящие в данное поле, могут изучаться также с точки зрения их мотивации. Пространство поля выступает реципиентом для лексики иных семантических областей (ср., например, новг. *морóзить* ‘говорить неправду’ [НОС 5: 96], пск., твер. *одеть* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 9], прост. *подковывать* ‘обманывать’); образование, рассматриваемое с учетом «прошлого» входящих в него единиц, можно обозначить как **семантико-мотивационное поле**. Е. Л. Березович определяет этот термин следующим образом: «В семантико-мотивационное поле входят единицы определенного лексико-семантического поля, выделенного на синхронных основаниях, а также те лексемы и фраземы, которые связаны с ними отношениями семантической мотивации – как “правой”, так и “левой”»[3] [Березович 2014: 16]. В настоящей работе внимание уделяется «левой» мотивации слов, входящих в поле; абстрактное «обманное» значение, как правило, является конечным звеном семантической цепочки (напротив, конкретная предметная лексика чаще выступает как мотивирующая, ср. использование термина «семантико-мотивационное поле» при изучении «правой» мотивации по отношению к лексико-фразеологическому образованию, включающему в себя единицы, источником семантической мотивированности для которых выступает название какого-либо предмета одежды в [Тихомирова 2013]).

Когда мы находимся на уровне значений, формирующих поле, и исследуем семантические свойства языковых единиц, мы рассматриваем его как бы в «застывшем», «неподвижном» виде: нас интересует состояние системы на синхронном срезе. Когда мы переходим на уровень мотивации, мы обретаем ретроспективу: нас интересуют модели развития значений, мотивационные признаки, положенные в основу слов, их повторяемость, этимологические гнезда, порождающие лексику поля. Семантико-мотивационное описание требует,

---

[3] Термины *правая* и *левая мотивация* введены С. М. Толстой по отношению к двум мотивационным измерениям слова: оно может быть как мотивирующим («правая» мотивация), так и мотивированным («левая») [Толстая 2008: 192].

следовательно, как синхронного, так и диахронного подходов к лексико-семантическому полю.

Семантико-мотивационный анализ поля «Ложь, обман» помогает охарактеризовать восприятие обмана носителями языка. **Цель** настоящей работы – выявление традиционных представлений об обмане, отраженных в лексике русских говоров. Именно диалектные языковые факты дают представление о народном осмыслении социально и этически значимого явления обмана. Анализ диалектных номинаций, зачастую образных, позволяет обнаружить специфические черты народной концептуализации обмана: среди них, к примеру, – использование образов «подручных», связанных с ежедневным бытом реалий в оязыковлении абстрактных «обманных» смыслов (в ряду «шифрующих» обман находятся образы орудий труда, предметов одежды, насекомых-вредителей, домашнего скота и мн. др.); нередкая ситуативность в описании сущности обмана – схватывание одновременно нескольких ее черт, в результате чего создается большое число фразеологизмов; закрепление в номинациях установок народной этики (скажем, к обманщику «приравнивается» тот, кто ищет легкой работы или вообще не любит работать, «разделяя» с ним одну номинацию; обманутый сопоставляется с дураком и пр.); отражение народно-религиозных представлений о мифологической природе обмана (в частности, о порождении обмана демонологическими персонажами) и др.

Объектом настоящего исследования, таким образом, является лексика и фразеология русских народных говоров, которая формирует семантико-мотивационное поле «Ложь, обман». Структурная организация поля, а также особенности семантики и мотивации входящих в него единиц представляют собой **предмет** настоящей работы.

Нацеленность на реконструкцию фрагментов традиционной картины мира по данным языка определяет принадлежность данной работы к этнолингвистическому направлению в лингвистике. **Методика** этнолингвистического исследования семантических полей описана Е. Л. Березович в книге «Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования» [Березович 2007: 19–51]. Среди методов и процедур анализа основное место в работе занимает семантико-мотивационная реконструкция, подразумевающая при изучении языковых фактов опору на семантические параллели и воспроизводимые мотивационные модели,

идеографическая и мотивационная классификация материала, приемы контекстного, компонентного, этимологического анализа лексики. Принципам этнолингвистического анализа следуют работы, выполненные на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета и посвященные семантико-мотивационному описанию русской диалектной лексики и ономастики: это труды Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко (Казаковой), Е. О. Борисовой, К. С. Верхотуровой, Ю. Б. Воронцовой, А. А. Едалиной, М. А. Ереминой, Ю. А. Кривощаповой, Т. В. Леонтьевой, О. В. Моргуновой (Атрошенко), К. В. Осиповой (Пьянковой), Е. В. Поповой, И. В. Родионовой, М. Э. Рут, О. Д. Суриковой, А. В. Тихомировой, Л. А. Феоктистовой, Е. В. Шабалиной. К этой школе относит себя и автор настоящей диссертации. Из исследований названных ученых особо близки нам, в частности, работы Т. В. Леонтьевой (кандидатская диссертация «Интеллект человека в зеркале русского языка» [Леонтьева 2003], монография «Интеллект человека в русской языковой картине мира» [Леонтьева 2008]) и кандидатская диссертация М. А. Ереминой «Лексико-семантическое поле “Отношение человека к труду” в русских народных говорах: этнолингвистический аспект» [Еремина 2003]. Указанные труды описывают составляющие обман сферы – ментальных действий («Интеллект») и поведенческих характеристик человека («Отношение к труду»). Семантика обмана связана и с понятием интеллекта (например, способность распознавать обман, а также способность обманывать устойчиво соотносится с наличием ума, неспособность – с его отсутствием), и с категорией отношения к труду (с выделяемым М. А. Ереминой полем «Отрицательное отношение к труду» через устойчивые семантические переносы «бездельничать» → «обманывать», «лентяй» → «обманщик»).

Для достижения вышеназванной цели реконструкции традиционных представлений об обмане по данным русских говоров ставятся следующие **задачи**.

1. Выявить корпус диалектных лексических и фразеологических единиц русского языка, имеющих в значении сему ‘относящийся к обману’ и составляющих лексико-семантическое поле «Ложь, обман».

2. Охарактеризовать их с точки зрения специфики реализации в них «обманного» значения и выявить структуру семантической организации поля.

Трудность работы на данном этапе заключается в том, что семантическое поле «Ложь, обман», при наличии ядра – «чистого» «обманного» значения, – обладает размытой периферийной частью. Соседние семантические поля не просто граничат с данным, но накладываются на него, т. е. разделяют общие с ним смыслы. Примером может служить поле «Интеллект»: такое явление, как хитрость, принадлежит одновременно и ему, и изучаемому полю. Словари отражают подобные смысловые наложения дефинициями типа ‘хитрить, обманывать’, ‘обманщик, хитрец’.

3. Обнаружить компоненты, составляющие ситуацию обмана, и оценить роль каждого из ее актантов.

4. Определить набор предметно-тематических кодов, лежащих в основе поля «Обман» и дающих представление о сферах действительности, с которыми носители традиции сопоставляют составляющие ситуации обмана.

5. Выявить комплекс мотивов, реализующихся в лексике поля «Обман», и их иерархическую организацию. Из-за семантической неоднородности понятия «обман», описанной в главе 1 данной работы, и, соответственно, семантической неоднородности всего поля, в нем отсутствует мотивационная доминанта – мотив, который мог бы объединить все единицы поля или их большинство. Выявляются несколько сквозных мотивов, опирающихся на систему частных, представленных в отдельных лексемах и фразеологизмах.

6. Представить этимологический комментарий к базовым лексемам со значением обмана в славянских языках. Решение такой задачи позволяет увидеть, как соотносятся этимоны, лежащие в основе общеславянской лексики, с мотивами номинаций, выявляемыми в рамках русского диалектного лексико-фразеологического массива, а также проследить развитие древних метафор, в которые язык «переводит» абстрактную семантику обмана.

7. Дать мотивационно-этимологический комментарий к «темным» в мотивационном плане лексемам. Эта задача решается на протяжении всего «мотивационного» этапа работы. Кроме того, подробному анализу лексем, которые входят в обширные семантико-словообразовательные гнезда, посвящена отдельная глава; для лексем, которые не были рассмотрены в ходе анализа кодов (потому что реализуют редкий мотив номинации или являются заимствованными),

предусмотрен отдельный раздел работы (4.6). Задача решается лишь частично: не все «темные» лексемы на настоящий момент подлежат мотивационной интерпретации.

8. Охарактеризовать значимые для носителей традиционной культуры представления о различных сторонах обмана, воплощенные в языке. Данная задача является актуальной для каждого этапа работы: значимая этнокультурная информация содержится в общих принципах и в частностях семантической и мотивационной организации поля.

Материалом для данной работы служат русские диалектные лексические и фразеологические единицы, обладающие семантикой, которая относится к понятию обмана. Кроме того, к анализу привлекались факты литературного языка и общерусского просторечия, составляющие общенародный языковой фонд. Факты жаргона рассматривались в редких случаях при необходимости проведения семантических или мотивационных параллелей. В некоторых случаях в качестве иллюстрации к суждениям, высказанным на основании языковых фактов, приводились пословицы и поговорки.

Языковые единицы рассматриваемого поля, ввиду оценочности понятия обмана, характеризуются высокой степенью экспрессии. Экспрессивность, являющая себя через образность, отражается в большой нагрузке по выражению семантики обмана, падающей на фразеологические единицы. Пользуясь классификацией В. В. Виноградова, укажем, что большей частью это – фразеологические единства, где слова сохраняют признаки своей семантической раздельности (другими словами, значение фразеологизма отчасти мотивировано значением входящих в него слов), но «подчинены единству общего образа», строятся вокруг «внутреннего образного стержня фразы» [Виноградов 1977: 151] (ср., например, новг. *вертеться как язь на мели* ‘хитрить, изворачиваться, врать’, пск. *хвостом вилять* ‘лицемерить’, сиб. *конопатить мозги* ‘обманывать’). Одна метафора может группировать вокруг себя ряд синонимических фразеологических единств, так как ее образный потенциал позволяет воплощаться несколькими способами, ср. метафору возложения тяжести на кого-либо, разрабатываемую такими выражениями, как пск. *сложить гору*, *понести гору*, сиб. *накатить телегу*, простореч. *катить бочку* на кого и др. ‘оговаривать, клеветать’.

Материал извлечен из словарей русской диалектной лексики и фразеологии, и при семантическом анализе необходимо отчасти опираться на дефиниции, предложенные в них, что создает определенные трудности: во-первых, из-за «расплывчатости» толкований (соединении в одной дефиниции нескольких явлений разного порядка, ср. ‘украсть, обмануть’, ‘шутить, лгать’ и пр.), во-вторых, из-за нередкого отсутствия контекстов, которые могли бы разграничить или уточнить употребление глаголов с обобщенным значением ‘обмануть’.

Источниками языковых единиц стали словари диалектной фразеологии: «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» Н. А. Ставшиной [СГНП], «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» [ФСРГС], «Фразеологический словарь пермских говоров» К. Н. Прокошевой [ФСПГ], «Словарь псковских пословиц и поговорок» [СППП], «Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов» Л. Н. Сергеевой [МИСНФ], «Фразеологический словарь русских говоров республики Коми» И. А. Кобелевой [ФСРГРК], а также «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [БСРП], включающий наряду с диалектными единицами факты жаргона и общенародного просторечия. Методом фронтального просмотра извлечены единицы из «Новгородского областного словаря» [НОС], «Ярославского областного словаря» [ЯОС], «Архангельского областного словаря» [АОС] и «Словаря смоленских говоров» [ССГ]. «Словарь русских народных говоров» [СРНГ] привлекался для направленного просмотра (задаваемыми для поиска сочетаниями были: *обман-*, *неправд-*, *врать*, *врун*, *лгать*, *лгун*, *измен-*).

Корпус языковых единиц извлечен также из «Словаря говоров Русского Севера» [СГРС] и неопубликованных картотек Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ) – картотеки СГРС [КСГРС] и картотеки лексики, собранной на территории Костромской области [ЛКТЭ], которые хранятся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета. В полевых выездах ТЭ УрФУ в 2011–2016 гг. принимал участие автор настоящей диссертации.

Источниками русских паремий послужили «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, сборники русских пословиц и поговорок

И. М. Снегирева и В. И. Даля, сборник пословиц и поговорок Псковской и Ленинградской областей Л. В. Соловьевой.

Корпус языковых единиц, собранных в указанных источниках, составляет около 1 100 фактов (он приведен в приложении к работе).

Представим краткий **обзор литературы** по лингвистике, в фокусе которой находятся изучаемые в диссертации понятия и их языковые репрезентанты.

В ряду первых работ, поставивших вопросы об исследовании феноменов обмана и лжи сугубо лингвистическими методами, можно назвать статьи немецкого филолога Х. Вайнриха «Лингвистика лжи» (1966 г.) [Вайнрих 1987] и американского лингвиста Д. Болинджера «Истина – проблема лингвистическая» (1973 г.) [Болинджер 1987]. Предмет исследования «лингвистики лжи» – высказывания, не соответствующие действительности. Обе работы появились отчасти как реакция на политизацию и коммерциализацию общественных институтов мира, все более неотступное проникновение политических и рекламных высказываний в обыденный дискурс. Авторы, кроме того, сремились предотвратить возможность повторного столкновения с риторикой нацизма. Оба ученых видят в лингвистических методах инструмент описания того, что именно происходит в языке, когда истина превращается в ложь; лингвист при этом становится «социальным критиком» [Болинджер 1987: 25]. «Предупредительный» социально-политический пафос, очевидно, не потерял актуальность; в отечественной лингвистике он отчетливо отражается в статье В. И. Шаховского «Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации» [Шаховский 2005], насыщенной перекличками с «Лингвистикой лжи» (ср., например: «Слова, которыми много лгут, сами становятся лживыми» [Вайнрих 1987: 62] и «Ложь закрепляется в семантической памяти языковых знаков», требующих «семантического разоблачения» [Шаховский 2005: 173]; среди примеров в первом случае приводятся слова *нация*, *демократия*, во втором – *реформа*, *зачистка* и т. д.).

Ложные высказывания изучаются с позиций психолингвистики (например, [Попчук 2006; Шаховский 2005]); лингвопрагматики и дискурсивного анализа (например, [Ленец 2010; Плотникова 2000]). Материалом для них могут быть художественные, публицистические, разговорные по стилю тексты. Выясняя, какие

лингвистические и паралингвистические сигналы в речи свидетельствуют о ложности того, что говорится, исследователи, как правило, ставят целью создание инструментария для оценки высказываний с точки зрения истинности / ложности. Их внимание сосредоточено на функционировании высказываний в речи или тексте, причем текст также рассматривается как образец коммуникации (развернутый коммуникативный акт).

Задачи выявления национально-культурной и универсальной составляющих концептов обмана и лжи решаются нередко на материале соответствующих пословиц и поговорок (к примеру, [Шаховский, Панченко 1999]), иногда в контрастивном аспекте – в частности, сопоставляются русские и английские идиомы (см. [Абакумова 2013; 2016; Храмова 2009]), русские и китайские паремии (см. [Цзянькунь 2014]), русские и польские выражения (см. [Высочаньски 2014а; 2014б; Wysoczański 2015]).

Предметом изучения в рамках когнитивной лингвистики и семантики становятся смыслы, которые стоят за языковыми знаками, номинирующими связанные с ложью и обманом явления.

К области когнитивной грамматики можно отнести заметку Б. Ю. Нормана, обращающую внимание на связи между синтаксическими свойствами глаголов *обманывать* и *врать* и особенностями их значений в сопоставлении друг с другом [Норман 2017].

Среди отечественных исследований в области лексической семантики следует назвать несколько работ. Это статьи участников проблемной группы «Логический анализ языка» и исследования, опубликованные в соответствующих сборниках (Н. Д. Арутюновой, И. Б. Шатуновского [ЛАЯ 1991: 21–30; 31–38], Г. И. Кустовой, А. Д. Кошелева [ЛАЯ 2008: 159–170; 117–132][4]). Далее, это работы представителей Московской семантической школы (Ю. Д. Апресяна «От истины до лжи по пространству языка» [Апресян 2008], статьи Нового объяснительного словаря синонимов русского языка о семантике слов *неправда*, *ложь*, *вранье* [Апресян В. Ю. 2003], о семантике слов *хитрый*, *хитроумный*, *плутоватый*,

[4] Некоторые упоминаемые работы помещены в сборник «Между ложью и фантазией» [ЛАЯ 2008], специально посвященный изучению отклонения от истины в разных видах дискурса. Концептуальный анализ языкового материала в ряде статей выходит за рамки когнитивной семантики в область лингвокультурологии; сборник также содержит статьи литературоведческого и философского плана.

лукавый [Богуславская 2003]). Назовем еще ряд работ. Статьи А. Д. Шмелева [2009; 2012] рассматривают семантические различия между глаголами *лгать* и *врать* и их дериватами, обнаруживающие различные этические оценки двух основных манифестантов говорения неправды в русском языке. Статья И. Б. Левонтиной [1995] посвящена разделению семантики соответствия речи действительности между *правдой* и *истиной* и их противопоставлению *лжи*.

Среди исследований «культурных концептов» необходимо отметить описание *правды* (в ее отношениях к *истине* и *неправде*) как русского культурного скрипта[5], предпринятое А. Вежбицкой [2002]; значительное место в статье уделяется проблеме перевода данного скрипта на универсальный язык семантического описания, ср. его формулировку: «Люди говорят два рода вещей другим людям. Вещи одного рода – правда. Хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям. Вещи другого рода – неправда. Нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям. Плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что эти вещи – правда»; данный скрипт, как показывает Вежбицка, с точки зрения других культур может выглядеть «экстремальным»[6] [Там же: 11]. В рамках этого же метода описания на «естественном семантическом метаязыке» анализируются выражения *делать вид* и *притворяться* [Гладкова 2010: 227–252].

В рамках когнитивной семантики и лингвокультурологии выполнена кандидатская диссертация Н. Н. Панченко [1999], посвященная смысловому наполнению концептов «ложь» и «обман» в сопоставительном аспекте, в основном на материале текстов художественной прозы англоязычных и русскоязычных авторов XX в., а также русской и английской паремиологии.

В работах, выполненных в русле когнитивной семантики, внимание исследователей, как правило, сосредоточено на отдельных словах русского

---

[5] «Культурные скрипты – это общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя – мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению» [Вежбицка 2002: 6].

[6] Имеется в виду, что в некоторых культурах «работают» другие принципы, например, принцип не говорить правды тогда, когда в этом нет острой необходимости: «Во многих других культурах идея, что хорошо говорить правду несмотря на обстоятельства и на возможные последствия, могла бы представляться очень странной. Во многих других культурах люди думают, что говорить правду трудно и опасно и что часто легче и лучше говорить то, чего ожидают другие, то, что принято говорить или даже употреблять готовые конвенциональные формулы» [Вежбицка 2002: 21].

литературного языка, наиболее глубоко воплощающих концепты, за которыми стоят обманные явления; задача очертить круг лексики, формирующей какое-либо крупное семантическое образование, выражающее «обманные» смыслы, не ставится.

Наиболее полно лексика «мнимого (обманного) мира» представлена Ю. Д. Апресяном [2008]: кроме полнозначных лексем, отмечаются некоторые служебные слова (*будто, якобы* и др.), некоторые морфемы (*псевдо-, квази-* и др.), грамматические формы (например, сослагательное наклонение) и интонационные конструкции. Среди полнозначных слов круг лексики «мнимого мира» представлен прежде всего предикатами, большинство из которых называют обманные действия, и их актантными производными, большинство из которых – имена исполнителей действия, а также названия инструментов (способов) действия. Границы «мнимого мира» здесь раздвинуты предельно далеко: внутри них оказываются обозначения действий и явлений, связанных не только с намеренным обманом и ложью, но и с искаженным восприятием (ср. *заблуждаться, казаться, чудиться*), иллюзорностью (ср. *мираж, призрак, галлюцинация*), воображаемым (ср. *мечтать, фантазировать, воздушные замки*), искусственно созданным (ср. *фальшивый, парик, румяна*) и пр. «Мнимый (обманный) мир» вбирает в себя лексику, не могущую быть организованной иерархически внутри единого семантического пространства[7]. Отдельные ее группы тяготеют к разным семантическим центрам.

Труды, связанные с проблематикой настоящей диссертации, посвящены диалектной лексике или фразеологии со значением обмана. Среди них следует назвать статьи «Производные существительные Nomina agentis со значением ‘лгун’ в русских народных говорах в их соотношении с мотивирующими основами», «О некоторых моделях слов со сложной основой в русских говорах (на материале образования слов с общим значением ‘лгун’)» и «Отсубстантивные суффиксальные образования со значением ‘лгунья’ в русских говорах» О. В. Видовой [Видова 1985; 1988а; 1988б], где материал анализируется в

[7] Для работы с материалом Ю. Д. Апресян выделяет несколько семантических оппозиций: ‘соответствие / несоответствие настоящему положению дел / возможность соответствия’, ‘перспектива агенса / перспектива наблюдателя’, для перспективы агенса – ‘добросовестность / недобросовестность агенса’ с классификацией недобросовестности. Каждое из этих отношений охватывает только часть лексики; для получения ряда параметров оппозиций необходимо выходить за границы «обманного мира» в мир факта и истины.

словообразовательном и лингвогеографическом аспектах. Обширный типологический материал для отдельных «обманных» фразеологизмов собран Т. В. Горячевой в статьях, посвященных анализу выражения *наговорить бочку арестантов* [Горячева 2003] и словосочетанию *друг ситный* [Горячева 2010]. Вопросы мотивации отдельных лексических или фразеологических единиц, выражающих семантику обмана, позволяют прояснить работы [Агапкина 1999; Березович 2007: 243–277; 2011; Володина 2006; 2009; Жуйкова 2007; Коваль 1998]. Этимологические интерпретации отдельных слов обнаруживаются в статьях Л. В. Куркиной [1967; 1976; 1981; 2003] (в частности, это лексемы *мулить*, *мылить*, *выкомаривать*, *варакать*, *шаврать* и др.) и А. Б. Страхова [2013] (где рассматривается обширный ряд «обманных» глаголов: *обмикулить*, *обмишутить*, *объегорить*, *офофанить*, *облапошить* и др.). Кроме того, этимологическое описание лексики поля невозможно без обращения к трудам по этимологии, например, реконструкциям «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева и – позднее – А. Ф. Журавлева [ЭССЯ], статьям «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникина [Аникин РЭС], монографиям Ж. Ж. Варбот [1984; 2012] и др.

Комплексное этнолингвистическое исследование лексики и фразеологии русских народных говоров со значением обмана, насколько нам известно, отсутствует. Это обстоятельство, а также информативность семантико-мотивационного анализа лексико-семантического поля обмана для реконструкции фрагмента народной языковой картины мира определяет **актуальность** настоящей диссертации.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществлено этнолингвистическое изучение лексического и фразеологического материала русских народных говоров, в котором воплощаются значимые в лингвоаксиологическом плане народные представления о явлении обмана. В научный оборот вводится новый языковой материал, в том числе из неопубликованных полевых источников. Осуществляется семантическая реконструкция и этимологическая интерпретация ряда лексических единиц с «темной» внутренней формой.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней определено семантико-мотивационное своеобразие языковых единиц, номинирующих обманные явления, и охарактеризован соответствующий фрагмент народной языковой картины мира. Исследование вносит вклад в развитие диалектной лексикологии, этнолингвистики, семантической реконструкции и этимологии. Принципы семантико-мотивационной интерпретации изученной лексической группы, апробированные в работе, могут быть применены к иным лексическим объединениям, обладающим сходными свойствами.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования полученных результатов в практике вузовского преподавания при подготовке курсов по этнолингвистике, семантике, диалектологии, этимологии.

Апробация работы. Положения данного исследования были изложены в докладах на нескольких научных конференциях, в числе которых международная научно-практическая конференция «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации» (Кострома, 2012), II и III международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2012, 2015), III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 2014), всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, 2014), II и IV конференция студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (Санкт-Петербург, 2013, 2015), XLV Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2016), международный этимологический симпозиум «Śladami myśli etymologicznej», посвященный 100-летию со дня рождения проф. Фр. Славского (Краков, 2016). По теме исследования опубликовано 17 работ, из них 6 в научных журналах, рекомендованных ВАК.

Степень достоверности результатов исследования определяется достаточным объемом проанализированного лексического материала (около 1100 единиц); использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, позволяющих осуществить семантико-мотивационную реконструкцию и этнолингвистическую интерпретацию избранного лексического массива; привлечением трудов по этнолингвистике, этимологии, семантике, диалектной лексикологии, связанных с проблематикой исследования.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения. **Первая глава** представляет семантическую структуру семантико-мотивационного поля «Обман». В параграфах, составляющих **раздел 1.1**, охарактеризована семантическая наполненность лексем – основных выразителей семантики обмана в общенародном языке (слов *обманывать, обман, лгать, ложь, неправда*); выявлены семантические секторы, наполняющие поле, а также охарактеризованы положения, занимаемые ими по отношению друг к другу (что позволяет проанализировать соотношение ядерного и периферийных участков поля), определена специфика проявления в них значений; указаны участники ситуации обмана. В параграфах **раздела 1.2** описываются внешние связи поля со смежными смысловыми полями из его ближайшего и дальнейшего семантического окружения, уделяется внимание смыслам, которые вместе с «обманным» значением формируют повторяющиеся семантические комплексы, присущие одной лексеме, а также случаям соединения в семантическом спектре одной лексемы антонимичных значений ‘обманывать’ и ‘говорить правду’. **Вторая глава** посвящена мотивационной организации поля и включает четыре раздела: **раздел 2.1** знакомит с принципами анализа мотивационной структуры поля; в **разделе 2.2** общенародные слова со значением обмана в русском и других славянских языках комментируются с точки зрения этимологии, что позволяет выявить базовые (в том числе древние) мотивы номинации «обманных» слов и сопоставить их с мотивами, характерными для всего поля; **разделы 2.3** и **2.4** рассматривают набор предметно-тематических кодов, с помощью которых язык передает «обманные» смыслы, а также набор мотивов поля, характерных как для целых групп лексики, так и для отдельных слов и фразеологизмов. **Третья глава** посвящена комплексному семантико-мотивационному анализу лексики, обозначающей измену (обман) в любви: в **разделе 3.1** обосновывается выбор обозначений любовной измены для обособленного описания, в **разделе 3.2** характеризуется смысловая наполненность понятия любовной измены для традиционного социума, его актуальность и языковое воплощение, выделяются мотивы, разрабатываемые этой группой лексики, анализируются номинациии с участием слов – символов измены. **Четвертая глава** диссертации содержит анализ отдельных лексем со значением обмана и включающих их этимолого-

словообразовательных гнезд. В **разделе 4.1** предлагаются вводные замечания к главе; **разделы 4.2–4.5** сосредоточены поочередно на гнездах корней *мытар-*, *шав-*, *мазур-* и *калауш-*; последний **раздел 4.6** представляет собой комментированный алфавитный перечень ряда «темных» лексем, не комментировавшихся в этимологической литературе или имеющих спорные толкования. **Приложение** являет собой словник, включающий собранный в процессе анализа поля языковой материал с паспортизацией, в том числе языковые факты, отсутствующие в основной части работы ввиду трудностей их интерпретации.

Положения, **выносимые на защиту**:

1. Язык отражает обман как социально и этически значимое явление. Понятие обмана активно разрабатывается средствами русских народных говоров; значительное количество средств его оязыковления представляют собой образные номинации, нередко фразеологические; изучаемые лексические единицы обладают этнокультурной нагруженностью, которая проявляется, в частности, в том, что в них отражаются установки народной этики и мифологии.

2. Ключевые для поля слова *обманывать* и *обман* в основных своих лексико-семантических вариантах обладают широкой, можно сказать, «диффузной» семантикой: они могут называть любое действие или явление, которое интерпретируется говорящим как обман. Прочие лексико-семантические варианты называют конкретные действия и явления (говорение неправды, несдержанные обещания, мошенничество, любовную измену). Значения этих слов определяют смысловое наполнение всего поля: слова и фразеологизмы со значением ‘обманывать’, ‘обман’ формируют центральную его часть; остальные семантические области задаются частными значениями этих слов (‘врать’, ‘вранье’, ‘мошенничать’, ‘мошенничество’ и др.).

3. Основная нагрузка по выражению обманных смыслов в языке падает на глаголы и словосочетания с глаголами в качестве опорных компонентов, таким образом, главным компонентом ситуации обмана является предикат. Валентность глагола задает двух обязательных актантов ситуации – субъекта и объекта обмана.

4. Выделяется 12 мотивационных предметно-тематических кодов разной продуктивности, средствами которых объективируются «обманные» смыслы: соматический, социальный, код производственных действий, код

неспециализированных действий, кулинарный, предметно-бытовой, обрядово-игровой, звуковой, пространственный, природно-метеорологический, зоологический и мифологический коды.

5. Анализ мотивов номинации обманных явлений позволяет обнаружить систему абстрактных идей, объединяющих несколько обширных лексико-фразеологических групп и реализующихся через более конкретные мотивы, объединяющие на базе одного мотивационного признака, как правило, несколько номинативных единиц. Среди них – идея нарушения прямизны, которая реализуется с помощью мотивов кривизны, движения по непрямой траектории, плетения, верчения, сгибания; идея воздействия на объект инородным веществом, которая конкретизируется с помощью мотивов загрязнения, затемнения, воздействия дымом или туманом; идея деструктивного физического воздействия, воплощаемая мотивами температурного воздействия и обрезания; идея физического воздействия, направленного на подчинение чужой воле, которая конкретизируется мотивами обездвиживания, опутывания, одевания, обувания, и др.

6. Выявление семантико-мотивационных закономерностей, лежащих в основе изучаемой лексики, позволяет осуществить семантико-мотивационную и этимологическую реконструкцию ряда «темных» лексем, например, смол. *озёлок* ‘обман’, новг. *чмури́ть* ‘притворяться, обманывать’, влг. *калау́шник* ‘болтун, врун’, пск. *базу́рить* ‘жить обманом, плутовать’, арх., влг., петерб. *древи́ть* ‘болтать, лгать’, костр. *прималы́хивать* ‘привирать’ и др.

7. Семантическая область, связанная с изменой в любви, представляет собой особый в семантическом и мотивационном отношении сектор поля обмана. Идеограмма «изменить в любви» является разработанной в народных говорах. В круг явлений, квалифицируемых в традиционном обществе как любовная измена, включаются супружеская измена и измена в любви до брака. Реакция на добрачную измену может сопровождаться ритуально выраженным осуждением субъекта или объекта измены с участием предметного символа измены – и номинации измены нередко построены по модели «глагол действия (*сделать, устроить* и др.) или глагол передачи (*дать, подарить* и др.) + наименование предмета + указание на адресата (кому-либо)», ср., к примеру, пск., новг. *сделать*

лапти кому, новг. *устроить ситный кому* и др. В лексических единицах со значением измены в любви используется тот же набор образов, что и в языке свадебного обряда, в лексике обмана вообще, а также в лексике нанесения физического или морального ущерба кому-либо.

ГЛАВА 1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОГО ПОЛЯ «ЛОЖЬ, ОБМАН» И ЕГО СВЯЗИ С ДРУГИМИ ПОЛЯМИ

1.1. Вводные замечания

Настоящая глава в целом сосредоточена на вопросах о том, какие смыслы входят в понятие обмана; что понимается под обманом в традиционной культуре; как соотносятся смыслы, образующие понятие обмана, друг с другом; какие понятия сопрягаются с обманом в сознании носителей языка. Отвечая на эти вопросы, мы, во-первых, выявляем организацию внутреннего пространства семантического поля обмана, а во-вторых, обнаруживаем внешнее окружение поля, т. е. смыслы, которые связаны с семантическими областями, формирующими поле. В соответствии с этими задачами основное содержание главы распределяется между двумя разделами – 1.2 «Семантическая организация поля “Ложь, обман”» и 1.3 «Смысловые связи поля “Ложь, обман” с другими семантическими областями».

Раздел 1.2 состоит из четырех параграфов. В первых двух из них (1.2.1 и 1.2.2) анализируется семантика однословных языковых единиц, отвечающих критериям общенародности и нейтральности, которые называют явление обмана (глагола *обманывать* и соответствующего существительного) или синонимичны словам *обманывать*, *обман* в некоторых своих лексико-семантических вариантах (это лексемы *лгать*, *ложь*, *неправда*). Анализ словарных дефиниций названных слов позволяет очертить круг смыслов, входящих в понятие обмана – и в соответствующее семантическое поле. Особое внимание при анализе этих слов мы старались уделить «расстановке сил» в ядерной части поля – то есть их отношениям друг с другом: отличиям между словами *обман*, *ложь* и *неправда*, семантической разнице между глаголами *лгать* и *обманывать*, *лгать* и *врать*. Переход к основному массиву языкового материала осуществлен в параграфе 1.2.3. В нем представлен перечень базовых идеограмм, по которым распределяется диалектный материал, отобранный с опорой на выявленное в предыдущих параграфах смысловое наполнение понятия обмана; определен состав

семантических секторов поля, внутри которых подчеркивается расстояние между отдельными входящими в них значениями. Параграф 1.2.4 посвящен описанию ситуации обмана: ее обязательным и необязательным участникам. Определение «удельного веса» предиката и каждого актанта ситуации уточняет обязательные компоненты лексической семантики слов, которыми они воплощаются; учет распределения материала на составляющие ситуации обмана позволяет увидеть, роли каких участников ситуации будут подробно «прорисовываться» носителями языка.

В раздел 1.3 входят три параграфа. Первый (1.3.1) содержит описание ближайшего и дальнейшего семантического окружения изучаемого поля. Внешние связи поля обмана с другими смысловыми областями определялись с опорой на многозначность «обманных» лексем и тот факт, что она имеет системный характер – иными словами, тяготеющие друг к другу смыслы неоднократно воспроизводятся в наборах лексических значений. В параграфе 1.3.2 продолжается поиск семантических связей поля. В нем внимание акцентируется на следующем факте: воспроизводимая внутри корпуса отобранных для изучения слов многозначность может включать широкие семантические комплексы, состоящие более чем из двух компонентов. Наконец, в параграфе 1.3.3 фокус переводится на отдельные языковые единицы, которые, наряду со значением ‘лгать, обманывать’, входящим в ядерную зону семантического поля обмана, обладают прямо противоположной семантикой – обозначают говорение правды. Эти лексемы примечательны тем, что являются точками пересечения двух «антонимичных» семантических полей – обмана и правды. Эти поля делят между собой общие смысловые компоненты ‘отношение к реальности’, ‘отношение к истине’, ‘отношение к справедливости’, уточняя их противоположным образом (разрабатывая оппозиции ‘действительно’ – ‘нереально’, ‘истинно’ – ‘ложно’, ‘правота’ – ‘неправота’ и пр.). Наличие некоторых языковых «перекличек» между двумя смысловыми областями, разрабатывающими соответственно понятия обмана и правды, маркирует их взаимосвязь (на эту связь явным образом указывает своей внутренней формой одно из ключевых слов-выразителей семантики обмана – слово *неправда*). Завершает главу о семантической структуре и связях поля обмана раздел 1.4, содержащий основные выводы главы.

1.2. Семантическая организация поля «Ложь, обман»

1.2.1. Семантическая структура слов *обманывать, обман*

Своеобразие семантической структуры лексико-фразеологического поля «Обман» в значительной степени определяется смысловым содержанием центрального разрабатываемого в нем понятия, общенародными языковыми репрезентантами которого являются глагол *обманывать* и существительное *обман*. Последнее путем нулевой суффиксации образовано от глагола *обманывать* и относится к классу существительных, называющих отвлеченное действие и «совмещающих в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процесса со значением существительного как части речи» [РГ I: 219], что означает, что его семантическое наполнение в общем зависит от глагольной семантики, и в развитии своих значений глагол и существительное следуют одной логике. По этой причине далее подробнее рассмотрим именно семантику глагола, предполагая, что его семантические свойства определяют свойства существительного.

Глагол *обманывать* имеет сложную семантическую структуру. Он относится к классу многозначных; ниже представлена совокупность его лексико-семантических вариантов, предложенная разными толковыми словарями русского языка[8].

Обманывать (*обмануть*) значит:

- ‘лгать, словом или делом вводить кого-л. в заблуждение, уверять в небыли, облыжничать, притворяться, принимать или подавать ложный вид; провести кого-л., надуть, обмишулить, объехать на кривых; плутовать, мошенничать’ [Даль$_2$ II: 618]

[8] Данные о семантике общенародных слов извлекаются из основных толковых словарей современного русского языка, изданных во 2-ой половине XX – начале XXI в. (БАС, СлРЯ, ССРЛЯ, Ефремова 2000, Ожегов, Шведова 2008). Используются также статьи активного словаря русского языка, который издается под руководством Ю. Д. Апресяна, попавшие в [Проспект АС], предлагающие системное описание семантических и грамматических свойств каждого слова. Вводятся и данные словаря В. И. Даля, дающие ретроспективу и, благодаря способу толкования через обширный ряд синонимов, возможность увидеть сопряженные с толкуемым понятием явления. Словарные статьи подаются в хронологическом порядке.

Имея в виду специфику толкования в словаре В. И. Даля через синонимические ряды, можно выделить четыре основных частных значения: ‘лгать’, ‘вводить в заблуждение’, ‘притворяться’ и ‘мошенничать’.

- 1. ‘сознательно вводить кого-либо в заблуждение словами или поступками’
  2. ‘вводить в заблуждение, отвлекая внимание от чего-либо, внушая ошибочное представление о чем-нибудь’
  3. ‘совершать плутовство, мошенничество по отношению к кому-либо’
  4. ‘проявлять обман в любви; изменять (жене, мужу)’
  5. ‘обольщать, соблазнять (девушку, женщину)’
  [ССРЛЯ 8: 235]

- 1. ‘намеренно ввести кого-л. в заблуждение, сказав неправду или прибегнув к какой-л. уловке, хитрости, притворству и т. п.’
  2. ‘поступить недобросовестно, нечестно по отношению к кому-либо, прибегнуть к жульничеству, обману с целью выгоды, наживы’
  3. перен. ‘не оправдать (чьих-либо надежд, ожиданий)’
  4. ‘изменить, нарушить верность (мужу, жене)’
  5. ‘соблазнить, обольстить (девушку)’
  [СлРЯ 2: 544]

- 1. ‘сознательно вводить в заблуждение кого-л.’
  2. ‘совершать плутовство, мошенничество’
  3. ‘не выполнять своих обещаний, нарушать слово’
  4. ‘проявлять обман в любви, изменять кому-л.’
  5. ‘обольщать, соблазнять (девушку, женщину)’
  [Ефремова 2000: 387]

- 1. ‘ввести в заблуждение, сказать неправду; поступить недобросовестно по отношению к кому-н.’
  2. ‘нарушить обещание’
  3. ‘не оправдать чьих-н. ожиданий, предположений’

4. ‘недодать при расчете или обвесить (разг.)’

5. ‘изменить (мужу, жене), нарушить супружескую верность’

[Ожегов, Шведова 2008: 431]

- 1. ‘сознательно ввести в заблуждение’

  2. ‘обмануть в ходе торговой операции’

  3. ‘не сдержать обещание’

  4. ‘создать ложное впечатление’ (какое-л. обстоятельство явилось причиной возникновения у человека ложного представления о действительности)

  5. ‘не оправдать ожидания’ (человек или объект в действительности оказались хуже, чем представления о них)

  6. ‘не сбыться’ (представление оказалось не соответствующим действительности)

  7. ‘сформировать неверное представление’ (орган восприятия или чувство человека вызвало не соответствующее действительности представление)

  8. ‘изменить’

  9. ‘соблазнить и не жениться’

  [Проспект АС: 176]

Особо следует прокомментировать разработку значения в [Проспект АС]. Необходимо иметь в виду его принципиальные установки на подробность и тщательность выделения лексико-семантических вариантов с опорой на корпусные[9] данные, т. е. охват максимального количества бытующих употреблений, на действительную объяснительную силу – расчет на человека, не знакомого со значением слов, а также на участие грамматики в выделении частных значений. Для нашей цели выявления инварианта значения с помощью разных толковых словарей можно объединить значения 4 /обманывает обстоятельство/ и 7 /обманывает орган восприятия или чувство человека/ в одно значение ‘создать неверное представление’ на основании общности действия и его результата в виде формирования и получения неверного представления у объекта обмана (опустив уточнение источника неверных представлений), а также 5 /человек или объект

[9] Используются корпусы текстов [НКРЯ] и данные, полученные с помощью поисковой системы Google.

оказываются хуже/ и 6 /представление оказывается хуже/ в одно значение ‘оказаться хуже, чем кто-л. думал’ на основании общего компонента ‘имевшиеся у человека представления о действительности не соответствуют реальным’ (опустив уточнение о том, на человека ли, объект или ситуацию были направлены эти представления).

Сопоставление данных выше вариантов толкований, поиск повторяющихся лексико-семантических вариантов, обнаружение в их дефинициях общих сем позволяет сформировать парадигму значений рассматриваемого глагола.

В первую очередь, выделяется наиболее общее значение ‘сознательно вводить кого-л. в заблуждение’; в некоторых словарях оно уточняется (ср. вводить в заблуждение ‘словами или поступками’ в [ССРЛЯ]; ‘сказав неправду, прибегнув к какой-либо уловке, хитрости, притворству и т. п.’ в [СлРЯ]; ‘словом или делом’ в [Даль$_2$]).

Вводить в заблуждение словом значит говорить неправду, лгать; данный способ обмана в дефинициях формулируется в виде уточнения первого общего значения или добавления к нему, однако, как кажется, он требует отдельного выделения, так как являет собой сужение наиболее широкого значения до выражения отдельного конкретного действия, во-первых, имеющего в языке собственные однословные выразители (*лгать*, *врать*), во-вторых, в отличие от других обманных действий, имеющего особую – речевую – природу.

На основании представленного в каждом толковании значения, связанного с плутовством, жульническими поступками (в некоторых словарях уточняется сфера их бытования – торговая, ср. ‘недодать при расчете или обвесить’ в [Ожегов, Шведова 2008], ‘обмануть в ходе торговой операции’ в [Проспект АС]), выделяется значение ‘совершать мошенничество по отношению к кому-л.’.

Значение ‘нарушать обещание (слово)’ отдельно выделяется в [Ефремова 2000; Ожегов, Шведова 2008; Проспект АС]; оно близко к другому неповсеместно выделяемому значению ‘не оправдывать чьих-л. надежд, ожиданий’ ([СлРЯ; Ожегов, Шведова 2008; Проспект АС]) благодаря компоненту ‘не соответствовать имеющимся у человека представлениям или ожиданиям’, поэтому оба значения нами объединяются в одно: ‘не оправдывать чьи-л. ожидания, не держать слово’.

Значение ‘изменять в любви’ выделяется в каждом варианте толкования и без изменений сохраняется в формируемом инварианте. Глагол *обмануть* в значении ‘соблазнить девушку’ является книжным и не выделяется в [Ожегов, Шведова 2008], так как данный словарь ориентируется в основном на описание разговорного литературного языка; в [Проспект АС] данное значение сформулировано точнее: ‘соблазнить и не жениться’ (в рассматриваемом диалектном словарном материале подобная дефиниция формулируется также как ‘обесчестить и бросить’). Глагол в этом значении имеет ограничение на употребление в несовершенном виде: по отношению к одному лицу можно сказать только *Он ее обманул* (= соблазнил и не женился) при невозможном **Он ее обманывал*.

Таким образом, сформированная на базе всех представленных выше дефиниций структура значения глагола *обманывать* выглядит следующим образом:

1. ‘сознательно вводить кого-л. в заблуждение’: *Его не обмануть*; *Безбожно / бессовестно / беззастенчиво обманывал нас*.
2. ‘лгать, говорить неправду’: *Прочел записку, а обманул, что не читал*; *Он обманывал ее, уверяя, что не устал*.
3. ‘совершать мошенничество по отношению к кому-л.’: *Обмануть на сто рублей*; *В магазине обманывают, обсчитывают покупателей*.
4. ‘не оправдывать чьи-л. ожидания; не держать слово’: *Обманул ожидания*; *Обманул доверие*; *Обещал зайти и обманул*.
5. ‘изменять кому-л. в любви’: *Обманывал жену с любовницей*.
6. сов. ‘соблазнить девушку’: *Обманул и бросил семнадцатилетнюю девушку*; *Она была обманута им в юном возрасте*.

Структура значения глагола подчинена радиальному принципу: с первым – основным – значением ‘сознательно вводить в заблуждение’ связаны все остальные – частные. Образование каждого частного значения идет по пути специализации (сужения) основного: частные значения уточняют способ введения в заблуждение, т. е. определяют, происходит ли это с помощью слов или каких-

либо действий. Основное, центральное значение является наиболее абстрактным; частные же, напротив, называют более конкретные действия, которые притом могут иметь очень мало общего друг с другом. Скажем, мошенник, неверный муж и человек, нарушивший обещание, в ситуации, присваивающей им эти определения, совершают различные по своей природе действия; но про каждого из них можно сказать, что он *обманул* (покупателя, жену, человека, которому дано слово). Множество конкретных действий в определенной ситуации будет сознательным введением в заблуждение: чтение книги ребенком под одеялом с фонариком при запрете читать ночью – введение в заблуждение родителей; демонстрирование зашитого после купания ворота рубашки Томом Сойером – введение в заблуждение тети Полли, и так далее, ср. несколько контекстов, извлеченных из [НКРЯ], раскрывающих всякий раз разное смысловое наполнение глагола *обманывать*: «Зачем же обманывали меня, притворяясь, что расположены ко мне?» <В. Я. Брюсов, 1909 г.>, «Конечно, иногда я ее обманывал. Например, пока она была в другой комнате, ставил на пульт “Три мушкетера” и как бы занимался. Вожу смычком по струнам как попало, а на самом деле читаю» <Ю. Башмет, 2003 г.>, «Он обманывал меня: мало того, что прятал мои письма – он так и не установил мне ставку, обговоренную при заключении первого договора» <В. Давыдов, 2004 г.>.

Таким образом, глагол *обманывать* в основном своем значении ‘вводить в заблуждение’ не называет никакого конкретного действия; более того, как обманные (вводящие в заблуждение) могут быть проинтерпретированы в определенных условиях самые разнообразные действия. Класс подобных глаголов, которые квалифицируют «как одинаковый тип поступков очень разные конкретные действия» [Апресян 2004: 6], Ю. Д. Апресян назвал интерпретационными [см. Апресян 2004] (интерпретационное значение, конечно, характерно при этом и для соответствующих существительных). Обобщая его примеры и пояснения, можно сказать, что специфику семантики прототипических интерпретационных глаголов рождают два условия: во-первых, наличие пресуппозиции, в которую входит предикат, часто просто подразумеваемый (конкретное действие, подвергаемое интерпретации), а во-вторых, наличие ассерции, в которую входит «модальная рамка, т. е. фрагмент толкования “говорящий считает, что…”» [Там же: 10],

которая может подвергаться отрицанию (собственно интерпретация данного конкретного действия как относящегося к определенному классу действий). Примером прототипического интерпретационного глагола может служить глагол *издеваться*, ср. высказывание *Он издевается надо мной* с подразумеваемой частью «спрашивая о здоровье»: здесь присутствует пресуппозиция ‘он спрашивает о здоровье’ и ассерция ‘я считаю, что в данной ситуации спрашивать о здоровье неуместно, и оцениваю это действие как насмешку’.

Глагол *обманывать* нельзя без определенных оговорок отнести к интерпретационным – главным образом, в силу его многозначности: интерпретационным следует считать только его основное значение, ср. высказывание по поводу того, что Том Сойер зашил ворот своей рубашки после купания, *Том обманул тетю Полли*: пресуппозицией здесь является ‘Том купался и затем зашил ворот своей рубашки’, ассерцией – ‘говорящий считает, что этот поступок в данном случае квалифицируется как действие по введению в заблуждение’. Частные же значения глагола «специализируют» основное, называют наиболее частотные действия обманного характера и не являются интерпретационными: глагол *обманывать* в своих частных значениях называет вполне конкретные действия, закрепленные языком как проявления обмана, ср. контексты *Муж обманывает жену с любовницей* или *Продавец обманул его на сто рублей.* В случае, если глагол *обманывать* употреблен не в своем основном значении, не соблюдается второе условие прототипичной интерпретативности, а именно, возможность отрицания ассерции: ср. возможное высказывание *Ребенок не обманывает родителей, читая с фонариком под одеялом* (в случае, если такового запрета не было, например, и это элемент его игры) при сомнительном **Ребенок не обманывает родителей, говоря им неправду*: говорение неправды автоматически интерпретируется как введение в заблуждение. Таким образом, отрицание невозможно, очевидно, в тех случаях, когда под введением в заблуждение имеются в виду конкретные действия, называющиеся обманом и перечисленные в списке лексико-семантических вариантов, а не действия, интерпретируемые как обман только в при определенных условиях.

Класс интерпретативов не закрыт, он пересекается с некоторыми другими, об этом тоже см. [Апресян 2004: 11–16]. Глагол *обманывать* входит также в класс

глаголов оценки, коннотативно имея в значении компонент отрицательного оценивания действия. Кроме того, понятие обмана, обманывания в определенных случаях характеризует поведение человека (тогда он на основании своего поведения получает номинацию *обманщик*). Сам глагол *обманывать* находится на периферии класса глаголов поведения; однако типичная для этого класса сема ‘вести себя как…’, предполагающая идею сравнения с эталонным носителем какого-л. поведения (см. о частотных дифференциальных семах в этом классе [Плотникова, Скорнякова 1989: 76]), весьма характерна для диалектных глаголов, имеющих значение ‘обманывать’, ср., например, *лодырничать* влг. ‘хитрить, плутовать, обманывать’ [СРНГ 17: 107], *обцыганивать* перм., курск., ворон., нижегор., тобол., тул. ‘обманывать, прибегая к хитрости’ [СРНГ 22: 263].

Сложная семантическая структура глагола *обманывать* (соответственно, и существительного *обман*) доказывает сложность понятия, которое они называют. Обман многоаспектен, включает в себя разные по природе явления; может обозначать как ментальные, так и поведенческие акты; требует интеллектуальных усилий по его распознаванию; предполагает отрицательную оценку по отношению к себе и человеку, который его совершает.

Отдельно следует сказать о глаголе *обманываться*, поскольку он является не просто страдательной формой центрального для поля слова *обманывать*. Более того, определение этого слова в этом качестве следует последним в перечне его значений в [Ефремова 2000; ССРЛЯ 8: 237] (ср. «Низшие классы обманываются высшими как в необходимости существующего порядка, так и в законности необходимых для поддержания его насилий» (Л. Н. Толстой, Царство божие) [ССРЛЯ 8: 237]), а иногда и вовсе опускается, как в [СлРЯ 2: 544; Шведова 2007: 539]. В страдательном значении слово употребляется редко, вероятно, потому что имеет собственную семантику, отличную от семантики производящей лексемы. Основные значения глагола в словарях формулируются следующим образом: ‘впадать в заблуждение, закрывать глаза на действительность’, ‘ошибаться, надеясь на осуществление чего-либо, ожидая чего-либо’, ‘ошибаться, заблуждаться относительно чего-, кого-либо’ [ССРЛЯ 8: 237], ‘впасть в обман, заблуждение, ошибиться’, ‘испытать разочарование в чем-л. (в своих надеждах, ожиданиях и т. п.)’ [СлРЯ 2: 544], ‘ошибиться в своих оценках, чувствах, ожиданиях’: *О. в*

друге, О. в своих надеждах [Шведова 2007: 539]. В [НОСС: 752] глагол *обманываться* входит в синонимический ряд из слов *ошибаться, заблуждаться* и *просчитаться*.

В семантике слова акценты, важные для его производящего, смещаются: важным оказывается не целенаправленное действие по обману, направленное в адрес объекта и причиняющее ему определенный ущерб, а поведение самого субъекта действия. Он может *обманываться*, т. е. получать неверное впечатление о чем-либо, как правило, либо вследствие принятия желаемого за действительное (ср. пушкинское «Я сам обманываться рад»), либо вследствие того, что в [НОСС: 754] названо «амбивалентностью внешнего аспекта вещей», ср. его употребление в высказывании «Юре все казалось, что он узнает то место, с которого дорога должна свернуть вправо, – но он все обманывался» (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Можно заметить, что значение глагола *обманываться* близко понятию самообмана, за которым стоит принципиально иная по отношению к обману модель ситуации: тогда как обман – сознательное введение в заблуждение другого лица, имеющее нередко корыстные цели, самообман предполагает воздействие (как правило, ментального характера) субъекта действия на самого себя. При этом субъект действия волен воздействовать на ситуацию, ср. высказывания, демонстрирующие степень его самоконтроля: «Я позволил себе обмануться внешними благоприятными показаниями…» (Панова, Спутники) [ССРЛЯ 8: 237], «Нет, лучше не обманываться. Все это еще ненастоящее» (М. Шишкин, Венерин волос) [НКРЯ], «Готовое обманываться сердце враз успокоилось» (О. Новикова, Мне страшно, или Третий роман) [Там же].

Семантика слова *обманываться*, таким образом, находится не целиком в смысловой сфере обмана: этот глагол, принадлежа лексике оценки действительности по критерию «истинно – ложно», является одним из основных выразителей идеи заблуждения и относится и к семантическому полю ошибки. Учитывая семантическое расстояние между двумя полями и обилие языковых способов выражения смысла ‘обманываться’ в народной традиции, материал, наполняющий эту семантическую область, оставлен без внимания в настоящей работе.

1.2.2. Семантическая структура слов *лгать, ложь* и *неправда*

Центр семантического поля обмана занимают смыслы, выражаемые общенародными лексемами *обманывать* и *обман*, а также диалектными словами, соответствующими им по значению. Язык содержит и другие общеупотребительные лексемы, разделяющие «обманные» смыслы с упомянутыми выше словами. Остановимся на их семантическом наполнении, уделяя особое внимание прохождению семантических границ между «ядерными» лексемами в плоскости общенародного языка.

Как отмечалось выше, глагол *обманывать* и образованное от него существительное *обман* имеют соотносящиеся друг с другом объемы значений. Одним из разделяемых ими значений является значение ‘говорить неправду’ и, соответственно, ‘говорение неправды’, для которых в языке есть собственные однословные выразители *лгать*, *врать* и *ложь*, *вранье*. Однако, во-первых, слова *лгать* и *ложь* многозначны и используются не только в значении ‘говорить неправду / говорение неправды’; во-вторых, *ложь*, несмотря на аналогичный *обману* способ образования, не полностью совпадает с мотивирующим глаголом в объеме значения.

Глагол *лгать* толкуется словарями следующим образом:

- ‘врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине’ [Даль$_2$ II: 245]

- 1. ‘говорить неправду; обманывать’; 2. *на кого* ‘клеветать, возводить небылицу’ [ССРЛЯ 6: 86–87]

- 1. ‘говорить ложь; обманывать’; 2. *на кого* ‘клеветать’ [СлРЯ 2: 166]

- 1. ‘говорить неправду’: *Лжет и не краснеет*; 2. *на кого*, *что*, устар. ‘клеветать, наговаривать’ [Ожегов 1990: 320]

- 1. ‘преднамеренно сообщать не соответствующие действительности

сведения’;

2. ‘содержать информацию, не соответствующую действительности’ (*Газеты лгут*) [Проспект АС: 181–182]

«Стержневым» значением глагола, бесспорно, является значение ‘говорить неправду’; В. И. Далем оно подается как единственное. Вторым почти повсеместно выделяемым значением является значение ‘клеветать’, отмеченное в словаре С. И. Ожегова, не ориентирующемся на использование в качестве иллюстративного материала цитат из текстов художественной литературы, пометой «устаревшее»; его отсутствие в Проспекте Активного словаря объясняется совпадением значений ‘клеветать’ и ‘говорить неправду’ в общем значении ‘преднамеренно сообщать не соответствующие действительности сведения’, которое является «речевой» спецификацией значения ‘обманывать’ (иначе – отдельным лексико-семантическим вариантом глагола *обманывать*). Ниже, при анализе семантического наполнения «приядерных зон», а именно – идеограммы «обманывать, говорить неправду», обман речью («речевое» значение *лгать* и отличия его от *врать*) будет охарактеризован подробней.

Здесь же обратим внимание, что не только *обманывать* может сужаться до ‘лгать’, но и *лгать* в [ССРЛЯ] и [СлРЯ] толкуется через *обманывать*. Впрочем, это не говорит о синонимии двух глаголов. В данном случае под значением ‘обманывать’ подразумевается не весь семантический спектр глагола *обманывать*, а скорее значение, выделенное в [Проспект АС] вторым: ‘содержать информацию, не соответствующую действительности’. Приведем иллюстрации для него из [НКРЯ]: «Нет, обманчивое чувствие, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив» <А. Н. Радищев, 1785 г.>; «Таким образом, вы лично убедитесь в существовании протуберанцев и солнечных пятен, – следовательно, в том, что наука не лжет, а это даёт спокойный сон самым пытливым умам» <А. С. Грин, 1923 г.>; «От одного названия веселела душа. Название не лгало» <А. И. Солженицын, 1960 г.>. Можно заметить, что субъектом действия в случае *лгать* ‘обманывать’ является, как правило, не человек, но предмет или явление, способные «содержать информацию». Конфликт между ожиданием основного «речевого» значения *лгать* и возможностью его более широкого употребления лежит в основе парадокса в

контекстах вроде «Этот “театральный персонаж” лгал даже тогда, когда молчал» <“Наука и жизнь”, 2006 г.> и «…Женщины лгут, даже когда они молчат» <Аркадий Инин, 1999 г.>.

Обратимся теперь к словарным толкованиям существительного *ложь*:

- по значению глагола; также то, что солгано, слова, речи, противные истине. *Ложный поступок*, обман [Даль$_2$ II: 245]

- 1. ‘намеренное искажение истины; обман, неправда’; 2. ‘выдумка, вымысел’
  [ССРЛЯ 6: 332–333]

- 1. ‘неправда, намеренное искажение истины; обман’; 2. ‘выдумка, вымысел’
  [СлРЯ 2: 197]

- ‘намеренное искажение истины, неправда, обман’: *Уличить во лжи*
  [Ожегов 1990: 331]

- 1. по глаголу *лгать* (*Постоянная ложь*)
  2. ‘лживое высказывание’ (*Правдоподобная продуманная ложь*)
  3. ‘несоответствие изображения действительности’ (*Художественная ложь*)
  4. ‘несоответствие этическому идеалу’ (*Грязь и ложь подобных отношений*)
  [Проспект АС: 182]

Совокупность толкований демонстрирует разность в семантике глагола и отглагольного существительного: основным значением глагола *лгать* является значение речевого обмана, а *ложью* может называться обман вообще (ср. совпадающие значения в [ССРЛЯ; СлРЯ; Ожегов 1990]). В. И. Даль, указавший только «речевое» значение для *лгать*, следует этой же «речевой» логике при

толковании *лжи*, тем не менее указывая, что и действие может быть *ложным*, и в этом случае оно есть *обман*.

Коротко комментируя другие значения, нужно сказать, что ложь – не только процесс, но и продукт речи (‘то, что солгано’ в [Даль$_2$], ‘лживое высказывание’ в [Проспект АС]). Отсюда вытекает возможность квалифицировать как *непреднамеренную ложь* высказывание в том случае, когда оно не соответствует действительности, но говорящий верил в истинность своих слов, то есть *не лгал*. Далее, на основании значений ‘вымысел’ и ‘несоответствие изображения действительности’ в [ССРЛЯ; СлРЯ] выделяется «художественное» значение лжи[10]. Что касается значения ‘несоответствие этическому идеалу’, то представляется, что оно в качестве постоянного семантического компонента присутствует в лексико-семантическом варианте *ложь* ‘обман, неправда’, ср. контексты для *лжи* в этом значении (здесь и далее, кроме паспортизированных контекстов, цитаты извлекаются из [НКРЯ]): «Политика на девять десятых всегда есть ложь, обман, фикция» <Н. А. Бердяев, 1924 г.>; «Но самая главная ложь – это очеловечивание, “осимпатичивание” мерзавцев и подонков» <Денис Драгунский, 2011 г.>; «Никто не знал сердцем, что зло есть ложь, уравнивание живого с мертвым» <Александр Иличевский, 2010 г.> – намеренное искажение правды всегда маркируется этической оценкой.

Основной вывод, необходимый для понимания структуры ядерной зоны поля, заключается в том, что смысловое наполнение понятия «обман» может в общенародном языке выражаться не только словом *обман*, но также словом *ложь*; при этом глаголы *обманывать* и *лгать* в отношениях синонимии не состоят. Контексты демонстрируют частотность соединения слов *ложь* и *обман* в качестве определения для какого-либо явления: «В прошлом нет опоры, потому что все ложь, все обман» <В. М. Гаршин, 1880 г.>, «Всякая гармония есть ложь и обман»

---

[10] «Эстетический» взгляд на ложь как на речетворчество (украшение речи) можно встретить в ряде паремий, ср. «Красно поле рожью, а речь ложью» [Снегирев: 140; Даль ПРН I: 228], «Красное словцо не ложь» [Даль ПРН I: 228], «Вот тебе грош за красную ложь!» / «Красно врешь: за мною грош» [Там же: 232]. Под ложью с устойчивым атрибутивом *красная* подразумевается сочинительство или болтовня с низкой степенью серьезности, имеющая целью развлечение собеседника; ложь, выполняющая художественную и идейнообразующую задачу, положена в основу отдельных фольклорных жанров (сказки, небылицы), ср. *Сказка – ложь, а песня – правда* [Даль$_2$ II: 629], отсюда и обратное *Рассказывай сказки* ‘ври больше’ [Даль$_2$ IV: 194].

<Г. А. Газданов, 1938 г.>, «…Конституция не народная, то есть господство меньшинства… есть ложь и обман» <И. Л. Солоневич, 1949 г.> и др.

Наконец, нужно упомянуть еще о лексеме *неправда*, которая, как видно уже из дефиниций *лжи*, может выступать синонимом *обмана*. Приведем сначала словарные определения *неправды*:

- противоп. *правда*. Слова эти искажены в значении своем, почти в нашу память, сделавшись однословами с выражениями *ложь* и *истина*. Коренное же значение слов *правда* и *неправда* заменено, не совсем удачно, выражениями: *справедливость* и *несправедливость*, *правосудие* и *неправосудие*. Народ остался верен прямому значению слова; для него *неправда*: всякая незаконность, дело, противное совести, притеснение, обида, кривосуд, неправый приговор, ложь на деле, криводушие, недобросовестность, кривда [Даль$_2$ II: 545]

- 1. ‘то, что противоречит истине; ложь’
  2. ‘обман, мошенничество’ *В народе рознь, раздор, в судах неправда* (А. Островский); *Казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лице у них была какая-то особенная, мошенническая* (А. П. Чехов)
  [ССРЛЯ 7: 1077–1078] (те же значения выделяются и в [СлРЯ 2: 467])

- 1. ‘то же, что *ложь*’ (*Сказал неправду*)
  2. в знач. сказ. ‘неверно, не соответствует действительности’ (*Неправда, что мы друзья*)
  [Ожегов 1990: 408]

- 1. ‘лживое высказывание’ (*Сказать неправду*)
  2. ‘неверное высказывание или мнение’ (*Неправда, что квас не содержит алкоголя*)
  3. ‘несоответствие изображения действительности’ (*Художественная неправда*)

4. ‘несоответствие чувств и поступков этическому идеалу’ (*Жить в неправде*)

[Проспект АС: 173]

Совокупность словарных определений показывает, что лексема *неправда* по сравнению с *ложью* и *обманом* характеризуется более широким набором сфер употребления. Грамматическое значение словообразовательной модели – «отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом» [РГ I: 474] – задает наиболее абстрактную плоскость употребления слова: неправда выступает как «истинностная» категория, противопоставленная понятию правды (‘то, что противоречит истине’ [ССРЛЯ]), и может выступать даже как нравственная категория, противопоставленная понятию добра (тем не менее, отдельно этическая составляющая неправды эксплицируется только в [Проспект АС]), ср. контекстную рядоположенность *неправды* и *зла*: «В эти торжественные минуты сновидений осени так хочется, чтобы не было неправды и зла на земле» <Гавриил Троепольский, 1971 г.>; «Но можно ли мириться С неправдою и злом?» <Георгий Полонский, 1998 г.>; «…Ничто из всей церковной письменности не действует на человеческую душу так непосредственно, как Великий канон, обнажающий всю неправду, все зло человека» <монахиня Игнатия (Петровская), 1990 г.> и др. В этом значении *неправда* может персонифицироваться и становиться субъектом действия: «Мало ли по белу свету всяких злых дел делается, мало ли разной неправды по земле ходит?» <А. И. Левитов, 1863 г.>, что вовсе нехарактерно для *обмана*, а для *лжи* возможно только в фольклорных контекстах (например, *Ложь ходит на гнилых ногах*)[11].

В. И. Даль, констатируя произошедшие со словом семантические изменения, определяет «этическую» и «правовую» сферу употребления как исконную, что подтверждается историческими словарями, ср. определения: *неправда* 1. ‘грех, неправедность’, 2. ‘несправедливость’: «Товаръ оу нихъ ѿѧлъ силою и неправдою» (Грамота рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу об обидах, 1300 г.), «А надъ тѣми каковоу неправду учинишъ, ї ты самъ вѣдаешъ, каковъ

[11] Частотными предикатами при персонифицированном употреблении неправды выступают глаголы перемещения по земле (*ходить*: «Неправда ходит до сих пор, А он лежит» (Р. Гамзатов), *прийти*: «Тогда пришла неправда на русскую землю» (Б. Пастернак) и пр.).

w̄вѣтъ даси Бг̃у» (Ярлык царицы Тайдулы, 1333 г.) [Срезневский II: 413], *неправда* ‘несправедливость, беззаконие, насилие, противозаконный поступок’ [СлРЯ XI–XVII вв. 11: 238], *неправдою* нареч. ‘незаконно’ [Там же: 239]. Хотя в литературном языке на место основного выходит значение ‘отступление от истины’, дериваты слова в говорах продолжают разрабатывать значение ‘отступление от этической нормы’, ср., например, свердл. *неправданный* ‘не отличающийся честностью, порядочностью; несправедливый’, яросл. *направдошный* ‘поступающий несправедливо; отлынивающий от работы’ [СРНГ 21: 124].

Таким образом, *неправда* в разных случаях может быть истинностной, этической и – в исторической перспективе – правовой[12] категорией; для *обмана* и *лжи* этическая составляющая является, как правило, неотделимой от истинностной[13], а широкие «правовые» значения (‘беззаконие’, ‘несправедливость’) не фиксируются (*обман* имеет «узко-правовое» значение ‘мошенничество’).

Неправда обладает большей по сравнению с *ложью* и *обманом* синтаксической свободой: отмеченная возможность выступать в качестве субъекта действия в предложении подразумевает занятие позиции подлежащего; в [Ожегов 1990] отмечается возможность предикативного употребления *неправды*, т. е. занятие позиции сказуемого (подробно о синтаксических функциях *неправды* и их влиянии на семантику лексемы см. в [Апресян В. Ю. 2003: 669–670]).

Неправда и *обман* (так же, как *ложь* и *обман*) могут оказывать друг другу контекстную семантическую «поддержку», обозначая одно явление, ср., к примеру, «…Как целуешь любимого, почитаемого человека, без обмана, без неправды» <митрополит Антоний (Блум), 1986–1988 гг.>; «Решил не замечать более ни лжи церковной, ни нелепиц обрядовых, ни обмана, ни неправды» <Борис Васильев, 1988 г.>; «Нужно блюсти их, даже если видишь рядом обман и неправду» <Алексей Иванов, 2000 г.>.

---

[12] Ср. *Русская правда* ‘свод древнерусского права’.

[13] «Истинностное» употребление без этической оценки, однако, характерно для глагола *врать* в контекстах вроде *Карты врут* ‘устарели’ или *Часы врут* ‘отстают / спешат’ (при странном **Карты / часы лгут / обманывают*).

1.2.3. Ядерная зона и семантические секторы поля «Ложь, обман»

Итак, ядерные для поля «Обман» смыслы выражаются глаголом *обманывать* и существительными *обман, ложь* ‘обман’, *неправда*. Именно эти лексемы обладают, в отличие от «речевых» *лгать, врать, вранье*, широтой значения, позволяющей им обозначать самые разные явления, квалифицируемые как обман.

Представляется необходимым выбрать в качестве области, манифестирующей семантическое ядро поля, смыслы, выражаемые глаголом *обманывать* и рядом глаголов с таким значением. Таким образом, в центре изучаемого поля находится идеограмма «обманывать, вводить в заблуждение».

Семантика глагола *обманывать*, с одной стороны, широка и охватывает различные действия, в разных ситуациях интерпретируемые как обман; с другой стороны, она нагружена дифференциальными семами и отражает ряд вполне конкретных действий, формирующих общую идею обмана (вранье, мошенничество, невыполнение обещаний, измена в любви). Вокруг названного семантического ядра расположены все частные семантические сферы, заданные расчленением сложной семантики глагола (путем ее сужения до частного значения – выразителя конкретного действия).

Манифестантом центральной семантической группы выбран глагол, что связано с частотностью воплощения обманной идеи глаголами. Именно процессуальность является ведущей категориально-грамматической семой (КГС) в анализируемом материале. Подсчет совершен по отношению ко всему рассматриваемому в данной работе материалу, который помимо цельнооформленных лексем включает в себя фразеологические единицы (ФЕ). Принадлежность ФЕ к той или иной КГС определялась по главному слову: так, например, новг. *обуть в кривые лапти* ‘обмануть’ [МИСНФ: 230] отнесено в группу с КГС ‘процессуальность’, а нижнепечор. *редкозубая враль* ‘человек, имеющий репутацию вруна’ [СГНП 2: 237] – в группу с КГС ‘предметность (конкретные существительные)’. Всего материал насчитывает около 1 000 системно-языковых номинаций, включая лексемы и фразеологизмы. Фонетические варианты (арх. *дре́вить* и *древи́ть* ‘лгать’ [СРНГ 8: 179]) и словообразовательные

варианты (ворон., дон. *обуть, переобуть кого-л. в лапоть, лапти* ‘совершенно обобрать, разорить, обмануть’ [СРНГ 16: 266]) считались за одну единицу.

Таким образом, в центре ситуации обмана стоит процесс, действие, совершаемое кем-либо. Внутри базового частеречного деления материала необходимо на основании анализа словарных дефиниций выделить идеограммы, наполняющие семантическое поле «Обман». Их формулирование происходит с большой долей условности, так как словарные дефиниции диалектных словарей неоднотипны и строятся нередко как синкретичное описание ситуации, а контексты зачастую отсутствуют; кроме того, описываемые явления не отграничены друг от друга строго и включаются в семантические группы, которые являются смежными и проницаемыми.

Внутри группы, имеющей **КГС ‘процессуальность’**, можно выделить следующие идеограммы (здесь и далее значения приводятся в их словарных формулировках, которые могут быть неточными и даже некорректными в объединении разноплановых понятий, ср., к примеру, значение ‘обмануть, украсть’, однако подобные значения подсказывают смежные с обманом сферы действительности):

идеограмма **«говорить неправду»** выделяется на основании значений ‘обманывать, врать’, ‘обманывать, лгать’, ‘обманывать, сплетничать / распространять ложные слухи’, ‘клеветать, оговаривать’, ‘врать, лгать’, ‘врать, говорить пустое’, ‘обманывать, привирать’, ‘много говорить, болтать, врать’, ‘лгать, хвастать’, ‘выдумывать небылицы, врать, обманывать’ и некоторых подобных (ср., например, свердл. *блудить* ‘обманывать, врать’ [СРНГ 3: 29], пск. *водить концы* ‘заговаривать зубы, обманывать’ [СРНГ 14: 253]);

идеограмма **«совершать мошенничество»** выделяется на основании значений ‘обманывать, плутовать, мошенничать’, ‘смошенничать, сжульничать, провести покупателя’, ‘обсчитать, обмануть’, ‘обманывать, обирать’, ‘обмануть, обобрать, надуть’ и некоторых подобных (ср., например, арх. *обездóмить* ‘обмануть при дележе’ [СРНГ 22: 29], арх., олон. *смухлáчить* ‘сжульничать, смошенничать, выгодно продать что-л., провести покупателя’ [СРНГ 39: 65]);

идеограмма **«хитрить, лицемерить»** выделяется на основании значений ‘ласкаясь, обманывать’, ‘обманывать, хитрить, выдумывать уловки’, ‘обманывать, лицемерить’, ‘обманывать, притворяться’, ‘льстить, обманывать лестью’, ‘обманывать, лукавить’ и некоторых подобных (ср., например, *алю́сничать* сиб. ‘угодничать, льстить с корыстной целью’, тобол., забайк. ‘льстить, лицемерить’, ‘обманывать’ [СРНГ 1: 247]);

идеограмма **«не выполнять обещаний»** выделяется на основании значений ‘обмануть, надавать пустых обещаний’, ‘надавать обещаний и не выполнить’ (ср., например, алт. *проману́жить* ‘обмануть, надавать пустых обещаний’ [СРНГ 32: 179]);

идеограмма **«обманывать в любви»** выделяется на основании значений ‘обманывать, изменять’, ‘изменять в любви’, ‘изменять мужу (жене)’ и некоторых подобных (ср., например, *лапти плести* ‘обманывать (жену, мужа), изменять’: «Он женатый, а лезет к ей, лапти плетет, обманывает» [СРНГ 27: 118]);

идеограмма **«обманывать колдовством»** выделяется на основании значений ‘обманывать, околдовывать, одурять’, ‘обманывать, колдовать’ (ср., например, пск. *морочить беса* ‘обманывать, колдовать’ [БСРП: 39]);

идеограмма **«быть обманутым»** выделяется на основании значений ‘быть обманутым’, ‘поверить неправде’ и некоторых подобных (ср., например, ворон. *галки в рот влетели* ‘кто-л. остался обманутым’ [СРНГ 6: 114]);

идеограмма **«пережить измену в любви»** выделяется на основании значений ‘испытать измену в любви’, ‘пережить измену’ (ср., например, пск. *рогатку получить* ‘узнать об измене любимой девушки’ [СППП: 65], новг. *получить блин* ‘пережить измену’: «Ну что, милый, получил блин? Нюшка вчерась с другим провожалась»; «Девушка ему понравилась, он уж к ней приглядываться стал, а она возьми и к другому переметнись. Получил блин, вот как» [МИСНФ: 237]).

Группу, имеющую **КГС ‘предметность’**, наполняют следующие идеограммы:

идеограмма **«тот, кто говорит неправду»** выделяется на основании значений ‘обманщик, лгун’, ‘обманщик, врун’, ‘лгун, врун, сплетник’, ‘врун,

болтун’, ‘лгун, хвастун’, единичного значения ‘тот, кто поддерживает хвастовство, ложь другого, врун, обманщик’ и некоторых подобных (ср., например, вят. *елды́га* ‘лгун, обманщик’ [СРНГ 7: 339]);

идеограмма **«мошенник»** выделяется на основании значений ‘обманщик, плут’, ‘обманщик, мошенник’, ‘обманщик, скряга’ и некоторых подобных (ср., например, арх., ворон., курск. *жёга* ‘плут, обманщик, хитрый человек’ [СРНГ 9: 97]);

идеограмма **«лицемер»** выделяется на основании значений ‘льстец, обманщик, притворщик’, ‘тот, кто притворяется, обманщик, неискренний человек’ (ср., например, казан. *гала́н* ‘льстец, обманщик’ [СРНГ 6: 104]);

идеограмма **«тот, кто изменил в любви»** выделяется на основании значений ‘тот, кто изменил в любви’, ‘тот, кто непостоянен в любви’ и некоторых других (ср., например, яросл. *мы́калья* ‘непостоянная в любви женщина’ [ЯОС 6: 70], пск. *изме́нец* ‘тот, кто изменил в любви’ [СРНГ 12: 144]);

идеограмма **«обман, неправда»** выделяется на основании значений ‘обман’, ‘обман, ложь, хитрость’, ‘ложь, неправда’ и некоторых подобных (ср., например, арх., печор., свердл. *вра́ница* ‘ложь, неправда’ [СРНГ 5: 187], р. Урал *свист* ‘ложь, неправда’: «Свист – это значит вранье, болтовня» [СРНГ 36: 296]).

Внутри группы, имеющей **КГС ‘признаковость’**:

идеограмма **«обманывающий, склонный к обману»** выделяется на основании значений ‘лживый, обманывающий’, ‘лживый, плутоватый’, ‘склонный к обману, ненадежный’, ‘неискренний, имеющий привычку обманывать’ (ср., например, пск., твер. *скру́тный* ‘лживый, обманчивый, не заслуживающий доверия (о человеке)’ [СРНГ 38: 157]);

идеограмма **«обманный, обманчивый, мошеннический»** выделяется на основании значений ‘обманный’, ‘обманчивый’, ‘мошеннический’ (ср. пск. *обманчистый* ‘обманчивый’ [СРНГ 22: 120], вят. *мыта́рный* ‘обманный’ [СРНГ 19: 64], яросл. *мазу́рницкий* ‘мошеннический’ [ЯОС 6: 28]).

Перечисленные идеограммы, составляя «сильные», центральные секторы семантического поля, внутри каждой группы с общей КГС объединяются на

основании общих категориально-лексических сем (КЛС): ‘обманывать как-либо’, ‘быть обманутым как-либо’, ‘обманщик’, ‘обман’, ‘обманывающий’, ‘обманный’. Каждая семема связана с ядерным семантическим компонентом ‘обманывать’, так или иначе отражая какой-либо фрагмент ситуации обмана. Дифференциальные семы внутри каждой КЛС нестрого закреплены за диалектными лексемами: очевидно, каждая из лексем в конкретном словоупотреблении может варьировать свое значение, что отражается на словарных дефинициях, ср., например, ряз. *макар* ‘лицемер, плут’ [СРНГ 17: 308], тамб. *зга́льный* ‘насмешливый, любящий зубоскалить, говорящий вздор, обманывающий, лживый’ [СРНГ 11: 227] и др. Такие лексемы принадлежат каждому семантическому сектору, к которому имеют отношение своими дифференциальными семами (*макар* ‘лицемер, плут’ относится как к сектору ‘обманщик, мошенник’, так и к сектору ‘обманщик, лицемер’). В случае, если у лексемы зафиксирована дифференциальная сема, не принадлежащая центральной части поля (см. выше: *зга́льный* ‘насмешливый, говорящий вздор’ наравне с ‘обманывающий, лживый’), она классифицируется по «обманной» семе, другие при этом подсказывают семантические области, соседствующие с «сильной» частью рассматриваемого семантического поля.

Каждый из секторов поля может объединять в себе значения, компоненты которых – дифференциальные семы – в некоторых случаях значительно отстают друг от друга семантически.

Внутри секторов **«говорить неправду»** и **«тот, кто говорит неправду»** говорение неправды имеет разные причины, цели и масштабы. Формируется семантическая шкала, на которой разграничиваются значения ‘врать’ от значений ‘хвастаться’, ‘лгать’ и ‘клеветать’; переход от одного значения к другому обусловлен различиями в целях говорящего неправду, в оценивании явления социумом и в степени серьезности последствий.

Значения ‘врать’ и ‘лгать’, несмотря на общий базовый смысловой компонент ‘говорить неправду’, имеют некоторые ощутимые различия. Сам глагол *врать* отличают более широкие возможности употребления по сравнению с глаголом *лгать*: *лгать* ‘говорить неправду, обманывать’ [БАС 9: 75–76], *врать* ‘говорить неправду, лгать; говорить вздор, пустословить’ [БАС 3: 229]. В словарной дефиниции закреплен существующий в языке устойчивый

семантический перенос ‘болтать, пустословить’ → ‘врать’, который отражается в возможности присутствия этих двух значений у одной номинации (ср., например, карел. *боронить бороню́* ‘болтать, пустословить’, ‘говорить неправду, врать’ [ФСРГРК: 27–28], олон., новг. *базли́ть* ‘говорить пустое, врать’ [СРНГ 2: 50]).

Вранье, таким образом, по связи с болтовней нередко характеризуется легкостью продуцирования, объемностью и низкой степенью серьезности; кроме того, под враньем подразумевается в первую очередь устное спонтанное говорение (ср., например, ср.-урал. *Забежал да и начал нам вракать* [СРНГ 5: 186], новг. *Слушай больше, она беса в ступе наговорит, врунья* [МИСНФ: 122]), тогда как «ложь, в отличие от вранья, часто предполагает предварительное планирование, обдумывание и может отличаться тщательностью, поэтому ложь бывает хитроумной, продуманной, рассчитанной» [Апресян В. Ю. 2003: 671]. Вранье может распознаваться на месте в силу своей «вздорности» и стремления выйти за рамки правдоподобия, поэтому иногда сразу прерывается собеседником, ср. *С ума ты городишь!* (новг. *с ума городить* ‘врать’) [СРНГ 7: 58], *Что ты гнешь пустое?* (курск. *гнуть* ‘врать, рассказывать небылицы’ [СРНГ 6: 251]), *Я Ефиму соврала, он говорит: «Что древишь? Не древь, которо не надо»* (арх. *древить* ‘врать’) [СРНГ 8: 179]; ложь как правило предполагает какую-либо корыстную цель, и для ее достижения должна быть обязательно принята за правду. Вранье может вовсе не иметь видимой цели (сближаясь с пустословием), может иметь целью приукрасить действительность: «Наиболее типичный случай вранья – это “художественное” вранье – игра воображения, вымысел, болтовня, не имеющая отношения к действительности. Такое вранье вполне невинно; в качестве цели оно преследует не личную корысть, а развлечение, потому что оно интереснее, забавнее, увлекательнее правды» [Апресян В. Ю. 2003: 670] (ср. пример такого вранья: перм. *Эх, сморозил, говорит, что за морем есть люди, кои не ртом хлеб едят, а будто у брюха у их есть двери, кои отпираются и запираются* [СРНГ 39: 46]). Ложь является более серьезным нарушением этических норм, чем вранье (ср. возможность употребления *врать* в первом лице при сомнительном *лгать* в таком случае: «На месте *Э, как я врал!* сказать *Э, как я лгал!* было бы решительно невозможно» [Шмелев 2012: 510], «Нормально *Мне пришлось соврать*, но странно **Мне пришлось солгать*» [Апресян В. Ю. 2010: 181]).

Слово *врать* может обозначать процесс говорения, вовсе не сопровождающийся транслированием неправды, но квалифицирующийся как несерьезный, имеющий развлекательный или необязательный характер, ср. высказывания: «Ты ври, я послушаю тя маненько»; «Я врать-то не умею, дак и сказок не сказываю»; «Ври, они всё записывают»; «Много еще врать надо?» [АОС 6: 18] (последние два контекста выдают типичную ситуацию полевого сбора языкового или фольклорного материала, нередко воспринимаемую диалектоносителями как маловажную или отвлекающую от текущих дел).

Целью вранья может быть приукрашение действительности для самовосхваления или похвальбы чем-либо у себя имеющимся или кем-либо себе близким перед собеседником; такое вранье квалифицируется как разновидность хвастовства. Сообщение неправды – необязательный компонент хвастовства, однако возможный, ср. *хвастаться* ‘хвалить самого себя; с похвальбой отзываться о том, что имеешь; превозносить кого-л. из своих’, ‘с похвальбой, из хвастовства говорить неправду, привирать’ [ССРЛЯ 17: 66–67]. Хвастовство и вранье, хвастун и врун могут получать общую номинацию, ср., например, ряз. *андрона подпускать* ‘хвастать, лгать’ [БСРП: 17], влг. *свистуля* ‘хвастливый человек, лгун’ [СРНГ 36: 301]; ср. еще ряз. *похвастать* ‘наговорить напраслины, наврать’: «Я те похвастаю, поболтаю!»; «Мать сроду не умеет хвастать» [СРНГ 30: 343].

Частным случаем лжи, занимающим крайнюю позицию на шкале говорения неправды по серьезности этического нарушения и силе отрицательной оценки, является клевета: ‘ложь, распространяемая с целью опорочить кого-, что-л., ложное обвинение, распространение заведомо ложных, порочащих слухов’ [БАС 8: 106]. Клевета отличается обязательным наличием однозначной цели (нанесения вреда кому-либо ложным и порочащим высказыванием); присутствием в сознании клеветника и его адресата определенного третьего лица, не участвующего в разговоре, подвергающегося несправедливому обвинению в чем-либо; обыкновенно наличием неприятных последствий для обозначенного третьего лица (ср. «С тех пор, как возвели на бабу зря поруху, стала она чахнуть», сарат. *возвести поруху* ‘оклеветать’ [СРНГ 30: 106]).

Внутри секторов **«совершать мошенничество»** и **«мошенник»** значительную часть составляют представления об обмане, совершаемом во время

торговой операции, связанном с денежными отношениями, ср. множество «торгово-денежных» контекстов при отсутствии указывающих на иной способ обмана, при котором субъект обмана получал бы материальную выгоду: влг. «Он-таки порядком варнул меня при купле сена» [СРНГ 4: 57], смол. «Продавщица здорово нас объярыживает» [СРНГ 22: 279], свердл. «Вот дак его отурил наш-от батько: задарма купил мерина-то» [СРНГ 24: 348], новг. «Продавщица восемь лет кашу на мазуриках варила, а мы и не видели, что она нас обманывала» [МИСНФ: 229] и др.

Внутри секторов **«хитрить, лицемерить»** и **«лицемер»** объединяются такие понятия, как ‘хитрость’, ‘лицемерие’, ‘лукавство’, ‘лесть’. Общим компонентом для них является неискренность, проявляемая в разной степени; они обозначают неискреннее (притворное) поведение или слова. *Хитрить* означает ‘действовать с хитростью, неискренне’ и ‘придумывать что-н. хитроумное, замысловатое’ [Ожегов, Шведова 2008: 862]. Обман хитростью отличается ролью ума: он предполагает, что субъект обмана придумывает, изобретает какой-либо способ обмана, не являющийся самым простым и не могущий в первую очередь прийти в голову сразу многим людям. «Характеристика *хитрый* предполагает, как правило, наличие ума, умение субъекта выбирать обходные пути, изобретать уловки, чтобы с минимальными потерями и затратой сил достичь своей цели» [Богуславская 2003: 1237]. *Лицемерить* характеризует поведение человека, при котором он прикрывает какие-либо недобрые чувства по отношению к какому-либо лицу внешним притворным чистосердечием и любезностью к нему же. Для лицемерия характерно несоответствие слов и поступков, «раздвоенность» поведения (двуличие). *Льстить* имеет сравнительно узкое значение ‘хвалить из корыстного желания расположить к себе’ (льстец прикрывает корыстные цели неискренней похвалой).

Внутри сектора **«обманывающий, склонный к обману»** имеет место градация человеческих характеристик от ненадежности и отсутствия к нему доверия до его лживости и привычки к обману.

1.2.4. Участники ситуации обмана

Ядерную зону поля «Обман» занимает глагол *обманывать* и ряд глаголов с таким значением. Эти глаголы, однако, не просто соотносятся с определенным действием. Описание семантики любого глагола предполагает, что он, «будучи употреблен в высказывании, описывает некоторую ситуацию» и тем самым «концептуализирует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать “концепт ситуации”, и этот концепт включает определенный набор участников» [Падучева 2004: 52] (подробнее об актантной структуре ситуации, задаваемой семантикой глагола, см. [Там же: 51–79]).

Так, семантическая валентность глагола *обманывать* и ряда глаголов с таким значением задает актантную структуру ситуации обмана: она включает в себя позиции двух участников ситуации – субъекта обмана (обманщика, того, кто совершает обманное действие) и объекта обмана (обманутого, того, кто ему подвергается). Иначе их можно обозначить как агенс и пациенс. Эти участники ситуации являются взаимопредполагаемыми (наличие обманщика подразумевает и наличие того, кто подвергается обману). Кроме того, их присутствие в ситуации обмана обязательно[14] – в отличие от необязательных участников (разного рода обстоятельств ситуации, например, места, причины – ср. *Он обманул меня при покупке* / *на кассе* / *по моей глупости* и пр.). Таким образом, типическая ситуация обмана включает в себя двух обязательных актантов и может также включать ряд сирконстантов – второстепенных участников, отвечающих за более широкое описание ситуации.

Участники ситуации далеко не всегда получают отдельные номинативные воплощения в виде существительных со значениями ‘обманщик’ или ‘обманутый’; доминирующей КГС в поле «Обман» является процессуальность, и зачастую единицы-носители процессуальности лишь местоименно указывают на позиции субъекта и объекта (ср. костр. «Он его женил на две тысячи», *женить* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 9: 125]), кроме того, в позиции субъекта или объекта обмана может оказаться любой человек или группа людей, не отмеченные языком как

[14] Агенс и пациенс могут не эксплицироваться в конструкциях типа *В магазинах обманывают*, однако они все равно подразумеваются.

специфические или обыкновенные участники ситуации обмана (ср. ворон. «Михайло <…> сумел как ловко обрентюкать Романа» (*обрентюкать* ‘обмануть, перехитрить’) [СРНГ 22: 203]; арх. «Ну уж он выобманул столько народу» [СРНГ 5: 321]). Однако в сознании носителей языка существуют образы типичного субъекта и типичного объекта обмана, представления о которых могут быть получены не только благодаря существительным, их называющим (ср. астрах. *колдун* ‘плут, ловкий обманщик’ [СРНГ 14: 117], яросл., новг. *вакул*(*а*) ‘плут, обманщик’ [СРНГ 4: 19]), но также благодаря отсубстантивным глаголам (ср. перм., курск., ворон., нижегор., тобол., тул. *обцыганивать* ‘обманывать, прибегая к хитрости’ [СРНГ 22: 263]).

Выше было отмечено, что понятие обмана, как правило, предполагает отрицательную оценку обществом как обманного действия, так и того, кто его совершает[15] (ср., например, выводы, полученные А. М. Плотниковой при рассмотрении когнитивного сценария обмана на материале русского литературного языка: «Действие обмана осуществляется обычно ради корыстных целей, получения какой-либо выгоды. Такое поведение оценивается всегда отрицательно и считается нарушением этических норм. Обман рассматривается как крайне отрицательный поступок» [Плотникова 2006: 76]). Тем не менее очевидно, что в ряде случаев возможно иное отношение к обману. В частности, анализ диалектных номинаций и контекстов указывает на допущение менее категоричных оценок в традиционном сообществе, а именно – в некоторых случаях уважительного отношения к субъекту обмана и пренебрежительного – к объекту. Уважительное отношение к субъекту обмана может возникнуть благодаря тому, что для осуществления обмана ему требуется проявить такие личные качества, как

[15] Паремии могут демонстрировать превосходство лжи над правдой, ср. «Иногда лесть лучше правды» [Снегирев: 126]; «Умная ложь лучше правды» [Там же: 261]; «Сладкая ложь лучше горькой правды» [Даль ПРН I: 228]; «Обман спасительный лучше истины гибельной» [Снегирев: 202]; «Цыганская правда хуже православной кривды» [Даль ПРН I: 229]; «Лучше ложь ко спасению, чем правда к погибели» [Снегирев: 154]. Во всех примерах с помощью форм компаратива *лучше* / *хуже* утверждается преимущество лжи над правдой; обратных примеров сборники не фиксируют. Ситуацию, в которой правда имеет этическое превосходство, таким образом, можно определить как «нейтральную» норму, отклонения от которой в силу присущей им экспрессии требуют языкового воплощения. Условность, аномальность утверждаемого в перечисленных выражениях подчеркивается уточняющими «оправдательными» определениями (*умная*, *сладкая*, *спасительный*, *православная*) или обстоятельствами (*иногда*, *ко спасению*) при *лжи* и ее синонимах, превращающими каждое утверждение в частный случай, исключение из общего правила (по модели «Не всякая ложь лучше, а именно умная» и т. д.).

ловкость, хитрость, ум, высоко ценящиеся традиционным обществом, ср., например, следующие контексты: влг. «А славно жегонул, брат, ты суседа» (*жегонуть* ‘обмануть, ввести в убыток’) [СРНГ 9: 98], ворон. «Вот диво! Михайло будто дурковатый по виду, а сумел как ловко обрентюкать Романа» (*обрентюкать* ‘обмануть, перехитрить’) [СРНГ 22: 203], свердл. «Вот дак его отурил наш-от батько: задарма купил мерина-то» (*отурить* ‘обмануть’) [СРНГ 24: 348], арх. «Какой мужик, ловко нас всех обмикулил» (*обмикуливать* ‘обманывать’) [СРНГ 22: 128]. Между потенциальными субъектом и объектом обмана может возникать своеобразное состязание в хитрости, ср. влг. «Как ни хитер, а мы его, однако, огудачили» (*огудачивать* ‘обманывать’) [СРНГ 22: 360], перм. «Задумал меня огудать, да не на того напал» (*огудывать* ‘обманывать’) [Там же], забайк. «Хотел меня отетерить, да ничего не вышло. Сам его отетерил» (*отетерить* ‘обмануть’) [СРНГ 23: 173], смол. «Какой бы ты хитрый не был, а меня ты не пройдешь» (*пройти* ‘обмануть, провести кого-л.’) [СРНГ 32: 149], нижнепечор. «Его уж не обманешь, он сам всех обманет, а кто его обманет, тому денежка» [СГНП 1: 372]. Объект обмана может вызывать насмешку или пренебрежение по причине отсутствия у него хитрости и ума, необходимых для распознания обмана, ср. пск. «Обмикулили же его, право, ведь курицам на смех» [СРНГ 22: 128], влад. «Не сообразил, ну и подковался» (*подковаться* ‘обмануться’) [СРНГ 28: 38], ср. также лексемы вроде вят. *обалбесить* ‘обмануть’, которое сопровождается в словаре комментарием «Выражает как бы удовольствие от надувательства, что ловким образом подставлен в обман подвергшийся ему» [СРНГ 21: 345].

1.3. Смысловые связи поля «Ложь, обман» с другими семантическими областями

1.3.1. Ближайшее и дальнейшее семантическое окружение поля «Ложь, обман»

Для того, чтобы квалифицировать какую-либо смысловую область как соседнюю для данного поля, необходимо наличие устойчивых семантических переходов между ею и каким-либо сектором поля «Ложь, обман».

Ближайшее и дальнейшее окружение поля различается между собой понятийной близостью к сфере обмана: ближайшим окружением стали сферы, связанные с речью и интеллектом (то есть с явлениями, которые служат одновременно составными частями обмана); дальнейшим – иные сферы, обнаруживающие устойчивые связи с «обманной». Термины «ближайшее» и «дальнейшее семантическое окружение» коррелируют с понятиями «ближние» и «дальние соседи семантического поля», введенными В. Г. Гаком при исследовании внешних связей и отношений ментального поля, см. [Гак 1993; 1998: 667–669].

Ближайшее семантическое окружение

Речевая сфера. Поле «Обман» связано со сферой неумеренного говорения и болтовни наличием устойчивых семантических переносов ‘болтать, пустословить’ → ‘врать’ и ‘болтун’ → ‘врун’, подкрепленных пониманием вранья как речетворчества или несерьезной болтовни, что было отмечено выше. Значения ‘болтать’ и ‘врать’ нередко соединяются в семантическом спектре одного глагола: семантика вранья, как правило, развивается у слов, имеющих семантику неумеренного речепорождения (наблюдения показывают, что если слову присуще значение говорения неправды, то оно с большой степенью вероятности также употребляется и для обозначения болтовни, при том что не все слова из сферы пустого и объемного говорения приобретают семантику вранья), ср. дефиниции у енис. *бу́сорить* ‘болтать, говорить неправду’ [СРНГ 3: 307], свердл. *брякать языком* ‘болтать, сплетничать, лгать’ [Там же: 229], новг. *колядúть* ‘болтать, говорить неправду’ [НОС$_2$: 423], новг. *чудúть* ‘говорить попусту, болтать, говорить неправду’ [Там же: 1285], новг. *наговорить роту солдатов* ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 122], сиб. *колоколить без пути* ‘болтать, пустословить, врать’ [ФСРГС: 94], сиб. *баланду травить* ‘лгать или просто много и попусту говорить’ [Там же: 198] и мн. др. Соединяются, соответственно, значения ‘болтун’ и ‘врун’, ср., к примеру, влг. *баланда́* ‘болтун, врун’ [СГРС 1: 51], влг. *бахва́л* ‘хороший рассказчик’, ‘лжец, врун’ [Там же: 78], влг. *бухтúна* ‘болтун, болтунья; обманщик, обманщица’, влг. *бухту́нья* ‘болтунья, обманщица’ [Там же: 238].

Семантика речевого обмана может появиться у глагола, обозначающего как неумеренную, так и невнятную, непонятную речь, ср. фиксацию значения ‘врать’ у влг. *ва́тлать*: «Ватлает – говорит что неположено, врёт» [КСГРС], имеющего на этой же территории значения ‘говорить невнятно, мямлить’ [Там же] и известного на широкой территории с разными отрицательно-речевыми значениями, ср. *ва́тлать* вят. ‘говорить нескладно, несвязно, мямлить’, влг., вят., перм., свердл., якут., тобол. ‘говорить пустяки, пустословить, болтать’, свердл. ‘браниться’ [СРНГ 4: 71].

Близко к сфере говорения неправды примыкают другие «речевые» значения – ‘сплетничать’, ‘сплетник’, ‘сплетня’: *сплетничать* ‘распространять сплетни, заниматься сплетнями’; *сплетня* ‘слух, известие о ком-л., чем-л., основанное на неточных или неверных, нарочито измышленных сведениях’ [СлРЯ 4: 226]; ‘слух о ком-л., чем-л., основанный на неточных или заведомо неверных, ложных сведениях’ [ССРЛЯ 14: 540]. Представленные дефиниции в сравнении друг с другом демонстрируют трудноопределимость «обманного» компонента в сплетне, а именно – степени точности или ложности распространяемой информации; причина этому – условия, в которых рождается и существует сплетня: широкое «цепочечное» распространение в аудитории при, как правило, неустанавливаемом первоисточнике (сплетня, таким образом, может родиться и из самой точной и достоверной информации, которая обработается и исказится в процессе распространения от одного человека к другому и далее). Сплетничание с оговором, при котором говорящий сознает неверность информации или умышленно ее искажает, практически синонимично говорению неправды или клевете; в иных случаях сплетничание практически синонимично пустословию. Внутренняя форма диалектных номинаций (особенно фразеологических единиц) и их словарные дефиниции иногда позволяют определить принадлежность каждого факта к тому или другому семантическому полюсу, ср., с одной стороны, такие номинации и дефиниции, как новг. *бить ла́локом* (*ла́лом*) ‘болтать, пустословить, сплетничать’ [МИСНФ: 120], пск. *бобы разводить* / *развести* неодобр. ‘вести пустые разговоры, болтать, сплетничать’ [СППП: 18], нижнепечор. *зубы точить* ‘болтать, сплетничать’ [СГНП 1: 271] и, с другой стороны, новг. *водить злыдню на кого* ‘сплетничать, злословить, наговорить на кого-л.’ [МИСНФ: 120], новг.

перебирать кости (*костки, кишки*) *кому, у кого* ‘сплетничать, злословить, осуждать кого-л.’ [МИСНФ: 124], пск. *сводить склоки* неодобр. ‘сплетничать, оговаривать кого-л.’ [СППП: 70].

Сфера смеха, насмешки. Недалеко от речевой сферы отстоит семантическая область, объединяющая смыслы с общим «смеховым» компонентом, отличающиеся друг от друга степенью серьезности. Наиболее безобидным является смех ради шутки или вызванный ею; в нашем материале он отражается значениями ‘шутить’, ‘шутник’, присутствующими в спектрах «обманных» слов. Эти значения могут соединяться с семантикой пустой болтовни, ср. перм., арх., вят., влг., симб. *гала́нить* ‘шутить или говорить пустяки’ [СРНГ 6: 104]. Более «серьезный» смех, имеющий конкретного адресата, определяется как насмешка и представлен в материале значениями ‘потешаться над кем-л.’, ‘насмешливый человек, любящий зубоскалить’. Конец этой семантической шкалы представлен значениями ‘насмехаясь, издеваться над кем-л.’, ‘зло посмеяться над кем-л.’: смех служит не целью, а средством причинения вреда кому-либо. Каждый из трех условно выделенных отрезков на семантической шкале может соединяться с «обманными» значениями в семантическом спектре отдельной языковой единицы: ср. влад. *алёшки подпускать* ‘шутить, хвастать, лгать’ [БСРП: 15]; урал. *на ёлки разыгрывать* ‘потешаться над кем-л., обманывать кого-л.’: «Ты что меня на ёлки-ти разыгрывашь, я что вам, на ёлки дана?» [СРНГ 8: 343]; калуж. *поддёвку сшить* ‘обмануть, зло посмеяться над кем-л.’ [СРНГ 27: 386]. Очевидно, что значения ‘шутить’ и ‘врать, лгать’ объединяются на основании общего компонента «несерьезного говорения», «придумывания», а значения ‘насмехаться’ и ‘обманывать’ – на основании общего компонента негативного воздействия на кого-либо.

Рассмотрим в качестве примера два гнезда, «обманная» семантика в которых развивалась от «смеховой»:

- *гала́нить* перм., арх., вят., влг., симб. ‘шутить или говорить пустяки’, курск. ‘кутить’, перм. ‘заниматься обманом, плутовать’ [СРНГ 6: 104–105]; орл. *гала́н* ‘прозвище драчливого человека’, казан. ‘льстец или обманщик’ [Там же: 104]; иван. *гали́ка* ‘проказник’, ‘обманщик’ [Там же: 111]; тамб. *зга́льный* ‘насмешливый, любящий зубоскалить; говорящий вздор; обманывающий, лживый’

[СРНГ 11: 227] – слова, образованные от *галить* ‘смеяться’, *галиться* ‘насмехаться’, см. этимологию арх. *гала́нить* ‘шутить, громко смеяться’ в [Фасмер 1: 385];

- яросл. *ощеу́л, ощеу́лка* ‘хитрец, пройдоха’ [ЯОС 7: 75], костр. *ощеу́лить* ‘насмехаться, издеваться’ [СРНГ 25: 103], твер., ряз., тул., влад. *ащеу́льник* ‘тот, кто издевается над кем-, чем-либо, насмешник, зубоскал’, тул. ‘негодяй, бездельник’ [СРНГ 1: 300], казан. *ищау́л* ‘скряга, вымогатель, обманщик; притворщик, обманщик’: «Экий ты, Сергушка, ищаул» [СРНГ 12], иркут., бурят. *ощеульник* ‘плут, обманщик’: «И в кого ты такой ощеульник вырос? Во всей родне у нас такого ощеульника не было» [СРНГ 25: 103] – слова восходят к **ščul-/*skul-* (ср. чеш. *skulina* ‘трещина, щель’) и образованы в соответствии с мотивационной моделью «скалить зубы» [Варбот 2003: 56].

Сфера «Интеллект человека». Как правило, для осуществления обмана субъекту обмана требуются особые ментальные качества: хитрость, ловкость, находчивость, изобретательность. Объекту обмана, напротив, часто приписывается бестолковость и отсутствие вышеназванных качеств. Таким образом, семы, несущие данные смыслы, коннотативно присутствуют у номинаций с соответствующими «обманными» значениями. Данные семы связаны шире со смыслами, отражающими умственную деятельность человека и составляющими понятие интеллекта – ср. выводы, которые делает Е. В. Дзюба о том, что в языковом сознании категория интеллекта является градуированной и может быть представлена оппозициями вроде *умный – глупый*, *хитроумный – простодушный* и под. [Дзюба 2015: 222–224, 232]. Т. В. Леонтьева, отмечая близость семантического поля «Интеллект человека» к понятию обмана, ставит обман в ряд с «ментальными концептами» хитрости, фантазии, изобретательности, принятия решения и уверенности и выделяет у них общую «неосновную “интеллектуальную” сему ‘умственная операция’ или ‘способность к умственной операции особого рода’» [Леонтьева 2003: 43–44]. Можно добавить, следуя двуполюсной структуре поля «Интеллект человека», выявленной Т. В. Леонтьевой, что значения ‘быть обманутым’ или ‘объект обмана’ в некоторых случаях связаны с данным полем наличием семы ‘неспособность к умственной операции особого рода’.

Смежность двух семантических сфер отражается не только в коннотативной части значений лексем со значением ‘обманывать’ и ‘обманщик’, но и в лексической полисемии: одна диалектная лексема нередко используется для выражения значений ‘обман, хитрость’; ‘обманщик, хитрый, опытный человек’, ‘обманывать, хитрить’ (ср., например, влг. *прота́ка* ‘обман, хитрость’: «Он во всем протаку видит» [СРНГ 32: 262], пск., твер. *сквозительная бестия* ‘очень хитрый, опытный плут, обманщик’ [СРНГ 37: 404], дон. *выкомаривать* ‘придумывать разные хитрости, уловки для обмана’: «Моя кухарка научилась уже выкомаривать» [СРНГ 5: 294]).

Представления о том, что ловкость и хитрость – качества, обыкновенно присущие обманщику, закрепились в типичной сочетаемости *ловкий обманщик* и *ловко / хитро обманывать*, ср. частотные словарные дефиниции ‘ловкий обманщик’, ‘ловко, хитро обмануть’, а также контексты вроде «…Обдуманно, хитро обманывать меня… с кем же?» <Л. Н. Толстой> (показательно и обстоятельство *обдуманно*: обман, как правило, предполагает предварительное планирование, т. е. «умственную операцию особого рода»); «Те, кого не стоит так хитро обманывать» <Ф. К. Сологуб>; «Неприятно было вспомнить, как Кутузов и его генералы сумели ловко обмануть Лористона…» <В. В. Верещагин> [НКРЯ].

Дальнейшее семантическое окружение

Сфера торговли и товарно-денежных отношений. Обман мошенничеством происходит нередко в сфере торговли и связан с товарно-денежными отношениями (ср., например, калуж. *подсусе́дить* ‘сбыть плохой товар, обманув покупателя’ [СРНГ 28: 206]; ср. также обилие словарных контекстов, описывающих денежный обман, вроде новг. «Сделал он нам козью морду: денежки взял, а мёду не привёз, теперь и денег не допросишься, пропил, наверное» (*сделать козью морду* ‘обмануть’) [МИСНФ: 231], ряз. «А, паразиты, вы говорили, мне дадите денег, а сами меня подманули» (*подмануть* ‘обмануть’) [СРНГ 28: 75] и т. п.). Мошенничество включает обман в ряд проступков, совершаемых ради получения материальной выгоды за счет убытка, понесенного объектом обмана. Словари фиксируют такой тип обмана дефинициями ‘обмануть, обобрать’,

‘обманув, присвоить себе что-л.’ и подобными (ср. ворон., дон. *обуть кого-л. в лапоть* ‘совершенно обобрать, разорить, обмануть’ [СРНГ 16: 266], пск., олон. *обезве́чить* ‘обмануть и обобрать’ [СРНГ 22: 28], пск., твер. *обкатать* ‘обманув, обобрать’ [Там же: 72] и мн. др.). Мошенничество «выводит» и на семантически близкую ему сферу воровства, ср. дефиниции диалектного словаря вроде смол. *банкру́тина* ‘вор, плут’ [ССГ 1: 120], смол. *подку́брить* ‘обмануть’, ‘украсть’ [СРНГ 28: 50], пск., твер. *лапо́шить* ‘красть, обманывать’ [СРНГ 16: 267], влг. *оха́хорить* ‘обокрасть, обмануть’ [КСГРС] («текучесть» негативных представлений о субъекте обмана как о воре можно проследить по выражениям *Кто лжет, тот и крадет*; *Врун, так и обманщик, обманщик, так и плут, плут, так и мошенник, мошенник, так и вор* [Даль ПРН: 236]).

Сфера отношения к собственности. Набор значений многозначных «обманных» лексем демонстрирует полярность представлений об отношениях обманщика с собственностью.

Во-первых, в связи со стремлением к материальной выгоде субъекту обмана приписывается скупость, ср. образование семантического ряда ‘скупец, жадный человек’, ‘обманщик’: яросл., влг. *окаём, окоём* ‘скряга, скупец’, ‘обманщик, плут, мошенник’ [СРНГ 23: 106], новг., влад., твер., тамб., калуж. *алты́нник* ‘жадный, скупой человек’, ‘обманщик’ [СРНГ 1: 241], твер., костр. *подхалим* ‘обманщик’, ‘скупец’ [СРНГ 28: 233], казан. *ищау́л* ‘скряга, вымогатель, обманщик’ [СРНГ 12: 275]. Разновидностью обманного действия являются нечестные операции с деньгами с целью приумножения своих средств, ср., например, казан. *ищау́лить* ‘вымогать, недоплачивать, плутовать’ [Там же].

Во-вторых, значение ‘обманщик’ присуще лексемам, обозначающим также человека, лишенного всякой собственности: иван. *гали́ка* ‘неимущий человек, бедняк, оборванец’, ‘обманщик’ [СРНГ 6: 111], диал. шир. распр. *аха́ха* ‘неимущий человек, бобыль; пройдоха; оборванец, обманщик’ [СРНГ 1: 296], калуж. *маньяк* ‘обманщик’, ‘попрошайка’ [СРНГ 17: 366], ср. также *маньячить* орл. ‘обманывать’, калуж. ‘выпрашивать, попрошайничать’ [Там же: 367].

Сфера отношения к труду. Существуют устойчивые модели развития значений «лентяйничать, лодырничать» → «обманывать» и «лентяй» → «обманщик», иллюстрирующие представления о том, что честным бывает, как

правило, только труженик, ср., например, тамб., ворон., сарат. *алы́рник* ‘бездельник, лентяй, дармоед’, ‘обманщик, плут, мошенник’ [СРНГ 1: 243], влг. *валёк* ‘лентяй, лежебока, неряха’, ‘обманщик, мошенник, плут’ [СРНГ 4: 24], арх., влг. *ло́кас* ‘лентяй, бездельник; лгун, пройдоха’ [КСГРС], влад. *обда́л* ‘лентяй, лодырь’, ‘обманщик’ [СРНГ 22: 19], курск., орл. *змигу́льничать* ‘лениться, лодырничать’, ‘обманывать’ [СРНГ 11: 303]. Внутренняя форма отдельных «обманных» лексем подтверждает связь двух семантических областей: *лодырничать* влг. ‘хитрить, плутовать, обманывать’ [СРНГ 17: 107], *сбездельничать* ‘совершить подлог, обман, смошенничать’ [СРНГ 36: 168]. Словарная дефиниция может отражать ситуацию, в которой обман используется как средство для того, чтобы не работать, ср. калуж., орл., курск., тул., тамб. *измигу́льничать* ‘уклоняться от работы, отлынивать от работы’, ‘представляться немощным; хитрить, обманывать, чтобы уклониться от работы’ [СРНГ 12: 146], пск. *замудро́вый бес* ‘о том, кто хитрит, уклоняется от дела’ [СРНГ 10: 261]. Эта ситуация описывается и контекстом, включающим «обманное» слово, ср. влг. «Оханя хитрец: не могу, не могу. Всё оханит, отказывается от работы – здоров, а только представляется» (влг. *оха́ня* ‘лентяй; хитрец’) [КСГРС]. Семантическую модель «лентяй» → «обманщик, плут, хитрец» выделяет также М. А. Еремина, изучавшая поле «Отношение человека к труду» [Еремина 2003], ср. ее замечание о том, что склонность к обману есть «постоянный, “портретный” признак бездельника» [Там же: 176].

С ф е р а о ш и б к и. Выше, при обсуждении семантики глагола *обманывать*, было отмечено, что его возвратная форма *обманываться* имеет не только страдательное значение (*кто-то обманывается кем-то*), но является одновременно и выразителем идеи ошибки, ср. «Ростов ехал дальше и дальше, беспрестанно обманываясь, принимая кусты за деревья и рытвины за людей…» (Л. Н. Толстой, Война и мир) (пример взят из [НОСС: 754]). Связь понятий ошибки и обмана прослеживается в [Толстая 2017], где С. М. Толстая, в частности, приводит примеры русских гнезд, в которых соединяются эти значения, ср. некоторые из них: др.-рус. *блазнъ* 1. ‘ошибка, заблуждение’, 2. ‘соблазн, искушение, обман’, ‘ошибочный, ложный’, *блазнитель* ‘обманщик, вводящий в заблуждение’, *блазнитися* 1. ‘ошибаться, заблуждаться, обманываться’; 2. (о ком,

чем) ‘сомневаться’; 3. (на кого) ‘прельщаться кем-л.’; пск., твер. *обазулиться*, *обазуриться* ‘ошибиться, обмануться’ при *обазулить*, *обазурить* ‘обмануть, надуть’, *офалиться* ‘ошибиться, обмануться’ при *офалить* ‘надуть, обмануть’ и др.

Сфера игры. Семантика обмана может соединяться со значением ‘обыграть’, ср., например, оренб. *обджалга́нить* ‘обмануть; обыграть’ [Малеча 3: 12], смол., пск., ленингр. *нагреть* ‘обмануть; обыграть’ [СРНГ 19: 214], арх. *обкалёжить* ‘обыграть, обмануть, облапошить’: «Почали они с ним в деньги играть, дак он их всех и обкалёжил» [СРНГ 22: 70]. Ситуация игры является «обманоопасной»: выигрыш может быть достигнут нечестным путем. Кроме того, смысловые области игры и обмана связаны общей идеей выдумки, нереальности происходящего, см. об этом также в § 2.3.7.

Сфера перемещения в пространстве. Обманные значения могут развиваться на базе семантики беспорядочного или бесцельного передвижения, ср. нижегор. *хлы́стать* ‘шататься, слоняться, таскаться’ [Даль$_2$ 4: 566], смол. *хлы́стать* ‘ходить без цели’: «Хватить табе хлыстыть пъ дяреуни, дамой пъра» и смол. *хлы́стать* ‘лгать, обманывать’: «Етый хлысти лиш бы пъхлыстать»; «Чуть што – и нъчинаить хлыстать» [ССГ 11: 59], ср. также гнездо корня *шав-*, в котором семантика хождения является основной и производящей по отношению к обманной (об этом гнезде см. раздел 4.3 настоящей диссертации). В § 2.3.9 «Пространственный код» приводятся примеры заимствования полем обмана лексики, первоначально номинирующей неупорядоченное перемещение или перемещение по непрямой траектории.

Магическая сфера. Подробней об отношениях между сферами обмана и магии см. § 2.3.12 «Мифологический код». Здесь перечислим смысловые точки, в которых между ними обнаруживается связь. Во-первых, в магической практике используется ритуальный обман с целью защиты человека от воздействия нечистой силы или с целью благоприятствования какой-либо деятельности человека; о признаках и случаях ритуального обмана в славянской культуре см. [СД 3: 457–460; Толстая 2010: 317–324]; об отдельных «обманных» магических практиках также см., например, [Усачева 1996] (о ритуальном обмане, используемом в народной медицине), [Березович, Казакова 2011] (о языковых испытаниях, носящих характер ритуального обмана). Во-вторых, народная культура хранит

представления о колдунах как потенциальных субъектах обмана и о колдовстве как способе обмана, что отражается в семантике языковых единиц (ср. рядоположенность представлений о колдовских и обманных действиях, например, в пск. *морочить беса* ‘обманывать, колдовать’ [БСРП: 39], смол. *озеля́ть* ‘околдовывать зельем’, ‘обманывать’ [СРНГ 23: 89]) и в их внутренней форме (ср., например, астрах. *колдун* ‘плут, ловкий обманщик’ [СРНГ 14: 117]).

Область негативно-оценочных значений. Выше были рассмотрены устойчивые семантические переходы и – шире – связи поля с другими семантическими областями. Здесь в некотороых случаях будут приводиться также примеры нерегулярных, единичных связей, которые, тем не менее, принадлежат области отрицательной характеристики человека и явления или негативно оцениваемых действий. Отчасти такие примеры – следствие природы диалектного материала: диалектизмы, особенно обладающие непредметным значением или несущие в себе экспрессию (обе характеристики относятся к лексике обмана), нередко не имеют даже на одной территории твердо закрепленного за ними круга значений. В словарных дефинициях отражаются трудности сбора диалектного материала: когда-то значение удается восстановить с большей, когда-то – с меньшей степенью подробности; лексикограф не застрахован от подачи в словаре окказиональных случаев употребления слов и пр. Конечно, нельзя забывать и о том, что настоящей работой охвачен далеко не весь возможный материал.

Итак, «обманное» значение часто не является единственным отрицательным значением у лексемы: оно включено в ряд других значений, создающих лексеме семантический негативно-оценочный фон. Как правило, речь идет об отрицательных характеристиках человека, таким образом, подобной многозначностью нередко обладают единицы, обозначающие субъекта обмана. Выше уже назывались повторяющиеся переносы вроде «лентяй» → «обманщик», «скупец, скряга» → «обманщик», однако материал демонстрирует «текучесть» отрицательной семантики: слово, за которым закреплен устойчивый набор негативных значений, легко развивает другие значения негативного характера, ср. в семантических спектрах «обманных» слов значения • ‘непостоянный, легкомысленный человек’ (вят. *варлы́жник* ‘ленивый человек, лентяй’, ‘непостоянный, легкомысленный человек; обманщик’ [СРНГ 4: 55], арх.

веретёжка ‘непостоянный человек’, ‘лгун, обманщик’ [Там же: 150], влг. *свистуля* ‘легкомысленный, непостоянный, хвастливый человек’, ‘лгун, обманщик’ [СРНГ 36: 301], яросл. *баламутка* ‘лгун, врун; непостоянный, несправедливый человек’ [ЯОС 1: 30]), • ‘глупый человек’ (*ло́кас* арх., влг., сев.-двин. ‘лгун; обманщик’, арх., влг., вят., костр. ‘лентяй, бездельник’, вят. ‘неумелый, глупый человек’ [КСГРС; ЛКТЭ; СРНГ 17: 113]), • ‘злой человек’ (*базло́* олон., новг. ‘врун, обманщик’ ‘злой человек’ [СРНГ 2: 50]), • ‘бабник, волокита’ (*алтынник* новг., владим., нижегор., твер., перм., пск., калуж. ‘жадный, скупой человек’, тамб. ‘обманщик’, тамб. ‘лентяй’, тамб. ‘бабник, волокита’ [СРНГ 1: 241]); • ‘неряха’ (*валёк* влг., вят., сверд., твер., влад. ‘лентяй, лежебока’, ‘неряха’, влг. ‘обманщик, мошенник, плут’ [СРНГ 4: 24]); • ‘сумасброд’ (пск. *верёвочный чёрт* ‘об обманщике, сумасброде и т. п.’ [СРНГ 4: 126]; сокращение «и т. п.» после нерядоположенных характеристик иллюстрирует как издержки дефиниций диалектных словарей, так и диффузность «негативной» семантики).

Наибольшая обобщенность отрицательной семантики представлена значениями • ‘о чем-л. старом, плохом, негодном’, ‘о чем-л. малоценном’ (*базло́* олон., новг. ‘врун, обманщик’, ‘злой человек’, урал., казан., пенз. ‘о чем-л. старом, плохом, негодном’ [СРНГ 2: 50], *пустое перо* омск. ‘неправда’, том. ‘о чем-л. малоценном’ [СРНГ 26: 288]).

Семантика обмана у глаголов может возникать в ряду значений, объединяемых, условно говоря, идеей причинения кому-либо ущерба, нанесения вреда, ср. влг. *опру́дить* ‘обесчестить, опозорить, осрамить’, ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [СРНГ 23: 304], *злыда́рить* нижегор. ‘желать зла другим, завидовать чужому счастью’, тул., влг. ‘причинять зло, пакостить, вредить’, ряз., курск. ‘плутовать, обманывать’ [СРНГ 11, 292], *изнабазу́ливать* ср.-урал., перм. ‘портить дурным воспитанием, баловать’, свердл. ‘обманывать’ [СРНГ 12: 152].

Взаимное притяжение семантики вранья и значения глагола *оправдываться* представляется интересным в свете производности последнего от слова *правда*, антонимичного для слов изучаемого поля. Укажем на типичность соединения смыслов ‘оправдываться’ и ‘лгать’ в семантике одной языковой единицы: влг. *моло́ться* ‘оправдываться, врать’: «На суде-то спрашивают человека – вот и

мелется, не говорит правду, вертится – выкручивается» [КСГРС], без указ. места *отлыгаться* ‘оправдываться ложью’ [Даль$_2$ 2: 761], диал. шир. распр. *слыга́ться* ‘оправдываться ссылкой на ложную причину’: «Ты все слыгался, что на луг ездишь, оттого и болен»; «Скажет что-нибудь, а потом слыгается: “Да я не говорила!”» [СРНГ 38: 322], ср. также жарг. *отмазки лепить* ‘оправдываться, лгать’: «Он будет до последнего отмазки лепить, ни за что не признается», *понты лимонить* ‘лгать, оправдываясь’ [БСРЖ: 459]. Можно сделать вывод о существовании идеограммы «оправдываться, прибегая ко лжи», для выражения которой говоры и жаргон прибегают к образованию отдельных лексем и фразеологизмов[16].

1.3.2. Семантические комплексы с участием значения ‘обманывать’

«Обманное» значение нередко встраивается в целостный семантический комплекс, присущий одной языковой единице. Иначе говоря, оно может являться одним из значений, входящих в более или менее постоянный набор смыслов, неоднократно воспроизводящихся в языковом семантическом пространстве. Отдельные значения в таком семантическом комплексе могут, на первый взгляд, весьма далеко отстоять друг от друга.

Смыслы, которые слово может «менять» в зависимости от ситуации употребления, между которыми оно может «переключаться», Н. И. Толстой обозначил термином «семантические регистры»; например, лексемы **bьrdo, *grebenь, *pol’e* относятся одновременно к географическому и ткаческому семантическим регистрам [Толстой 1997: 397–398]. Употребление термина *семантические регистры* по отношению к ряду значений многозначного слова допускает принципиальный отказ от выделения первичного и вторичного, расширенного и суженного значений, тем более, что в ряде случаев сделать это затруднительно. Кроме того, термин *семантические регистры* позволяет учитывать происходящие со словом словообразовательные изменения при

[16] О наличии у глагола *оправдываться* значения ‘врать’, не регистрируемого в лексикографических источниках, и о критериях его выделения см. в [Кучко 2016а].

переходе из одного регистра в другой, что немаловажно в том числе для установления этимологии слова (см. [Толстой 1997: 397–406]).

Остановимся здесь на двух семантических комплексах, в которые входит «обманное» значение в качестве одного из семантических регистров.

Семантический комплекс ‘врать, обманывать’, ‘мерещиться, чудиться’, ‘бредить’, ‘бормотать, говорить невнятно’, ‘говорить вздор’, ‘шалить, безобразничать’, ‘брать чужое, воровать’

«Непрерывность» комплекса проявляется в ряде гнезд, вершинными словами которых являются следующие диалектные глаголы (отдельные регистры в этом и других семантических комплексах могут отсутствовать в спектре значений конкретной лексической единицы):

- *бла́знить, блазни́ть* арх., влг., новг., свердл., олон., перм. ‘чудиться, мерещиться, представляться’, *бла́знить* твер. ‘в суеверных представлениях – приносить несчастье, болезнь кому-л. дурным глазом’, ‘обманывать, морочить’ [СРНГ 2: 314], *бла́зни́ться* диал. шир. распр. ‘чудиться, мерещиться, казаться’, свердл. ‘потешаться разными шутками, кривляться, паясничать’, *блузни́ть* пск. ‘обманывать’ [СРНГ 3: 31]
- *бруси́ть* орл., влад., твер. ‘говорить неразборчиво, невнятно’, орл. ‘бормотать’, твер., калуж., моск. ‘бредить’, смол. *бру́сить* ‘бредить’, твер. ‘лгать’, новг., твер., моск., смол. ‘говорить вздор, пустое, болтать’, пенз. ‘пьянствовать’, смол. ‘шалить’, *бруси́ться* твер. ‘видеться, грезиться’, ‘сниться (особенно о чём-л. неприятном)’ [СРНГ 3: 205], *брусни́ться* твер. ‘сниться, грезиться’, *брусня́* новг., пск. ‘лгуны’, *бру́снуть* перм. ‘врать’ [Там же: 209]
- *грезить* петерб., том. ‘говорить вздор, пустословить’, алт. ‘выдумывать’, алт. ‘врать, обманывать’, иркут. ‘наговаривать на кого-либо’, арх., пск., перм., свердл., тобол., якут. ‘безобразничать, шалить’, пск., перм., арх. ‘брать чужое, воровать’, *грезиться* вят. ‘представляться, видеться’, свердл., перм. ‘воровать’ [СРНГ 7: 131]

- *тризне́ть* смол. ‘говорить неправду’, *тризни́ть* ‘бредить, говорить во сне’, ‘говорить неясно, невнятно’, *три́зни́ться* ‘мерещиться, казаться’, ‘рябить (в глазах)’ [ССГ 10: 203]
- *мрачи́ть* влг. ‘казаться, мерещиться’, арх., свердл., сиб. ‘обманывать’, перм., влг. ‘колдовать’ [СРНГ 18: 327]

Семантической константой, присутствующей в каждом гнезде, является звено ‘мерещиться, представляться, чудиться’, передающее представление о зрительном обмане. Нас интересовала прежде всего та часть семантического поля обманного зрительного восприятия, которая «накладывается» на семантику поля вербального или акционального обмана, вероятно, порождая ее; однако для значений вроде ‘мерещиться’ (в отличие от остальных представителей ряда) характерно совместное присутствие в семантических спектрах некоторых диалектных глаголов практически с каждым из указанных составляющих комплекса в отдельности, подробно о семантике «мерещенья» см. в [Ясинская 2013].

Кроме того, этимология некоторых глаголов указывает на первичность их «зрительного» употребления. А. Е. Аникин связывает праслав. **blaz-* (в *блазнить*) с идеей обманчивого видения, соотнося его в том числе с лтш. *blāzma* ‘мерцание, блеск, отсвет, зарево’, *blāznums* ‘мерцание, отблеск’, ст.-лтш. *blāzt* ‘мерцать’ [Аникин РЭС 3: 237–238] (такое сближение отмечал и О. Н. Трубачев, но считал его недостаточно обоснованным, см. [ЭССЯ 2: 106]). Слова гнезда праслав. **morkъ* (в *мрачить*) обозначают «темноту как неустойчивый признак» [ЭССЯ 19: 236; см. еще ЭССЯ 21: 134–135]. Для *тризнить(ся)* на синхронном уровне можно предполагать семантическую поддержку со стороны идеи мельтешения, «троения» в глазах (ср. литер. *двоится*, *троится в глазах*, диал. яросл. *семерит в глазах* [СРНГ 37: 150]) (с точки зрения словообразования производность *тризниться* от *три* можно подтвердить тем, что в гнездо этого числительного включают слово *тризна*, имеющее первоначальное значение ‘жертвенное заклание трехгодовалого животного’ из **trizь* ‘трёхгодовалый (о животном)’ от числительного **tri* (см. версию О. Н. Трубачева в [Фасмер 4: 102]; В. Н. Топоров, разрабатывая эту версию в общеславянском и индоиранском контексте, включает в гнездо **trizь* и блр. *трызьніць*(*-ца*), соответствующее вышеуказанному *тризнить*(*ся*), мотивируя это

существованием представлений о видениях и бреде как порождениях подземного царства, см. [Топоров 2004: 282, 290]).

Таким образом, мотивирующей для «обманной» части комплекса в ряде случаев можно считать семантику обманчивого зрительного впечатления от чего-либо мерцающего и неустойчивого. Вообще семантика колебательных движений нередко порождает «обманную», согласно идее о том, что смотрящий на эти движения поддается обману, ср. сам глагол **maniti*, для которого реконструируется производящая основа **mati, majǫ*, далее – и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать украдкой’ → ‘морочить кого-л., обманывать; колдовать’ [ЭССЯ 17: 202][17].

Широта спектра значений позволяет предполагать наличие других толчков к развитию обманной семантики, а именно – возникновение семантики говорения неправды по модели ‘невнятно, неразборчиво говорить; бредить’ → ‘лгать’, ср. *бредень, бредня* ‘враки, вздор’, ‘врун, враль’ [Даль$_2$ I: 128], арх. *древить* ‘находясь в состоянии психического расстройства, не вполне нормально говорить’, ‘лгать’ [АОС 12: 247]. Выше уже было замечено, что устанавливать первичное и мотивирующее значение в случае с наличием у слова семантических регистров затруднительно; отдельные значения могут возникать как воспроизведение целостности всего семантического комплекса.

Семантика обманчивых зрительных впечатлений имеет мифологический аспект, что отражается в дефинициях (ср. упоминание суеверий), а также в зафиксированных словарных контекстах, демонстрирующих, что во время «мерещенья» человек становится объектом действия нечеловеческих сил, как бы «посылающих» ему видения (ср. «Всю ночь мне блазнит»; «Блазнит, так крестись» [СРНГ 2: 314] и под.). В качестве семантической параллели можно снова обратиться к общеславянской основе **mati*, гнездо которой включает в себя образования с разными формантами – **manъ* [ЭССЯ 17: 202] и, по одной из версий, **mara* [ЭССЯ 17: 206], имеющие явную мифологическую семантику, опирающуюся на значения зрительного обмана (ср. значения *мана* смол. ‘наваждение, нечто призрачное’ [СРНГ 17: 354], новг. *ман* ‘нечистый дух, живущий в доме, в бане или на колокольне’, *мара* смол., курск., брян. ‘призрак, привидение’, курск. ‘злое существо, воплощающее смерть’ [СРНГ 17: 367] и пр.).

[17] Такие же смысловые звенья отмечаются в гнездах **majati* и **majačiti* (производных от **mati*) [ЭССЯ 17: 130].

Регулярность соединения семантики воздействия нечистой силы через обманные зрительные впечатления и семантики обмана вообще иллюстрирует, во-первых, устойчивость представлений о том, что нечистая сила выступает субъектом обмана, а во-вторых, о том, что воздействие на зрительный канал восприятия является распространенным способом обмана человека нечистой силой.

Семантический комплекс ‘ударить’, ‘причинить какую-л. физическую боль’ (‘обжечь’ / ‘ужалить’ / ‘уколоть’ и под.), ‘нанести какой-л. моральный ущерб’ (‘обругать’ / ‘опозорить’ и под.), ‘сделать что-л. быстро / внезапно’, ‘сильно удивить’, ‘обмануть’

Этот комплекс образуют следующие глаголы и глагольные гнезда:

- *жеганýть* влг., перм., тул., костр., яросл., нижегор., тобол., твер. ‘ударить’, влг. ‘ввести в убыток, обмануть’, *жегонýть* нижегор. ‘нечаянно причинить неприятность кому-л.’, яросл. ‘задеть; озлобить’, ‘внезапно, необдуманно что-л. сделать’, *жегать* арх. ‘обжечь, прожечь’, пск., олон., петерб. ‘кусать, жалить’, вят., перм., арх., твер., новосиб. ‘ударять, бить, колоть’, *жегнýть* петерб. ‘ущипнуть’, олон., влад. ‘наказать; причинить неприятность’, арх., сев-двин., урал. ‘обмануть, ввести в убыток’, *жегáться* пск. ‘жалить, кусаться, жечься, как крапива’ [СРНГ 9: 98–99]
- *нашвáривать, нашвáрить* моск. ‘делать что-л. быстро, энегрично, наяривать’, вят., арх. ‘жалить, кусать (о насекомых)’, вят. ‘жечь (о крапиве)’, киров. ‘сильно побить, поколотить’, вят. ‘обмануть, дать меньше обещанного’ [СРНГ 20: 294]
- *ошквáрить* нижегор., влг., тул., курск. ‘обдать кипятком, ошпарить’, нижегор., влад. ‘сильно ударить’, влад. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 25: 89]
- *обаламýтить* пск., твер. ‘ударом оглушить, привести в бессознательное состояние’: «Эк его как обаламутило, андо язык высунул», пск. ‘обмануть, одурачить лестью’, *обаламýтиться* ‘упасть’, ‘ошибиться’ [СРНГ 21: 345]

- *горóшить* влад., тамб. ‘говорить что-л. язвительное, поддевать, оскорблять кого-л.’, влг. ‘поражать чем-л. неожиданным’, моск. ‘обманывать’ [СРНГ 7: 69], *огорóшить* яросл., твер., пск., нижегор., перм., сарат., ворон. ‘сильно ударить’, влг., новг., нижегор. ‘обругать, оскорбить, огорчить, обидеть’, яросл. ‘опозорить, поставить в неловкое положение’, костр., яросл. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 350]
- *хлестать* ‘стегать, сечь, бить хлыстом’, ‘бранить, ругать’, ‘врать’ [Даль$_2$ IV: 566], *охлыстывать, охлыстнуть* твер., ряз. ‘хлестать, охлестывать’, пск., олон. ‘озадачить, изумить, огорошить чем-л.’, пск. ‘обмануть’ [СРНГ 25: 37–38]
- *ощýчить* арх., влг., казан., яросл. ‘сильно ударить’, влад. ‘поразить, ошеломить’, перм. ‘обмануть’, вят. ‘перехитрить’ [СРНГ 25: 105]

Парадигма значений распадается на несколько семантических регистров: резкого физического воздействия; быстрого или неожиданного действия; сильного морального воздействия; обмана. «Обманное» значение стимулируют одновременно несколько смыслов: интенсивности действия, причинения физической боли от удара, ожога и др., получения отрицательных эмоций от обиды, позора и др. Существуют лексемы, в спектре значений которых не воспроизведен многочастный семантический комплекс, но сохраняется наиболее устойчивая пара ‘ударить’ – ‘обмануть’ (ср., например, пск., твер. *оплетюшить* ‘сильно ударить’, ‘обмануть’ [СРНГ 23: 265], алт., влг. *варнýть* ‘ударить кого-л., стегнуть’, ‘поступить недобросовестно, нечестно, обмануть’ [СРНГ 4: 57]); обман может осмысляться как «моральный удар», полученный обманутым.

Семантика интенсивности и резкости в ряде лексем задается значением словообразовательной модели: *нашвáрить* образовано с помощью приставки *на-* и обладает значением «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ I: 362], *нашвáривать* – с помощью префикса *на-* и суффикса *-ива-*, дающих значение «длительно, настойчиво, интенсивно совершать действие, названное мотивирующим глаголом» [Там же: 381]; глаголам с префиксом *о-* (*огорошить, обаламутить, ощучить*) присуще значение «довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом» [Там же: 363]; суффикс *-ану-* в *жеганyть* снабжает глагол значением модели «однократно, интенсивно или

экспрессивно, резко совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [Там же: 349].

Яркая звукоизобразительность глаголов способствует, несмотря на затемненную для носителей языка внутреннюю форму, устойчивости семантики и легкости вовлечения в смысловой спектр значений интенсивных воздействий самого разного рода.

Звукоизобразительность лексем в ряде случаев обусловлена звукоподражательным происхождением корней слов: *шквар-* (ср. *ошкварить*, а также *шкварить* ‘жарить, печь’, *шквара* ‘металлический шлак, отходы при плавке, ковке’, ‘выжарки’, смол. *шквирь* ‘поджаренное сало’) считается экспрессивным вариантом от звукоподражательного *сквар-* (ср. *сквара* ‘выжарки, вытопки сала’) [Фасмер 3: 636; 4: 447–448]; звукоподражательным считается чередование *хлыст-/хлуст-/хлест-* (ср. *охлыстывать*) [Фасмер 4: 247]; образованием звукоподражательного характера является *бала-* в *обаламутить* [Фасмер 1: 113].

Первичным для семантического комплекса является значение физического воздействия, однако трудно отграничить значения ‘ожечь’ и ‘ударить’ (имея в виду, что ощущения при сильном ударе сходны с ощущениями, полученными от ожога). Дериваты от звукоподражательных корней *хлыст-/хлест-* и *шквар-* имеют первыми как значение силового воздействия (*хлестать* / *хлыстать* ‘стегать, бить хлыстом’), так и воздействия температурного (*шкварить* ‘жарить’); ср. также *жегать* ‘обжечь, ударить’.

1.3.3. Междиалектная энантиосемия: значения ‘обманывать’ и ‘говорить правду’

Анализ семантических спектров обманных лексем позволяет заметить, что в ряде случаев «обманные» глаголы могут употребляться в своем прямо противоположном значении ‘говорить правду’. Соответствующие лексико-семантические варианты фиксируются на разных территориях, что позволяет говорить о своеобразной междиалектной энантиосемии, ср. *лепить* ряз., арх., ленингр. ‘болтать вздор, врать, обманывать’ и костр., смол. ‘говорить прямо, откровенно, резко’ [СРНГ 16: 364], *отколоть* сиб. ‘бесстыдно солгать’ и пск.,

твер., смол. ‘резко и прямо высказать что-л.’ [СРНГ 24: 195], *ошпетить* перм. ‘одурачить’, тамб. ‘оговорить’ и новг. ‘сказать неожиданную правду’ [СРНГ 25: 96]. Антонимичные значения возникают также внутри словообразовательного гнезда, ср. перм. *бру́снуть* ‘врать’, новг., твер. *бруси́ть* ‘лгать’, новг., пск. *брусня́* ‘лгуны’ [СРНГ 3: 205] и арх. *бруснýть* ‘говорить правду прямо в глаза’: «Бруснуть начнем, как в сельсовет-от придем, говорить прямо с плеча» [СГРС 1: 192].

Случаи параллельного существования у одних лексем в системе разных говоров противоположных значений показывают, что для обозначения процесса говорения правды язык может использовать тот же план выражения, что и для обозначения речевого обмана. Попытаемся выявить как признаки, мотивирующие появление у них значений ‘говорить правду’, так и те, что мотивируют появление значения ‘обманывать’.

- *лепи́ть* ряз., арх., ленингр. ‘болтать вздор, врать, обманывать’; костр., смол. ‘говорить прямо, откровенно, резко’

С процессом лепки сопоставляется как «обманное», так и «правдивое» речепроизводство. С одной стороны, говорение систематически номинируется глаголами из сферы производственной деятельности – речь описывается через процессы ковки, строительства, шитья, боронования и пр., см. [Березович 2014: 307–323]. Описание речевой деятельности через процесс лепки – один из образных поворотов «многосоставной» производственной метафоры. С другой стороны, важно учесть собственные характеристики лепки, позволяющие «приспособить» данный образ для воплощения разных «речевых» смыслов. Посредством лепки происходит прикрепление одного предмета к другому, лепка (вылепливание) сохраняет форму, фиксирует что-либо в неизменном виде; у глагола *лепить* и его приставочных дериватов в говорах встречаются значения ‘укреплять, вбивать; прикалывать’, ‘связать’ и под., см. [СРНГ 5: 303; 10: 200; 16: 364]. Соответственно, как результат лепки осмысляется прямо сказанное слово – такое, которое «фиксирует», «закрепляет» в себе действительность (ср. еще приставочный глагол *вы́лепить* калуж., курск., орл. ‘сказать что-то напрямик’ [СРНГ 5: 303]). Для номинации обманной речи существенными оказываются другие признаки процесса. Эти признаки мотивировали появление отрицательных коннотаций у

слов со значением лепки, ср. разг. *лепить* ‘совершать многократно, одно за другим, обычно что-л. нежелательное, неугодное, малоприятное’ [Ефремова 2000], сочетание *лепить как попало*, обозначение глаголом *лепить* в говорах процессов неумелого шитья (моск.), неумелого приготовления пищи (без указ. места) [СРНГ 16: 364]. Они свидетельствуют о восприятии лепки как продолжительного действия, не требующего искусности и имеющего негативные результаты, что позволяет сравнивать с ней вздорную и обманную речь. Кроме того, лепить значит соединять что-либо, образуя нечто, где одно цепляется за другое, и в языке обнаруживается ряд примеров, когда глаголы с семантикой соединения или создания какой-либо конструкции развивают значение говорения неправды, иллюстрируя таким образом объемность и многоэлементность вранья, ср. без указ. места *собирать* ‘врать вздор, бредить, хвастать или лгать’ [Даль 4: 340], прикам. *собирать языком* ‘говорить лишнее’ [СРГЮП 3: 145], олон. *обманы строить* ‘обманывать’ [СРНГ 22: 118], пск. *частокол городить* ‘говорить чепуху, врать’ [СППП: 79], новг. *с ума городить* ‘говорить неправду, врать, говорить что-л. неправдоподобное’ [СРНГ 7: 58] и др.

- перм. *бру́снуть* ‘врать’, новг., твер. *бруси́ть* ‘лгать’, новг., пск. *брусня́* ‘лгуны’, арх. *брусну́ть* ‘говорить правду прямо в глаза’

- *отколоть* сиб. ‘бесстыдно солгать’, твер., смол. ‘резко и прямо высказать что-л.’

Обладающие непрозрачной внутренней формой глаголы с корнем *брус-* относятся к гнезду прасл. **brusiti* (*sę*) с обобщенной семантикой теребящего движения [ЭССЯ 3: 49], ср., например, *брусну́ть* арх. ‘обрывать, отрывать; отбивать головки с семенем льна (конопли) от стеблей’ [СГРС 1: 192], влг., новг. ‘срывать ягоды, листья; рвать лен, отбивать головки льна’ [СРНГ 3: 209]. Появление значений грубой и прямой речи у глаголов этого гнезда, а также у глагола *отколоть* в значении ‘резко и прямо высказать что-л.’ мотивирует признак резкости действий по откалыванию и отрыванию чего-либо.

Семантика говорения напрямик тесно сопряжена с семантикой резкого действия. Обращает на себя внимание тот факт, что идеограмма «сказать правду резко» / «сказать прямо и резко» находит лексическое воплощение гораздо чаще, чем идеограмма «сказать правду». Глаголы со значением резкого физического действия систематически используются для воплощения идеи прямого и резкого говорения, ср. литер. *рубить* ‘говорить, высказываться о ком-, чем-либо очень резко, прямо’ [ССРЛЯ 12: 1507], литер. *резать* ‘говорить резко, прямо, с грубой откровенностью’ [Там же: 1143], сочетание *сказал как отрезал*. Семантика резкости может не эксплицироваться в значении, однако выбор для ее выражения глаголов резкого физического воздействия отражает устойчивость семантической связи прямоты и резкости, ср. смол. *прорéзать* ‘сказать правду’ [СРНГ 32: 218], ряз. *в брови резать* ‘говорить в глаза то, что думаешь’ [СРНГ 35: 32], выражения *рубить* / *резать правду*(*-матку*).

Сиб. *отколоть* ‘бесстыдно солгать’ кажется необходимым рассматривать в связи с общенар. *отколоть* ‘сказать или сделать что-л. неожиданное, неуместное’, *откалывать* ‘чудить, проказить’; лексемы со значением ‘говорить неправду’ нередко соединяют в своем семантическом спектре значения разного рода поведенческих аномалий (ср., к примеру, наличие у вышеназванного *брýсить* значений ‘пьянствовать’ (пенз.), ‘шалить’ (смол.) [СРНГ 3: 205]). Значение выходящего за рамки нормы поступка отчасти провоцируется приставочной семантикой выхода за пределы чего-либо, отделения, ср. ***от****чудить*, ***от****чебучить*, ***от****мочить*, ***вы****кинуть*, ***вы****творять* и под.

- *ошпéтить* перм. ‘одурачить’, тамб. ‘оговорить’, новг. ‘сказать неожиданную правду’

Глагол *ошпéтить* считается заимствованным в восточнославянские языки из польск. *szpecić* ‘загрязнять, портить’ [Brückner 1985: 472; ЕСУМ 6: 460], для которого предполагается происхождение из нем. *Spath* ‘болезнь ног у лошади’ (откуда польск. *szpotawy* ‘неуклюжий, неловкий’) [Brückner 1985: 553], или же из нем. *spotten* ‘насмехаться’ [Фасмер 4: 472] (М. Фасмер признает обе версии фонетически неудовлетворительными [Там же]). О. Н. Трубачев допускает для элементов гнезда **obšьpь/ъtiti* возможность древнего словопроизводства и

семантического развития на базе гнезда **šьpъt* ‘шепот’ под влиянием магических заговорных практик [ЭССЯ 30: 142] (в это же гнездо он включает рус. диал. *ошпéнтить / ошпéндить*)[18].

Данные русских диалектных словарей позволяют выделить три условные семантические доминанты среди значений приведенных глаголов:

– семантика физического удара, ср. пск., твер., тул., вят. *ошпéтить* ‘сильно ударить’, яросл., вят. *ошпéнтить* ‘сильно ударить’ [СРНГ 25: 96; ОСВГ 7: 181], новг. *ошепéтить* ‘нанести, произвести удар; ударить’ [НОС$_2$: 774], арх. *ошепéчить* ‘ударить’ [СРГК 4: 357];

– семантика негативных словесных проявлений, ср. твер. *шпетúть* ‘сильно уколоть кого словами’ [ДО: 309], *ошпéтить* влад. ‘обругать’, смол., влг. ‘озадачить, пристыдить’, *ошпéнтить* влг., костр. ‘обругать’ [СРНГ 25: 96], нижегор. *ошпентúть* ‘оговорить, обидеть словами’ [Опыт: 150], влад. *отшпéтить* ‘обругать’ [Даль$_2$ II: 796];

– семантика резкого действия, часто имеющего негативные последствия для его объекта (действие, однако, может быть речевым), ср. новг. *ошпéтить* ‘не пустить куда-л., отказать в чем-л.’, яросл., костр., нижегор., курск. *ошпéнтить* ‘привести в замешательство, озадачить, испугать’ [СРНГ 25: 96], свердл. *ошпéнтить* ‘остановить, вразумить’ [ДСРГСУ: 390].

Слово (*о*)*шпéтить*, очевидно, было заимствовано из польского языка и во второй половине XVIII в. воспринималось как варваризм, ср. изображение макаронической речи у Д. И. Фонвизина: «Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна с тобою развестись, ежели ты еще меня так шпетить станешь» <Бригадир, 1783–1786> [НКРЯ] и контекст «Какая нужда их <слова> употреблять? Вмѣсто обругал ошпетил» [СлРЯ XVIII в. 18: 164]. Сохранившиеся примеры употребления восстанавливают для *(о)шпéтить* значение ‘ругать, укорять, оскорблять’[19]; литературным языком глагол не был усвоен.

---

[18] В. И. Даль, толкуя *ошпéтить* и *ошпéнтить*, под знаком вопроса помещает в это же гнездо слова *шпень, шпенёк* ‘шип, тычок, гвоздь без шляпки’ [Даль$_2$ II: 807].

[19] Ср. еще контексты: «В первой его комедии я и сама до смерти захохоталась: ужесть как славно шпетил он наших бабушек» <Н. И. Новиков (1775)> [НКРЯ]; «Он при всех не устыдился меня шпетить» <Державин> [Даль$_2$ IV: 663].

Однако в говорах слово получило широкое распространение, чему способствовало несколько факторов: во-первых, яркая фоносимволика; во-вторых, наличие целого ряда фонетически близких экспрессивов с «комплексной» семантикой (ср. хотя бы *ошелепéтить* сарат., пенз., бурят. ‘сильно ударить’, пенз. ‘озадачить’, яросл., сарат. ‘резким, грубым замечанием заставить замолчать’ [СРНГ 25: 83] и др.). Предположение о происхождении *ошпéтить* из гнезда **šьpъt* представляется маловероятным: на базе узкого значения ‘навредить заговорным словом, «ошептать»’, которое к тому же не является зафиксированным, вряд ли можно ожидать развития столь разветвленной семантики, в том числе неречевой. Тем не менее, наведение некоторых значений спектра со стороны звукоподражательных по происхождению слов *шептать*, *шипеть* вполне возможно[20].

Итак, несмотря на то, что для обозначения процессов речевого обмана и говорения правды могут избираться одни способы языкового выражения, признаки номинации могут различаться. Тем не менее, появление антонимичных значений ‘солгать’ и ‘резко / грубо сказать правду’ в смысловом спектре одной лексемы отражает развитие ее многозначности в общем русле семантики неприятного физического или речевого воздействия на кого-либо. Говорение правды в этом случае не является уместным и воспринимается как речевая аномалия наряду с другими речевыми аномалиями, например, сообщением ложных сведений. Наблюдения над словарными значениями и контекстами свидетельствуют о том, что номинируются прежде всего не рядовые акты говорения того, что соответствует действительности, а сообщение правды неожиданно, резко или в ситуации, когда нормой речевого поведения было бы о правде умолчать, ср. влг. *выбрякать* ‘сказать правду в горячности, высказать все, что накипело’: «При случае я ужо выбрякаю ему все» [СРНГ 5: 249]; орл. *выгвоздить* ‘сказать правду в глаза’: «Он ему при первом случае все выгвоздит» [Там же: 264]; смол. *лепить* ‘говорить прямо, откровенно, резко, не стесняясь’: «Правду брат в глаза так старшине лепит» [СРНГ 16: 364]; пск., твер., смол. *отколоть* ‘резко и прямо высказать что-л.’: «Молчала-молчала, да из терпенья вышла – так отколола ему,

[20] Ср., к примеру, близкий к *ошпетить* по фонетическому облику глагол *ошипéтить* арх. ‘отогнать с помощью шикания’ [СРГК 4: 358], значение которого, вероятно, отражает его народно-этимологическое переосмысление в связи с *шипением*.

что напередки сам не сунется ко мне» [СРНГ 24: 195] и т. д. Таким образом, говорение правды в определенных ситуациях оказывается своего рода речевой «девиацией», и в этих случаях язык находит средства для ее обозначения.

Данные слова, как правило, несут в себе мощный заряд экспрессии, «провоцирующей» их на развитие многозначности в сфере обозначений негативно воздействующего на адресата речевого поведения. Значение ‘резко / неожиданно / в глаза сказать правду’ не является единственным у подобных лексических единиц; оно соединяется не только с семантикой речевого обмана, но и со значениями, отражающими иные негативные речевые проявления, ср., например, новг. *вдарить в лоб* ‘сказать открыто правду’ и ‘сообщить неприятность’ [НОС$_2$: 512], орл. *выгвоздить* ‘сказать правду в глаза’ и ‘сделать выговор, замечание, припомнить все прошлое’ [СРНГ 5: 264], влг. *выбрякать* ‘сказать правду в горячности’ и ‘проговориться, выболтать лишнее’ [Там же: 249].

1.4. Выводы

Первая глава сосредоточена на выявлении семантической структуры изучаемого поля: как его внутреннего членения на смысловые области, так и внешних семантических связей.

Структуру всего поля в значительной степени задает семантическая стуктура ядерных для него лексем *обманывать* и *обман*. Основные значения этих слов (‘вводить в заблуждение’ и ‘то, что вводит в заблуждение’ соответственно) являются интерпретативными – слова в этих значениях могут применяться ко многим действиям и явлениям, в разных случаях считающимся обманными. Остальные значения относятся к конкретным действиям и явлениям, таким как вранье, клевета, мошенничество, нарушение обещания, лицемерие, любовная измена – смыслы, стоящие за перечисленными явлениями, и формируют поле.

В лексической системе мы находим еще несколько слов, отвечающих требованию общеупотребительности и, судя по анализу дефиниций нескольких словарей русского языка, вступающих с ядерными словами *обманывать*, *обман* в определенных лексико-семантических вариантах в отношения синонимии: это слова *лгать*, *ложь*, *неправда*.

С учетом семантического наполнения названных слов, разделяющих в общенародном русском языке «обманные» смыслы, из диалектных словарей был извлечен корпус языковых единиц, в значениях которых присутствуют «обманные» семы. Предположение о том, что лексико-семантические вариатны ядерных для поля слов *обманывать* и *обман* указывают на семантическое членение всего поля, верифицируется массивом диалектного материала, поскольку выявление семантических секторов поля производится на основании определений, которыми отобранные языковые единицы снабжены в диалектных словарях.

Среди основных идеограмм, формирующих внутреннее пространство семантического поля обмана, можно назвать следующие: «ОБМАНЫВАТЬ, ВВОДИТЬ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ», «ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ», «СОВЕРШАТЬ МОШЕННИЧЕСТВО», «ХИТРИТЬ, ЛИЦЕМЕРИТЬ», «НЕ ВЫПОЛНЯТЬ ОБЕЩАНИЙ», «ОБМАНЫВАТЬ В ЛЮБВИ», «ОБМАНЫВАТЬ КОЛДОВСТВОМ», «БЫТЬ ОБМАНУТЫМ», «ПЕРЕЖИТЬ ИЗМЕНУ В ЛЮБВИ», «ТОТ, КТО ГОВОРИТ НЕПРАВДУ», «МОШЕННИК», «ЛИЦЕМЕР», «ТОТ, КТО ИЗМЕНИЛ В ЛЮБВИ», «ОБМАН, НЕПРАВДА», «ОБМАНЫВАЮЩИЙ, СКЛОННЫЙ К ОБМАНУ», «ОБМАННЫЙ, ОБМАНЧИВЫЙ, МОШЕННИЧЕСКИЙ». Лексические значения репрезентантов этих идеограмм могут быть нагружены дифференциальными семами, уточняющими (сужающими) более широко сформулированные идеограммы. Например, языковые факты, наполняющие идеограмму «обманывать, говорить неправду» имеют значения ‘врать, оправдываясь’, ‘сочинять, фантазировать’, ‘врать, хвастаться’, ‘распространять ложные слухи’, ‘врать, оговаривать кого-л.’ и др.; слова, составляющие идеограмму «обманывать в любви», имеют значения ‘изменять в супружестве’, ‘изменять мужу’, ‘изменять жене’, ‘изменять в любви до брака’ и др.

Семантическими областями, с которыми поле обмана связано устойчивыми смысловыми переходами, являются СФЕРЫ РЕЧИ; СМЕХА, НАСМЕШКИ; ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕЛОВЕКА; ТОРГОВЛИ И ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ; ОТНОШЕНИЯ К СОБСТВЕННОСТИ; ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ; ОШИБКИ; ИГРЫ; ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ; МАГИЧЕСКАЯ СФЕРА. Многие из смысловых связей между полем обмана и названными семантическими областями, которые выявляются в процессе анализа семантики слов со значением обмана, найдут подтверждение при мотивационном анализе изучаемой лексики: слова, обозначающие явления из тех

областей, которые были определены в данной главе как соседние, могут заимствоваться полем обмана для обозначения собственных смыслов, ср. влг. *лодырничать* ‘обманывать’, астрах. *колдун* ‘плут, обманщик’, новг. *сболта́ть* ‘сказать неправду, солгать’ и др.

Абстрактные «обманные» смыслы являются, как правило, последним звеном семантической цепочки; семантика обмана вторична по отношению к целому ряду значений. Типы семантических связей, характерные для слов со значением обмана, могут носить разный характер. Регистрируются устойчивые переносы, связывающие названные выше смысловые сферы с изучаемым полем: ‘болтать, пустословить’ → ‘врать’, ‘насмехаться’ → ‘обманывать’, ‘бездельничать’ → ‘обманывать’, ‘ходить бесцельно, шататься’ → ‘обманывать’ и пр. Другой тип отношений возникает в широком семантическом комплексе, в котором трудно установить единственный смысловой стимул для возникновения «обманного» значения – его «питают» сразу несколько смыслов – ср., например, комплекс ‘врать, обманывать’, ‘мерещиться, чудиться’, ‘бредить’, ‘бормотать, говорить невнятно’, ‘говорить вздор’, ‘шалить, безобразничать’, ‘брать чужое, воровать’. Наконец, семантика обмана возникает в ряду других негативно-оценочных значений, связанных, как правило, с отрицательной характеристикой человека и его поведения. Особенностью такого рода семантических комплексов является их принципиальная незамкнутость, способность охватывать самые разные отрицательные проявления характера и поведения человека (лень, неряшливость, непослушание, жадность, пьянство, драчливость и под.) – сфера обмана закономерно попадает в круг потенциально востребованных смысловых областей для лексемы с широким спектром негативных значений.

При анализе семантического наполнения поля обмана в редких случаях представлялось необходимым обратиться к мотивационному и этимологическому анализу лексем. Поле обмана – вторичное образование, как в смысловом отношении (абстрактная семантика, как правило, возникает на базе конкретных значений – речевых, поведенческих, значений физического воздействия и др.), так и в мотивационном (поле обмана служит реципиентом по отношению к лексике других тематических областей, о чем см. главу 2 диссертации). На этапе семантического анализа нами в некоторых случаях отмечались связи между

семантическими и мотивационными стимулами, «питающими» лексику поля. Например, факт «соседства» поля обмана и речевой сферы устанавливается, во-первых, на базе устойчивых семантических переходов между речевым и «обманным» значениями (ср. перенос ‘много говорить, болтать’ → ‘врать’), а во-вторых, на основании того факта, что глаголы говорения служат донорами для лексики поля (ср. новг. *сболта́ть* ‘сказать неправду, солгать’ [НОС 10: 15], влг. *ба́ять* ‘врать’ [КСГРС] и др.). Кроме того, в исключительных случаях обращение к этимологической интерпретации слова или его мотивационному анализу позволяет прояснить его семантические особенности. К примеру, мотивационный анализ потребовался нам для восстановления причин использования одних языковых единиц как в поле обмана, так и для обозначения говорения правды.

Обращение к данным, полученным в результате изучения семантической структуры поля, потребуется в дальнейшем, в том числе мотивационном, анализе языковых единиц со значением обмана. Принципы семантического анализа будут использованы далее в диссертации в комплексном семантико-мотивационном описании отдельных семантико-словообразовательных гнезд, включающих лексику обмана.

ГЛАВА 2. МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОГО ПОЛЯ «ЛОЖЬ, ОБМАН»

2.1. Принципы мотивационной организации поля

Материал в настоящей главе будет рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, мотивационная организация поля может выстраиваться согласно номинативным моделям, упорядоченным в рамках какого-либо предметно-тематического кода. Во-вторых, выявление мотивационных отношений в поле возможно путем определения причин номинации, иначе говоря, мотивационных признаков, положенных в основу слов.

Два указанных аспекта рассмотрения материала знаменуют собой два условно выделяемых уровня мотивационной структуры поля: уровень внешней мотивации организован набором предметно-тематических кодов, уровень внутренней мотивации иерархией мотивов.

Закономерность выделения в структуре лексико-семантического поля двух названных уровней, а также их «воссоздание» на примере семантического поля «Интеллект человека» демонстрируется Е. Л. Березович и Т. В. Леонтьевой [Березович 2007: 138–150]. Ими представлена иерархия мотивов, присущая полю на уровне внутренней мотивации: мотивы могут быть выделены с различной степенью абстракции и, наоборот, детализации, они бывают присущи одной или нескольким языковым единицам, а могут объединять все единицы, входящие в поле. Наибольшую степень обобщенности имеют мотивационные доминанты, т. е. мотивы, представляющие собой предельно абстрактные идеи, вбирающие в себя все единицы поля; они конкретизируются сквозными мотивами, объединяющими группы единиц, относящихся к разным сферам отождествления; самыми конкретными являются частные мотивы, раскрывающие обоснование отдельной номинации или ряда номинаций. Приведем пример из нашего материала – семантического поля «Ложь, обман»: арх., влад. *кривить* ‘обманывать’, твер., пск. *кри́вство* ‘обман, ложь, хитрость’, нижнепечор. *кривлять душой* ‘лгать, обманывать’ объединяются частным мотивом кривизны, который, наряду с мотивами плетения, сгибания, верчения и движения по непрямой траектории

формирует мотив нарушения прямизны, сквозной мотив, используемый для воплощения смыслов значительной части всего поля.

При переходе на уровень внешней мотивации нас будут интересовать сферы действительности, к которым обращается язык для передачи смыслов какой-либо семантической зоны. Между сферой-«донором» и принимающей сферой, таким образом, наличествуют регулярные мотивационные отношения, проявляющие себя «в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы слов» [Толстая 2002: 114]. Такими классами слов могут становиться «“предметные” поля, как, например, названия животных, которые могут с высокой степенью регулярности “мотивировать” названия растений (ср. растения *барашки*, *блошник*, *волчье лыко*, *воробейник*, *воронец*, *вороний глаз*, *дятлина*, *жабовник*, *журавельник* <…> и мн. др.). <…> Семантическое единство носит предметный характер и формально выражается в общности (принадлежности к одному семантическому полю) корневой (или “ключевой”) морфемы» [Там же: 114–115].

Выявленные номинативные модели, характерные для принимающего поля, упорядочиваются в рамках какого-либо к о д а. Понятие культурного / концептуального кода рассматривается С. М. Толстой («К понятию культурных кодов» [Толстая 2007]; «Коды культуры и культурные концепты» [Толстая 2008: 333–337]). Культурный код есть система знаков, отражающая важные для культуры смыслы в разных планах выражения. Поскольку элементами такого кода могут являться не предметы, а ментальные единицы, в том числе смыслы, стоящие за языковыми знаками, он называется концептуальным кодом. Один концептуальный код может быть выражен средствами разных субстанциональных кодов: «Концептуальный птичий код невесты в свадебном комплексе эксплицируется в нескольких субстанциональных кодах: предметном (ср. роль живой или жареной курицы в свадьбе), изобразительном (ср. птичьи украшения каравая или мотивы вышивки), вербальном (языковые номинации невесты, песни с соответствующими мотивами и т. д.)» [Толстая 2007: 27].

Если использовать понятие кода сугубо в языковой плоскости (т. е. условиться, что код будет субстанционально выражен только языковыми единицами), под к о д о м будет пониматься система лексических и

фразеологических единиц, отобранных по принципу значимости обозначаемых ими предметов и явлений определенной сферы действительности для обозначения предметов и явлений другой сферы действительности (значимость проявляется в частотности использования моделей номинации, что влияет на продуктивность того или иного кода). Например, наименования соматических объектов и физических свойств человека (скажем, слепоты), которые развивают вторичные «обманные» значения, составят «соматический код» семантико-мотивационного поля «Ложь, обман»; номинации из сферы производственной деятельности человека, переосмысленные в «обманном» ключе, составят «производственный код» данного поля и пр. Выбор определенных кодов для передачи тех или иных смыслов указывает на соотносительность между разными сферами действительности, на возможности их взаимного семантического сближения: кодирование «представляет собой один из важнейших механизмов систематики, классификации, таксономического упорядочения и категоризации мира (путем сравнения, соотнесения разных фрагментов действительности)» [Толстая 2008: 337]. Состав элементов выбранного кода иллюстрирует значимость тех или иных сторон шифруемых им понятий.

Термин *код* традиционно используется в лингвистических (в т. ч. этнолингвистических) работах, ср., например, [Березович 2007; Гура 2012; Пьянкова 2008; Седакова 2007] и др. Поскольку элементы одного кода принадлежат одной сфере действительности, одному «предметному полю», он может называться предметно-тематическим (понятие предметно-тематического кода активно используется, например, в [Леонтьева 2003; 2015]). Понятие кода близко понятию сферы отождествления (принятом в [Рут 1992]): для соотнесения предметов и явлений двух разных сфер требуется операция их отождествления. Однако термин *сфера отождествления* применяется по отношению к образно-отождествляющим (или просто образным) номинациям; образное отождествление есть «ассоциативное взаимодействие чувственно-конкретных образов нового явления действительности и предмета, освоенного опытом (и, следовательно, имеющего вербальное выражение» [Рут 2008: 47]. Объект образной номинации, таким образом, есть сущность скорее конкретная,

нежели абстрактная (ср. «Объект образной номинации <…> должен быть доступен целостному наглядно-чувственному восприятию номинатора» [Там же: 37]).

В случае с единицами «обманного» поля, которые далеко не всегда являются образными номинациями, употребление термина *код* представляется более точным. Единицы одной семантической сферы переносятся в другую не всегда на основании образного отождествления предметов и явлений двух сфер (хотя такие случаи возможны, ср. образную номинацию влг. *мельница* ‘лгун, неискренний человек’ [КСГРС]), но и на основании «кратчайших» семантических связей между двумя сферами, близкими друг другу: например, перм. *басни сказывать* ‘говорить неправду’ [ФСПГ: 332] и новг. *баять байки* ‘то же’ [МИСНФ: 119] не являются образно-отождествляющими номинациями и образуются на основании общей семантической составляющей сфер вранья и «художественного» речепроизводства, однако можно сказать, что поле обмана использует единицы речевой сферы для выражения своих смыслов.

Итак, настоящая глава предполагает двоякий подход к материалу. Разделение материала на основании заложенных в номинации мотивов не совпадает с разделением, принятым при отнесении номинаций к тому или иному предметно-тематическому коду: код вбирает в себя единицы, мотивированные разными стимулами, и, соответственно, один мотив реализуется в единицах, относящихся к разным кодам. Например, сквозная для поля «Ложь, обман» идея нарушения прямизны мотивирует единицы соматического, производственного, предметного, пространственного кодов; производственный код включает единицы, воплощающие мотивы прядения, плетения, рыхления и пр.

Несмотря на разность оснований рассмотрения материала («кодовый» принцип удобен для представления материала, а его изучение на уровне внутренней мотивации представляет собой следующий шаг его интерпретации), пересечение материала в разделах 2.3 «Предметно-тематические коды, реализованные в поле “Ложь, обман”» и 2.4 «Мотивы номинации, реализованные в поле “Ложь, обман”» неизбежно: при описании того или иного кода в ряде случаев для причисления языковой единицы к этому коду, а также для выявления его структуры необходимо оговаривать причины номинации и выделять мотивы, присущие конкретному коду. Следствием стало то, что материал более

полно подан при характеризации уровня внешней мотивации; неполнота описания материала на уровне внутренней мотивации компенсируется, как кажется, вниманием к мотивам номинации при характеризации предметно-тематических кодов.

Предваряет представление материала в описанных аспектах раздел 2.2 «ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ – ОСНОВНЫХ ВЫРАЗИТЕЛЕЙ СЕМАНТИКИ ОБМАНА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ». Он посвящен определению мотивов номинации, лежащих в основе общенародных лексем со значением обмана.

Следует уточнить, что настоящей главой охватываются в основном языковые единицы, обладающие ясной внутренней формой или единицы, доступные этимологическому анализу. Многие из них обладают образностью (образной мотивированностью). Как правило, образная номинация осуществляется путем перенесения целого комплекса признаков определенного явления действительности на «обманное» явление, причем нередко не на основании объективного наличия данных признаков у последнего, а на основании представлений носителя языка о нем (например, для свердл. *наборони́ть* ‘сказать неправду, наврать’ существенными оказываются одновременно идея линейности производимого действия, иллюстрирующая разворачивание речи во времени, а также идея рыхления, передающая многоэлементность вранья)[21].

Образность присуща не только цельнооформленным лексемам, но и фразеологическим единицам, удобным для воплощения комплекса смыслов, стоящих за понятием обмана, в силу того, что они могут рисовать целую ситуацию.

За рамками главы, однако, остаются прямые номинации, в которых мотивационный признак выражен неопосредованно, ср. твер. *бессо́вестник* ‘лгун, болтун’ [ТТС 4: 35], ряз. *злыда́рить* ‘обманывать’ [СРНГ 11: 292], влг., яросл. *ерунди́ть* ‘лгать’ [СРНГ 9: 35], влг. *напра́сный* ‘лживый, криводушный’ [КСГРС] и мн. др.

---

[21] Подобные комплексные номинации М. Э. Рут обозначила как образно-отождествляющие, или просто образные, в противопоставление, с одной стороны, комплексным номинациям иных типов, а именно дескриптивным (когда комплекс признаков воспринимается как расчлененный) и предметно-отождествляющим (когда комплекс признаков так же, как и в случае образной номинации, осознается номинатором как нерасчлененный, но номинация осуществляется через отождествление с каким-либо предметом, обладающим этим комплексом признаков), а с другой стороны, номинациям по одному признаку [Рут 2008: 27–28].

Кроме того, не рассматриваются многие единицы, которые характеризуются непрозрачной внутренней формой. Тем не менее, некоторые из них могут обладать фонетической и морфологической мотивированностью. Проиллюстрируем это на примере случаев совмещения фонетических и морфологических мотивационных стимулов к образованию лексемы. Для русских глаголов весьма характерным способом словообразования является префиксация. В результате словообразовательного анализа преобладающей в поле глагольной лексики среди прочих обнаруживаются два словообразовательных типа, приставочные форманты которых имеют яркое «обманное» значение:

- глаголы с приставкой *об-*, среди значений которой (например, реализуемого в поле «Ложь, обман» значения кругового покрытия или движения вокруг, ср. нижегор., пск., смол. *объюлить* ‘обмануть’) отдельно выделяется значение ‘причинить ущерб кому-л. (иногда – обмануть кого-л.)’ как в *обхитрить* [РГ I: 364]: смол. *обдедю́лить*, пенз., перм., симб. *обдекле́шить*, ворон. *обдудо́лить*, пск., твер. *облупе́нить*, смол. *обмату́рить*, влг. *обчеку́лить*, олон., яросл., твер., пск., перм. *обчеку́рить*, новг., твер., влг., яросл., костр. *обчичикать*, смол. *обшамбе́рить* и мн. др. ‘обмануть, провести’;
- глаголы с приставкой *под-* (которая в поле «Ложь, обман» реализует значение движения к кому-либо снизу, ср. пск., твер., вят. *поддувать*) также, очевидно, обладает «обманным» значением: новг., смол., амур. *поддедюливать*, новосиб. *поддонивать*, смол. *поддудоривать*, самар. *подгу́глить*, смол. *подку́брить*, смол. *подтитю́рить* и др. ‘обманывать’[22].

Внутренняя форма корневых морфем в приведенных примерах затемнена, и именно семантика приставки, в соотношении со значением словообразовательной модели, помогает уяснить значение всего глагола (возможность высокой семантической значимости приставки в составе слова констатировала при изучении многозначности приставок Анна А. Зализняк: «Для того, чтобы приставка в составе приставочного глагола использовалась как отдельный знак, необязательно, чтобы значение глагольного “остатка” тоже было прозрачно» [Зализняк Анна А. 2006: 305]). Корневые морфемы в свою очередь «работают» на семантику лексем своим

[22] В рамках этих моделей – продуктивных в лексике поля – встречается параллелизм, ср., например, смол. *обдедюлить* и *поддедюливать*, общенар. *обманывать* и смол., ряз., рост., олон. *подманывать*.

фонетическим обликом. На пересечении морфологического и фонетического стимулов создается высокая экспрессивность, харакретная в целом для всех единиц, входящих в поле обмана.

Языковые единицы, оставшиеся за рамками анализа в этой главе, тем не менее, включены в приложение к работе.

2.2. ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ – ОСНОВНЫХ ВЫРАЗИТЕЛЕЙ СЕМАНТИКИ ОБМАНА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящая глава нацелена на определение мотивационного потенциала русской лексики и фразеологии семантико-мотивационного поля «Ложь, обман». Прежде чем мы перейдем к представлению основного массива диалектного материала, упорядоченного в рамках определенных кодов, и выявлению причин номинации, кажется необходимым выяснить, какие мотивы номинации лежат в основе общенародных лексем, которые являются базовыми выразителями семантики обмана в русском языке, чтобы впоследствии сопоставить их с мотивами, характерными в целом для всего поля. Дополним наше описание представлением этимологий общенародных «обманных» слов других славянских языков. Таким образом мы очертим круг базовых идей, формирующих общеславянское поле в его ключевых точках.

• ***обманывать, обман***

В русском языке – основные и семантически наиболее «широкие» репрезентанты понятия обмана (в отличие от «узких» *лгать, лицемерить, мошенничать* и пр.).

Славянские соответствия: укр. *обманути, обман*, блр. *аммануць, абман*, блр. диал. *абмануць* [ЭССЯ 28: 43].

Существительное производно от глагола. Глагол являет собой сложение *ob-* и гл. **manǫti* [ЭССЯ 28: 43]; значения славянских реализаций праслав. ***manǫti** включают базовое процессуальное значение **‘шевелить, махать’**, нередко сопряженное со значением **‘делать знак рукой’** (ст.-чеш. *manúti* ‘кивать, делать знак рукой, махать’, чеш. *manouti* ‘шевелить, двигать, махать; мигать’, н.-луж.

manuś ‘ходить, дуть (о ветре), парить, двигать, шевелить’, др.-русск. манути ‘сделать знак рукой или головой’), влекущее за собой значение **‘подзывать, манить’** и далее **‘обманывать’** (рус. диал. *ма́ну́ть* ‘звать знаком пальцев, кивая, мигая; звать лестью, посулами; обнадеживать, обещать; дразнить, обманывать, проводить, водить на посулах, дурачить’, *ма́ну́ть* ‘подзывать, делая знаки рукой, взглядом и т.п.’ (пск., твер., моск., ряз., тул., орл., калуж., курск., донск.), ‘приманивать, привлекать’ (тул., ряз.), ‘влечь, манить, вызывать какое-л. желание’ (калуж.), ‘ждать, дожидаться’ (север.), безл. ‘чудиться, мерещиться’ (волог.), *ману́ться, манется* безл. ‘хотеться’), укр. диал. *ману́ти* ‘манить’, блр. диал. *ману́ць* ‘врать, лгать’, ‘приманивать’, ‘попасть (куда нужно)’, см. [ЭССЯ 17: 200–201].

Родственной ему глагольной реализацией на *-iti* является праслав. ***maniti**, представленная в польск. *manić* ‘обманывать, надувать, обольщать; мошенничать, жульничать, плутовать’, польск. диал. *manić* = *mamić* ‘обманывать, морочить голову, обольщать, клеветать, соблазнять’, др.-русск. манити ‘звать (куда-л.), привлекая чем-л., завлекать, заманивать’, ‘давать обещания, обнадеживать; тянуть время, обманывая обещаниями; обманывать’, русск. *манить* ‘звать, делая знаки рукой, взглядом и т. п.’, перен. ‘влечь, прельщать, соблазнять’, диал. *манить* ‘медлить, мешкать, дожидаться’ (арх., волог.), ‘обманывать, лгать’ (арх., новг., олон.), безл. ‘чудиться’ (влад., волог.), *манить* ‘обманывать; ждать, ожидать, медлить’, ‘казаться (о привидениях)’ (киров.), ‘звать кого’, ‘затягивать решение дела, вводить в заблуждение напрасными обещаниями; лгать, обманывать’ (твер., олон., костр., перм., волог., новг., арх., онеж.), ‘медлить, мешкать, дожидаться’ (арх., волог., новг., яросл., перм.), ‘мерещиться, грезиться, казаться’ (волог., влад.) и пр. [ЭССЯ 17: 360–361].

По версии, изложенной в [БЕР III: 635], форма **maniti* получена путем диссимиляции от **mamiti*. Однако Ж. Ж. Варбот считает **maniti* образованием от **manǫti* с морфологическим переразложением основы (при котором распадается суффикс *-nǫ-* и элемент *-n-* осмысляется как завершение корня) [Варбот 1984: 135–136]. Корень *ман-* в ряде языков выступает в свободном виде (только в «обманном» значении): др.-русск. манъ ‘обман’, рус. диал. *ман* ‘кто манит, выманивает, приманивает; обманщик, надуватель’, новг. ‘лжец, лгунья’, ‘обманщик’, ‘нечистый дух, живущий в бане под каменкой и на колокольне’, блр. диал. *ман* ‘лжец’, польск.

диал. *man* ‘морока, наваждение, галлюцинация, обман чувств’, ср. также рус. пословицу *маны всякому даны* ‘обмануть всякий может’ [ЭССЯ 17: 202]; реконструируемое праслав. ***manъ**, по мнению части этимологов, производится от **maniti*, по иной версии, возводится к производящей основе для всех вышеназванных слов **mati* с формантом *-no-* (от этой основы образованы (с другими формантами *-mo-*, *-ra-*) также слав. **matъ* и, по одной из версий, **mara*[23]) [Там же].

Итак, для данных образований реконструируется производящая основа глагола **mati, majǫ*, далее – к и.-е. ***mā-* **‘махать рукой, кивать украдкой’**, потом **‘морочить кого-л., обманывать; колдовать’** [ЭССЯ 17: 202]. В гнезде **majati* (производного от **mati*) отмечаются также следующие показательные смысловые звенья: ‘делать знаки, махать рукой’ → ‘делать обманные движения’ → ‘обманывать’, ср. также семантические связи в гнезде **majačiti* < **majati*: калуж., орл. *маячить* ‘обманывать’, курск., том. *маячиться* ‘мерещиться, казаться’ [Там же: 130, 132]. В качестве семантической параллели приводится нем. *gaukeln* ‘делать движения, качаться, колебаться, порхать’ → ‘мерещиться, казаться’ → ‘колдовать’ → *begaukeln* ‘обманывать’ [Там же: 134]. Данное гнездо рассматривается на фоне др.-в.-н. *mein* ‘лживый, обманчивый’, др.-исл. *mein* ‘ущерб, несчастье’, греч. μιμος ‘обман, фокус, фокусник’ [Фасмер 3: 103].

Русские диалектные репрезентанты того же корня (со значением обмана):

бесприставочные – олон., новг., калин. *ман* ‘лжец, обманщик’, олон. *мана́* ‘обман’, брян. *ману́* (*пускать*) ‘морочить, вводить в заблуждение, распространять ложные слухи’: «Не верь ему! Это он ману пускает» [СРНГ 17: 354], арх., влг. *мани́ть* ‘лгать, обманывать’: «Манит, что весь суп съел, а сам-от весь вылил» [КСГРС], арх. *мани́ха* ‘обманщица, лгунья’ [Там же];

с префиксом *за-* – костр., тул., пск. *зама́н* ‘обман’: «Видно, матка чего-то знала, заманом каким-то манила, что не могли отопреться» [ЛКТЭ; СРНГ 10: 231], костр. *замани́ть* ‘обмануть (?), по народным представлениям исправить, изменить то, что должно случиться’: «У женщины у нас одной нищенка кусочек хлеба попросила, она бы дала кусочек хлеба, заманила бы, а она не дала, потом ейный

[23] Версии этимологии праслав. **mara* представлены и прокомментированы в [Белетич, Лома 2013].

мужик-то и умер от голода. Можно-можно так судьбу заманить, когда бы знать» [ЛКТЭ], урал. *заманивать* ‘обманывать’ [СРНГ 10: 232];

с префиксом *на-* – костр. *наману́ть* ‘обмануть, облапошить’: «Наманули меня цыгане, там и вытащили» [ЛКТЭ];

с префиксом *об-* – смол., брян., новосиб. *обманя́ть* ‘обманывать’: «Аммыняють у лауки кажон день» [СРНГ 22: 120; ССГ 7: 128], тул. *обманувать* ‘обманывать’ [СРНГ 22: 120], влад. *обмануха* ‘обманщица’ [Там же], без указ. места *обманила* ‘обманщик, лгун, сплетник, мошенник’ [Там же: 119], иван. *обманник* ‘обманщик’: «Торговцы-то сущие обманники» [Там же], ворон., курск. *обмана́т* ‘обманщик, лгун’ [Там же: 118], смол., моск., вят. *обманство* ‘обман, хитрость, уловка’ [Там же: 119], смол. *обманность* ‘обман, хитрость, уловка’: «Такая обманность пошла по свету» [Там же], пск. *обманистый* ‘обманчивый’ [Там же], пск., смол. *обманчистый* ‘обманчивый; имеющий привычку обманывать, лживый’ [СРНГ 22: 120; ССГ 7: 128], ср. также с двумя префиксами арх. *вы́обмануть* ‘обмануть всех или многих’: «Ну уж он выобманул столько народу» [СРНГ 5: 321];

с префиксом *под-* – смол., ряз., рост., олон., ставроп., барнаул. *подманывать* ‘обманывать’: «А, паразиты, вы говорили, мне дадите денег, а сами меня подманули» [СРНГ 28: 75], пск., твер. *подманивать* ‘обманывать’ [Там же], смол. *подманя́ть* ‘обманывать’: «Раз пъдмъняли мяне ани, то усе, дружбы нима» [ССГ 8: 118], брян. *подманка* ‘обманщик, обманщица’ [СРНГ 28: 75];

с префиксами *с-* и *под-* – смол. *сподмани́ть* ‘сбить с толку, обмануть’: «А усе деуки винуваты: ани мяне спъдманили» [ССГ 10: 91], смол. *сподману́ть* ‘то же’ [Там же].

• ***лгать, ложь***

Славянские соответствия: укр. *лгати*, блр. *ілга́ць*, болг. *лъжа*, сербохорв. *ла̀гати*, словен. *ləgáti*, чеш. *lháti, lhu* (*lžu*), слвц. *lhat’*, польск. *łgać, łżę*, в.-луж. *łhać*, н.-луж. *łgaś* [Фасмер 2: 469].

Существительное производно от глагола. Глагол возводится к и.-е. основе **leugh-*, для которой восстанавливается значение **‘гнуть’** [ЭССЯ 9: 183]. Праслав. **lъgati* рассматривается на фоне родственных ему гот. *liug, liugan* ‘лгать’, далее др.-

в.-нем. *liogan* ‘лгать, говорить неправду’, нем. *lügen*, англ. *(to) lie*. Соотносится с лит. *lūgóti*, *lūgoju* ‘просить, умолять’, лтш. *lùdzu*, *lùgt* ‘просить, приглашать’ и далее с нем. *locken* ‘манить’, восходящим к основе **lugh-*. Этим подтверждается связь между ‘манить’ и ‘лгать’, явленная наглядно в *обманывать* (см. выше), см. [ЭССЯ 16: 233–236].

Русские диалектные репрезентанты того же корня (со значением обмана):

бесприставочные – смол., пск. *лгала* ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 16: 300], без указ. места *лгач* ‘лгун’: «Лгач лгачу надежный свидетель» [Там же], смол. *лы́га* ‘лживый человек’: «Ина ж тъкая лыга, што ни идинъга слова прадивыга ни скажыть» [ССГ 6: 63], смол. *алга́ть* ‘лгать’: «И ни нада алгать, рядъм жывём, усе видим»; «Алгеш ты, деука, и ня совисна?» [ССГ 1: 69];

с префиксом *на-* – смол. *налыга́ть* ‘наговаривать на кого-либо, лгать’: «Как у яго совисти хватила такоя нъ мяне нълыгать» [ССГ 7: 22], смол. *наилга́ть* ‘налгать, наклеветать’: «Ета нипрауда, ина нъилгала усе»; «Нъилгали нъ мяне саседи» [Там же: 10];

с префиксом *об-* – твер. *облыга́ть* ‘обманывать’: «Ведь он меня обманывает, в глазах облыгает» [СРНГ 22: 113], дон. *облыга́ться* ‘лгать, обманывать’: «Как врешь ты, врешь, красная девочка, врешь, облыгаешься» (песня) [Там же], пск., костр. *облыжничать* ‘обманывать, жить обманом’ [Там же], пск., твер. *облыга* ‘обманщик, лгун, сплетник’ [Там же], пск. перм. *облыгало*, твер. пск. костр. *облыжник* ‘то же’ [Там же];

с префиксом *по-* – *полыгала* пск., казан. ‘тот, кто поддерживает хвастовство, ложь другого; врун, обманщик’; казан. ‘сплетник, ябедник’ [СРНГ 29: 173–174];

с префиксом *под-* – иван., сарат., сев.-зап. *подлыгать* ‘привирать, лгать’: «Один лжет, другой подлыгает» [СРНГ 28: 71];

с префиксом *раз-* – смол. *разлыга́ться* ‘начать лгать’: «Што ета ты стал ръзлыгацца удрух?!» [ССГ 9: 94–95];

с префиксом *с-* – арх., тамб. *слыга́ть* ‘говорить неправду, лгать’: «Случается, что и слыгает мальчик», ряз. *слыга́ть* ‘клеветать, ложно обвинять кого-л. в чем-л.’ [СРНГ 38: 322], ряз. *солгаться* ‘скзать неправду, обмануть’: «Я солгуся, я скажу: каши дома не было» [СРНГ 39: 254];

с префиксом *ко-* (ср. с этой приставкой, например, рус. диал. *ковертеть*, *каверзить* / *коверзить* [ЭССЯ 12: 18–19]; такая этимология кажется возможной ввиду обилия приставочной лексики в гнезде **lъgati*) – влг. *колы́га* ‘лгун, врун, обманщик’: «Ну, колыга, ты всё врёшь» [КСГРС], влг. *колы́га* ‘обманные слова’: «Колыга – кто врёт, колыжит. Не верю колыгам твоим, одни колыги у тебя, колыга ты» [Там же], влг. *загнуть колыгу* ‘соврать, обмануть’: «Загнул колыгу такую, поштё обманываешь?», влг. *колы́жить* ‘врать’: «Колыжит, врёт, обманывает. Вреднее этого нет»; «Не колыжь больше» [КСГРС; СВГ 5: 92].

• врать, вранье

Слова не зафиксированы в других славянских языках. Однако фиксируются соответствия рус. *врач* (блр. урач, болг. *врач* ‘знахарь, колдун’, макед. *врач* ‘знахарь’, сербохорв. *вра̑ч* ‘чародей, колдун, предсказатель, знахарь’, словен. *vrǎč*), что, если допукать его производность от *врать*, указывает на общеславянскую природу слова, см. [ЭСРЯ 1/3: 192–193].

Глагол образован с помощью суф. *-ати* от основы *вьр-*. Н. М. Шанский относит *врать* к одному гнезду с рус. диал. *варнакать* ‘врать, болтать пустяки’, укр. *верзти́* ‘болтать, говорить вздор, пустомелить’, откуда *верзиця* ‘пустомеля’, блр. *ве́рзци* ‘болтать, пустомелить’, н.-луж. *vavriś* ‘вести плохие речи’ и возводит его **к и.-е. **u̯er-* со значением ‘говорить’**, ср. с этой же основой **uerdh-* < **uer-* в лит. *vardas* ‘название’, лтш. *vàrds* ‘то же’, прус. *wirds* ‘слово’, др.-инд. *vratám* ‘завет, наказ, закон’, лат. *verbum* ‘слово’, курд. *vyr* ‘ложь’, греч. ῥήτωρ ‘оратор’. Отмечается, что первоначальным для *врать* является зафиксированное еще в словарях XVIII в. знач. ‘говорить, болтать, пустословить’ [ЭСРЯ 1/3: 192–193].

По иной версии, приведенной О. Н. Трубачевым в комментариях к Фасмеру, *врать* производно **от *завереть* ‘запереть, завязать’**, *завора*, ср. семантическую параллель *плести* и *сплетни* [Фасмер 1: 361]. Принимая эту версию и исходя из родства *врать* и рус. *вор*, корневой вокализм которого «исключает возможность его образования в истории русского языка», и которое «может восходить лишь к раннепраславянскому производному от глагольной основы с корневым вокализмом в ступени *е* (*ver-)» [Варбот 1976: 39], Ж. Ж. Варбот реконструирует праславянскую глагольную основу **verti* с первоначальным корневым вокализмом

е и значением ‘обманывать’. Такая реконструкция предполагает, что ***verti, *verǫ* **‘запирать, вязать’ в некоторых праславянских диалектах приобрело значение ‘обманывать’** и в этом значении преобразовалось в ***vьrati, *vьrǫ***, см. [Варбот 1976: 39–41].

Русские диалектные репрезентанты того же корня (основной их массив представлен в разделе 2.4): новг., олон., костр., ср.-урал., перм. *вракать* ‘говорить неправду, врать’: «Вракать я не стану» [СРНГ 5: 186], олон. *навракать* ‘сказать неправду, наврать’: «Ишь навракали пустомели» [СРНГ 19: 186], смол. *отоврать* ‘присвоить чужое при помощи лжи’: «Ина другей раз замыш зъйшла, а иво мать атыурала у йих сиратинку» [ССГ 7: 197], новосиб. *обоврать* ‘обмануть, надуть’: «Она меня обоврала» [СРНГ 22: 151], перм., новг., арх. *вра́ка* ‘ложь, неправда, выдумка, вздор’ [СРНГ 5: 186], арх., печор., свердл. *вра́ница* ‘ложь, неправда’ [Там же: 187], влг. *врасья* ‘лгун, лгунья’: «Экая врасья эта Анютка!» [Там же: 188], ленингр. *врулька* ‘лгун, лгунья’ [Там же: 195], смол. *вруха* ‘лгунья’: «Ни любить иё нихто: вруха ина былышая» [ССГ 2: 83], арх., влг. *вры* ‘ложь, вранье’: «Что русалки есть – это вры» [СГРС 2: 199], влг. *врани́на* ‘вранье, ложь’: «Вранина все, ею и занимаются» [СГРС 2: 198], арх. *вральный* ‘лживый, содержащий неверную информацию’: «“У Белого моря” – сама вральна газета» [Там же].

• укр. *дурити* ‘обманывать, дурачить’, блр. *дурыць* ‘то же’, польск. *durzyć* ‘обманывать, сбивать с толку, морочить’ [ЭССЯ 5: 161]

Ср. рус. *дурить* ‘делать глупости; шалить; дурачить’, рус. (*о*)*дурачить*.

Глагол произведен от **durъ* (ср. словен. *dúr* ‘пугливый, дикий’, чеш. *dur* ‘своенравность, коварство’; ‘глупец, дурак’, польск. *dur* ‘затмение, умопомрачение; горячка’, русск. диал. *дур* ‘дурь, дурачество, блажь, сумасбродство’ и др.). Возводится к и.-е. **dhou-r-o-*, производному с *-r-* суффиксальным, однокоренному с **duxъ, *duti* [ЭССЯ 5: 162]. Рассматривается на фоне др.-инд. *dhūnóti* ‘трясется’, др.-исл. *dýja* ‘трясти’ [Там же: 166], более близкое родство с лит. *su padùrmu* ‘бурно, стремительно’, *padùrmai* ‘стремительно’ [Фасмер 1: 555].

• укр. *брехати*, блр. *брахаць* ‘говорить неправду; лаять’

Славянские соответствия: рус. *брехать* ‘лаять; врать’ (см. «Звуковой код»), хорв. *brèhati* ‘кашлять’; серб. *брѐхати* ‘сильно кашлять; тяжело и учащенно дышать’, *брѐјати* ‘пыхтеть’; словен. *bréhati* ‘сильно кашлять’; чеш. диал. *břesat* ‘быстро говорить’, словац. *brechat’* ‘лаять (о собаке и лисице)’, польск. стар. *brzechać* ‘лаять; болтать’ [ЭССЯ 3: 13–14].

Глагол звукоподражательного происхождения, ввиду чего восстановление и.-е. формы и поиски и.-е. родства считаются затрудненными (см. [ЭССЯ 3: 14]). Однако в ЕСУМ предпринята попытка возведения прасл. **brexati* < **breksati* к и.-е. **bher-*/**bherk-* и (что также в [Фасмер 1: 213]) рассмотрения слова на фоне предположительно родственных ему лит. *brèkt* ‘кричать, плакать’, др.-в.-н. *praht,* ср.-в.н. *braht* ‘шум’, др.-англ. *breahtm* ‘кричу, плачу’ и нек. др. [ЕСУМ 1: 253–254].

• пол. *kłamać* ‘лгать, врать’, чеш. *klamat* ‘обманывать’, словац. *klamat’* ‘лгать, обманывать’, серб. *кла̀мати* ‘обманывать’

Славянские соответствия с иной семантикой: сербохорв. диал. *кла̀мати* ‘качать, колыхать’, ‘идти шатаясь’, словен. *klamáti* ‘идти шатаясь’, *klamáti se* ‘мешаться, путаться, быть не в полном рассудке’.

К этому же гнезду относятся чеш. диал. *kl’amět’* ‘сидеть согнувшись, на корточках’, *klamječ* ‘сидеть где-то’, словен. *klámiti se* ‘вести себя глупо, нелепо; потягиваться; идти шатаясь; добиваться обманом’ [ЭССЯ 9: 182–183].

Праславянское **klamati* толкуется «на базе исходной нормальной ступени **klom-*, родственной **kloniti,* с отличием в детерминативах *-m-* : *-n-*. Глагольная основа **klom-* или, вернее, **klem-*/**klom-* слабо засвидетельствована, хотя о ней косвенно свидетельствует праслав. **klimati* (болг. *кли́мам* ‘наклоняться, качаться’, сербохорв. *климати* ‘кивать’, чеш. *klímati* ‘дремать’, собственно ‘клевать носом, ронять, клонить голову’)», продленное на базе нулевой ступени **klъm-*, тесно связанной с апофонией **klem-* : **klom-* [ЭССЯ 9: 182–183]. Исходное значение для **klamati* – **‘качать, шатать(ся)’**. Семантическими параллелями могут служить ст.-слав. лѫка ‘хитрость, лукавство’ < и.-е. **lenk-* ‘гнуть’; праслав. **lъgati* < и.-е. **leug-* ‘гнуть’ [Там же], ср. также развитие значений чеш. *houpat* ‘качать, колебать’ → ‘обманывать’ [Rejzek 2001: 273].

• болг. *мàмя* ‘вводить в заблуждение’, ‘обманывать, приманивать животных и птиц’, ‘изменять, нарушать слово или клятву’ [БЕР III: 635], *мàма* ‘обман’ [Там же: 632], сербохорв. *тата* ‘обманщик, лжец’ [ЭССЯ 17: 185], чеш. *mat* ‘обман, заблуждение’ [Там же: 190], макед. *мами* ‘манить, обманывать’, словен. *mámiti* ‘обманывать, соблазнять, приманивать’, чеш. *mámit* ‘одурманивать, обманывать’, словац. *mamit’* ‘то же’, польск. *matić* ‘обманывать, обольщать, приманивать’ [Там же: 189–190]

Входят в гнездо прасл. **матъ*, производного от корня **та-* с помощью форманта *-то-*. Глагол на *-iti* считается производным от него, см. [ЭССЯ 17: 190; Machek: 350]. О семантике исходного корня см. выше (в *обманывать, обман*).

• серб., хорв. *varati* ‘обманывать, мошенничать, жульничать’, словен. *varati* ‘обманывать, мошенничать’

Славянские соответствия: рус. диал. *варовать* ‘сохранять, защищать’, укр. *варувати*, блр. *вараваць* ‘сохранять; охранять; полагать’ [ЭСБМ 2: 56], чеш. *varovat*, польск. *warować* ‘укреплять’.

Считается заимствованием из др.-в.-н. *warôn*, нов.-в.-н. *wahren* ‘сохранять, хранить’ [Фасмер 1: 275; ЭСБМ 2: 56; Skok 3: 566]. Из сербохорватского проникло в болгарские диалекты со значением ‘обманывать, лгать’, и в [БЕР 1: 119] предполагается следующая цепь семантических переходов: ‘беречь’ → ‘смотреть за детьми’ → ‘отвлекать внимание’ → ‘обманывать’.

• укр. *ошукати*, блр. *ашуквацъ* ‘обманывать’, польск. *oszukiwać* ‘обманывать’

Считается заимствованием в украинский и белорусский из польского, от польск. *szukać* ‘искать’, калька с нем. *versuchen* ‘испытывать кого-л., искушать’ от *suchen* ‘искать’ [ЕСУМ 4: 245; Фасмер 3: 180].

• чеш. podvádět ‘обманывать, мошенничать’

Из *pod* и *vest* (прасл. **vesti, vedǫ*). Возможно, калька с лат. subdūcere [Rejzek 2001: 481].

***

Обзор существующих этимологий для главных «обманных» лексем в разных славянских языках наглядно демонстрирует семантическую «вторичность» поля «Ложь, обман», вызванную абстрактностью заглавных понятий, и позволяет перечислить реконструируемые базовые, «первичные» смыслы, составляющие предыдущую по отношению к «обманной» семантическую ступень:

‘махать, делать знаки’ (ср. *обманывать*, польск. *matić*, болг. *мàмя* и др.),

‘гнуть’ (ср. *лгать*, укр. *лгати* и др.)

‘вязать’ (ср. *врать*)

‘качать, клонить’ (ср. польск. *kłamać*, чеш. *klamat* и др.),

‘дуть, напирать’ (ср. *дурить*, укр. *дурити* и др.)[24].

Семантической доминантой, выводимой на основании большей части перечисленных позиций, видится идея нарушения прямизны; в случаях семантики неустойчивых движений вроде *махать*, *качать* точнее было бы говорить о многократном отклонении от прямой линии.

Далее в главе мы сосредоточимся на смыслах, которые лежат в основе единиц целого семантического поля обмана в русских народных говорах, и сопоставим их с теми идеями, которые мотивируют появление слов – главных выразителей семантики обмана в разных славянских языках.

2.3. Предметно-тематические коды, реализованные в поле «Ложь, обман»

В данном разделе рассматриваются непрямые номинации, как имеющие прозрачную внутреннюю форму, так и отличающиеся меньшей степенью прозрачности для носителей языка, но поддающиеся мотивационному анализу. Таким образом, в настоящем разделе мы будем перемещаться между разными уровнями мотивационной реконструкции лексики: например, калуж. *околпáчивала* ‘обманщик, пройдоха, надувала’ [СРНГ 23: 145] и арх. *колпáчить* ‘хитрить, ловчить’ [СРНГ 14: 193], ясные с точки зрения внутренней формы, требуют от нас установления причин появления образа колпака в «обманной»

[24] Упомянутые лексемы, считающиеся кальками или заимствованиями, не берутся здесь во внимание.

лексике; а смол. *озёлок* ‘обман’ и смол. *озеля́ться* ‘поддаваться обману, омрачаться, огорчаться’ [СРНГ 23: 89] нуждаются в предварительной этимологической интерпретации.

Языковые единицы упорядочены в систему концептуальных кодов, как правило, в соответствии с метафорами, которые они реализуют: скажем, в влг. *наборонить* ‘наврать’ [КСГРС] метафорически связаны говорение неправды и рыхление земли, в арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [Там же] – процесс обмана и плетение лаптей; таким образом, на основании регулярного осмысления обмана через разные процессы производственной деятельности человека выделяется код производственных действий. Использование языковых единиц иной по отношению к «обманной» семантической сферы может быть обусловлено не метафорическим переносом, но большой семантической близостью двух сфер, иначе говоря, минимальным семантическим расстоянием между ними (ср. влг. *бахвалить* ‘говорить неправду, врать’ [СГРС 1: 78] и общенар. *бахвалить* ‘хвалиться, хвастаться’).

Язык, выбирая явления из какой-либо сферы для использования их в иной смысловой области, может руководствоваться разными мотивами; иначе говоря, один предметно-тематический код может включать в себя языковые единицы, содержащие разные мотивы номинации. Элементы внутри одного кода не являют собой строго упорядоченной системы: выбрав лексему из какой-либо семантической сферы для переноса ее в «обманное» поле, язык «не задумывается» о том, как она соотносится с другими лексемами из прежней сферы, задействованными в новом поле. Вдобавок тематический код является научной моделью, то есть в известной степени искусственным образованием, подчиненным авторскому представлению об удобстве описания языкового материала.

Сказанное не означает отсутствия логики в рамках отдельного кода: образование в нем определенных моделей номинации, большая или меньшая частота обращения к этим моделям, призванность тех или иных кодов описывать определенные участки ситуации обмана свидетельствуют об отборе, который производит язык при выборе единиц кода.

Порядок рассмотрения кодов связан с условно определяемой близостью сфер действительности к фигуре человека: сначала следуют те предметно-тематические

коды, которые включают в свою сферу образ человека (физического и в широком смысле социального), затем – относящиеся к иным бытийным сферам. Выделяется 12 сфер-«доноров» для поля «Обман» и, соответственно, 12 предметно-тематических кодов: человек физический (Соматический код), человек социальный (Социальный код), производственные действия (Код производственных действий), неспециализированные объектно-ориентированные действия (Код неспециализированных действий), пища и ее обработка (Кулинарный код), быт и предметы быта (Предметно-бытовой код), игровые и обрядовые действия (Обрядово-игровой код), звуки и звукопроизводство (Звуковой код), пространство и перемещение по нему (Пространственный код), явления природы (Природно-метеорологический код), животные (Зоологический код), магия и верования (Мифологический код).

При включении фразеологической единицы в какой-либо код учитывалось, что составляющие ее лексемы могут принадлежать разным тематическим сферам. Типичная структура «обманного» фразеологизма – глагольное обозначение действия и объектный или обстоятельственный распространитель, причем опорным, наиболее семантически нагруженным компонентом в разных случаях может быть как одна, так и другая структурная составляющая. Скажем, примерами средоточия «обманной» семантики в глаголе являются фразеологизмы перм. *плести косоплётки* ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 319], народн. *гну́тки гнуть* ‘распространять ложные слухи’ [Там же: 132]: «типично-обманные» глаголы, имеющие значение ‘обманывать’ и вне данных сочетаний и несущие в себе ключевые для всего поля мотивы плетения и сгибания, усиливаются однокоренным словом с выхолощенной в контексте фразеологизма семантикой. Опорным компонентом может быть неглагольная единица, ср. выражение *сделать лапти* ‘обмануть’, где глагол поддерживает семантический центр. В таких почти «чистых» случаях выбор в пользу определенного кода делается по опорному слову. Между ними, однако, лежит большое количество смешанных случаев, когда каждый из компонентов фразеологизма «работает» на образность номинации. Тогда единица может относиться одновременно в несколько кодов, ср., например,

необходимость рассмотрения костр. *берёзовая рожа* ‘о лживом человеке’ [ЛКТЭ] в рамках соматического и природно-метеорологического кодов.

Принципы структурирования каждого отдельного кода различаются в зависимости от удобства подачи материала. Наиболее частый способ упорядочения материала – его тематическая классификация внутри кода. По тематическому принципу организованы, например, социальный код, подразделяющийся на рубрики, маркирующие какой-либо социальный аспект человеческой жизни («Личное имя», «Этнос», «Топос» и пр.), коды производственных и неспециализированных действий, внутри которых материал распределен по группам, связанным с конкретными действиями («Рыхление и боронование», «Плетение» и др.), предметно-бытовой код и др. Еще один способ построения кода – учет структуры ситуации обмана. По принципу выделения участников ситуации организованы, например, соматический и кулинарный коды. Лексика и фразеология в них сгруппированы в зависимости от того, какой из компонентов ситуации они характеризуют – субъекта действия (обманщика), пациенса (обманутого), процесс или продукт обмана. Дополнительно привлекался словообразовательный принцип классификации – например, языковые единицы, поданные в рубрике «Личное имя» социального кода, подразделяются на субстантивные семантические дериваты личных имен и их глагольные семантико-словообразовательные дериваты.

2.3.1. СОМАТИЧЕСКИЙ КОД

Мотивирующими для «обманного» семантического поля могут становиться лексемы, обозначающие органы и части человеческого тела. Относительно ситуации обмана соматические объекты интересуют носителей языка в двух основных аспектах: во-первых, для указания на активный орган-«инструмент» обмана, принадлежащий обманщику, или для его характеризации (ср. яросл. *блудить языком* ‘лгать’ [ЯОС 1: 64]), а во-вторых, для указания на пассивный орган восприятия обманутого, подвергаемый воздействию обманщика (ср. нижнепечор. *мозги засорять* ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406]). Глаголы, сочетающиеся с обозначениями органа-инструмента или реципиента обмана,

играют важную смысловую роль во фразеологической единице (ср. *блудить*, *молоть* (*языком*), *засорять* (*мозги*) и пр.), поэтому они будут отдельно рассматриваться в рамках соответствующих им кодов.

2.3.1.1. Органы / части тела обманщика

Значительная часть номинаций, включающих обозначения соматического объекта или образованных от них, характеризует субъекта обмана через какую-либо деталь его облика или рисует действия, производимые им с помощью отдельных частей своего тела.

Лгуна отличает особый внешний признак – редкие зубы: нижнепечор. *редкозубый* (*-ая*) *враль* ‘человек, имеющий репутацию вруна и не пользующийся доверием’: «Молчи давай, редкозуба враль, кто-но тебе поверит» [СГНП 2: 237], нижнепечор. *зубы редкие* ‘кто-нибудь лжет’: «Чё-но ты ему веришь; вишь, каки зубы-ти редки, он всё врёт» [СГНП 1: 270]. В славянской народной культуре особенности роста зубов воспринимались как знаки судьбы, приметы, выдающие сущность человека; в верованиях восточных славян редкие зубы, помимо лживости их обладателя, указывали также и на колдуна [СД 2: 362].

В создании языкового портрета обманщика народное сознание обращает внимание на его глаза и лицо, ср. костр. *луто́шные глаза* ‘лживый, бессовестный человек’: «Да я ему говорю, лутошные глаза, как будто килограмм мыла съел, врёт, мылит», «Лутошные глаза, нехороший какой человек. Зря говорит, врёт про тебя»; костр. *лубяны́е глаза* ‘то же’: «Ну, лубяные глаза, совести нет у тебя» [ЛКТЭ], костр. *берёзовая рожа* ‘о лживом человеке’, *обряди́ться в берёзовую рожу* ‘беззастенчиво врать, обманывать’: «Берёзовая рожа – это позор. Кто врёт, говорит неправду, говорят: “Обрядилась в берёзовую рожу”» [ЛКТЭ], влг. *берестяная рожа* ‘бессовестный лгун’: «Это кто соврёт и отопрётся – рожа берестяная» [КСГРС], влг. *надеть бере́стяную рожу* ‘беззастенчиво лгать’: «Кто-то врёт – лицо будет красное. Врёт и не краснеет – надел берестяную рожу – и всё» [Там же], влг. *ке́рзовая рожа* ‘лживый, лишенный совести человек’: «Керзовая рожа у тебя, обманул. Раньше сапоги керзовые были», «Ну, керзовая рожа, совести нет, к сапогу приравнивают» [КСГРС].

Названные выше фразеологизмы, использующие «деревянные» образы (луба, лутошки, бересты) рассматриваются подробно в § 2.3.10 «Природно-метеорологический код». В влг. *ке́рзовая рожа* акцент сделан на грубом, застывшем лице лгуна или бессовестного человека. Признак грубости кирзы не однажды берется за основу при описании качеств человека, причем грубый материал может сравниваться с грубым в буквальном смысле или рябым лицом: «Керзовая рожа – много угрей, ямы остаются от оспы» (влг.) [Там же], «Лицо как кулебака[25] у его, керзовый сапог» (печор.) [СРГНП 1: 309]. Об устойчивости уподобления кирзовой ткани и кожи лица человека косвенно свидетельствует «обратное» сравнение: «Керзовые сапоги <…> такие некрасивые, как когда лицо после оспы» (костр.) [ЛКТЭ]. Рассматриваемое бранно-уничижительное выражение, таким образом, эксплуатирует узуальное соотнесение кирзы и лица-*рожи* и, с другой стороны, образно варьирует прост. *бесстыжая рожа*.

Органы зрения и речепроизводства у обманщика отличаются от нормальных – им присущ признак кривизны: костр. *кривоглазый* ‘обманщик, врун’ [ЛКТЭ], влг. *кривоязыкий* ‘говорящий неправду, излагающий неверные факты’: «Какие бабки кривоязыкие, не так всё говорили» [СГРС 6: 164], без указ. места *криворотый* ‘врун, пустомеля’ [СРНГ 15: 247]. Признак кривизны используется для выражения отрицательной оценки номинируемого объекта и активно задействуется в поле обмана, см. подробнее § 2.3.9 «Пространственный код».

Этнический стереотип отразился в арх. *татарские очи* ‘отъявленный негодяй, бездельник, плут’ [Опыт: 226], где реализуется типичная метонимическая замена упоминания человека на упоминание глаз (ср. выражения вроде яросл. *бесстыжие глаза* ‘о бессовестном, наглом человеке’ [ЯОС 1: 57], коми *бестужие глаза* ‘то же’ [БСРП: 119], сиб. *мороженые глаза* ‘бессовестный человек’ [ФСС: 42] и пр.).

Органы зрения задействуются в традиционном для поля обмана сценарии верчения (кручения) и искривления (о них подробнее см. § 2.3.9 «Пространственный код»): нижнепечор. *шарами* (*глазами*) *вертеть* (*отвертеть*) ‘изворачиваться, врать’: «А она не признается, вертит шарами, будто и не брала» [СГНП 2: 398], печор. *вертеть глазами* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 125], курск.

[25] Печор. *кулеба́ка* ‘открытый пирог с рыбой’; ‘о негладком, морщинистом или рябом лице’ [СРГНП 1: 361].

делать отвод глазами ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 469] (ср. вовлечение в этот же сценарий *души*: пск. *крутить душой* ‘обманывать, лгать’ [СППП: 38], нижнепечор. *кривлять душой* ‘лгать, лицемерить’ [СГНП 1: 367]).

Курск. *змигу́льничать* ‘обманывать, отделываться неправдой, отлынивать’: «Не хочется работать, так и змигульничает» [Даль$_2$ I: 709], курск., орл. *змигу́льничать* ‘лениться, лодырничать’: «Ему не хочется идти на работу, то-то он и змигульничает», ‘обманывать’ [СРНГ 11: 303], , по-видимому, имеет первичным значение, связанное с нежеланием работать (ср. курск., орл. *змигу́ла*, *змигу́ля*, *змигу́льник* ‘лентяй, лодырь’ [СРНГ 11: 303]), и развивает вторичное обманное значение по устойчивому семантическому переносу ‘лентяйничать’ → ‘обманывать’ (см. § 1.3.1). Можно подозревать производность этих слов от корня *миг-* (праслав. **mig-*, обозначающего неустойчивое, переменное движение, связанное с мерцанием света, в частности, в глазах от мигания, см. [ЭССЯ 19: 28]), ср. семантически обратное сиб. *не давать змигу* ‘торопить, не давать отдыху’ [СРНГ 11: 303]. На развитие обманной семантики могли повлиять еще, во-первых, возможность для данного корня иметь значения, базирующиеся на представлениях о подчиняющей другого человека силе взгляда, ср. костр. *замигу́ливать* ‘строить глазки’, костр. *замигу́ристый* ‘такой, на кого заглядываются другие, кто может привлечь к себе внимание’, костр. *замигу́ривать* ‘привлекать к себе внимание представителей другого пола, быть «видным», привлекательным’: «Замигуристый замигуриват девок, они на его глаз положат» [ЛКТЭ], а во-вторых, возможность его контаминации с перм., арх., пск., смол. *обмику́ливать* ‘обманывать’ [СРНГ 22: 128]. Последний глагол гипотетически мог исходно относиться к тому же гнезду (ср., например, пск. *мику́лить* ‘пропускать незамеченным, зевать’ [СРНГ 18: 159], пск., смол. *промикулить* ‘пропустить, недосмотреть’ [СРНГ 32: 186]), а в дальнейшем, в свою очередь, попасть под влияние аттракционных процессов (ср. глаголы шир. распр. *обмишулиться*, *обмишуриться* ‘обмануться’).

Образы соматических объектов используются при языковом оформлении представлений о ловкости обманщика и его способности произвести мошенничество незаметно для других, ср. новг. *упрёт* (*унесёт*) *между глаз нос* ‘кто-либо склонен к воровству, мошенничеству; плутоват, вороват’: «Этот унесёт

между глаз нос, и не увидишь, не пускай его в дом»; «Что ты с им связался? Он между глаз нос упрёт, у них все в роду такие» [МИСНФ: 149][26].

При переходе на более глубокий уровень реконструкции обнаруживается, что к номинациям, мотивированным представлениями о внешних характеристиках субъекта обмана, относятся яросл. *ощеу́л, ощеу́лка* ‘хитрец, пройдоха’ [ЯОС 7: 75], казан. *ищаул* ‘скряга, вымогатель, обманщик; притворщик’: «Экий ты, Сергушка, ищаул» [СРНГ 12: 275], яросл. *ещевул* ‘хитрый человек’ [СРНГ 9: 48]: по этимологии Ж. Ж. Варбот, слова восходят к **ščul-/*skul-* (ср. чеш. *skulina* ‘трещина, щель’) и образованы в соответствии с мотивационной моделью «скалить зубы» (ср. *щау́л* ‘зубоскал; скряга’, костр. *ощеу́лить* ‘насмехаться, издеваться’, твер., ряз., тул., влад. *ащеу́льник* ‘тот, кто издевается над кем-, чем-либо, насмешник, зубоскал’, тул. ‘негодяй, бездельник’) [Варбот 2003: 56].

Процесс вербального обмана изображается с помощью фразеологических единиц, в состав которых входит название органов речепорождения, образованных по модели «производить действие (с) каким-л. органом». К соматическим «инструментам» речепорождения наивное языковое сознание относит язык: яросл. *блудить языком* ‘лгать’ [ЯОС 1: 64], пск. *молоть, хло́мать языком* ‘говорить вздор, ерунду, неправду’ [СППП: 84], карел. *бить языком* ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 770], свердл. *брякать языком* ‘лгать, обманывать’ [Там же], коми *ляцкать языком* ‘лгать, обманывать кого-л.’ [Там же: 771]; челюсти: пск. *бить са́нками* ‘лгать, обманывать’ [Там же: 593] (диал. шир. распр. *са́нки* ‘челюсти (человека или животного)’ [СРНГ 36: 120]), новг. *бить ла́локом* (*ла́лом*) ‘сплетничать’ [МИСНФ: 120] (арх., новг., олон., пск., твер. *лалока* ‘десна’; новг., пск., твер. *лалы* ‘нижняя челюсть’ [СРНГ 16: 252]); зубы: новг. *колотить зубом* ‘привирать, сплетничать’ [БСРП: 260].

Названная модель описывает разного рода говорение: практически все перечисленные выражения имеют первое значение ‘много говорить / болтать / пустословить’ (ср. также сочетания, образованные по той же схеме, но, судя по словарным данным, не развившие семантики вранья: перм. *полоскать язык* ‘болтать’ [БСРП: 767], влад. *зубы чесать* ‘насмехаться над кем-л.’ [СРНГ 11: 355],

---

[26] Этот мотив, используемый для выражения иронии и насмешки, разрабатывается фразеологией, ср. *Промеж глаз деревня сгорела* ‘прозевал’ [Даль$_2$ I: 363], *Меж глаз нос пропал* ‘о потерянной вещи’ [БСРП: 118].

арх. *зубами околачивать* ‘говорить о пустяках’ [СРГК 2: 259] и др.). Значения речевого обмана возникают на базе семантического переноса «болтать → врать» (см. § 1.3.1). Семы активности и неумеренности действия, необходимые для осуществления переноса, привносятся во фразеологизм глагольным компонентом.

Лексемы пск., твер. *лапóшить* ‘обманывать’ [СРНГ 16: 267], пск., твер. *облапать* ‘обмануть, обобрать’ (ср. первое значение ‘обнять, охватить руками’), кемер. *облапáшивать* ‘обманывать, обирать’ [СРНГ 22: 85], нижегор. *облапóшник* ‘обманщик, плут, мошенник’ [Там же: 86] являются, очевидно, дериватами праславянского звукоподражательного **lapati* (о нем см. [ЭССЯ 14: 28–29]). Считается, что **lapa* и **lapati* являются связанными друг с другом экспрессивными образованиями, поэтому в кругу славянских семантических дериватов от **lapa* закономерно появление слов со значениями ‘разбойник, грабитель’, ‘ловушка’ и пр. [Там же: 27]. Фасмер отмечает, что *лапать* может быть новообразованием от *лапа* [Фасмер 2: 459], ср. также мнение В. В. Виноградова о том, что разг. *облапошить* ‘обмануть’ попало в литературно-разговорную речь в начале XIX в. из среднерусских и севернорусских говоров, где было образовано прямо от *лапа* с таким же формантом, как и слово *укокошить* [Виноградов 1999: 397]. Привлечение *лапы* позволяет говорить о том, что значение ‘обмануть’ появилось на базе идеи обхватывания руками (лапами), возможно, через промежуточное значение ‘обобрать’, ср. пск., твер. *облапать* ‘прибрать к рукам’ [СРНГ 22: 85], пск., твер., яросл. *лáпить* ‘брать тайком, красть’ [СРНГ 16: 263], пск., твер. *лапошить* ‘красть’ [Там же: 267].

2.3.1.2. Органы / части тела обманутого

Основным сюжетом, реализуемым с помощью образов соматических объектов обманутого, является сюжет о нарушенной перцепции, согласно которому обманщик воздействует на органы мышления и каналы восприятия обманутого с целью лишить их способности адекватно функционировать и распознавать обман. Этот сюжет отвечает своеобразному смысловому «запросу» семантического поля обмана на привлечение в свои границы лексики с первичным значением воздействия активного субъекта на пассивного, вынужденного

испытывать на себе процесс воздействия или его результат. Такой «запрос» проистекает из прототипического сценария обмана (коротко напомним его: действие обмана предполагает двух участников – того, кто его совершает, и того, на кого оно направлено; первый из них является активным деятелем, последний же находится в положении пассивного субъекта, «адресата», ради которого и затевается обман). Таким образом, сюжет о воздействии на «рецепторные» соматические объекты – один из способов отражения в языке представлений о воздействии обманщика на свою «жертву».

Перцептивными функциями в народной картине мира обладают мозг (также – метонимически – голова) и глаза.

Наиболее разработанной является **«зрительная» метафора**. Зрительное восприятие отражается в народной картине мира как основной инструмент для распознавания обмана. Это проявляется в широком языковом варьировании мотивов отрицательного влияния на зрительную способность обманываемого. Имея в виду, что органы зрения неразрывно связаны с самой зрительной способностью, рассмотрим в данном разделе не только языковые единицы, включающие соматизмы или образованные от них, но и те, которые почерпнуты полем обмана из сферы зрительного восприятия.

Можно выделить две модели, по которым развивается метафорический перенос. Во-первых, это модель «негативно воздействовать на зрительную способность» = «обманывать». Такой угол зрения предполагает фокусирование основного нашего внимания на активном субъекте действия и воздействии, им оказываемом (пассивным в этом случае оказывается воспринимающий и его органы зрения). Однако предикатом ситуации зрительного восприятия в зависимости от контекста может быть не активное действие (т. е. воздействие на зрительный канал: ‘слепить’, ‘портить зрение’, ‘мешать видеть’), а состояние объекта зрительного восприятия (‘быть видимым’, ‘казаться’, ‘мельтешить’). В этом случае метафорический перенос осуществляется по модели «быть видимым (определенным образом), мерещиться» = «обманывать». Обратимся сначала к первой модели.

«Негативно воздействовать на зрительную способность» = «обманывать»

«Обманную» семантику в русском языке развивает обозначающий основное действие по лишению кого-л. зрения глагол *(о)слепить*[27], ср. литер. *ослеплять* ‘вводить в заблуждение, обманывать’: «Вы истратили со мною много вашего красноречия <…> Но вы не ослепили меня. Я не дитя» <Достоевский, «Дядюшкин сон»> [ССРЛЯ 8: 1117], смол. *слепи́ть* ‘вводить в заблуждение’: «А не слепи ты меня» [СРНГ 38: 263], смол., зап.-брян. *заслепи́ть* ‘вводить в заблуждение’ [СРНГ 11: 41]. Значение обмана специфицирует более широкое для *(о)слепить* переносное значение лишения способности здраво мыслить и оценивать окружающую действительность, ср., например, употребление «Обида слепила его».

Расширение образности, имеющее место при образовании фразеологизма, может увеличивать экспрессивность, ср. смол. *чертей слепить* ‘нагло врать’: «А не слепи ты чертей!» [СРНГ 38: 264]: указание на нечистую силу как объекта воздействия выражает интенсивность и одновременно беззастенчивость, с которыми совершается действие, ср. у этого же оборота значения ‘делать что безрассудно или с хитрою целью’ или ‘пить запоем’ [Там же].

Слепцу, как лишенному зрения и потому беспомощному и зависимому от другого, приписывается роль типичного объекта обмана: морд. *наводить слепого* (*слепых*) *на бревна* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 59], карел. *слепую бабушку на бревно наводить* ‘обманывать, лгать’ [Там же: 24][28].

---

[27] Эта семантика характерна для слова в общеславянском пространстве (ср., например, укр. *осліплювати* ‘уводити в оману, дурити’ [СУМ 5: 771], польск. *oślepić* ‘ввести в заблуждение, обольстить’ [ЭССЯ 29: 209], болг. *заслепявам* ‘изгубя способността си правилно преценяване на явленията’ [РБЕ 5: 658]). Модель претендует на статус универсалии и существует в ряде и.-е. языков (ср., например, англ. *to blind* ‘to close the eyes of the understanding or moral perception; to deceive, “throw dust in the eyes” of (person and their faculties)’ [OED II: 287], нем. *blenden* ‘соблазнять, обманывать’ [БНРС 1: 271], фр. *aveugler* ‘se cacher la vérité’ [Reverso: aveugler], итал. *accecare* ‘ослеплять, вводить в заблуждение’ [ИРС: 20]).

Метафора ослепления реализуется в разных вариантах сказки «Правда и Кривда», сюжет которой заключается в решении вопроса о том, «чем лучше жить – кривдой али правдой?». Спорщиками могут выступать как приверженцы правды и лжи (купцы Кривда и Правда, два брата, два соседа и др.) [Афанасьев № 115, 116, 118–122], так и – реже в силу требуемой для этого абстракции – непосредственно сами эти явления [Афанасьев № 117]. Кривда, выиграв у Правды (в других вариантах – ее сторонники у своих «праведных» соперников), по условиям спора делает Правду безглазой, то есть ослепляет ее.

[28] Мотив слепоты может актуализировать представления не об отсутствии чьих-либо способностей к восприятию, а о том, что обманное действие совершается не в открытую, тайно, ср. перм. *вслепу́ю игра́ть* ‘обманывать’: «У нас он и прорабом был, и счетоводом, нас обманывал, вслепую играл: мы расценки знали, а он денег меньше выдавал» [ФСПГ: 142]. С. М. Толстая обращает внимание еще на одну линию семантического развития, а именно – на линию ‘слепой’ → ‘бесчувственный’, явленную в дериватах *слепого*, имеющих отрицательную семантику (не только в русском, но и других славянских языках; особенно примечательным здесь кажется с.-

Рассматриваемая модель конкретизируется схемой «негативно воздействовать на глаза» = «обманывать», которая, в свою очередь, реализуется с помощью мотивов, перечисляющихся ниже.

Мотив затемнения глаз можно уточнить как собственно затемнение (влг., том. *глаза затемнять кому* ‘запутывать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 123; СРНГ 6: 185], перм. *глаза* (*глазки*) *морочить* ‘обманывать’ [ФСПГ: 218])[29]; окутывание туманом (сиб. *глаза затуманивать* ‘вводить в заблуждение’ [ФСРГС: 81]).

Мотив загрязнения глаз можно уточнить как собственно загрязнение (карел. *пачкать очи* ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 463], перм. *глаза замазывать* ‘обманывать’ [ФСПГ: 129]); засорение мелкими частицами (перм. *бросать песком в глаза* ‘обманывать’ [БСРП: 494], *глаза запороши́ть кому* ‘ввести в заблуждение’ [Там же: 123]).

Семантически противопоставлены им образы осветления и очищения, встречающиеся гораздо реже: влад. *глаза светлить* ‘обманывать, вводить в заблуждение’: «Он тебе глаза светлит» [СРНГ 36: 264]; влг. *промывать глаза* ‘обманывать’ [БСРП: 125].

Метафоры затемнения и загрязнения кажутся вполне понятными. Укажем лишь, что идея, стоящая за ними, по существу синонимична идее ослепления, рассмотренной выше, ср. семантический параллелизм *слепого* и *темного* (подробно об этом см. [Толстая 2008: 167, 170]), а также связь, по реконструкции В. Н. Топорова, праслав. **slěp-* с и.-е. корнем **le□p-* ‘намазывать (жиром)’ и далее с **lěpiti, *lipnǫti* (слепым становится тот, у кого закрыты, залеплены и т. п. глаза) [Там же: 171].

Смысловое наполнение метафоры осветления требует комментария. За этой метафорой может стоять представление о светлом и ясном как прозрачном (ср. *светлый* ‘ясный, прозрачный, сквозистый’ [Даль$_2$ IV: 160]), следовательно, пустом, лишенном необходимого качества (в данном случае – для распознавания обмана);

х. *slijepac* ‘обманщик’: данный пример, очевидно, демонстрирует путь семантического развития ‘слепой’ → ‘лишенный всяких чувств, бесчувственный’ → ‘не способный чувствовать чужую беду, лишенный сострадания’ → ‘способный к обману’), см. [Толстая 2008: 139].

[29] Ср. более широкий контекст метафоры: *обойти кого-л. мороком* ‘обмануть’, сиб. *морок* ‘хитрость, плутовство, обман’ [СРНГ 18: 273], арх., свердл., сиб. *мрачить* ‘обманывать’ [Там же: 327] и др. (см. метафору затемнения и окутывания туманом в § 2.3.10 «Природно-метеорологический код»).

модель ‘прозрачный’ → ‘лишенный каких-л. важных свойств’ → ‘глупый’ отразилась, к примеру, в свердл. *яснота́* ‘глупый поступок, глупые слова’ [СРГСУ 7: 74]. Влг. *промывать глаза*, реализующее метафору очищения, встает в ряд выражений, образованных по модели ‘мыть / чистить и под.’ → ‘приносить какой-л. ущерб объекту мытья’: ср. курск., вят. *мыть* ‘бить, хлестать’, ворон. *мыть головушку* ‘сильно бранить’, вят., перм. *мыть зубы* ‘смеяться над кем-л.’ [СРНГ 19: 66], пск. *мыть зубы* ‘заниматься пересудами’: «Сусет суседу толька зубы моють» [ПОС 13: 109], калуж., влад. *перемывать* ‘недоброжелательно обсуждать кого-л.’ [СРНГ 26: 169], арх. *промывать* ‘задурить голову кому-л.’, свердл. *промывать бока кому-л.* ‘сплетничать’ [СРНГ 32: 191], общенар. *полоскать мозги* ‘обманывать кого-л.’; ср. также прост. *чистить* ‘ругать, бранить’ [БТС: 1481], прост. *пропесочить* ‘сделать строгий выговор, сильно разбранить’ [Там же: 1019]. Мотивационным признаком может служить факт сильного, резкого физического воздействия на объект; толчком для активности данной модели могло послужить общенар. *перемывать кости кому-л.* ‘недоброжелательно обсуждать кого-л.’, для которого не исключается версия о происхождении на основе славянского (преимущественно южнославянского) обряда вторичного захоронения, во время которого из земли извлекались и перемывались кости умерших, см. [Виноградов 1999: 456–464; СД 4: 94][30].

Переходя на более глубокий уровень реконструкции, отметим, что в ряд выражений, рисующих ситуацию отрицательного воздействия на чью-либо способность ясно видеть, встает смол. *озёлки пускать в глаза* ‘морочить, обманывать’: «Он озёлки в глаза пускает, не верь этому проходимцу, он антихрист, озёлки пускает в глаза» [СРНГ 23: 89].

Слово *озёлки* входит в следующее гнездо лексем, фиксируемых на смоленской территории: *озеля́ть* / *озели́ть* ‘околдовывать знахарским зельем’, ‘оглушать, одурманивать’, ‘обманывать’: «Болтовней своей озелила ты мне голову»; «Цыгани, бувала, ходють пы двырах – так азиляють, што сам усе аддаси» [СРНГ 23: 89; ССГ 7: 163]; *озе́лить* ‘обворожить, околдовать, дать зловредного

[30] Семантическую поддержку модели может оказывать еще глагол *измываться*, по версии Ж. Ж. Варбот образованный от *мыть* и реализующий представления о вредоносности мытья [Варбот 1971: 72–78]; однако в случае с глаголом *измываться* (как, впрочем, и с сочетанием *перемывать косточки*) эти представления имеют мифологическую основу: его значение – последнее звено цепочки ‘мыть, обмывать’ → ‘колдовать, обмывая’ → ‘издеваться’ [Там же: 73].

зелья’ [Опыт: 139], *озеляться* ‘поддаваться обману, омрачаться, огорчаться’; *озёлок* ‘обман’: «Озелок вышел – купили сопатого коня» [СРНГ 23, 89]; *озе́л* ‘гипнотическое воздействие’: «Озел какой-то нашел»; *озеле́нье* ‘то же’: «Эта какоита азялення – иначи ни магу абъяснить, чаго я так зделъу» [ССГ 7: 163].

Кажется убедительной связь перечисленных слов с *зельем*, ср. фиксируемые словарные значения ‘околдовывать зельем’ и ‘дать зелья’, на базе которых появляются и «обманные» значения, а также бесприставочный глагол *зеля́ть* ‘обманывать’ [ССГ 4: 138]. Однако форма *озёлки* и контекст фразеологизма (который читается изнутри как «воздействовать чем-л. инородным и, предположительно, загрязняющим на глаза») дает возможность предполагать существование по крайней мере одной или нескольких аттракций корня *зел-* к другим фонетически и семантически близким корням. Во-первых, на рассматриваемую форму могла повлиять зафиксированная на той же территории лексема *озе́рки* и ее вариант *озёрки* ‘мурашки или искры перед глазами’: «А притьлъку гылавой во хряпнууся, азерки у глызах забегъли»; «Ни гляди на солнца – азерки у глазах будуть» [ССГ 7: 163]. Слово имеет прямо относящуюся к способности ясно видеть семантику, раскрываемую в контекстах: *озерки* появляются в глазах и мешают видеть (образовано оно, по-видимому, от праславянского корня **zьr-/zir-/zŏr-/zōr-*, ср. *зрение, взирать, зоркий* и т. п.). Во-вторых, глагол *озеля́ть* / *озели́ть*, от которого образована форма *озёлки*, может испытывать притяжение к другим глаголам со значением магического воздействия, ср. арх., костр., калуж. *озева́ть* ‘сглазить’ [СРНГ 23: 87], а также иван., влад., нижегор., яросл., костр., тул. *озёпа́ть* / *озепа́ть*, влад. *озёпить* ‘сглазить’ [Там же: 89]. *Озева́ть* и *озепа́ть* являются в конечном счете родственными и обладают значением причинения кому-л. вреда, тесно связанным с семантикой колдовства и обмана.

Во внутренней форме яросл., новг., влг. *окоём* ‘обманщик, негодяй’ [ЯОС 7: 40; СРНГ 23: 106] запечатлено представление о способности субъекта обмана радикально повлиять на зрительную способность обманываемого, т. е. «вынуть глаз»: **okojьmъ* – «экспрессивное образование (ругательство?), словосложение на базе словосоч. **oko jęti* ‘вынуть глаз’» [ЭССЯ 32: 42].

Выражение *втирать глаза* (том.): «Я говорю: “Вы же области втираете глаза!”» [СРНГ 5: 229] кажется переосмыслением общенародного *втирать очки* ‘обманывать’. В свою очередь, последнее было, вероятно, заимствовано из жаргона и подверглось действию народной этимологии. По мнению В. В. Виноградова, оно пришло в общенародный язык (и в диалектные его формы) из шулерского арго, причем первоначально под *очками* подразумевались карточные очки (т. е. цифры), которые обманщик мог рисовать и стирать на т. н. «порошковых» (нарисованных с помощью специального порошка) картах, см. [Виноградов 1999: 111–117]. В дальнейшем выражение стало связываться с *очками* как прибором для улучшения зрения, послужив толчком для образования ряда подобных выражений, ср. *втереть* или *надеть на кого-л. очки* ‘одурачить’ [Даль$_2$ II: 686], смол. *становить очки в глаза* ‘обманывать’ [ССГ 10: 107], пск. *очёк вдеть* ‘обмануть’ [СРНГ 25: 60]. Легкость такого переосмысления, произошедшего на базе омонимии *очки* ‘цифры’ и ‘прибор’, можно объяснить разработанностью идеи обмана вследствие зрительной помехи, которую создает обманщик обманываемому: в данном случае такой помехой становятся очки, находящиеся между глазами объекта обмана и действительностью, которую обманщику необходимо «скорректировать». Выражения *становить очки в глаза*, *надеть очки на кого-л.* прочитываются как «заставив смотреть сквозь свои очки, изменить зрение кому-л.; заставить кого-л. видеть по-своему» (ср. *надеть на кого-л. золотые очки* ‘подкупить’ [Даль$_2$ II: 686])[31].

«Быть видимым (благодаря колебаниям объекта наблюдения), мерещиться» = «обманывать»

Редкие примеры такого переноса являются древними и требуют для своего обнаружения этимологической реконструкции. К ним относятся диал. шир. распр. *мани́ть* ‘лгать, обманывать’ и также ‘мерещиться, казаться’ [СРНГ 17: 360], калуж., орл. *маячить* ‘обманывать, плутовать’ [СРНГ 18: 62] и также общенар. ‘показываться, давать знак, мельтешить’ [Даль$_2$ II: 316]. Для данных образований

[31] Ср. еще прост. *протри очки* (говорится тому, кто не видит или не понимает чего-либо, с точки зрения говорящего, очевидного). Подобные выражения говорят об органичности семантики способности / неспособности адекватного восприятия (в том числе, восприятия обмана) для выражений с *очками*-прибором.

реконструируется производящая основа глагола **mati, majǫ*, далее – к и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать украдкой’, и восстанавливается семантическая цепочка ‘делать знаки, осуществлять колебательные движения’ → ‘делать обманные движения’ → ‘морочить кого-л., обманывать, колдовать’ [см.: ЭССЯ 17: 202, 130, 132][32].

Примером, возможно, служит и гнездо арх., влг., новг., свердл., олон., перм. *бла́зни́ть* ‘чудиться, мерещиться, представляться’, *бла́знить* твер. ‘обманывать, морочить’, ‘в суеверных представлениях – приносить несчастье, болезнь кому-л. дурным глазом’ [СРНГ 2: 314]. Прасл. **blaz-* (в *блазнить*) связывается с идеей обманчивого видения и соотносится в том числе с лтш. *blāzma* ‘мерцание, блеск, отсвет, зарево’, *blāznums* ‘мерцание, отблеск’, ст.-лтш. *blāzt* ‘мерцать’, см. [Аникин РЭС 3: 237–238]. Интересно, что семантика обманчивых зрительных впечатлений имеет мифологический «субстрат», что отражается в зафиксированных словарных контекстах, демонстрирующих, что во время «мерещенья» человек становится объектом действия нечеловеческих сил, как бы «посылающих» ему видения (ср. «Блазнит, так крестись» [СРНГ 2: 314]; «У них в доме манит, видно, кикимора завелась» [СРНГ 17: 361] и под.)[33].

Как отмечалось выше, «отвечающими» за восприятие могут быть, кроме зрительного канала, также мозги и голова.

Мотив загрязнения является общим для сценария воздействия на соматические объекты обманываемого и разделяется номинациями с участием объектов «ментального восприятия»: нижнепечор. *мозги засорять, замазывать* ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406]; ими разрабатывается также мотив кручения: нижнепечор. *мозги крутить* ‘врать, обманывать кого-то’: «Крутит ей мозги, а сам не женится – вот увидишь» [СГНП 1: 406], пск. *голову накружить*

---

[32] В качестве семантической параллели приводится нем. *gaukeln* ‘делать движения, качаться, колебаться, порхать’ → ‘мерещиться, казаться’ → ‘колдовать’ → *begaukeln* ‘обманывать’ [ЭССЯ 17: 134].

[33] Гнездо дериватов общеславянской основы **mati* включает в себя образования с разными формантами – **manъ* [ЭССЯ 17: 202] и, по одной из версий, **mara* [Там же: 206] (отдельно о версиях этимологии праслав. **mara* см. [Белетич, Лома 2013]), имеющие явную мифологическую семантику, опирающуюся на значения зрительного обмана, ср. лишь два примера: смол. *мана* ‘наваждение, нечто призрачное’ [СРНГ 17: 354], смол., курск., брян. *мара* ‘призрак, привидение’ [Там же: 367]. Соединение семантики воздействия нечистой силы через обманные зрительные впечатления и семантики обмана вообще иллюстрирует устойчивость представлений о нечистой силе как субъекте обмана (см. подробнее «Мифологический код»).

кому ‘сбить с толку, ввести в заблуждение кого-л.’: «Наговорил, голову накружил, а всё неправда» [СППП: 29]. «Ментальное» восприятие является наиболее общим и абстрактным (по сравнению с конкретными зрительным, слуховым и т. д.), и названия таких объектов, как мозги и голова, допускают в качестве глагольного компонента слова с абстрактным значением: арх. *дурить голову* ‘вводить в заблуждение, обманывать’ [АОС 12: 376], сиб. *мудрить мозгу* ‘вводить в заблуждение, дурачить’: «Да будет тебе девчонкам мудрить мозгу, они уж и так со страху дрожат» [ФСРГС: 115].

Во внутренней форме фразеологизмов отражается представление о воздействии на зубы обманываемого: арх. *загибать зубы кому* ‘говорить неправду, лгать’: «Не верю, ты мне зубы не загибай» [СРГК 2: 259]; пск. *мыть* (*помыть*) *зубы кому* ‘обманывать’ [БСРП: 261]. Кажется, что эти выражения образовались в результате контаминаций: с одной стороны, они «оттолкнулись» от общенар. *заговаривать зубы кому*[34] ‘посторонними разговорами намеренно отвлекать от того, что важно или нужно собеседнику, вводить в заблуждение’ [СлРЯ 1: 509], с другой стороны, продолжили фразеологические ряды с опорными словами *загибать* и *мыть*: ср., например, литер. *загибать арапа* ‘пустословить, говорить вздор’ [БСРП: 18], калуж. *загибать буки* ‘сулить, обещать что-л.’ [СРНГ 9: 360], башкир. *мыть бока кому* ‘обсуждать кого-л.’ [БСРП: 51], ворон. *мыть головушку* ‘сильно бранить’ [СРНГ 19: 66] и др.

Выражения перм. *волочить за долгий нос* ‘обманывать, вводить в заблуждение’ [ФСПГ: 57], пск. *наводить за нос кого* ‘обманывать, вводить в заблуждение, дурачить кого-л.’ [СППП: 57], вероятно, являются региональными вариантами общенар. *водить за нос* ‘вводить в заблуждение’, фразеологизм-источник которого был известен еще древнегреческому языку, откуда калькировался во многие европейские языки. Предполагается, что метафора связана со способом управлять животными, которых водят при помощи кольца, продетого в ноздри [РФ: 478].

***

Вне зависимости от того, чьи соматические объекты фигурируют в номинациях – субъекта обмана или пациенса – активным деятелем, как правило,

[34] Считается, что выражение *заговаривать зубы* связано с лечением больных словами, заклинаниями, заговорами, некоторые из которых могли унять зубную боль [РФ: 258].

является обманщик. Глаголы или глагольные компоненты фразеологизмов называют его действия, как с участием его частей или органов тела (новг. *колотить зубом* ‘привирать, сплетничать’ [БСРП: 260], печор. *вертеть глазами* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 125], пск., твер. *облапать* ‘обмануть, обобрать’ [СРНГ 22: 85] и др.), так и направленных на части тела, чаще – органы восприятия обманываемого (смол. *слепи́ть* ‘вводить в заблуждение’ [СРНГ 38: 263], влад. *глаза светлить* ‘обманывать’ [СРНГ 36: 264], пск. *голову накружить кому* ‘ввести в заблуждение кого-л.’ [СППП: 29], перм. *волочить за долгий нос* ‘обманывать’ [ФСПГ: 57] и др.). Обманываемый выступает в роли пассивного объекта, его действия не «регистрируются» языком.

Помимо перечня активных действий обманщика, соматический код дает возможность составить его портрет: часть языковых фактов, указывающих на орган или часть тела субъекта обмана, содержат характеристику его внешности. Среди черт лгуна или обманщика выделяются, например, редкие зубы (нижнепечор. *зубы редкие* ‘кто-нибудь лжет’ [СГНП 1: 270]), застывшие «деревянные» глаза (костр. *луто́шные глаза* ‘лживый, бессовестный человек’ [ЛКТЭ]) или, наоборот, чересчур подвижные глаза (печор. *вертеть глазами* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 125]), застывшее лицо-маска (влг. *берестяная рожа* ‘бессовестный лгун’ [КСГРС]), оскаленные зубы (яросл. *ощеу́л, ощеу́лка* ‘хитрец, пройдоха’ [ЯОС 7: 75]).

2.3.2. СОЦИАЛЬНЫЙ КОД

Народное сознание, как с помощью системно-языковой номинации, так и через фольклорные тексты, создает образы типичных актантов ситуации обмана: типичного обманщика, обманутого, места обмана и др. Для создания подобных образов в системе языка могут выделяться определенные личные имена, этнонимы и топонимы, за которыми закрепляется семантика эталонных для характеризации названных актантов. Также язык отмечает личные качества, речь, интеллект, особенности поведения, профессиональные навыки и под., которые, по народным представлениям, присущи потенциальным обманщику и обманутому. Онимы и апеллятивы, так или иначе относящиеся к социальным аспектам жизни человека и

мотивирующие слова со значением обмана, рассматриваются в рамках социального кода. Ниже материал сгруппирован вокруг отдельных маркеров человека социального, таких, как Личное имя, Этнос, Топос, Поведение, Речь, Профессия, Социальный статус, Семья, Интеллект.

2.3.2.1. Личное имя

Среди лексических единиц, мотивированных личными именами, встречаются субстантивные семантические дериваты, обозначающие обманщика, они же, входящие в состав фразеологизмов со значением ‘обманывать’, а также глагольные семантико-словообразовательные дериваты, обозначающие обманные действия. В первом случае мотивирующие антропонимы осмысляются как принадлежащие типичному обманщику, а в последнем случае они могут относиться как к обманщику, так и типичному объекту обмана.

Субстантивные отантропонимические дериваты

В данном случае условием выбора имени служит главным образом его фонетический облик – способность к звукоизобразительности либо созвучие с определенным апеллятивом, чье значение позволяет сходному с ним антропониму попасть в семантическое поле обмана. В ряду таких имен *Алёша* (*Алёха*), *Емеля* (*Омеля*), *Дёмка* (форма имени *Демьян*), *Вакул*(*а*), *Окула* (форма имени *Акил*), *Мануйла* (форма имени *Мануил*): влад. *алёха, алёша* ‘лгун, хвастун, бахвал’ (ср. также *алёшки подпускать* ‘хвастать, лгать’) [СРНГ 1: 234], новг., влг., твер., ворон., влад., пск., смол. *емéля* ‘лгун, хвастун’: «Экой ты емеля: ни одному слову твоему нельзя поверить» [СРНГ 8: 355] (ср. *мелú, емéля* ‘о человеке, говорящем неправду, ерунду’ [СППП: 39], а также пословицу «Ври (мели), Емеля, твоя неделя» [Даль 1: 1293]), влг. *омéля* ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 23: 199], твер. *дёмка* ‘обманщик, плут; обманщица, плутовка’ [СРНГ 7: 349], яросл., новг. *вакýл*(*а*) ‘плут, обманщик’: «Вакул всех надул» [СРНГ 4: 19], влад., новг., твер., пск., казан. *окýла* ‘плут, обманщик’ [СРНГ 23: 172], курск. *манýйла* ‘обманщик, льстец, угодник’ [СРНГ 17: 365].

Имя *Алёша* (*Алёха*) обладает фонетической выразительностью, что способствует присвоению его болтуну (слоги *а-лё* нередко используются в звукоизобразительных глаголах со значением ‘болтать, пустословить’), а следовательно, вруну (по типичному переносу ‘болтать’ → ‘врать’).

Аттракция к глаголу *молоть* и его формам (*мелет* и др.) со значением избыточного речепорождения определяет появление семантики пустой болтовни и вранья у дериватов имени *Емеля*, ср. также диал. шир. распр. *емеля* ‘празднослов, пустомеля, пустослов’ [СРНГ 8: 355], новг. *омелюшка* ‘тот, кто много говорит и часто попусту’: «Омелюшка опять мелет вам, все болтает», «Два омелюшки собрались и мелют, и мелют» [НОС 6: 168].

Имя *Дёмка* появилось среди обозначений обманщиков вследствие притяжения к слову *демон* (см. [Фасмер 1: 497]), ср. твер. *демёшка* ‘сатана, демон’, *демёшкины ребята* ‘нечистые духи, черти’, *дёмины ребята* ‘то же’ [СРНГ 7: 349].

Имя *Вакула* могло привлекаться в качестве номинации обманщика в результате притяжения данного антропонима к следующим созвучным словам: влад., костр., новг., яросл., твер., ряз., вят. *баку́лить* ‘говорить, разговаривать, болтать’, яросл., ряз., тульск. *баку́ня* ‘болтун, краснобай; обманщик, плут, ловкий в разговоре’ [СРНГ 2: 64], а также притяжения к словам, рассматриваемым в следующем абзаце.

Имя *Окул*(*а*), как представляется, сближается со словами, в которых выделяется корень *кул-*, восходящий к **kul-* с семантикой гнутья (см. о дериватах корня статью **kuliti, kul’a* и др. в [ЭССЯ 13: 97–99]): это слова с «обманными» значениями влг., яросл. *окула́ть* ‘обмануть’, пск., твер. *оку́лить* ‘обманывать, надувать’, яросл. *оку́лывать* ‘обманывать, надувать’, пск., твер. *оку́льник* ‘сплетник, обманщик’ [СРНГ 23: 173]. Все они отражают метафору «гнуть → обманывать» (о ней см. § 2.3.4 «Код неспециализированных действий»).

Имя *Мануйла* сближается со словами *манить, обман* (о чем см. [Фасмер 2: 570]), поэтому приобретает «обманные» коннотации.

В некоторых случаях существенным оказывается не фонетический облик, а коннотативное содержание онима, ср. дон. *мухаме́т* ‘вор, плут, мошенник’ [СРНГ 19: 35]: типичное мусульманское имя присваивается мошеннику вследствие

отрицательного отношения к представителю другого этноса и конфессии (подробнее см. § 2.3.2.2 «Этнос и топос» в рамках настоящего кода).

Глагольные отантропонимические дериваты

В процессе глагольной семантико-словообразовательной деривации деонимизация более значительна, поэтому не во всех случаях легко и однозначно можно предположить стоящее за глаголом мотивирующее имя и быть уверенным, что глагол образован непосредственно от антропонима.

Помимо фонетического облика имени, его притяжения к созвучным апеллятивам выявляются еще несколько факторов, благодаря которым имя попадает в поле обмана. Это, во-первых, культурные коннотации, свойственные ему в языке. Во-вторых, словообразовательая модель. В статье, посвященной отантропонимическим глаголам в русских говорах, И. В. Родионова делает замечание о важности модели, по которой они образуются, причем примером для такого вывода служат именно «обманные» глаголы: «Вовлечение антропонимов в процесс глагольной деривации может поддерживаться определенной семантической моделью, которая обусловливает мультиплицирование одного смысла в глаголах с корнями различных антропонимов; ср., например, ряд диалектных глаголов со значением ‘обмануть / обманывать’<…>. Эта парадигма является открытой – подобные дериваты возможны и от других антропонимов, причем данная семантико-деривационная модель иногда реализуется практически без участия фактора коннотаций и фактора аттракции, т. е. сам по себе производящий антропоним ни по коннотативному содержанию, ни по форме может не соотноситься с идеей обмана» [Родионова 2004: 64].

Более подробное рассмотрение лексики обмана позволяет говорить о двух моделях с однотипным словообразованием, внутри которых возникают синонимичные отантропонимические глаголы:

- «поступить как тот, на кого указывает производящая основа глагола» – нижегор. *объемéлить* ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 278]. Модель является продуктивной, ср. ее реализацию вне рамок отантропонимической лексики: например, перм., курск., ворон., нижегор., тобол., тул. *обцыгáнивать* ‘обманывать, прибегая к хитрости’ [СРНГ 22: 263], енис., бурят. *ошамáнивать*

‘подчинять колдовской силе, околдовывать’, ‘обманывать’ [СРНГ 25: 78]. Как было указано выше, имя *Емеля* присваивается обманщику и болтуну, поскольку связывается по созвучию с глаголом *молоть* (ср. *молоть чепуху, вздор*);

- «сделать (делать) тем, кто указан производящей основой глагола» – перм. *объерёмить* ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 278], нижегор., казан. *офáлить* ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 25: 20] < *Фаля* (форма имени *Фалалей*), пск., твер. *фóфанить* ‘обманывать, плутовать’ [Даль 4: 1152] < *Фофан* (форма имени *Феофан*), свердл. *офарафóнить* ‘то же’ [Там же] < *Фарафон* (форма имени *Ферапонт*), казан. *опаранивать* (удар.?) ‘то же’ [СРНГ 23: 236] < *Параня* (форма имени *Прасковья*). Модель также является продуктивной, ср. разг. *обдурачить* ‘обмануть’, вят. *обалбесить* ‘то же’ [СРНГ 21: 345]. Антропоним *Ерёма* имеет в языке коннотации неудачливого, глупого человека (ср. влг., влад., твер., яросл. *ерёма* ‘недогадливый, глупый человек, простофиля’, ‘человек, не приспособленный к жизни; неудачник’ [СРНГ 8: 368; ЯОС 4: 36]), принадлежит незадачливому герою русской народной сказки, см. [Отин 2004: 139]. Те же коннотации свойственны именам *Параня, Фаля, Фофан*: влг. *парáня* ‘глупый, несообразительный человек’ [КСГРС], алтай. *парáха* ‘дура’ [СРГС 3: 173]; обл. *фáля* ‘простак, простофиля, разиня’ [Даль 4: 1130]; без указ. места *фóфан* ‘простак, простофиля, дурак, глупец’ [Там же: 1152]. Имя *Фарафон* дублирует звукосимволику сходного с ним имени *Фофан* – и, очевидно, может «разделять» его вторичные смыслы.

Имея в виду обозначенную выше возможность пополнения ряда отантропонимических глаголов под влиянием семантической модели, можно предположить образование тул., ряз., курск. *объерóшить* [СРНГ 22: 278] от имени *Ероша* (< *Ерофей*) (такую реконструкцию встречаем в [Родионова 2004: 64]). Однако более вероятным видится приставочная деривация от глагола *ерошить*: «обманное» значение могло возникнуть на базе семантики причинения ущерба, вреда кому-либо (о метафоре «ударить» → «обмануть» см. в § 2.3.4 «Коде неспециализированных действий»), ср. пск., твер., перм. *ерóшить* ‘бить кого-, что-либо’ [СПГ 1: 249; СРНГ 9: 33–34], влг. *ерóхнуть* ‘ударить кого-н.’ [СРГК 2: 28] (слово *ерóха* ‘упрямец, склочник’ М. Фасмер считает образованием с суффиксом *-оха* от *еропá* ‘хвастун’ [Фасмер 2: 26]).

Культурные коннотации онимов *Егор* и *Кузьма*, которые свойственны им в функции хрононимов, обусловили возникновение глаголов пск. *егорить* ‘обманывать’ [СРНГ 8: 317], тул., калуж. *обиго́рить* ‘обмануть’ [СРНГ 22: 58], кург. *объегаривать* ‘обманывать’ [Там же: 274], ворон. *подъегоривать* ‘обманывать’: «Ну и подъегорил я сегодня соседа» [СРНГ 28: 261], ср. лит.-разг. *объегоривать* ‘обманывать, проводить’ [ССРЛЯ 8: 552] (возможно, твер. *ёгарь и ёгорь* ‘обманщик’ [СРНГ 8: 315] испытали воздействие со стороны имени *Егор*); тул. *кузмить* ‘обманывать’ [СРНГ 16: 28], костр. *подкузьмить* ‘войти в доверие обманом, лестью’ [СРНГ 28: 50], ср. прост. *подкузьмить* ‘ловко провести, обмануть’ [ССРЛЯ 10: 415]. Мотивирующими хрононимами являются дни св. Георгия (Егория, Юрия) 23 апреля и 26 ноября, когда истекали сроки сельскохозяйственных повинностей, и день св. Козьмы и Демьяна 17 октября, который считался сроком истечения сельскохозяйственных сделок. Считается, что первоначальными значениями слов *объегорить* и *подкузьмить* являются значения ‘обмануть к Юрьеву, Егорьеву дню’ и ‘расстроить надежды, связанные с Кузьминым днем’, см. [РНК: 135, 226; Фасмер 3: 111, 297].

2.3.2.2. Этнос и топос

Общей чертой отэтнонимических и оттопонимических дериватов со значением обмана является то, что они, как правило, не отражают объективные свойства народа или места, от имен которых они образованы, но транслируют обобщенные представления – стереотипы, основанные главным образом на свойстве «чужести» этого народа или территории по отношению к коллективному «автору» той или иной лексемы. Признак «чужой», присущий рассматриваемым ниже этнонимам и топонимам, мотивирует появление разнообразных отрицательных коннотаций у их дериватов. Иными словами, здесь мы имеем дело с ксеномотивацией – то есть мотивированностью слов обобщенными представлениями о чужих народе или месте как в разных смыслах аномальных (вредоносных, странных, опасных для своих соседей) (подробно о механизме ксеномотивации и функционировании ксенонимов в различных лексических сферах см. [Березович 2006]).

Семантическое поле обмана оказывается благодатной почвой для развития отэтнонимической и оттопонимической семантико-словообразовательной деривации в рамках связки «чужой» → «характеризующийся отрицательно», поскольку разрабатывает смыслы, связанные с резкой негативной оценкой чьих-либо действий и поведения в целом.

Этнонимическая мотивация

Мотивирующими для «обманного» поля становятся имена народов, языковые портреты которых активно разрабатываются в русском языке и вне сферы обмана (ср., например, ономасиологический портрет *цыгана* [Березович 2007: 131–137]):

◆ *цыган – цыган* ‘обманщик, плут, барышник, перекупщик’ [Даль$_2$ IV: 592], костр. *цыганка* ‘лживая, хитрая женщина’ [ЛКТЭ], перм., курск., ворон., нижегор., тобол., тул. *обцыганивать* ‘обманывать, прибегая к хитрости’: «Ходят и всех обцыганивает, обманывает всех, окаянный»; «Только и смекает, как бы кого обцыганить», арх., ворон. *обцыганить* ‘обмануть при обмене лошадей’ [СРНГ 22: 263], вят. *оцыганить* ‘обмануть’: «Они кого хочешь оцыганят, слушай их больше» [ОСВГ 7: 174];

◆ *татарин* – арх. *татарин* ‘криводушный, хитрец, лукавый’, арх. *татарские очи* ‘отъявленный негодяй, бездельник, плут’ [Опыт: 226];

◆ *жид* – без указ. места *жидовать* ‘вымогать деньги, обманывать’ [Даль$_2$ I: 557], *и жида обманет* ‘о ловком обманщике’ [Даль ПРН I: 435][35].

В данном случае механизм ксенономинации – т. е. воплощение в словах обобщенного отрицательного представления о чужом – отчасти поддерживается этнографической мотивацией: скажем, фактом того, что цыгане занимались конокрадством, евреи – ростовщичеством.

Такое качество, как способность к обману, подразумевает хитрость обманщика – славяне повсеместно выделяют цыган и евреев как своих наиболее хитрых соседей, причем в ряде славянских фольклорных текстов фигуры цыгана и

[35] Поддержку языковым фактам оказывают паремии: «Цыган ищет того, чтоб обмануть кого» [Снегирев: 278]; «Цыгану без обману дня не прожить» [Даль ПРН I: 434]; «Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается» [Там же]; «Кто цыгана / жида обманет, трех дней не проживет» [Там же]; «Грек, жид, армянин, цыган, да полтавский дворянин – а век неправдой живут» [Там же: 173].

еврея (жида) могут заменять друг друга, см. об этом [Белова 2006: 140, 141]. Любопытно, что стереотип о хитрости еврея является настолько устойчивым, что «даже в регионах, где славянское население никогда не имело прямых контактов с евреями, понятие “хитрый жид” является постулатом: “[Кто такие евреи?] Еврей… Хитрый жид!” (В. Н. Егоров, 1940 г. р., Злобиха Харовского р-на Вологодской обл., 2002, зап. О. В. Белова)» [Там же: 141].

Среди ключевых качеств, по которым в народной культуре опознается инородец, традиционно выделяются язык и речь, см. схемы описания «чужого» Я. С. Быстроня, З. Бенедиктовича, О. В. Беловой и др. [Белова 2006: 35–38]. Речь представителя другого этноса признается неполноценной; «чужой» с этой точки зрения означает «не владеющий понятной речью» или «не способный говорить вообще», ср. хрестоматийный и наиболее «лобовой» в смысле внутренней формы случай с внешним этнонимом *немец*. Следующим шагом в семантическом развитии отэтнонимического деривата, обозначающего непонятную речь, может быть появление у него значения говорения неправды: рус. карел. *корелять* (< *карелы*) ‘говорить лишнее, привирать’: «Кореляла я все, врала» [СРГК 2: 423], ср. рус. карел. *корелять* ‘говорить по-карельски’ [Там же], влг. *корелять* ‘говорить невнятно или непонятно’ [СГРС 6: 27].

Указание на иную этническую принадлежность может быть функционально равнозначным указанию на иную конфессиональную принадлежность (о славянских культурных стереотипах о чужой, «неправильной» вере и о смешении понятий «вера» и «национальность» см. [Белова 2006: 71–115]). Вера, отличная от господствующей в своей этнической группе, считается вредоносной: ср. арх. *облаты́нить* ‘обмануть’: «Облатынили меня с этой пьянкой» [КСГРС]. В буквальном значении ‘обратить в католическую веру’ слово имеет явные отрицательные коннотации, ср. фиксации 17 и 18 в.: «Чтоб они иноверцы веры крестьянские не облатынили и нам бы, холопям и сиротам, от них иноверцов до конца не погибнуть» (1664 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 68], «<Стрельцы> великого государя поносили всякими бранными ругательными словами, и говорили: “Не сила Божия ему помогает, ересьми он силен, христианскую вѣру поругал и облатынил, обмѣнный он царь”» [СлРЯ XVIII в. 15: 252]. По-видимому, глагол имел распространение преимущественно в народной среде: словарь русского языка

XVIII в. помечает его как просторечный, кроме того, он активно функционирует в текстах севернорусского фольклора, ср. фрагмент сказки «Алеша Попович», записанной в Архангельской губернии: «В те́ поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и облатынил все царство князя Владимира» [Афанасьев 2: 362], фрагмент печорской былины из сборника Ончукова: «Православную веру облатынить всю» и фрагмент духовного стиха, записанного в Вологодской губернии: «И много Аника святыя иконы переколовши, Много Аника христианския веры облатынил» [СРНГ 22: 87–88]. Приведенные контексты позволяют заключить, что рассматриваемый глагол подразумевает не только обращение в чужую веру, но одновременно и «порчу», нанесение ущерба своей; компонент ‘вероисповедание’ в его значении может вообще утрачиваться, уступая место семантике перемен в худшую сторону – имеются в виду перемены в образе жизни, поведении, ср. нижегор. «Иногда прибавляют, желая упрекнуть в чем-нибудь: –Ты, парень, облатинился, словно хуторский <т. е. лакей или дворовый>» [СРНГ 22: 88]. Семантика глагола может предельно расширяться до значения ‘нанести какой-л. ущерб объекту действия’ (в том числе ‘обмануть’) – об этом свидетельствуют толкования, даваемые слову по всей видимости непрофессиональными лексикографами, создающими в сети Интернет словники того или иного диалекта: ср. в «Толковом словаре поморьской говори» *облаты́нить* ‘надоедать; замучить’: «Комары облатынили» и ‘лишить свободы действий, заколдовать’: «Облатынил он меня» (девица о парне) [http://www.proza.ru/2010/10/17/739], а также в стихийно пополняемом в Интернет-пространстве словнике-дополнении к «Устьянскому словарю» (словарю говора Устьянского района Архангельской области): *облаты́нить* ‘пристать, замучить’ и ‘обмануть’ [https://vk.com/topic-1741267_27232209]. Как представляется, именно в значении ‘причинить ущерб’ данный глагол употреблен в контексте, поданном в СРНГ со знаком вопроса и без пояснений: арх. «Куска покажи, да они облатынят, собаки-те» [СРНГ 22: 88]. Таким образом, «обманная» семантика «конфессионального» глагола возникла, вероятно, не просто на основании признака «чужести», заложенного в его внутреннюю форму, а опосредованно – на базе переходного значения ‘наносить ущерб, мучить’.

К отэтнонимическим дериватам мы относим слова с корнем *мазур-*, которые формируют значительную группу в поле обмана, в том числе простореч. *мазу́рик* ‘плут, мошенник, вор’ – и возводим их к этнониму *мазуры*, см. подробно об этом раздел 4.4 настоящей диссертации.

Топонимическая мотивация

Можно назвать ряд топонимов, производные которых обнаруживаются в семантическом поле обмана (например, *Москва, Рязань* и др.). Каждое из этих имен обладает определенным коннотативным фоном, допускающим появление у их дериватов семантики обмана.

Обманщику может присваиваться обозначение *москва*, ср. забайк. *москва* ‘о разговорчивом, ловком обманщике, плуте’ [СРНГ 18: 284], что связано с несколькими факторами. Во-первых, это имя и его производные на широкой территории относятся к людям, говорящим много и хорошо, ср. перм. *москва* ‘об очень разговорчивом человеке’ [СРНГ 18: 284], морд. *москва* ‘очень разговорчивый человек’: «Гъварить-тъ он масква, с кем хош пъгъварить можът» [СРГМ 1: 544], костр. *москва* ‘о человеке, умеющем и любящем красиво говорить’: «А он ведь это – москва на разговоре-то» [ЛКТЭ], арх. *москвичка* ‘женщина, умеющая складно, красиво говорить’ [КСГРС], влг. *моско́вец* ‘прозвище человека, который умеет хорошо, красиво говорить’ [СРНГ 18: 285] и др. Е. С. Отин связывает возникновение этой коннотации с особенностями московского просторечия XIX в.: присущими ему громкостью, экспрессивностью, яркостью выражений [Отин 2004: 244]. Вероятно, в XX в. устойчивость значения имени поддерживалась благодаря формуле советского радиовещания «Говорит Москва», использовавшейся с начальных лет распространения радио в стране. Так или иначе, единицы со значением ‘много говорить’ систематически развивают значения вранья и – далее – обмана вообще. Во-вторых, дериваты имени *Москва* сохраняют компонент ‘относящийся к столице’, трансформируя его в сему ‘превосходящий что-л. в каком-л. качестве’, в т. ч. ‘более ловкий’: язык хранит представления о плутоватости москвичей и подозрительное отношение к столице, ср. моск. *намосквичиться*, влад. *намосквя́титься* ‘перенять ловкость москвичей’, южн. *намоскалиться* ‘научиться плутовать’ [СРНГ 20: 41], ср. также поговорки

«Московские люди землю сеют рожью, а живут ложью», «Знает москаль дорогу, а спрашивает» и др. [Даль ПРН I: 409] (специально о языковом образе Москвы и ее жителей в русском языке см. [Березович, Кривощапова 2015а; 2015б]). Изучаемый языковой факт, как видится, возник на пересечении этих мотивационных «векторов».

Оттопонимическое происхождение можно подозревать для влг. *обрязáнить* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 226], однако причины, по которым образ Рязани эксплуатируется в контексте ситуации обмана, можно только предполагать.

Наиболее убедительным кажется «прочтение» глагола в рамках модели «сделать тем, кто назван в производящей основе глагола», в данном случае – *обрязанить* «сделать рязанцем». Эта модель реализуется в разг. *одурачить*, вят. *обалбесить* ‘обмануть’ [СРНГ 21: 345], смол. *обандýрить* ‘то же’ [ССГ 7: 105] (< смол. *бандýра* ‘глупый человек’ [ССГ 1: 119]), перм. *объерёмить* ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 278] и т. д., причем производящее слово или прямо обозначает глупого человека (т. е. того, кого легко обмануть: *дурак*, *балбес*), или имеет соответствующие коннотации (как, например, коннотации глупости у антропонима *Ерёма*, см. выше § 2.3.2.1 «Личное имя»). На наличие у слов, обозначающих жителей Рязани, коннотаций глупости и недалекости указывают такие факты, как прост. *баба рязанская* ‘о неловкой, рассеянной, глупой женщине’ [БСРП: 21], пск. *баба рязанская* ‘темный, отсталый человек’: «Што баба рязанская, мушшина ня развитай ни на какоя дела» [ПОС 1: 79], костр. *нарядиться, как баба рязанская* ‘одеться неуместно’: «Идет какая-нибудь не в своей одежде или нарядилась как-то странно, так как рязанская баба нарядилась» [ЛКТЭ].

Кроме того, представляется, что на формирование семантики обмана повлияла фонетическая аттракция лексемы *Рязань* к словам с корнем *рез-*. Дериваты этого корня обозначают различные действия по причинению физического ущерба (откуда – обозначения лиц, наносящих ущерб, ср., к примеру, сиб. *резáнцы* ‘разбойники’ [СРНГ 35: 31]). Притяжение глагола *обрязанить* к лексеме *обрезание* кажется вероятным еще потому, что мотив обрезания присутствует в некоторых словах со значением обмана, ср., например, влг. *окорнáть* ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 23: 154].

Таким образом, во-первых, лексема *обрязанить* имеет внутреннюю форму «сделать рязанцем» и прочитывается по аналогии с глаголами *одурачить, обалбесить, обандурить* и пр., будучи мотивированной коннотациями глупости и недалекости, присущими обозначениям жителя Рязани. А во-вторых, глагол *обрязанить* испытывает аттракцию со стороны слов *обрезать, обрезание,* востребованных в поле обмана.

Связь с именем места, вероятно, прослеживается и в ряз. *мака́р* ‘лицемер, плут’, *смотреть макаром* ‘лицемерить, притворяться’, ряз. *макарку подпустить* ‘обманывать, лицемерить, лгать’ [СРНГ 17: 308]. Семантические дериваты имени *Макар* обозначают людей таких занятий, которые могут быть потенциально опасными с точки зрения обмана, ср. *мака́р* моск., нижегор. ‘товарищ по откупу’, ряз. ‘тот, кто занимается отхожим промыслом’, моск., нижегор., ряз. ‘целовальник, кабатчик, торговец в питейном заведении’ [Там же]. Можно предположить, что эти значения «наведены» звуковой ассоциацией имени с названием Макарьевской ярмарки (важно, что они фиксируются в говорах тех территорий, которые поставляли на ярмарку самых активных и многочисленных продавцов). Любопытно, что Макарьевская ярмарка могла именоваться *Макарием*, ср. костр. «Ко Макарью зайду погулять», «У Макарья жить долго не стану» [Там же].

Америка обладает коннотацией чего-либо давно известного, но преподносящегося как неожиданное открытие (см. [Отин 2004: 45]), отсюда появление у слова значения ‘чепуха, ерунда’: сиб. *заливать <всякой> америки* ‘наговаривать много лишнего, привирая’: «Ты мне не заливай америки, я все знаю» [ФСРГС: 78], арх. *америку построить* ‘наговорить с три короба’: «Она, вишь, разговаривать – америку построит, а как что путнее, дак нет» [СГРС 1: 16] (в последнем случае в восприятии *Америки* актуализируется также представление о ее обширном пространстве). Кроме того, в коннотативном значении *Америки* присутствует сема ‘находящийся далеко, неизвестно где’, ср. мотивировочные контексты к топонимам, фиксируемым в Архангельской, Вологодской и Костромской областях: поле *Америка* (арх.) – «Это далеко. Говорили: “Поезжай в Америку – там паши!”», урочище *Америка* (арх.) – «Косить ходили – женщины ругались: “Опять нас в Америку, в этакую даль!”», покос *Америка* (влг.) – «Дальний покос был, никто не знал, где он» [ТКТЭ] и т. д. Данная сема легко

трансформируется в сему ‘чужой, ненормальный, неправильный’ (ср., например, о д. *Америка* (костр.): «Они такије чуваши были, дикије, мы их так и прозвали – Америка» [Там же]), которая поддерживает функционирование *Америки* в обманных контекстах.

Итак, мотивация «от этнонима» и «от топонима» зачастую основана на стереотипных представлениях об инородцах и иноземцах как о людях потенциально опасных, в том числе с точки зрения обмана. Однако на отбор производящих основ той или иной «обманной» лексемы влияют собственные внутриязыковые факторы: в основном, лексическая семантика и коннотативный фон, которыми слова с данной основой обладают в системе языка, а также контаминационные связи, в которые они вступают.

2.3.2.3. Профессия

Сфера торговли является благоприятной для проведения обманных операций – и это отражают разные уровни лексической системы языка (что уже продемонстрировал семантический анализ лексики поля, см. § 1.3.1). Лексемы, обозначающие лиц, связанных с данной сферой, могут приобретать вторичную семантику обмана и мошенничества, очевидно, по схеме «торговец» → «нечестный торговец» → «обманщик». В рамках такого переноса рассмотрим слова арх., тул. *маклáк* ‘плут, мошенник, проныра’ [СРНГ 17: 310] (ср. также казан., влг. *смаклáчить* ‘обмануть, надуть кого-л.’ [СРНГ 38: 340]) и казан. *прáсол* ‘обманщик’ [СРНГ 31: 69]. Слова *маклак* и *прасол* достаточно активны в русских говорах, см., к примеру, [Едалина 2015: 26, 80, 128–129].

Маклаком в просторечии называется посредник при торговых сделках, ср. без указ. места *маклáк* ‘сводчик, посредник при продаже и купле; барышник, перекупщик, базарный плут’: «Маклака не обойдешь, не объедешь» [Даль 2: 756], прост. *маклáк* ‘посредник при мелких торговых сделках; маклер’: «По их непринужденности, шушуканью, бросаемым и подхватываемым на лету шуточкам и многозначительным словечкам я догадался, что это маклаки – завсегдатаи аукционов» (А. И. Куприн, «Кровать»), ‘тот, кто наживается, перепродавая что-л.; спекулянт’: «В толпе бойко промышляют маклаки, за бесценок скупая у беженцев

вещи» (Г. К. Холопов, «Гренада») [СлРЯ 2: 217]. В говорах возможна специализация значения, ср. арх. *маклáк* ‘торговец рыбой’ [СРНГ 17: 310]. Слово *маклáк* производно от *маклер* (ср. окончание в слове *мастак* от *мастер*) [Orel 2: 653], которое, в свою очередь, заимствовано из нем. *Makler* ‘маклер’ или голл. *makelar* ‘спекулянт’ [Фасмер 2: 561]. От него образованы глаголы также с первоначальными «торгово-денежными» значениями *маклáчúть* пск., твер. ‘торговаться, скряжничать’, арх. ‘наживаться за чужой счет’ [СРНГ 17: 310], *смаклáчить* вят. ‘нажить, скопить денег’, без указ. места ‘нажить, приобрести что-л. маклачеством’: «Смаклачить себе домишко» [СРНГ 38: 340].

Прасол – лицо, близкое по роду занятий маклаку, ср. без указ. места *прáсол* ‘скупщик мяса и рыбы (для соленья?) для розничной, мелочной распродажи’, тамб. ‘торговец скотом’, кур. и др. ‘перекупщик’ [Даль 3: 998], устар. *прáсол* ‘оптовый скупщик в деревнях мяса, рыбы, скота и сельскохозяйственного сырья для перепродажи’ [СлРЯ 3: 359] (ср. «торгово-денежный» новосибирский глагол *прасóлить* ‘спекулировать’ [СРНГ 31: 69]). Согласно словарю М. Фасмера, слово образовано от *соль* и имеет первоначальное значение ‘торговец, который заготавливает, засаливает рыбу и мясо’, которое затем расширилось до значения ‘торговец вообще’ [Фасмер 3: 355].

Отдельно в группе обозначений лиц по роду занятий, развивающих вторичные значения, отметим твер. *сыромя́жник* ‘плут, обманщик’ [ДО: 263], которое, вероятно, первоначально синонимично общенародному *сыромятник* ‘специалист по выделке сыромятных кож’ [СлРЯ 4: 327].

2.3.2.4. Поведение

Образ жизни, подчиненный лени, может быть условием для совершения обманных действий. Семантика обмана нередко развивается на базе значений, связанных с ленью (об этом см. в § 1.3.1). Мотивационные модели также могут демонстрировать постулат традиционных представлений о том, что честным бывает, как правило, только труженик, а бездельник «подозревается» в склонности к обману (вероятно, потому, что умеет отлынивать от работы). Такими являются модели «бездельник» → «обманщик» и «лентяйничать, лодырничать» →

«обманывать»: ср. *валёк* (очевидно, «тот, кто валяется», т. е. уклоняется от работы) влг., вят., свердл., твер., влад. ‘лентяй, лежебока’ и влг. ‘обманщик, мошенник, плут’ [СРНГ 4: 24], влг. *лодырничать* ‘хитрить, плутовать, обманывать’ [СРНГ 17: 107], без указ. места *сбездельничать* ‘совершить подлог, обман, смошенничать’ [СРНГ 36: 168] (ср. также поговорку «У бездельника охота до того, чтоб обмануть кого» [Снегирев: 257]).

Последняя модель может реализовываться через непрямое указание на безделье того, кто обманывает, ср. костр. *ложкомóй* ‘хитрец, обманщик’: «Ложкомой, хитрец, всё норовит обмануть»; «Ложкомой-от хитрец, выбрал себе лёгкую работу» [ЛКТЭ]. *Ложкомоем* называют мойщика посуды [Даль 2: 681], вероятно, чаще в каких-либо трудовых объединениях, ср. вят. *ложкомойник, ложкомойка* ‘человек, занимающийся мытьем посуды (в артелях бурлаков или на лесных работах)’, ср. также уфим. *ложкомойничать* ‘быть мойщиком посуды’ [СРНГ 17: 110]. Слова *ложкомой(ка), ложкомоя* отмечены в словарях русского языка XI–XVII и XVIII вв. в стилистически нейтральных контекстах [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 274; СлРЯ XVIII в. 11: 219]. В современном литературном языке они являются устаревшими [ССРЛЯ 6: 329]. Развитие негативной семантики в говорах может быть связано с тем, что мытье посуды, очевидно, считалось простой, преимущественно женской работой, которую выбирали себе среди других общих работ чурающиеся тяжелого труда люди. Для ее выполнения, к тому же, не требовалось никаких профессиональных навыков. Неодобрение, выказываемое ложкомою, прослеживается и в костр. *ложкомóйник* ‘человек, которому надо все самое лучшее’: «Ух, какой ложкомойник! Это не то ложкомойник, что ложки моют, ложкомойник это как обзывают. Ему надо побольше, хорошего и много» [ЛКТЭ], пск. *ложкомóй* ‘человек, разборчивый в еде’ [ПОС 17: 151]; представление о неспособности *ложкомоя* к труду стало также мотивационным стимулом для костр. *ложкомóйничать* ‘побираться’: «Они картошку-то не садят, так вот ложкомойничают, кусошничают по деревням. Ложкомойничают – ну, не делают ничего» [ЛКТЭ][36].

[36] Фиксации *ложкомой* новг. ‘прозвище человека, облизывающего посуду’ и сиб. ‘угодник, прислуживающий кому-л. ради корыстных целей’ [СРНГ 17: 110] наводят на мысль о возможном влиянии на развитие негативной семантики со стороны общенародного *блюдолиз* (*лизоблюд*). По крайней мере, такое влияние может сказаться на появлении семантики привередливости в еде и выпрашивания еды, отмеченной у костр. *ложкомой, ложкомойничать*, ср. *лизоблюд* ‘лакомка’,

Еще одним типом поведения, провоцирующим его носителя на вранье, является хвастовство: костр. *хвастун*, *хвастунья* ‘тот, кто врет’: «Кто нахвостил на тебя, тот и хвастун. Ой, нахвостила про меня что, хвастунья» [ЛКТЭ], ряз. *похвастать* ‘наговорить напраслины, наврать’: «Я те похвастаю, поболтаю! Мать сроду не умеет хвастать» [СРНГ 30: 343], влг. *бахва́л* ‘врун’: «Шильный-мыльный – про бахвалов говорили, кто врёт», «У нас таких попросту по-деревенски бахвалами зовут, врут которые много» [КСГРС; СГРС 1: 78], влг. *бахва́лить* ‘обманывать, «сочинять»’: «Не буду и бахвалить, не знаю» [Там же], арх., влг. *набахвалить* ‘наговорить неправды’: «Набахваливали на него, что натодель корабль-от обмелил»; «Один уже приезжал писать про жизнь, говорить, а потом книжку написал, что отец как убийца, а он и не убивал. Набахвалил только про нас» [КСГРС], арх., влг. *побахвалить* ‘наврать, наговорить пустого’: «Побахвалила, посидела, сплетни пособирала» [Там же].

Социально осуждаемые ввиду своей опасности для общества модели поведения (жульничество и хулиганство) признаются и «обманоопасными». Обозначения *жулик* и *шпана* имеют дериваты в поле обмана, ср. пск., ленингр. *ожу́лить* ‘обмануть, обжулить’: «Ожулили меня кругом!» [СРНГ 23: 82], влг. *ошпани́ть* ‘обмануть’: «Ошпани́ла меня цыганка, обманула это», «Ошпанили меня, украли деньги, вот шпана-то» [КСГРС] (ср. арх. *шпани́ть* ‘хулиганить, безобразничать’ [Там же]).

Внутренняя форма яросл. *подношу́ра* ‘фальшивый человек, способный солгать; подхалим, льстец’ [ЯОС 8: 30] может быть интерпретирована как «тот, кто подносит что-либо кому-то в качестве подарка» → «льстец, фальшивый человек». Таким образом, подозрение в неправде вызывает угодничество и лесть. Глагол *подносить* может включать в свое значение целевую установку на доставление адресату удовольствия, ср. без указ. места *подносить* ‘подавать, потчевать, угощать, предлагать с почетом’ [Даль 3: 195], а также арх. *поднестись* ‘преподнести подарок’ [СРНГ 28: 96], арх., олон., влад., смол., урал., сиб. *поднос* ‘свадебный подарок, угощение’ [Там же: 104], общенар. *подношение* ‘поднесенная вещь, подарок’. Не до конца проясненным остается словообразовательный аспект.

лизоблюдничать ‘подлизывать остатки’ [Даль 2: 649], *блюдолизничать* ‘искать чужих обедов’ [Даль 1: 246].

2.3.2.5. Речь

Между сферами говорения и обмана прослеживаются регулярные семантические переходы; сфера речевого обмана отделена от речевой сферы минимальным семантическим расстоянием, см. § 1.3.1. Семантика говорения неправды нередко воплощается в языке средствами, общими с семантикой говорения вообще.

Часть слов, номинирующих говорение неправды, является семантическими или семантико-словообразовательными дериватами глаголов с речевой семантикой.

В гнездо с вершиной *баять* < прасл. **bajati* со значениями ‘говорить’, ‘рассказывать’ [ЭССЯ 1: 139] (ср. и влг. *ба́ять* ‘врать’: «Не сбежала я, не бай!» [КСГРС]) входят следующие лексемы: *оба́ивать* (*оба́ить*) диал. шир. распр. ‘возводить ложное обвинение’: «Кругом обаят» (костр.), новг., олон., перм., свердл., иркут. ‘с помощью лести, хитрости уговаривать или обманывать’ [СРНГ 21: 343], арх., влг., костр., перм. *оба́ять* ‘обмануть’: «Поосторожнее будь, как бы тебя не обаяли» (костр.) [Там же], без указ. места *оба́ять* ‘обмануть краснобайством, надуть россказнями, особенно при продаже и покупке’ [Даль$_2$ II: 583], новг. *обаи́м* (*обаю́м*) ‘хитрый, льстивый человек, плут’: «Обаим бестыжий, все выпросит», «Обаюм он, худой человек, самый худой, льстит» [НОС 6: 77], новг. *обаи́мчик* ‘ловкий, пронырливый, изворотливый человек’: «Он такой обаимчик, значит обходиться с людьми умеет, хорошо грамотный, подходчивый к начальству. Он и документы может хорошо подделать» [Там же], яросл. *обаи́м* ‘обманщик, находчивый в отговорках и лести’: «Обаим мужичонко!» [ЯОС 7: 5], без указ. места *оба́й* ‘балагур, ловкий плут, обманщик’ [Даль$_2$ II: 583], влг. *крутоба́й* ‘врун’ [СГРС 6: 196], яросл. *прибаянить* ‘обмануть’ [СРНГ 31: 107].

Восходящими к *бакать* ‘говорить, болтать’ < прасл. **bakati* (расширение на -*k*- основы, представленной в **bajati* [ЭССЯ 1: 142]) считаются следующие лексемы (о чем см. [Фасмер 1: 109; Аникин РЭС 2: 107]): ряз., тул., яросл., курск. *баку́ня* ‘болтун, краснобай’, ‘обманщик, плут, ловкий в разговоре; проныра’ [СРНГ 2: 65]; костр., смол. *забаку́лить* ‘заговорить’, ‘обмануть’ [СРНГ 9: 243]; влг., пск., калуж., влад., твер., курск., петерб., ряз., смол. *обаку́лить* ‘обмануть, надуть, хитро или

ласково разговаривая’: «Сегодня меня в лавке на пять копеек обакулили» [СРНГ 21: 344]; пск., твер., влад. *обакульничать* ‘быть обманщиком, обманывать’: «Кулаки обакульничают» [Там же]; смол. *обаку́ла, обаку́льник, обаку́льщик* ‘обманщик, обманщица’: «Ета ж ныстыяшший абакула, каго хош амманить, абвядеть вакрух пальца»; «Ета ж усе рауно, што абакульник, што абакульшшик: анным словом плут, амманшшик» [ССГ 7: 105]; смол. *обакуливать* ‘обманывать’: «Ты гляди ня дужа верь им, ти ни абакуливыють яны тябе» [Там же]; ср. выражение влг., новг. *обакулы разводить* ‘заниматься пустыми разговорами, болтовней’ [СРНГ 21: 344][37]. Сюда же, возможно, относятся лексемы с фонетическими изменениями (экспрессивное озвончение *к* → *г*, мена плавных *л* → *р*): кург., тобол. *обагу́лить* ‘обмануть, обобрать’, ‘оговорить кого-л.’ [СРНГ 21: 344]; смол. *обаку́рить, обаку́ривать* ‘обмануть, обманывать’: «У мыгазини у нас часта абакуривыють, ну и прыдауцы!»; «Ён такой хитрый, што усех абакуриу» [ССГ 7: 105].

Производными глагола *болтать* являются: новг. *сболта́ть* ‘сказать неправду, солгать’: «Ой, как бы тебе сказать, не сболтать бы мне» [НОС 10: 15], пск. *бо́лтух* ‘болтун, лгун, пустомеля’ [СРНГ 3: 82], урал., том., барнаул. *болтуша* ‘болтун, лгун’: «Болтушу эту не води сюда: уши вянут слушать-то вас» [СРНГ 3: 83], смол. *болтушка* ‘пустой и лживый человек, сплетник’: «Во балтушка тыкая: илгеть, кыда нада и ни нада»; «У мяне была сасетка тыкая баутушка, усех апслыуляла»; «Ей ничога ни скажы, ина ш тыкая балтушка, усё пирискажыть» [ССГ 1: 221], смол. *болтовёшка* ‘болтливый человек’, ‘лгунишка, хвастунишка’: «Авой, и бълтавешка ш ты! Такога ш и не была никъда» [Там же: 219–220], смол. *болтуха* ‘лгун, лгунья’: «Ета ш балтуха извесныя, а вы ей веритя» [Там же: 220], смол. *обба́лтывать* ‘говорить неправду о ком-либо; клеветать’: «Балтухи вы, аббалтывыитя людей тока»; «Аббалтывыить усих саседык» [ССГ 7: 106].

От глагола со значением речи образовано также якут., калуж. *аля́сничать* ‘болтать, врать, рассказывать небылицы, говорить вздор, заговариваться’ [СРНГ 1: 249] < диал. шир. распр. *лясничать* ‘болтать, шутить’ < диал. шир. распр. *лясы* ‘болтовня, пустые разговоры’ [Аникин РЭС 1: 187–188]. *Лясничать* на

[37] Формально и семантически *обаку́ла, обаку́лить* близки диал. шир. распр. *оку́ла, оку́лить* ‘обманщик’, ‘обмануть’ [СРНГ 23: 172–173], однако последние, скорее всего, производны от корня *кул-* со значением ‘гнуть, сгибать’.

новгородской территории вполне закономерно зафиксировано также со значением ‘врать’ [СРНГ 17: 284].

Сходный с этими словами фонетический облик имеют следующие языковые единицы поля: пск., твер., костр., калуж. *баля́сить* ‘шутить’ [СРНГ 2: 92], калуж. *алясник* ‘болтун’ [СРНГ 1: 249], сиб., забайк., тобол. *алю́сничать* ‘льстить, лицемерить’, ‘выманивать что-либо лестью; обманывать’, ‘говорить какой-нибудь вздор, шутить’ [Там же: 247], тобол. *алюсы* ‘лесть’ [Там же], *алюсник* том., перм., сиб., тобол., забайк. ‘ловкий рассказчик, болтун’ [Там же], влад. *алюша* ‘лгун, хвастун’ [Там же].

Выделяются два корня – *ляс-* и *люс-* – «делящие» между собой названные слова: *алюсничать, алюсы* связываются с *люс* ‘обманщик, трус’, *люсить* ‘хитрить’ и далее с *хлюсить* из *хлус-*, ср. пск., твер. *хлу́сить* ‘обманывать, надувать’ (см. версию Трубачева в [Фасмер 2: 546], а также [Аникин РЭС 1: 184]) (к этому же корню относится и пск. *облю́сить* ‘обмануть, перехитрить’ [СРНГ 22: 116]); *алясничать* и *балясить* связаны с *лясы* (ср. яросл. *лясы-балясы точить* ‘болтать, пустословить’, пск. *разводить лясы-балясы* ‘то же’, карел. *плести лясы да балясы* ‘то же’ [БСРП: 378–379]), которое толкуется как дериват от междометия *ля* (ср. *лялякать*) с пейоративным суффиксом -(*а*)*с*-, ср. *выкрутасы, прибамбасы* и т. д. [Аникин РЭС 2: 164]. *Ба-* в *балясить* трактуется как следствие народной этимологии, сблизившей *лясы* с *баять* [Там же][38].

Ввиду фонетической и в ряде случаев формальной близости и частичного «наложения» территорий фиксации данных лексем можно предполагать их взаимовлияние. Контаминационные процессы могут происходить и с участием неупомянутых выше лексем. Так, А. Е. Аникин допускает для *алюсничать* контаминацию с перм. *але́сливый* ‘льстивый’ [Аникин РЭС 1: 184]; влад. *алюша* и влад. *алюшки подпускать* ‘лгать, хвастать, шутить’ [СРНГ 1: 247] испытали влияние влад. *алёша, алёшки подпускать* с теми же значениями [Там же: 234], образованных, вероятно, под воздействием имени собственного *Алёша* (*Алёха*) (см. § 2.3.2.1 «Личное имя»); говорить о влиянии на *алюша* слов с *алюс-* (см. выше, ср.

[38] Версия М. Фасмера о происхождении *лясы* и *балясы* ‘россказни, шутки’ из *балясы* ‘столбики перил’ [Фасмер 2: 552; 1: 119] кажется, ввиду частотности образования «речевых» лексем от «речеподражаний», а также наличия «речеподражательных» параллелей, включающих слоги *ля-* и *бал-* (ср. хотя бы прасл. звукоподражат. **balakati* ‘болтать’ [Аникин РЭС 2: 118]), неубедительной.

еще урал. *алюсы строить* ‘ласкаясь, обманывать’ [СРНГ 1: 247]) затруднительно ввиду очерченной в СРНГ урало-сибирской территории распространения последних.

Единицы речевой сферы могут попадать в «обманное» поле тогда, когда содержат признак выдуманности или занимательности (см. о «художественном вранье» в § 1.2.3). Ими являются фразеологизмы с опорными словами *басня, байка,* ср. перм. *ба́сни ска́зывать* ‘говорить неправду’: «Ты мне басни не сказывай, я ведь всё равно дознаюсь, кто это чашку разбил» [ФСПГ: 332]; томск. *распускать / распустить басни* ‘лгать, говорить неправду’ [БСРП: 31]; новг. *баять байки* ‘лгать, говорить неправду’: «Ты брось нам байки баять! Слыхали мы сто раз про твои геройства!» [МИСНФ: 119]; смол. *басни баять* ‘говорить неправду’: «Ни бай басни, тибе нихто ня верить» [ССГ 1: 131].

По номинативной модели «наговорить *сколько-то* = очень много» построены выражения, обозначающие длительную, объемную речь и говорение неправды (ср. литер. *наврать с три короба* ‘много наврать’ [ССРЛЯ 5: 1443])[39]: новг. *наговорить четыре короба* ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 124], новг. *наговорить в долг и взаймы* ‘много наговорить, наболтать, налгать’: «Она такая врунья, ты только слушай, наговорит и в долг и взаймы» [Там же: 123]; новг. *наговорить взад и вперёд* ‘много наговорить, наболтать, налгать’: «Баба эта наговорит взад и вперёд, любому голову заморочит» [Там же]; новг. *наговорить роту солдатов* ‘то же’ [Там же: 122]; новг. *наговорить бочку арестантов* ‘то же’: «Его не приглашали в гости, очень врущий, наговорит бочку арестантов, про всех наврёт» [Там же: 122] (олон. *арестант* ‘мелкая сушеная рыба’ [СРНГ 1: 274][40]);

---

[39] Мотив объема вранья активно разрабатывают и паремии: «Бабья вранья и на свинье не объедешь»; «Врал до обеда, да и к ужину достанется» [Снегирев: 45]; «Наврал семь верст до небес и все лесом» [Соловьева: 71]; «Соврал, что за пазуху не уберешь / не перелезешь» [Даль ПРН I: 234] и др. Представления об объемности лжи могут рисоваться паремиями как зрительное увеличение говорящего неправду: «Как станет врать, так его в два охвата не обнять»; «Ты врать поперек себя толще» [Даль ПРН I: 232].

[40] Существует несколько версий интерпретации слова *арестант* ‘мелкая рыба’ в этом выражении. Согласно одной из них, это слово этимологически сближается с «рыболовными» лексемами *арестéга, аростéга, оростúга* и др. ‘веревка с крючком на конце, приспособление для ловли рыбы на леску’: «Слово *арестант*, видимо, первоначально означало “рыбешку, пойманную на арестегу”, совмещая с этимологическим и обычное значение слова *арестант* ‘заключенный’». Выражение, таким образом, – «рыбацкая шутка, первоначально означавшая “нарассказать всяких небылиц о якобы огромном улове”» [РФ: 55–56]. Несколько предположений об этом слове делает Т. В. Горячева. Она допускает, что рыба может быть названа *арестантом* с опорой на его первичное значение ‘заключенный’, приводя для сравнения новг. *незакóнники* ‘молодь рыбы,

влг. *говорить на себя и под себя* ‘врать, наговаривать на кого-л.’ [СГРС 3: 58]; сиб. *наговорить на себя и под себя* ‘наболтать лишнего, налгать’ [ФСРГС: 116]; смол. *наговорить мех кулаков* ‘сказать неправду’: «Што ты ныгыварила мех кулакоу?» (смол. *мех* ‘большой мешок’) [ССГ 6: 97]; костр. *наговорить неделю четвергов / четвергов с неделю* ‘много наговорить, наврать’: «Ябеда человек, ябедник, он наговорит четвергов в неделю. Почему четвергов, этого не знаю, это задолго до нас было, очень старое выражение» [ЛКТЭ], без указ. места *наговорить семь четвергов (и все кряду)* ‘очень много наговорить, рассказать (как правило – вымышленного, неправдоподобного)’, коми *наговорить семь четвергов на неделе* ‘то же’ [БСРП: 739][41].

Мотив следования двойным нормам в речи содержится в сев.-двин. *двоеречить* ‘противоречить самому себе, хитрить; подлаживаться к тем и другим; лгать’ [СРНГ 7: 288] (ср. литер. *двуличие*).

С точки зрения этической нормы речь оценивается в яросл. *не в совесть сказать* ‘сказать неправду, напраслину’: «Не в совесть ты обо мне сказала» [СРНГ 39: 181] (ср. обратное *на совесть сказать* ‘честно’ [Там же]).

2.3.2.6. Социальный статус

Вероятно, по востребованной в поле обмана семантической модели «поступить как тот, на кого указывает производящая основа глагола» (ср. диал.

мальки’ [Горячева 2003: 161]. Также она выдвигает версию о связи лексемы *арестант* ‘мелкая рыба’ с продолжениями праслав. **nerstъ*, среди которых, например, новг., пск. *нерест* ‘малек’, а также, гипотетически, пск. *рестóнец* ‘малек’ и новг. *рестá* ‘рыба густера’ [Там же: 162].

[41] С одной стороны, «мультиплицирование» четверга при отсутствии подобных моделей «речевых» выражений, в которых участвуют названия других дней недели, может объясняться его внутренней формой. Вероятно, говорящими ясно ощущается этимологическое родство *четверга* с числительным *четыре* и, соответственно, словами вроде *четверить* ‘увеличить вчетверо’; таким образом, *четверг* подходит для воплощения идеи множественности и одновременно интенсивности говорения.

С другой стороны, названия дней недели часто включаются в конструирование выражений, абсурдных по своему буквальному содержанию. Нередко абсурдность внутренней формы необходима для воплощения идеи чего-либо невозможного или несоответствующего реальности: обозначения вранья, как в рассматриваемом случае, или разработки смысла ‘никогда’ (*в понедельник после среды* [БСРП: 520], *после пятницы в четверг* [Там же: 550] и под.), но не только, ср. общенар. *из-под пятницы суббота* ‘о неаккуратном человеке’, общенар. *семь пятниц на неделе* ‘о непостоянном человеке’, новг. *в середу четверг* ‘о торопливом человеке’ [Там же: 608] и под. Богатый потенциал этого языкового способа описания аномалий определяется однозначной установленностью «нормального» календаря, насчитывающего по одному из семи дней в каждой неделе, следующих в известном порядке.

ожу́лить, *ошпани́ть*, *обцыга́нивать*, *ошама́нивать*) образовано костр., пск., твер., яросл., краснояр. *обоя́рить* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 187].

2.3.2.7. Семья

Семантику обмана развивает в говорах глагол *женить* и его приставочные дериваты, ср. без указ. места *женить* ‘надуть’: «Барышник женил его ладно» [Даль 1: 1327], пск., курск., костр., арх. *женить* ‘обмануть, надуть’: «Он его женил на две тысячи»; «Васька-то женил меня, сказал, что в контору пойдет, а сам к Тольке подрал» [СГРС 3: 356; СРНГ 9: 125], арх. *поженить* ‘обмануть, ввести в убыток’ [СРНГ 28: 291], курск. *подженить* ‘обмануть’ [СРНГ 28: 7].

Некоторые из вторичных значений этого слова перечислены в рамках обзора метафорических значений элементов свадебного обряда (в т. ч. языковых) в [Гура 2012: 765–770]: объединяющее, связывающее, продуцирующее, преобразующее и несколько других. Чаще всего метафора брачных отношений используется для обозначения процесса соединения каких-либо элементов: например, как женитьба воспринимается слияние двух рек в одну, разбавление одного напитка другим, см. [Березович 2014: 248–249], прививание растений, см. [СРНГ 28: 291].

Вероятно, идея соединения может трансформироваться в идею взаимодействия или контакта, на основании которой возникает семантика, не отмеченная в упомянутом выше обзоре: воздействия – арх. *женить* ‘охватить своим действием’: «Меня параличь жэнил, дак ничево не вижу, не слышу» [АОС 13: 301][42] и физического контакта – пск., смол. *женить* ‘ударить’: «Уж как я его женил по уху, так и глаза куды делись» [СРНГ 9: 125], твер., смол. *подженить* ‘ударить прутом’: «Постой – не уходи, я тебя подженю прутом» [Добровольский 1914: 219; СРНГ 28: 7], ряз. *поженить* ‘попасть мячиком в кого-л.’ [СРНГ 28: 291].

Появление значений обмана в семантическом спектре глагола, который легко развивает семантику негативного воздействия на объект, представляется логичным, см. в § 2.3.4 «Код неспециализированных действий» примеры на реализацию метафоры «ударить» → «обмануть».

---

[42] Ср. употребление слов *брать*, *взять* в контексте болезни: «Какая-л. болезнь *взяла* кого-то» или об очень здоровом человеке – «Его ничего *не берет*»).

2.3.2.8. Интеллект

Связь представлений о способности к обману и развитом уме и, наоборот, о способности быть обманутым и низком интеллекте обсуждалась в § 1.3.1. Носители говоров считают, что обману легко подвергается дурак: обман изображается как превращение объекта обмана в дурака, ср. разг. *о(б)дурачить* ‘обмануть’, брян. *подурить* ‘обмануть’ [СРНГ 27: 397], смол. *одур* ‘обман’: «Это одур, зацапали 5 рублей» [СРНГ 23: 68], курск. *дуроту наводить* ‘притворяться, дурачить, обманывать’ [СРНГ 8: 272], вят. *обалбесить* ‘обмануть’ [СРНГ 21: 345], смол. *обанду́рить, обандо́рить* ‘обмануть’: «Не, мяне ни абандуриш, ни ны таго ныпау»; «Яе ж уси абандуривыють: дужа прыстая баба, верить усим» [ССГ 7: 105–106] (< смол. *банду́ра* ‘о глупом человеке’ [ССГ 1: 119]), пск., твер. *лу́ди́ть* ‘обманывать кого-л.’ [СРНГ 17: 179] (< без указ. места *луд* ‘дурак’, ср. др.-русск., цслав. лудъ, болг. *луд*, сербохорв. *луд, луда* ‘сумасшедший, слабоумный, глупый’, словен. *lud* ‘то же’, чеш. *lud* ‘дурак’ [Фасмер 2: 528]; см. также [ЭССЯ 16: 166, 169], где восстанавливается праслав. **ludъ, *ludъjь* и приводится более широкий русский фон: без указ. места *луд* ‘безумный, глупый, шальной’, пск., твер. *луда* ‘назойливый человек’). Сюда же, возможно, относится забайк. *отете́рить* ‘обмануть’: «Хотел меня отетерить, да ничего не вышло. Сам его отетерил» [СРНГ 24: 178], если глагол образован от общенар. прост. *тетеря* ‘о глупом нерасторопном человеке’[43].

2.3.3. КОД ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как правило, средствами производственного кода шифруются номинации таких обманных действий, которые носителю языка представляются наиболее «материально выраженными», имеющими видимую сторону протекания: это в первую очередь речевой обман – говорение неправды. Выше было уже отмечено, что обманной речи в языковой картине мира присущи такие признаки, как

[43] Внутренняя форма таких слов, как без указ. места *мудрить, мудровать*, перм. *мудрять, мудрени́чать* чем или над кем ‘хитрить, придумывать необычайное, делать самонадеянно свое; умничать, дурачить кого-л.’: «Не олух я тебе дался, мудрить-то надо мной», *мудру́шка* яросл., новг. ‘хитрушка, обольщенье, обман или шутка’ [Даль 2: 931], пск., твер., костр., перм. *мудрять* ‘хитрить’, перм. *мудряться* ‘прибегать к разнообразным уловкам’ [СРНГ 18: 331], также свидетельствует о ключевой роли интеллекта в планировании и осуществлении обманных действий.

неумеренность и отсутствие ценности, поэтому номинации вранья могут быть мотивированы номинациями болтовни и пустословия – а «пустая» и многословная речь, а также сплетни, согласно выводам Е. Л. Березович, рассматривавшей производственную метафору речи вообще, «лидируют по количеству “технологических” обозначений» [Березович 2011: 68]. Основными мотивационными признаками, объединяющими большинство номинаций с речевым значением на базе «производственного», являются признаки частоты движений, их однотипности и линейности, которые в совокупности позволяют «производственным» словам называть действие по производству речи.

Рыхление и боронование: костр. *муты́лить* ‘врать, обманывать’, костр. *намуты́лить* ‘наврать’: «Мутылить – это неправду говорить. Ты мне намутылила, наговорила всякой ерунды» (< костр. *муты́лить* ‘рыхлить землю’) [ЛКТЭ], влг., костр. *боронить* ‘болтать, привирать’: «Боронишь не знай что» [КСГРС; ЛКТЭ], влг. *наборони́ть* ‘очень много наговорить, наврать’: «К пьяницам не ходите, наборонят только», «Не знаю, лишнего чего не наборонила?» [КСГРС], свердл. *набороні́ть* ‘сказать неправду, наврать’ [СРНГ 19: 129], карел. *боронить борону́* ‘говорить неправду, врать’, ‘болтать, пустословить’ [ФСРГРК: 27–28], яросл. *боронильщик* ‘лгун, болтун’ [ЯОС 2: 16], ср.-урал. *боронуха* ‘болтливая женщина, лгунья’ [СРНГ 3: 118]. Значимыми мотивационными признаками оказываются движение по определенной линии и рыхление земли, иллюстрирующие линейность и многоэлементность речи; лексемы с корнем *борон-* обладают, к тому же, ярким фонетическим – речеизобразительным – обликом.

Развитие метафоры боронования, «шифрующей» неумеренное, пустое или обманное говорение, обнаруживается в костр., влг. *(всякую) борону собирать, соху да борону собирать / говорить* ‘сплетничать, врать, говорить ерунду’ [ЛКТЭ; КСГРС], костр. *бо́рону и чужую сто́рону перебирать* ‘то же’ [ЛКТЭ]. Ядерный образ фразеологизмов – борона (ср. выше обилие «боронной» лексики в поле говорения). Остальные компоненты семантически дополняют центральный образ (*соха*) или оформляют ритмический облик выражения (*сторона*, рифмующаяся с *борона*).

Сопоставление говорения и бороньбы обыгрывается также в шутливом вопросе, которым прерывают чью-либо речь, содержащую вранье или брань: костр.

чего орёшь, а не боронишь с вариантом *чё орёшь и не боронишь*: «Чё ты орёшь и не боронишь – неправду говоришь!», «Чего орёшь, а не боронишь? Не завершаешь свою ругань, не доводишь» <т. е. кричишь без толку, как поясняет собиратель со слов информанта> [ЛКТЭ]. Эта формула содержит языковую игру, основанную на двух значениях глагола *орать*: ‘громко кричать’ и ‘пахать’, и демонстрирует собеседнику нежелательность, бессмысленность его выхода за рамки этикетно-речевых норм.

Молотьба, помол: пск. *молоть языком* ‘говорить вздор, ерунду, неправду’ [СППП: 84], твер., арх., влг. *мельница* ‘о лгуне, обманщике’: «Молчи, мельница, тошно и слушать-то тебя», «Мельница играть мастер и сочинить мастер», «Ты мельница, всё выдумала» [КСГРС; СРНГ 18: 104], влг. *моло́ться* ‘оправдываться, врать’: «На суде-то спрашивают человека – вот и мелется, не говорит правду, вертится – выкручивается» [КСГРС], костр. *молоть неоколёсную*[44] ‘говорить неправду’: «Молоть неоколёсную – сочинять ерунду всякую, врать» [ЛКТЭ] (ср. разг. *молоть* ‘болтать, пустословить’ [ССРЛЯ 6: 1201], *молоть чепуху, вздор, ерунду*). Этот корень также присутствует в влг. *заме́ля* ‘врун, болтун’: «Ну, ты, замеля – врет, значит» [СГРС 4: 129].

Ткачество и прядение: пск. *ткать* ‘обманывать, говорить неправду’: «Не тки, говори правду» [СРНГ 44: 154], перм., урал. *оботкать* ‘обмануть’: «Он сейчас тебя оботкет» [СРНГ 22: 184], сиб. *дурочку пороть* неодобр. ‘лгать, говорить неправду’: «Нечего дурочку пороть, говори, где был? Ведь всё равно допытаюсь» [ФСРГС: 147], ср. разг. *пороть* ‘говорить не то, что следует, болтать что-л. вздорное’ [ССРЛЯ 10: 1391], *пороть чушь, горячку* ‘то же’; важной с точки зрения мотивации является идея разрезания целостной ткани речи. Ср. далее: диал. *кривые моты мотать* ‘обманывать, лгать’ [БСРП: 413] (*мот* ‘пряжа, смотанная на воробы или мотовило, нитки или шелк в кругах’ [Даль$_2$ II: 358]); дон. *ерунду точать* ‘говорить неправду, болтать глупости’ [БСРП: 224] (ср. *точать, тачать* ‘зашивать, чинить что-л.’); костр., перм. *напрясть на кривое веретено кому* ‘налгать, ввести в заблуждение кого-л.’ [БСРП: 78].

Орудие ткачества – шило – одновременно служит и орудием воров и мошенников, отсюда, согласно М. Фасмеру [Фасмер 4: 439], без указ. места

[44] Ср. костр. *неоколесица* ‘вздор, бессмыслица, околесица’, костр. *неоколёсная* ‘то же’ [СРНГ 21: 102].

шильник ‘мошенник, обманщик, плут’, *шильничать* ‘мошенничать, плутовать, обманывать’ [Даль$_2$ IV: 652], пск., твер. *подши́льничать* ‘гнусно лгать, наговаривать на кого-л.’ [СРНГ 28: 257].

Уподобление языка «говорящей» (т. е. производящей хлопающие звуки) детали ткацкого станка – набелкам – отражается в новг. *на́белкам бить* ‘говорить несуразное, неправду’ [НОС 5: 120] (ср. новг. *бить набе́лками*: ‘болтать, пустословить, сплетничать’: «Набелки – это часть ткацкого станка. Когда ткут, они стучат друг о друга. Так и говорят про человека, если он попусту много говорит: набелками бьёт» [МИСНФ: 120], костр. *хлопать наби́лками* ‘сплетничать’, яросл. *наби́лка* ‘о болтливом человеке’ [СРНГ 19: 116] и др.).

П л е т е н и е: яросл. *оплетать* ‘много говорить, врать’ [ЯОС 7: 50–51], яросл. *плетюха́ть* ‘пустословить, говорить неправду’ [Там же: 8], смол. *плетуха́ть* ‘врать, сочинять’: «Ни плитухай ты, деука, етыга ни было саусим»; ‘вводить в заблуждение, скрывать правду’: «Плитухау, плитухау, а усё ж пръгъвариуся» [ССГ 8: 80–81], перм. *оплету́шить* ‘обмануть’ [СРНГ 23: 264], пск., твер. *оплетю́шить* ‘обмануть’ [СРНГ 23: 265], арх. *плетушка* ‘о том, кто плетет, говорит несуразное, лжет или сплетничает’: «Коля такой плетушка, много говорил и неправду» [СРНГ 27: 131], яросл. *плетень худой* ‘о болтливом и лживом человеке’: «Кончи недело говорить, плетень худой» [ЯОС 8: 7], смол. *плетня* ‘ложь, клевета’: «Дъ ня слушый ты яго, ён уси плятни събрал пъ диреуни» [ССГ 8: 80], новг. *сплётки сплета́ть* ‘сплетничать, распространять сплетни’ [НОС 10: 131], перм. *плести что не прики́сло* ‘говорить неправду’ [ФСПГ: 269] (ср. олон., арх. *прики́снуть* ‘прокиснуть, стухнуть, загнить’ [СРНГ 31: 243], «что не прикисло» = «все подряд, что угодно»). Образность может усложняться в случае наличия во фразеологическом выражении другого компонента, однако он, как правило, поддерживает мотивационный центр – идею плетения: перм. *плести косоплётки* ирон. ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 319] (диал. шир. распр. *косоплётка* ‘лента, полоска материи, вплетаемые в косу’ [СРНГ 15: 67]), коми, печор. *наплести кошеле́й* ‘наврать, наговорить небылиц’ [БСРП: 324] (*кошель* ‘мягкая складная корзина; плетеный или вязаный кулек; сетчатый мешок; калита, сумка’ [Даль$_2$ II: 184]), перм. *плести на косое веретено* ‘говорить неправду; лукавить’ [ФСПГ: 269], омск. *корзинку плести* ‘обманывать, лгать’ [СРНГ 27: 118], народн. *плести кошели́*

с лаптями ‘лгать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 324], нижнепечор. *<целые> лапти плести / наплести* ‘говорить пустяки, врать, сплетничать’ [СГНП 2: 380], арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’: «Опять лапти сплёл, а все поверили» [КСГРС]. Неясным является второй компонент фразеологизма в смол. *плести́ сову́* ‘говорить неправду, сочинять’: «Яны плятуть саву, а ты толька верь» [ССГ 8: 79].

Ремесленное литье: в ряде номинаций нашел отражение сюжет о ремесленном литье, который связан с обычаем пускать при литье металла (колоколов, пушек, пуль) неправдоподобный слух ради удачи дела, при этом чем больше распространения он получал, тем успешнее шли дела у мастеров. Первоначально обычай был связан с литьем колоколов, звук которых, как считалось, должен был расходиться так же, как расходились сплетни, см. об этом [Агапкина 1999: 266]: разг. *лить колокола* ‘лгать, распространять ложные слухи; пустословить’ [БСРП: 302], ворон. *новый колокол льют* ‘о ложном слухе’ [СРНГ 14: 164].

Обычай позже распространился на литье всякого металла, откуда – расширение образности выражений о вранье: разг. *лить* (*отливать / отлить*) *пули* (*пулю*) ‘хвастливо лгать, рассказывать что-л. неправдоподобное’, ‘говорить что-л. необычное, неожиданное или смешное’ [БСРП: 543], смол. *пулю слить* ‘наврать’ [ССГ 9: 74], карел. *заливать пули кому* ‘лгать, привирать, фантазировать, рассказывать небылицы’ [ФСРГРК: 88], пск. *заливать пушку крепче олова* шутл.-ирон. ‘о беспардонной лжи, рассказывании небылиц’ [СППП: 108], пск. *пушку вылить* ‘солгать, выдумать что-л.’ [Там же: 64], пск. *пули заворачивать* (*лить*) ‘много говорить, болтать, пустословить’, ‘обманывать, врать’: «Можа он мне, старой бабе, пули заворачивает?» [Там же: 63], пск. *пунтики заливать* шутл. ‘рассказывать небылицы, привирать’: «Любит шутить, заливать всякие пунтики» [Там же], простореч. *пустить пулю* ‘соврать, выдумать что-л. нелепое’ [БСРП: 543].

В рамках метафоры номинируется и субъект обмана: новг. *пушка́рь* ‘лгун’: «Он пушкарь, это врун значит» [НОС 9: 71], смол. *пу́льник, пу́льница* ‘о тех, кто лжет, сочиняет’: «Яны такии пульники, пулю саллють и глазым ни маргнуть»; «Во пульница: усё што-нибуть ды сауреть» [ССГ 9: 74].

Как кажется, ремесленная метафора в сфере говорения неправды была первичной, но впоследствии могла произойти контаминация двух значений *заливать*, «ремесленного» и «природного», и речь могла быть уподоблена потоку текущей воды, ср. сахалин., енис., сиб., яросл., арх. *заливало* ‘лгун’: «Заливало – лгун, говорит были и небылицы» [СГРС 4: 114; СРНГ 10: 205], моск., яросл. *заливоха* ‘сплетник, лгун’: «Вон сосед наш заливоха, откуда все собирает, никто не знает, любит соврать» [СРНГ 10: 208], сиб. *заливать в три ручья* ‘лгать’ [ФСРГС: 78].

Кузнечное дело: диал. *подковать сани кому* ‘обмануть, провести кого-л.’ [БСРП: 593], пск., твер., ряз., перм., костр. *клепáть* ‘лгать, сплетничать’: «Я не клеплю, я говорю сущую правду» [СРНГ 13: 279], твер., пск. *клепáло, клепáла* ‘о лгуне, сплетнике’ [СРНГ 13: 278–279], ср. прост. *клепать* ‘клеветать, наговаривать на кого-л.’ [ССРЛЯ 5: 1015].

В семантике глагола *подковать* потенциально присутствуют семы подчинения чужой воле, а также ловкости деятеля, отсюда появление у этого глагола «обманных» коннотаций, ср. прост. *подковывать* ‘обманывать, надувать’ [ССРЛЯ 10: 399], влад. *подковаться* ‘оказаться в неприятном положении, обмануться’ [СРНГ 28: 38]. С одной стороны, сани, полозья которых подбиты железом, катятся быстрее, соответственно, *подковать сани кому-то* может означать «заставить его быстрее ехать», как бы *прокатить* его (ср. прост. *прокатывать* ‘обманывать, подводить кого-л.’). Однако ввиду того, что сани *подбиваются*, а *подковываются* лошади, а также ввиду использования оксюморонных номинаций для подчеркивания особой хитрости обманщика (ср., например, новг. *унести нос между глаз* ‘ловко обмануть’), вероятным кажется, что семантика обмана выводится из самой изображаемой ситуации: *подковать сани* значит проявить ловкость и хитрость, причем имея дело с типичным объектом обмана, недалеким человеком, которого легко одурачить.

Строительство: метафора реализуется во фразеологических единицах с опорными компонентами *строить* и *городить*, иллюстрирующими многоэлементность и объемность вранья: олон. *обманы строить* ‘обманывать’: «Словам ласковым своим все обманы строишь» [СРНГ 22: 118], нижегор. *фигли строить* ‘льстить’; ‘обманывать’ [СРНГ 42: 19], пск. *частокол городить* ‘говорить

чепуху, врать’ [СППП: 79], новг. *с ума городить* ‘говорить неправду, врать, говорить что-л. неправдоподобное’: «С ума ты городишь!» [СРНГ 7: 58], народн. *городить колёса на турусах* ‘говорить ерунду, лгать’ [БСРП: 300] (ср. *турусы* ‘пустая болтовня, вздорное вранье, пустословие, лясы, балясы’ [Даль$_2$ IV: 455–456], образовано от лат. *turris* ‘башня’: «В русских летописях такие турусы упоминались неоднократно. Рассказы о таких передвижных осадных башнях, передаваемые из уст в уста, дополнялись невероятными подробностями и потому воспринимались как выдумки» [РФ: 702], ср. также казан. *нагнуть колесы на турусах* ‘наврать, наговорить небылиц’ [СРНГ 19: 197]). Добавочные компоненты фразеологизма могут, не имея «строительного» значения, поддерживать идею большого объема: смол. *городить / нагородить мох с болотом* ‘наговорить что-л. неправдоподобное’: «А ни гъради ты мох с балотъм: ня мох малиц сам етыга зделъть, мал яшше»; «Што ён тут малоу! Нъгырадиу мох с балотым, и у роти пуста»; «Нъгырадиу мох с балотым, а дужа складна» [ССГ 3: 60; 6: 148]. *Мох* в этих выражениях, скорее всего, выступает в значении ‘болото’, ср. смол. *мох* ‘топкое место; болото’ [ССГ 6: 113] – таким образом, здесь мы имеем дело с образным удвоением.

2.3.4. КОД НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Внутри настоящего кода рассматривается лексика, заимствующаяся полем обмана из обозначений действий, не имеющие узкой сферы приложения. Эти действия необходимо отличать, во-первых, от действий, осуществляемых в рамках какой-либо специальной деятельности (ср., например, производственные действия или действия по обработке пищи, представленные в соответствующих предметно-тематических кодах); во-вторых, от неспециализированных действий, не направленных на преобразование объекта (ср., например, действия по звукопроизводству, действия по перемещению в пространстве, также рассматриваемые отдельно). Более точным названием для данного кода кажется обозначение «код неспециализированных объектно-ориентированных действий».

Подавляющее большинство собранных здесь номинаций включены в реализацию сценария обмана, в котором процесс обмана представляется как

действие, направленное на деформацию, преобразование объекта, или, по крайней мере, как активное воздействие на объект: как его верчение, битье, нагревание и пр. Деятелем при этом является обманщик, а воздействию подвергается зависимый от него объект обмана.

Ниже перечислены действия, с помощью которых изображается обман; в рамках метафор неспециализированных действий глаголами, называющими каждое действие, номинируется процесс обмана (ср. арх. *окрутить*, без указ. места *вертеть*), а существительными, образованными от этих глаголов, – обманщик (ср. новг. *окрутник*, урал. *вертун*).

Обработка. Переносные значения обмана появляются у дериватов глаголов «неспециализированного действия» *делать* и *робить*: влг., костр. *обделать* ‘обмануть’: «Хотел старуху обделать – сейчас!»; «Обделывают нашего брата» [КСГРС; ЛКТЭ], влг. *обро́бить* ‘обмануть’: «Обробит, да и смандит <украдет>» [КСГРС]. Несмотря на широту первичной семантики глаголов, для появления переносных значений важна идея обработки, воздействия на объект.

Сгибание: курск., урал. *гнуть* ‘врать’: «Что ты гнешь пустое?», «Ну, ты гнуть мастер» [СРНГ 6: 251], вят., перм., свердл., сиб. *нагнуть* ‘обмануть’: «Нагнул на десять рублей» [СРНГ 19: 197], свердл. *нагиба́ло* ‘обманщик’ [Там же], *гнутки гнуть* ‘лгать, врать’ [Даль$_2$ I: 372], костр. *на холодную гнуть* ‘врать, говорить что-л. неверно’: «На холодную гнёт – это врёт, значит» [ЛКТЭ], р. Урал *гнуть не паривши*[45] ‘лгать, рассказывать небылицы’ [БСРП: 132], карел. *загибать зубы* ‘говорить неправду, лгать’ [Там же: 260], пск. *загибать арапа* ‘пустословить, говорить вздор’, ‘лгать, обманывать, вводить в заблуждение кого-л.’ [Там же: 18], казан. *нагнуть колесы на турусах* ‘наврать, наговорить небылиц’ [СРНГ 19: 197].

Кручение: арх. *окрутить* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 170], новг. *окрутник* ‘обманщик’: «Окрутник может кого-нибудь окрутить» [НОС 6: 161], пск., твер. *скрутить* ‘обмануть, надуть кого-л.’ [СРНГ 38: 157], пск., твер. *скрутный* ‘лживый, обманчивый, не заслуживающий доверия (о человеке)’ [Там же], пск., твер. *скрута, скруте́ль* ‘обманщик’ [Там же: 156], пск. *скрутить голову* ‘обмануть, одурачить кого-л.’ [БСРП: 144], нижнепечор. *крутить мозги* ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406], смол. *круте́ль* ‘лживый, хитрый человек;

[45] Скорее всего, в этом и предыдущем случае имеется в виду технология изготовления полозьев для саней: дерево необходимо сначала распарить, а потом гнуть.

плут’: «Кто усе крутить, ни гьварить прауду, тот и крутель» [ССГ 5: 116]. Сюда же можно отнести костр. *завиха́ривать* ‘болтать, врать’: «Больно ты завихаривашь: ну-ко, в четвертом часу пошла по грибы сбегала» [ЛКТЭ], ср. перм., свердл., костр., новг., пск. *завиха́ривать* (*завихо́ривать*) ‘подниматься вихрем, кружиться’ [СРНГ 9: 319].

Верчение: без указ. места *вертеть кого-л.* ‘обманывать’: «Верти его – обманывай» [СРНГ 4: 152], влг. *веретега́* ‘лгун, обманщик’ [Там же: 134], влг. *веретёха* лгун, обманщик [Там же: 138], арх. *веретёжка* ‘непостоянный человек, лгун, обманщик’ [Там же: 150], урал. *вертун* ‘ненадёжный человек, обманщик’ [Там же: 155], печор. *вертеть глазами* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 125], влг. *повёртливый* ‘болтливый, лживый’ [КСГРС].

Намотка, обмотка: пск., смол. *обматывать* ‘обманывать’ [СРНГ 22: 121], смол. *мотать* ‘врать, обманывать’: «Ён тока мътаить, ни разу прауды ни скажыть» [ССГ 6: 111], смол. *мот* ‘обманщик, лгун’: «Мот многа треплицпа, яму верить на слова нильзя» [Там же: 110], смол. *моту́ха* ‘о лживой женщине’: «Ета матуха усе урёть, мытаить» [Там же: 113].

Обдирание: пск., твер. *сдёра* ‘обманщик’ [СРНГ 37: 64], влг. *обдёр* ‘мошенник’: «Вот какие обдёры ходят» [КСГРС].

Мытье / чистка: общенар. *полоскать мозги* ‘обманывать кого-л.’, влг. *промывать глаза* ‘обманывать’ [БСРП: 125], новг. *стирать* ‘сплетничать о ком-, чем-л.’ [СРНГ 41: 162].

Загрязнение: нижнепечор., сиб. *мозги засорять* ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406; ФСРГС: 80], карел. *пачкать очи* ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 463]; через процесс загрязнения часто осмысляются действия клеветника, которые, в ряду других обманных действий, вызывают однозначное осуждение у социума и сочувствие объекту клеветы: пск. *лить грязь на языке* неодобр. ‘клеветать, оговаривать кого-л.’ [СППП: 33], карел. *налить грязи на кого* ‘опорочить, оболгать кого-л.’ [БСРП: 167], *облить грязью кого* ‘оклеветать кого-л.’ [БСРП: 168], *мазать черной краской* ‘клеветать, очернять кого-л.’ [БСРП: 327].

Метафора загрязнения развертывается с помощью глаголов с обманными значениями на **iti*, являющихся производными корней **muna* / **munъ*, **mulъ* / **mulь*, **murъ* / *mura*: яросл., костр. *му́нить* ‘обманывать, обводить вокруг пальца’

[СРНГ 18: 346; ЯОС 6: 66], яросл. *мули́ть* ‘обманывать’ [ЯОС 6: 66], вят., влад., твер. *мулить* ‘обманывать’ [СРНГ 18: 341], влг. *намули́ть* ‘наврать’ [КСГРС], яросл. *мури́ть* ‘обманывать, тянуть время, не выполнять обещанного’: «Она долго не отдавала свой долг, все мурила меня» [ЯОС 6: 67]. Согласно ЭССЯ, значение этих корней можно обобщенно определить как ‘грязь’ (ср. рус. диал. *муль* ‘муть, мутная вода’, ‘грязная вода’, сербохорв. диал. *мур* ‘мелкий летучий песок’, словен. *mur* ‘животное черной масти, особ. вороной конь’, чеш. *mour* ‘сажа, темная полоса’, сербохорв. диал. *мура* ‘грязь, раскисшая земля, вид глины, осадок, подонки’, рус. диал. *мура* ‘хлеб, крошеный с квасом, тюря; дребедень, обноски, отрепье’, яросл., новг., влг., твер., вят. *мули́ть* ‘мутить (воду)’ и др., см. [ЭССЯ 20: 181, 185, 190]); названные корни считаются вариантами одной гетероклитической основы **murъ* / **mulъ* / **munъ*, см. [ЭССЯ 20: 191–192; 194].

Сложением приставочного *ч-* и основы **muriti* ‘пачкать’, вероятно, является новг. *чмури́ть* ‘притворяться, обманывать’: «Чмурила невестка»; «Он все чмурил, то придет, то уйдет» [НОС 12: 64], ср. чеш. *čmouliti* ‘пачкать, марать’, которое интерпретируется в ЭССЯ как соединение приставочного элемента *čь-* (редукция **če-*) и **muliti* от **mulъ* [ЭССЯ 4: 146]. Аналогичным образованием, вероятно, является смол. *начмути́ть* ‘намутить’, ‘одурачить, вызвать сумятицу’: «Она меня начмутила только», ‘наврать, наговорить ерунды’: «Ён, наверна, нъчмутну тут – ныурау» [ССГ 7: 67]: основа *мутить* соединяется с экспрессивным приставочным элементом *ч-*.

Мотив загрязнения может соединяться с мотивом интенсивного движения: яросл. *баламу́тить* ‘говорить неправду’ [ЯОС 1: 30], яросл. *баламу́тка* ‘лгун, врун; непостоянный, несправедливый человек’: «Что ты слушаешь, ведь он баламутка-мужичонка» [Там же], пск. *баламу́тить воду* ‘лгать, говорить вздор’ [БСРП: 92], яросл. *мути́ть* ‘сплетничать, вызывать ссору между кем-л.’ [ЯОС 6: 68], пск. *обаламутить* ‘обмануть, одурачить лестью’ [СРНГ 21: 345].

Ожог, нагревание: смол., ленингр., пск., твер. *нагреть* ‘обмануть; обыграть’ [СРНГ 19: 214], смол., яросл., костр. *огреть* ‘обмануть, надуть’: «Купец меня огрел»; «Здорово Миколку-то огрели» [СРНГ 22: 354], пск., твер. *обогреть* ‘обмануть с корыстной целью, надуть’ [СРНГ 22: 152], пск., твер. *ожарить* ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 23: 72], тул., новг. *ожечь* ‘обмануть’: «Он меня ловко

ожег»; «Видно, ожег моего сына этот змей» [Там же: 79], влг. *жеганyть* ‘ввести в убыток, обмануть’: «А славно жегонул, брат, ты суседа» [СРНГ 9: 98], арх., сев-двин., урал. *жегать* (*жегнуть*) ‘обмануть, ввести в убыток’ [Там же: 98–99], ворон., курск., арх. *жёга* ‘плут, обманщик, хитрый, опытный человек’ [Там же: 97], влг. *нажечь* ‘обмануть’: «Нажег он меня, я остался в убытке» [КСГРС], влг. *нажóг* ‘обманщик’: «Сказали, что сено – нырей, а на самом деле горькое было. Нажог, это обманщик» [Там же], свердл., влад., пск., арх. *прожига* ‘плут, прохвост, проходимец, обманщик’: «Прожига, совести нет у тебя» [СРНГ 32: 135], пск., арх., забайк. *прожога* ‘хитрый, изворотливый человек, обманщик, плут’: «Прожогу и на порог не пускай» [Там же: 137] (три последние номинации могут характеризовать не столько воздействие субъекта на пациенса, сколько самого субъекта обмана, ср. общенар. *прожженный*).

Ломка: арх. *подломи́ть* ‘обмануть’: «Ира подломила ей, пообещалась в подменный вроде, не пришла» [СРНГ 28: 58–59].

Удар, битье: пск. *охлыстну́ть* ‘обмануть’ [СРНГ 25: 38], свердл. *схлóпать* ‘обмануть кого-л.’: «Схлопала я родителей и убегом ушла замуж» [СРНГ 43: 61], костр. *хлеста́ться* ‘врать’: «Ты чего хлещешься, больной он! Вставай, надо берёзы спиливать» [ЛКТЭ].

Семантика обмана регулярно появляется у слов, называющих процесс битья: *ошкварить* нижегор., влад. ‘сильно ударить’, влад. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 25: 89], влг. *варну́ть* ‘ударить кого-л., стегнуть’, ‘поступить недобросовестно, нечестно, обмануть’: «Он-таки порядком варнул меня при купле сена» [СРНГ 4: 57], вят. *нашваривать* ‘сильно побить, поколотить’, ‘обмануть, дать меньше обещанного’ [СРНГ 20: 294], *ощу́чить* арх., влг., влад., казан., яросл. ‘сильно ударить’, вят., перм. ‘перехитрить, обмануть’ [СРНГ 25: 105].

Как шумное хлопанье изображается вранье: киров. *нашлёпать* ‘наговорить неправды’: «А нам-то нашлепала, не гленется!» [СРНГ 20: 300], костр., перм., свердл., сиб., том. *нахлопать* ‘обмануть, солгать, наврать’: «Нахлопаешь раз, другой раз тебе не будут верить»; «Нахлопала – это наврала, вежливо, а если сказать грубо, так набрехала» [Там же: 263], перм., свердл., курган., тобол., новосиб., том. *хлóпать* ‘сказать неправду’: «А вовсе лошади-то никакой не было. Так, схлопал»; «Ему и схлопать ничего не стоит» [СРНГ 43: 61], ср.-урал. *сгрóхать*

‘соврать, солгать что-л.’: «Да кто это сгрохал?»; «Сгрохала – ни капли правды» [СРНГ 37: 44], пск., твер. *колоты́ра* ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 14: 186], арх., пск., твер., пенз. *колоты́рить* ‘лгать’ [СГРС 5: 270; СРНГ 14: 187] («Исходным считается *колотыра* – производное от *колотить*, а *колотырить* и т. п. – деноминативными образованиями» [Фасмер 2: 296]), влг. *щелку́ша* ‘лгун, лгунья’: «Ой, щелкуша-то, только врёт» [КСГРС].

Мотив шумного битья, хлопанья разрабатывают фразеологизмы, реализующие модель «ударять, хлопать каким-либо “речепроизводящим” органом = врать» и рассматриваемые внутри соматического кода, ср., к примеру, карел. *бить языком* ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 770], свердл. *брякать языком* ‘лгать, обманывать’ [Там же], новг. *колотить зубом* ‘привирать, сплетничать’ [Там же: 260].

Воздействие дымом: тул. *курить* ‘обманывать’ [СРНГ 16: 128], тул. *вскурить* ‘обмануть’ [СРНГ 5: 206], без указ. места *накуривать* ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 19: 358], курск., орл., тул., свердл., костр. *окуривать* ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 23: 176], пенз. *поднакурить* ‘обмануть, провести’ [СРНГ 28: 93]. Воздействие на объект обмана дымом означает перекрывание каналов восприятия, то есть лишение его возможности распознавать обман.

2.3.5. КУЛИНАРНЫЙ КОД

С помощью элементов пищевого кода язык может характеризовать продукт вербального обмана.

Выражения влг., дон. *баланду переть* ‘болтать, пустословить’, ‘обманывать, лгать’ [БСРП: 26] (сарат., омск., дон. *переть* ‘говорить глупости, нести чушь, врать’ [СРНГ 26: 251]), сиб. *баланду травить* ‘лгать или просто много и попусту говорить’ [ФСРГС: 198] мотивированы особенностью баланды как блюда (диал. шир. распр. *баланда* ‘род кушанья’ [СРНГ 2: 72]): она состоит обычно из многих элементов и иногда заправляется мукой; неоднородность («сборность») и мутность характеризуют содержание пустой болтовни или вранья; отсюда и влг. *баланди́ть* ‘болтать попусту, врать’: «Ох, ты и баландить горазд, не слушай его» [СГРС 1: 51].

Лапша, «сборный» продукт, длинные полоски которого могут переплетаться между собой, может интерпретироваться как длинная, многоэлементная речь лгуна: новг. *вешать* (*навешать*) *лапшу* (*лапши*) ‘лгать, говорить неправду’: «Как Митька сидит рот разинувши, а тот ему лапшу вешает, заливает почём зря» [МИСНФ: 120], ср. прост. *лапшу на уши вешать* ‘бессовестно дурачить, лгать’. Существует версия об арготическом происхождении оборота и недавнем проникновении его в диалект; в арго зафиксированы и его варианты: *двигать лапшу* ‘давать кому-л. ложные показания’, *развешивать лапшу* ‘лгать, придумывать, болтать пустое’, *кормить лапшой* ‘рассказывать кому-л. небылицы, выдумки’ [РФ: 375]. *Лапша* в арго имеет, помимо других значений, значение ‘небольшой лоскут ткани’: отсюда проясняется первоначальное значение фразеологизма ‘закрыть уши лоскутом ткани с целью усыпить бдительность обкрадываемого, сделав его глухим’, см. [Там же: 376]. Тем не менее, для наивного языкового сознания, очевидно, важны характеристики лапши как продукта.

Путем обращения к «пищевым» образам характеризуется субъект обмана: он получает номинации влад., вят. *булы́ч* ‘бесстыжий, бессовестный человек, наглый плут’ [Даль$_2$ II: 141] (< влад., вят. *булы́ч* ‘молодой и плохой квас; другак, квас или брага на второй воде, второй налив на одну и ту же гущу’), *са́хар* (*сахар медо́вич*) ‘человек негодный, мот и пройдоха’: «Экой сахар! Хорош сахар! Сахар медович» [Даль$_2$ IV: 139], прозвища арх. *Масло*: «Скользкий мужик был, неприятный был» [АКТЭ], арх., влг. *Сало* ‘прозвище мужчины, который любил врать’ [Там же].

Мотивирующими признаками упомянутых номинаций оказываются как вкусовые, так и субстанциональные характеристики пищи. Для влад., вят. *булы́ч* ‘плут’ важны признак кислого вкуса *булыча*-кваса и его худшее по сравнению с первым сливом качество. Негативно осмысляется слишком сладкая пища; помимо *са́хар* ‘негодный человек’, ср. еще представление о льстивой речи как слишком сладкой: пск., твер. *са́хариться* ‘льстить’ [СРНГ 36: 155], *насквозь прослащен* ‘не совсем надежен или хорош, двуличен’ [Даль$_2$ III: 510], *насладить* ‘льстить’ [Даль$_2$ IV: 217], *на присластку бы доброе словцо примолвить, он говорит с присластью* [Даль$_2$ III: 442], *говорит, сахаром посыпает* ‘льстиво, сладко’ [Там же: 351], *обса́харить* ‘обольстить, обложить лестью’ [Даль$_2$ II: 620] (сладость добавляют

также с помощью солода, ср. пск., твер. *подсола́живать* (*подсолоди́ть*) ‘льстить, угодничать’ [СРНГ 28: 188]). Прозвища *Сало* и *Масло* образованы «по мотивационной модели ‘скользкий’ → ‘изворотливый (о характере), угодливый, лживый’» [Пьянкова 2008: 131]; эпитет *масляный* появляется в номинации лжи: оренб. *кы́ра масляная* ‘ложь, неправда, вранье’ [СРНГ 16: 202] (ср. *кы́ра* свердл. ‘угрюмый человек; скупой человек’ [Там же])[46].

«Пищевая» метафора используется при обозначении обманных действий.

Тобол. *слати́ть* ‘говорить небылицы, врать’ [СРНГ 38: 238] мотивировано, по мнению К. В. Пьянковой, тем, что «согласно традиционным представлениям, употребление сладкой пищи в повседневной жизни не воспринимается как норма» – и потому переносится на «отклонение в коммуникативном поведении» [Пьянкова 2008: 127]. Однако ввиду не раз отмечавшегося возможного восприятия вранья как приукрашенной речи, речи с привлечением вымысла ради развлечения собеседника, сахаром – необязательной вкусовой добавкой – здесь обозначается необязательная же «художественная», развлекательная «добавка».

Тот же мотивационный стимул лежит в основе новг. *забели́ть* ‘сказать неправду, приукрасить’: «Ну ты и забелила!» [НОС$_2$: 268] < новг. *забели́ть* ‘приправить жидкое кушанье или питье сметаной, молоком’: «Забели щи-то, скуснее будет» [Там же]. Вымысел и неправда осмысляются через образ приправленного чем-либо блюда.

Обозначения «обманных» речевых действий (клеветы, сплетни) могут являться дериватами *солода*: арх. *солодить* ‘наговаривать на кого-л.’ [СРГК 6: 212], ленингр. *насолоди́ть* ‘наговорить, наклеветать’: «Рыбаки поехали в лес и насолодили старику» [СРГК 3: 337], арх. *солодить* ‘сплетничать, наушничать’: «Будет тебе солодить по деревне-то» [СРНГ 39: 283]. Они включаются в широкую семантику «негативных» речевых действий, «шифруемых» метафорой солода, ср. *осолоди́ть* ‘обругать’ [СРГК 4: 251], влг. *солоди́ть* ‘болтать вздор’ [КСГРС]). Как отмечает К. В. Пьянкова, «важным в семантическом “портрете” солода является характерная для кислой пищи идея хаотичного, часто бесцельного, раздражающего

[46] Иной признак масла (способность концентрироваться на поверхности жидкости) позволяет обращаться к нему при создании образа правды: *Правда, что масло* (*везде наверх всплывает*) [Даль ПРН I: 222]; *Вари не вари, а масло поверху* [Там же].

движения (подобно движению внутри бродящей жидкости)» [Пьянкова 2008: 127], откуда – значения раздражающей, негативно оцениваемой речи (клеветы, сплетен).

2.3.6. ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ КОД

В центре внимания в данном разделе оказываются обозначения из сферы быта и вещного окружения человека: номинации предметов одежды и обуви, а также действий по их надеванию, ставшие базой для вторичных номинаций с «обманными» значениями; номинации, мотивированные свойствами хозяйственных и бытовых предметов (решета, веретена, юлы и др.); языковые единицы, содержащие обозначения хозяйственных отходов и веществ, используемых в быту, или являющиеся их дериватами.

2.3.6.1. Одежда и обувь

Мотив подчинения чужой воле, характерный для всего поля «Обман», обнаруживается в прост. *накрывать колпаком кого* ‘обманом подчинять себе, одурачивать кого-л.’ [БСРП: 303], арх. *колпачить* ‘хитрить, ловчить’ [СРНГ 14: 193], смол. *обколпачивать, обколпачить* ‘обманывать, обмануть’: «Еты жулики усих апкылпачивыють, ни связывыйся с йими»; «Ета ж баба – разиня. Я яе у два шшёта апкылпачу» [ССГ 7: 120], калуж. *околпачивала* ‘обманщик, пройдоха, надувала’ [СРНГ 23: 145], прост. *околпачивать* ‘обманывать, одурачивать’ [ССРЛЯ 8: 797] (ср. *быть под колпаком* ‘быть под постоянным надзором’ [РФ: 324], *переколпачить* кого-л. ‘переделать на свой нрав’, а также контекст «*Жены мужей колпачат*, подчиняют себе, делают их колпаками» [Даль$_2$ II: 144]).

Существует версия о том, что идея подчинения с помощью колпака может быть связана с особенностями соколиной охоты: *колпаком* называли чехол, надеваемый охотниками на голову ловчим птицам для лишения ее свободы и воли до начала охоты [РФ: 325]. Нужно иметь в виду, что в русских говорах *колпаком* называют достаточно разнообразные по внешнему виду и субъекту ношения головные уборы, см. [СРНГ 14: 192]. Колпак кроме прочего являлся «обязательным атрибутом шутов, скоморохов, потому и сегодня ощущается устойчивая связь

этого головного убора с балаганной традицией, ср. народн. *дурацкий колпак* ‘шутовская шапка с погремушками’, *дурацкий, шутовской колпак* ‘головной убор шутов, иногда с бубенчиками, ослиными ушами и т. п.’; ср. *Петрушка* ‘кличка куклы балаганной, русского шута, потешника, остряка, в красном кафтане и в красном колпаке’» [Тихомирова 2013: 173]. Носителю колпака, соответственно, приписываются свойства недалекого, глупого человека: прост. бран. *колпак* ‘о простаке, недалеком, недогадливом человеке’ [ССРЛЯ 5: 1198], *колпак человек* ‘вялый, глуповатый, простак’ [Даль$_2$ II: 144]; поэтому, *надев* на человека *колпак*, *околпачив* его, можно сделать его глупым, недалеким, одурачить и легко обмануть.

«Обманными» коннотациями обладают глаголы с самыми широкими «одежно-обувными» значениями *одеть* и *обуть*, ср. пск., твер. *одеть* ‘обмануть, надуть’: «Однако, он меня хорошо одел!» [СРНГ 23: 9], общенар. *обувать* ‘ловко обманывать, проводить’, *обуть кого-л. на обе ноги* ‘то же’ [ССРЛЯ 8: 478], костр., яросл. *обуть* ‘обмануть, перехитрить кого-л.’: «Он его обул и уехал в санях» [ЛКТЭ; СРНГ 22: 248]. Метафора одевания и обувания используется в поле обмана, поскольку разрабатывает сквозной для него мотив подчинения объекта обмана чужой воле. На этот мотив, рассматривая единицы со значением обувания, указывает Т. В. Володина, которая, обращаясь к параллелям из других славянских и европейских языков, находит, что обувание в чужую обувь, добровольное или насильственное, может являться следствием изменения (понижения) социального статуса, и влечет за собой подчинение чьей-либо воле; она делает вывод о том, что можно «предположить наличие определенных корреляций между мотивами обмана и овладения… иногда овладение кем-либо, подчинение себе происходит вследствие обмана, но обман кого-то всегда приводит к овладению им, помещению его в поле своих ментальных идей и версий» [Володина 2006: 232]. Можно добавить, что обувание кого-либо, тем более, насильственное, требует от человека ловкости и хитрости (понимаемой как находчивость), т. е. качеств, которые традиционно ценятся в народной культуре и благодаря которым человек может легко оставить другого «в дураках»; таким образом, ситуация обмана, в которой проявилась ловкость субъекта обмана, может быть изображена с помощью действия, трудного для того, кто его совершает.

Мотив подчинения чужой воле, выраженный с помощью метафоры одевания, окутывания объекта обмана чем-л., присутствует также в перм., урал. *оботкать* ‘обмануть’: «Он сейчас тебя оботкет» [СРНГ 22: 184], твер., влг., орл. *окутать* ‘обмануть’: «Он тебя так окутает, что ты и дома не скажешься» [СРНГ 23: 178], пск., твер. *поддёвка* ‘обман’ [СРНГ 27: 386] (ср. калуж. *поддёвку сшить кому-л.* ‘зло посмеяться над кем-л.’). Надо иметь в виду, что последние примеры обнаруживают также притяжение к словам *издеваться, поддевать кого-либо*.

Семантика обмана устойчиво соотносится с лаптями. Мотив обувания человека в лапти варьируется в следующих выражениях: *обуть в лапти* [ССРЛЯ 8: 478], новг. *обуть в кривые лапти кого* ‘обмануть, обобрать кого-л.’: «Ну что, Маша, и тебя в кривые лапти эта продавщица обула?» [МИСНФ: 230], прост. *обувать в* (*кривые, чёртовы*) *лапти кого* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 352], народн. *переобуть из поршнéй в лапти кого* ‘обмануть, перехитрить кого-л.’ [Там же: 525] (*поршень, поршни* ‘постолы, кожанцы, калиги, род сандалий; поршни вообще не шьются, а гнутся из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью) на вздержке, очкуре, ременной оборе; обычно поршни из конины, лучшие из свиной шкуры, есть и тюленьи’ [Даль$_2$ III: 335]), новг. *переодеть из сапог в лапти кого* ‘обмануть, обобрать кого-л.’: «Пришла она к нему, её быстро из сапог в лапти переодели, вишь, какие мудрые» [МИСНФ: 230], ворон., дон. *обувать кого-л. (из сапог) в лапоть (лапти)* ‘совершенно обобрать, разорить, обмануть’ [СРНГ 16: 266].

«Обманные» коннотации лаптей, с одной стороны, связаны со способом их изготовления: плетение регулярно интерпретируется как действие по обману (см. § 2.3.3 «Производственный код»), ср. арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [КСГРС], народн. *плести кошелú с лаптями* ‘лгать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 324], нижнепечор. *<целые> лапти плести / наплести* ‘говорить пустяки, врать, сплетничать’ [СГНП 2: 380]. Далее, ситуация переобувания из сапог или поршней в лапти подразумевает обман, поскольку читается как ситуация переобувания из более дорогостоящей обуви в более общедоступную. Однако компоненты *из сапог, из поршней* являются необязательными. Т. В. Володина считает, что первичным был вариант *переобуть в* (*кривые*) *лапти*, который мотивирован представлением о нечистой силе, обувающей человека в лапти, тем

самым подчиняющей его себе [Володина 2006: 236]. А. В. Тихомирова, рассматривая перм. *обуть в косые лапти*, новг. *обуть в кривые лапти*, замечает, что определения *косой* и *кривой*, устойчиво относясь к черту, могут подтверждать связь данных выражений с идеей подчинения нечистой силе [Тихомирова 2013: 38].

2.3.6.2. Предметы быта

Использование в «обманном» поле образов веретена и юлы обусловлено их верчением в процессе использования; с их помощью реализуется метафорическая связь между обманом и действиями по верчению, ср. костр., перм. *напрясть на кривое веретено* кому ‘налгать, ввести в заблуждение кого-л.’ [БСРП: 78], влг., ср.-урал. *наговорить на кривое веретно* ‘сказать неправду’ [СРНГ 4: 140], нижегор., пск., смол. *объюлить* ‘обмануть’: «Кругом объюлил» [СРНГ 22: 278], арх., смол. *съюли́ть* ‘провести, обмануть кого-л. беззастенчиво, открыто’: «А мужык-та усе яе съюлить хатеу, ды ня вышла» (смол.) [СРНГ 43: 118; ССГ 10: 160] (ср. общенар. *юлить* ‘хитрить, изворачиваться’: «Не юли, говори правду» [Ожегов 1990: 911])[47].

Несколько раз в «обманной» фразеологии встречается образ коклюшки или коклюшек: яросл. *гнуть коклюшки* ‘лгать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 297], влад. *в коклюшки играть* ‘врать’ [СРНГ 14: 89], без указ. места *подпустить коклюшку* ‘изобрести какую-л. хитрость, обман’ [Там же], перм. *коклюшки плесть* ‘говорить иносказательно, притчами, стремясь обмануть; врать’ [Там же]. На разных территориях это слово обозначает разного рода предметы. Чаще всего коклюшка – небольшое выточенное из дерева изделие, на которое навивают нитки и пр. [СРНГ 14: 89]. На пермской и среднеуральской территории коклюшками, как подсказывает пермский фразеологизм выше, называются кружева [Там же]. Так или иначе, обозначая целый ряд мелких предметов как правило изогнутой формы, это слово приобретает вторичную семантику чего-либо необязательного, ненужного, ср. без указ. места *коклюшка* ‘глупость, ерунда, вздор’ [Там же].

Калуж. *обреше́тить* ‘обмануть’ [СРНГ 22: 205], возможно, производно от *решето*, обманные коннотации которого поддерживает и выражение *показать*

[47] Глаголы *юлить* и *объюлить* производны от *юлы*, для которой А. И. Соболевский предложил объяснение из *вьюлы* от *вить* [Черных 2: 458; Фасмер 4: 529].

Москву в решето ‘обмануть, одурачить’ [Даль$_2$ IV: 96]. Внутренняя форма глагола может читаться как «пропустить сквозь решето», что отвечает общей для поля метафорической модели «произвести активные физические действия с кем-либо» → «обмануть кого-либо».

В изображении обманщика и его действий существенным оказывается признак скользкости (ср. общенар. *скользкий* ‘увертливый’, ‘ненадежный, опасный’ [ССРЛЯ 13: 994]), который заключают в себе слова, образованные от лексемы *мыло*: влг. *мылистой, мыльный* ‘лживый, болтливый’: «Мылистой, или мыльной, это шибко хитрой, это лясник, он слова переговаривает, лясничает, языком мелет» [КСГРС], влг. *мы́лица* ‘врун, хитрец’: «Мылица – человек, который делает все исподтишка, врет» [Там же], костр. *мы́лить* ‘лгать’: «Мылит он много, врёт всё» [ЛКТЭ], костр. *намы́лить* ‘наврать, сказать лишнего’: «Намылила лишнего» [Там же], костр. *обмы́лить* ‘обмануть’: «Обмылила меня, провела» [Там же], костр. *омы́лить* ‘наврать, навыдумывать’: «Ну дед, насочиняешь, омылишь» [Там же].

Любопытно, что слова *мыло, мыльный* составляют воспроизводимую в языковой системе пару с *шило, шильный*: влг. *шило-мыло, шило да мыло, шильный-мыльный* ‘о хитром человеке’: «Шило-мыло значит хитрый очень. Хитрый, скользкий, как мыло», «Шильный-мыльный – про бахвалов говорили, кто врет, шило да мыло, не связывайся с им» [КСГРС]. Комбинация этих образов функционирует не только в «обманном» поле: влг. *шило да мыло* ‘скупой человек’ [КСГРС], влг. *от шильного до мыльного* ‘еле сводить концы с концами’: «Жили от шильного до мыльного, кое-как перебивались» [Там же], костр. *от шильного до мыльного делать что-л.* ‘делать что-л. малозначительное’: «Переделал всё от шильного до мыльного, дома-то сидел, в поле не работал» [ЛКТЭ], оренб. *шильце да мыльце* ‘мелочь, пустяки’ [Малеча 2: 458], *хоть шилом шит, да мылом мыт, ни шильце, ни мыльце, ни к шилу, ни к мылу* ‘ни то ни се’ [Даль 2: 953] и мн. др. Бином *шило-мыло* основан как на формальном сходстве лексем *шило* и *мыло*, так и на их смысловой комплементарности – они называют два мелких бытовых предмета.

2.3.6.3. Хозяйственные отходы и вещества

Солома и мякина, являясь результатом обмолота зерна, обладают коннотацией малоценного, ненужного продукта (в противопоставление зерну), с помощью которого нельзя провести опытного и умного человека: нижнепечор. *провести как воробья на соломе* ‘обмануть кого-либо’: «Тебя, дурень, провели, как воробья на соломе, а ты, экий увалень, и повелся на них» [СГНП 2: 218], *старого воробья на мякине не проведешь (не обманешь)* [Мокиенко 2006: 115], нижнепечор. *на мякине не провести кого* ‘не обмануть; говорится о бывалом, опытном, хитром человеке’ [СГНП 2: 29].

Перенос «выжимки из семян мака, конопли и т. п.; жмых» → «дурной человек» отразился в смол. *маку́ха* ‘лгун, лгунья’: «Яго и завуть макухый, што ён усе урёть» [ССГ 6: 76]; *макуха* – производное на *-ихъ, -иха* от имени **makъ* [ЭССЯ 17: 148], ср. смол., курск., ворон., пенз., краснодар. *маку́ха* ‘жмыхи, выжимки из семян подсолнуха, конопли, мака и т. п.’ [СРНГ 17: 315].

Новг. *сулема́* ‘тот, кто лицемерит; лицемер’: «Она такая сулема, из всех положений выкрутится» [НОС 10: 184] – семантическое производное от *сулема* ‘хлорид ртути’, то есть ядовитое вещество, используемое в то числе в народной медицине, ср. у В. И. Даля замечание о том, что крестьяне, лечась сулемовым настоем, «частенько отравляются» [Даль$_2$ IV: 368]; ср. также спектр значений, развиваемый лексемой на базе признака ядовитости, вредоносности: *сулема́* влг., вят. ‘всякий яд, отрава’; влг., арх. ‘о чем-л. невкусном, неприятном, горьком’; влг., арх. ‘мусор’; влг., арх. ‘чепуха, ерунда, нелепость, вздор’: «Полно сулему-то собирать»; «Все кажду сулему спрашивают»; «Хватит сулему-то нести»; р. Урал ‘о надоедливом человеке, сующем нос не в свои дела’ [СРНГ 42: 220].

«Мусорная» метафора, в рамках которой вранье характеризуется как нечто негодное, реализуется в енис. *бу́сорить* ‘говорить неправду, болтать’ [СРНГ 3: 307] (ср. *бусор* ‘мусор, хлам’), яросл. *хла́мостить* ‘говорить неправду о ком-л.; клеветать’ [ЯОС 10: 32] (ср. *хлам*, яросл. *хла́мостить* ‘сорить, грязнить, производить беспорядок’).

2.3.7. ОБРЯДОВО-ИГРОВОЙ КОД

Ряд лексем и фразеологизмов со значением обмана мотивированы обозначениями игровых, обрядово-игровых действий или действий, совершаемых ради забавы.

Связь между игровой и смеховой сферой и сферой обмана прослеживается не только на мотивационном уровне, но и на уровне семантики: в § 1.2.1 были представлены примеры семантических переносов ‘шутить, насмехаться над кем-л.’ → ‘обманывать’, сочетания значений ‘обыграть’ и ‘обмануть’.

Сами слова *игра, играть, разыграть* в литературном языке имеют переносный «обманный» смысл и употребляются при описании ситуаций обмана, ср. *игра* ‘о преднамеренном (обычно неблаговидном) ряде действий’: «Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь?! К чему <…> эта дьявольская, змеиная игра?» (Чехов, «Враги») [ССРЛЯ 5: 22], *играть в прятки, в жмурки* ‘обманывать кого-л., скрывать что-л. от кого-л.’ [Там же: 28], *играть комедию* ‘обманывать, притворяться’: «Перестанем играть друг перед другом комедию! Довольно нам обманывать один другого» (Чехов, «Живой товар») [Там же: 29]; *разыгрывать* ‘обманывая, ставить в глупое положение; одурачивать’ [ССРЛЯ 12: 553][48]. Причины эксплуатации лексики игры в семантическом поле обмана вполне очевидны: любая игра предполагает конструирование мира не настоящего, а мнимого, в котором все совершается «не по правде». Общим для сфер обмана и игры семантическим компонентом можно считать значения ‘притворство, притворяться’. (По тем же причинам могут «обслуживать» описание ситуаций обмана лексика мнимого, игрового мира – слова *театр, фокус, маскарад, маска, снять* / *надеть маску* и т. д.).

Глагол *разыгрывать* служит опорным компонентом записанного на р. Урал выражения *на ёлки разыгрывать* ‘потешаться над кем-л.; обманывать кого-л.’: «Ты што мене на ёлки-ти разыгрывашь, я што? На ёлки дана?» [Малеча 1: 456]. Глагол *разыгрывать* в диалектном фразеологизме выступает в своей общенародной

---

[48] Напротив, лексика обмана развивает значения, связанные с игрой и разыгрыванием кого-л., ср. пск. *обманивать* ‘разыгрывать кого-н., подшучивать над кем-н.’: «Апять абманиват миня! Фсё в маю сторану чашку пъварачивает» [ПОС 22: 232], пск. *обма́нка* ‘игра (какая?)’: «Была игра, абманки называлась» [Там же: 228].

«обманной» семантике. Не до конца ясно, почему здесь используется именно образ елки.

Возможно, на выбор этого образа повлиял тот факт, что елка воспринимается как дерево, сопровождающее различные увеселения. Представления о елке как атрибуте массовых развлечений, по-видимому, складывались с петровских времен, когда места массовых новогодних забав стало принято украшать срубленными елочками или их ветвями. Гораздо позднее, к концу XIX в., получил распространение обычай наряжать дома рождественскую елку, причем крестьяне знали его постольку, поскольку были основными поставщиками елок на городские рынки. Помимо того, что елка сопровождала новогодние праздники, в деревенской среде она также служила своеобразным «указателем» на питейные заведения. В деревнях по елке, водруженной на избу, опознавались кабаки, поэтому широкое распространение по стране получили обозначения кабаков вроде *ёлка, ёлкин, иван ёлкин*, ср. еще, к примеру, перм. *сходить под ёлку* ‘сходить в кабак’ [СРНГ 8: 343] (подробнее об увеселительных мероприятиях и праздничных традициях, связанных с елкой в России, см. [Душечкина 2002]). Таким образом, елка связана с двумя разными способами свободного и праздничного времяпрепровождения, что может отчасти влиять на использование лексемы *ёлки* в сочетании *на ёлки разыгрывать*.

Несомненным кажется, что на выбор этого слова повлиял его фонетический облик, благодаря которому оно употребляется в разного рода эвфемизмах вроде *ёлки-палки, ёлки-моталки, ёлки зеленые* и т. п.

Значение ‘обманывать’ получает смол. *обыгрывать*: «Абыгрывъть ён усих умеить», «Женки обыграли нас» [СРНГ 22: 283; ССГ 7: 146]. Эта семантика вторична, вероятно, по отношению к значению ‘превзойти, опередить’, которое фиксируется у этого же смоленского глагола (см. [СРНГ 22: 283]). Номинация актуализирует мотив состязательности, который разрабатывается в поле обмана, поскольку ситуация обмана может восприниматься как взаимодействие ловкого и хитрого обманщика с недалеким человеком. Значение состязательности во всем поле может иметь, как и в рассматриваемом слове, формальное выражение в виде приставки *об-* (ср. *обойти, объехать, обогнуть* ‘обмануть’).

Смол. *гимóрник* ‘выдумщик; человек с капризами, причудами’ выступает и в значении ‘обманщик, плут’: «Ну хто паверить такому гиморнику. Ета ж извесный

жулик» [ССГ 3: 23]. Перенос осуществляется благодаря общему семантическому компоненту ‘говорить то, что не соответствует действительности’. Вероятней всего, это слово, фиксируемое на смоленской территории наряду с *гимóрница* ‘о капризной женщине’, *гимóрничать* ‘привередничать’ [Там же], образовано от блр. юго-зап. *гімора* ‘хвастун, задавака’, *гіморы* ‘капризы’, для которых предполагается связь с блр. *гумар* ‘юмор’ [ЭСБМ 3: 86].

В отдельных диалектных системах значение обмана появляется в семантическом спектре глаголов, которые в общенародном языке обозначают совершение шалостей, проказ и под.: том., самар. *куролесить* ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 16: 110], костр. *накурелéсить* ‘наговорить много, сказать неправду’: «Накурелесила, говорит, не слушайте вы её» [ЛКТЭ]; новг. *чудить* ‘говорить неправду; обманывать’: «Она вышла, спрашивает: “Где деньги?” – “Не знаю”. А она: “Не чуди меня”» [НОС$_2$: 1285]; дон. *выкомаривать* ‘придумывать разные хитрости, уловки для обмана’: «Моя кухарка научилась уже выкомаривать» [СРНГ 5: 294].

Наряду с последним глаголом следует упомянуть также *выкомýривать* без указ. места ‘наговаривать на кого-л.’, омск. ‘хитрить, лукавить’, перм. ‘говорить двусмысленно’ и др. [СРНГ 5: 294], тамб. *выкомýрничать* ‘хитрить’ [Там же: 295], иркут. *выкомы́ривать* ‘говорить неоткровенно, скрывать что-л.’ и др. [Там же], яросл. *закомыра* ‘хитрый, лукавый человек’ [ЯОС 4: 75]. Предполагается, что эти слова родственны рус. диал. *комóриться* ‘церемониться, конфузиться’, ‘гулять, развлекаться’, фольк. *коморóшина* ‘скоморох’, польск. *przekomarzać się* ‘передразнивать друг друга’ и др., см. [Аникин РЭС 9: 152; Куркина 1976: 57–58; Orel 1: 226]. А. Е. Аникин предполагает возможность контаминации названных глаголов на *выко-* с глаголами с корневым элементом *ман-* (*заманивать*, *обманывать*), в результате которой мог образоваться пск. *выкомáнивать* ‘обманывать’ [Аникин РЭС 9: 152].

Обозначения некоторых обрядово-игровых действий также могут развивать «обманные» значения.

Говорение неправды или распространение ложной информации может представляться как пение обрядовых (календарных) песен. Во вторичном «обманном» значении выступают новгородские глаголы *колядить* и *таусить* ‘петь

рождественские коляды’ (ср. диал. шир. распр. *та́у́се́нь* ‘сочельник’, ‘обрядовая песня, которую поют ряженые в канун нового года’ [СРНГ 43: 312]): новг. *колядúть* приобретает значение ‘говорить неправду’: «Маша колядила, что она её не кормила, что молоко только для Вареньки брала»; «Не коляди ерунду» [НОС$_2$: 424] (ср. ср.-урал. «Не коледи околёсну» [СРГСУ 2: 38]), а новг. *тау́сить* фиксируется в значении ‘сплетничать, наговаривать’: «Таусить – сводить сплетки»; «Этим бабам только бы таусить, душу отвести» [НОС$_2$: 1179]. В основу переноса положены как характеристики колядования (частые повторы одних и тех же слов), так и негативное его восприятие, связанное с трактовкой колядования как несущественного занятия и попрошайничества под видом обрядового пения (это отношение к колядованию выражено, в частности, в таких глаголах как *колядова́ться* арх. ‘слоняться без дела’, смол. ‘побираться’, твер., смол. *колядова́ть* ‘побираться’ [СРНГ 14: 222]).

«Обманную» семантику приобретает глагол со значением ‘хороводить’: смол. *корого́дить* ‘водить хороводы’ (образованный от диал. шир. распр. *корого́д* ‘хоровод’) получает значение ‘долгое время обманывать, вводить в заблуждение’: «Ен усю жысь тока кырагодить, а замуш усе ни бяреть» [ССГ 5: 83]. Круговая траектория движения в хороводе становится стимулом для «запуска» значимой для всего поля метафоры «вести по кругу» → «обманывать», которая, к примеру, проявляется в общенар. *обвести вокруг пальца*, смол. *крутнуть* ‘обмануть’, рус. латв. *крутить* ‘обманывать’ [СРНГ 15: 323, 327] и др. Кроме того, признаком обманного и игрового действий, повлиявшим на их соотнесение, является долгая продолжительность, отразившаяся в значении «обманного» глагола: обман длится так же долго и, вероятно, строится на одних и тех же элементах, как долго, повторяя заранее известные элементы движений, участники хоровода выводят фигуры.

Семантику обмана приобретает слово из сферы традиционных гаданий: обманщик сравнивается с гадальной книгой – варакулем: арх. *вара́куль* ‘лгун’: «Какой ли варакуль врал, гадал» [СГРС 2: 23], ср. арх., влг. *вара́куль* ‘гадальная книга’: «Варакуль был у нас: горошину в круг бросаешь – на какую цифру упадёт, в конце смотришь ответы, что будет скоро» [Там же]. На семантике речевого

обмана может сказываться притяжение к речевым глаголам вроде арх. *вара́кать* ‘говорить вздор, болтать’ [Там же: 22].

Не претендуя на установление этимологии, упомянем здесь вят. *ламбе́рить* ‘хитро, ловко обманывать, мошенничать’ [СРНГ 16: 253] и вят. *обламбе́рить* ‘обмануть, надуть, оставить в дураках’ [СРНГ 22: 84]. М. Фасмер замечает о сходстве, вероятно, случайном, этого слова с нем. *belembern* ‘то же’ [Фасмер 2: 455]. Выскажем предположение о возможной связи *ламберить* с названием карточной игры *ло́мбер*, название которой заимствовано из французского языка в XVIII в. [Фасмер 2: 516]. Название игры в данном виде закрепилось уже к концу XVIII в. и фиксируется в [СлРЯ XVIII в. 11: 225]; ко второй половине XIX в. игра теряет популярность, ср. определение ломбера в словаре Даля: «Ныне малоупотребительный вид карточной игры» [Даль$_2$ II: 271]. Модель «играть в карточную игру» → «обманывать в картах» → «обманывать вообще» представляется правдоподобной, однако предположению о связи *ламбе́рить* с *ло́мбер* мешает ряд обстоятельств: фиксация первого на узкой территории; разность в месте постановки ударения; особенности самой игры. Ломбер не включался в число азартных игр, которые не требовали особенных умений, времени и, хотя были запрещены, могли иметь хождение в кабаках и под. Выигрыш в ломбере требовал от игрока определенных умственных способностей; ломбер имел хождение во дворянских домах, в основном, для провождения за ним свободного времени, см. [Шевцов 2005]. Все эти обстоятельства заставляют сомневаться в правильности «карточной» версии.

2.3.8. ЗВУКОВОЙ КОД

В рамках звукового кода рассматриваются «обманные» языковые единицы, которые мотивированы обозначениями разных по природе процессов звукопорождения или образованы звукоподражанием. Слова этого кода в большинстве своем «присвоены» сферой речевого обмана по очевидной причине: из всех видов обмана звуковую природу имеет говорение неправды. Ниже материал сгруппирован по рубрикам, обозначающим различные звуковые явления:

Свист, Гудение, Колокольный звон, Лай, Звукоподражание. В последнюю очередь представлены слова, имеющие звукоподражательную природу.

2.3.8.1. Свист

Эту группу звукового кода составляют яросл. *насвистеть* ‘сказать неправду’ [ЯОС 6: 112], пск. *свистеть в дудку* ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 204], смол. *присвистнуть* ‘приврать’: «Не верь ты ему, он опять присвистнул»; «Присвистнуть – это что-нибудь соврать», смол. *присвистывать* ‘врать’: «Многа дужа присвистывъть ина стала»; «Ни присвистывай ты, а прауду гывари» [ССГ 9: 36], *свист* р. Урал ‘ложь, неправда’: «Свист – это значит вранье, болтовня», свердл., курган. ‘обманщик, болтун’: «На первых порах в земские начальники, да и на другие должности по крестьянским делам шли такие свисты, что прямо ужас» [СРНГ 36: 296–297], влг. *свистуля* ‘легкомысленный, непостоянный, хвастливый человек, лгун, обманщик’ [Там же: 301], свердл. *свистун* ‘о болтуне, обманщике’: «Такой свистун, хоть что сколоколит» [Там же].

Показательно развитие семантики у дериватов этого корня, имеющего в славянских языках звуковые значения в качестве первичных (ср. укр. *свист*, блр. *свіст*, польск. *świst*, чеш. *svist* ‘свист’, словен. *svisk* ‘шипение’, чеш. *svištěti*, словац. *svištat’*, польск. *świstać* ‘свистеть’; не исключается их экспрессивное звукоподражательное происхождение [Черных 2: 148; Фасмер 3: 581]). Вторичные значения не ограничиваются сферой вранья: слова с этим корнем номинируют также быстрые, резкие действия, и соответственно, орудия для них, ср. без указ. места *свистнуть* ‘огреть, хватить, полоснуть, вытянуть чем, хлестнуть, ударить шибко’ [Даль$_2$ IV: 153], смол. *свиста́ть* ‘махать чем-л.’, арх. ‘швырять что-л.’, карел. ‘бить, ударять’, тамб., влг., иван., новосиб. *свистану́ть*, твер. *свистону́ть* ‘сильно ударить’, *свистом* на разных территориях называют тонкую палку (башкир.), тонкий прут (казан.), связку из прутьев (р. Урал) и т. п. [СРНГ 36: 296, 297, 299]. Таким образом, у продолжений корня выявляются значения, регулярно вступающие в связи с «обманными», ср., например, аналогичную структуру семантического пространства, образованного производными

звукоподражательного *хлыст-/хлест-/хлуст-* (см., к примеру, [Даль 4: 1188–1189, 1194]).

Появление у *свистеть* значений речевого обмана может быть мотивировано, кроме природной резкости свиста, общим отрицательным отношением к свисту как греховному и в ряде обстоятельств запрещенному у всех славян действию: свист приписывался нечистой силе, разрушительным стихиям, считался средством призывания черта, привлечения ходячего покойника и пр., см. [СД 4: 578–581].

2.3.8.2. Гудение

Сюда относятся новг. *гуди́ть* ‘соблазнять, обманывать’ [СРНГ 7: 202], а также родственные ему новг. *гуда́ла* ‘плут, мошенник, ловкий обманщик’ [Там же: 200], влг., арх., тобол., перм. *огу́да, огуда́ло* ‘обманщик’: «Он известный огуда»; «Разве ты не знаешь, что он огуда?»; «Смотри, остерегайся ему во всем верить, он огудало не последний» [СРНГ 22: 359], влг. *огуда́чивать* ‘обманывать’: «Как ни хитер, а мы его, однако, огудачили» [Там же: 360], влг., арх., перм., свердл., тобол., алт., тамб. *огу́дывать* ‘обманывать’: «Задумал меня огудать, да не на того напал» [Там же].

Глагол *гудить* рассматривают в связи с *гудеть* ([Фасмер 1: 471; ЭССЯ 7: 167]). Первичным значением можно считать значение ‘издавать (неприятный) звук’. Помимо «обманной», в гнезде *гудить* развита семантика «отрицательного» речевого поведения, ср. диал. шир. распр. *гудить* ‘осуждать, хулить, порицать’ [СРНГ 7: 202]. Такая же линия прослеживается в гнезде *гудеть*, ср. брян. *гудеть* ‘злословить’ [Там же: 201].

Большинство слов данного гнезда, имеющих семантику обмана, образованы с помощью префикса *о-*, частотного в поле, поскольку он привносит в значение признак кругового покрытия (в данном случае – звукового).

Можно предположить сближение этих слов с однокоренным *гудок*, которое на разных территориях обозначает как струнно-смычковый, так и духовой народный музыкальный инструмент, см. [СРНГ 7: 202–203] (ср. самое широкое значение: смол. *гудок* ‘всякий музыкальный инструмент’ [Там же]). Основание для связи эксплицировано в качестве комментария к *огуда́ло* ‘обманщик’ в СРНГ: *Он*

огудало не последний, «т. е. он так вкрадчиво, приятно говорит и уговаривает, как на гудке наигрывает» [СРНГ 22: 359].

2.3.8.3. Звуки волынки

Отдельно рассмотрим сиб. *тереть волынку* ‘говорить неправду, обычно с целью скрыть что-л.’: «Стали они казачкам тереть волынку, а тот каторжанец уже за Амур убег» [ФСРГС: 196], ср. общенар. *тянуть волынку* ‘затягивать какое-л. дело, медлить’ (диалектный контекст, как кажется, иллюстрирует подразумеваемый компонент ‘задерживать’ у *тереть волынку*). Мотивацией служит комплекс звуковых впечатлений от инструмента: однообразность и утомительность звука волынки, его резкость, т. е. способность заглушить другие звуки.

2.3.8.4. Колокольный звон

Семантика говорения неправды присуща сиб. *колоколить без пути* ‘болтать, пустословить’, ‘врать’ [ФСРГС: 94], влг. *наколоко́лить* ‘наговорить, наболтать; наврать’: «Она сейчас тебе наколоколит, бабка-то у меня в уме ли, не знает, не помнит уж ничё» [КСГРС], свердл. *сколоколить* ‘соврать, выдумать что-л. неправдоподобное’: «Сколоколит и не покраснеет» [СРНГ 38: 58], ср. лит. *колоколить* ‘всем, повсюду объявлять, рассказывать о чем-л.’ [БАС 8: 247], *звонить во все колокола* ‘распространять какие-либо известия’. Не только признак громкости, но и признак способности к широкому распространению звука мотивировал языковые единицы, номинирующие болтовню, сплетни и вранье (колокольный звон должен был служить способом оповещения: им обычно сигнализировали о каком-либо стихийном бедствии, пожаре или другом значительном событии). Семантическую поддержку им оказывают также выражения вроде разг. *лить колокола* ‘лгать, распространять ложные слухи, пустословить’, порожденные культурной традицией, связанной с литьем колоколов (о ремесленном литье см. «Код производственных действий»).

2.3.8.5. Лай

Глагол звукоподражательного происхождения **brexati* во всех восточнославянских языках развил значения ‘лаять (о собаке или лисе)’ и ‘врать, лгать’. Второе значение возникло на основании признаков малоценности и широкого распространения этого звука по ветру. Лай, кроме того, часто воспринимается отрицательно в силу своей резкости, неприятности для слуха человека; он связывается с недобрыми приметами, ср., например, выражение *брехать как собака в пасху* ‘накликать беду’: «Если собака во время пасхальной утрени лает на восток – это к пожару, если на запад – к несчастью» [РФ: 649].

В спектре значений глагольных дериватов корня *брех-*, обладающих семантикой обмана, встречаются значения ‘бранить(ся), ругать(ся)’, адъективных – значение ‘сварливый’, продолжающие семантику «негативных» речевых проявлений.

Семантико-словообразовательное гнездо обширно ввиду общенародности и экспрессивности *брехать* ‘лаять’, ‘лгать’: без указ. места *брехать* ‘лаять, гавкать, как собака, лгать, врать, говорить с ветру, на ветер’ [Даль$_2$ I: 129], новг. *набрешить* ‘наврать, налгать’ [НОС 5: 125], тул. *пробрехать* ‘сказать ложь, неправду’: «Это Аксинья про тебя пробрехала» [СРНГ 32: 86], смол. *перебреха́ть* ‘переругать, перебранить всех или многих’, ‘переврать, исказить’: «Ни говори и тама так, нипрауда ета: пирибрихали усе еты деуки» [ССГ 8: 33], новг. *бреха́ло* ‘лгун’ [НОС 1: 86], смол. *бреха́ло пустое* ‘лгун’: «Ну што ты тут сыбираиш, брихала пустоя», ‘лгун, клеветник, доносчик’: «Брехалом, войтом быть не хочу» [ССГ 1: 250], нижегор. *забрёха* ‘лгун, хвастун’ [СРНГ 9: 274], смол. *брехли́вый* ‘сварливый, склонный к ссорам’, ‘лживый’: «Ён такей бряхливый. Къда и прауду гаворить, яму ня вериш»; «Гришка брехливый человек: ему дужа ня верь» [ССГ 1: 251]; смол. *брехло́* ‘лгун, лгунья’: «Ня верь ты ей, ета ж бряхло»; «Бряхло ён: ничога такога ни было»; «Ты нъ ие ни надейся, бряхло ина, усе брешыть, ня верь ты ей» [Там же: 251–252], смол. *бреху́н* ‘собака, часто и много лающая’, ‘сплетник, лжец’: «Есь такии брихуны. Вот скажыш биз унимания, а ён и прибавить, што и ни было»; «Ну и бряхун жа ты! Зачем урёш, къда усе знають, как было?» [Там же: 252].

Дериваты корня включаются в качестве опорных слов во фразеологизмы: влг. *брехать на молодой месяц* ‘лгать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 398]; влг. *брехать собачьей губой* неодобр. ‘лгать, обманывать кого-л.’ [Там же: 168]; влг. *брехать на воду* ‘ругаться, бранить, проклинать кого-л.’, ‘лгать, говорить вздор’ [Там же: 92]; сиб. *бреха́ть брехню* ‘говорить неправду’ [Там же: 60]; сиб. *побрёшки травить* ‘лгать’ [ФСРГС: 198].

2.3.8.6. Звукоподражание

Отличие слов, рассматриваемых в данном параграфе, от слов звукоподражательного происхождения, отнесенных в какую-либо из предыдущих групп, заключается в том, что в основе слов, представленных ниже, лежат звукоподражательные звукокомплексы, не имеющие в общенародном русском языке номинативного оформления. Выше рассматривались номинативно оформленные в общенародном языке слова (*свистеть, брехать*), этимологически имеющие звукоподражательную природу.

Звукоподражание в основе языковых единиц иногда может быть определено как «речеподражание»: для новг. *бараб́ошить* ‘говорить попусту, болтать’, ‘лгать’: «Другой так барабошит, что и не понять, правду говорит аль нет. Эва каки есть люди-то» [НОС 1: 32], калуж. *балабо́шить* ‘говорить пустяки, врать’ [СРНГ 2: 68], твер. *бараб́ошка* ‘лгун, лгунья’ [Там же: 102] восстанавливается прасл. **barbositi* / *barbošiti*, имитирующее невнятную, неразборчивую речь [Аникин РЭС 2: 191].

Звукоподражательными, вероятно, являются также следующие номинации:

- яросл. *наблекота́ть* ‘наябедничать, насплетничать, оклеветать’: «Опять что-то на меня наблекотала»; «Наблекочет, а потом в кусты», яросл. *наблякота́ть*: «Знамо дело, опять наблякотал кто-то», яросл. *набрекота́ть*: «Ну, уж она сумеет набрекотать» [ЯОС 6: 81] (ср. «Звукоподражание, как *блеять*» [Фасмер 1: 173]);
- свердл. *ре́хать* ‘обманывать, врать’: «Да что ты рехаш, старая, не десять лет мне было, а двенадцать». Вывод о звукоподражании позволяют делать следующие «звуковые» значения: свердл., арх., вят. ‘хрюкать’, арх., вят. ‘рычать’, вят., пенз. ‘сопеть, храпеть’ [СРНГ 35: 78];

- *галан* казан. ‘льстец или обманщик’, орл. ‘прозвище драчливого человека’, *галанить* перм., арх., вят., влг., симб. ‘шутить или говорить пустяки’, влг., нижегор. ‘бездельничать’, курск. ‘кутить’, казан. ‘льстить’, перм. ‘заниматься обманом, плутовать’ [СРНГ 6: 104–105]. Согласно ЭССЯ, представляется возможным «говорить о стержневой праформе **galati* с исходным знач. вроде ‘кричать’. Родственно, по-видимому, **golsъ*, **galasъ*. В основе своей – звукоподражание» [ЭССЯ 6: 91];
- звукоподражательным является компонент *бала-* в ряде сложных слов вроде *балагурить, баламутить, балахвост* и др., см. [Фасмер 1: 112–114; ЭССЯ 1: 144]. Некоторые слова с этим компонентом в пространстве речевой семантики развивают значения вранья, ср. влг. *балагуры* в сочетании *балагуры разводить* ‘шутить, врать’ [СРНГ 2: 69]. Этот же компонент присутствует в пск. *баламы́ш* ‘обман’: «Он на баламыш пошел» [Опыт: 6; СРНГ 2: 72], пск. *абалмаш* ‘обманщик, плут’ [СРНГ 1: 188]. Восстанавливается форма **balamъčь* на основании русск. диал. *ба́лмочь, ба́лмошь, ба́ломошь* ‘дурь, сумасбродство, безрассудство, бестолочь’ и производных *ба́лмошный, баламо́шный* ‘дикий, несуразный’ и пр. [ЭССЯ 1: 147]. Конечный компонент в [Фасмер 1: 117] отнесен к *мочь*, в [ЭССЯ 1: 147] предполагается его связь с **mъknǫti, mykati* (о славянских реализациях которого см. [ЭССЯ 21: 37–38]; можно с большой степенью обобщенности назвать общим для его производных значение ‘двигаться туда-сюда, производить однотипные движения’);
- ономатопеей на базе редупликации считается смол. *ло́ла* ‘лжец’: «Хто уреть, таго нызываютъ лола, лыга, а хоть и илгун»; «Ну ты, братиц, и лола!» [ССГ 6: 47], см. [ЭССЯ 16: 11], где приводятся его соответствия: болг. диал. *ло́ла* ‘повеса; легкомысленный человек’, сербохорв. *ло́ла* ‘высокий худой человек’, словацк. диал. *lolo* ‘глупый человек, простак’. Такой же путь образования видится вероятным для твер., пск. *лулы́* ‘ложь, обман’: «Не верь, брат, лулы» [СРНГ 17: 192], которое также входит в пск., твер. *на лулах подъезжать* ‘обманывать’ [Там же];
- яросл. *лебезди́ть* ‘говорить неправду, лгать’: «Что ты мне лебездишь в глаза?» [ЯОС 5: 123], яросл. *лебезда́* ‘тот, кто много обещает, но не выполняет своих обещаний’: «Что твой Иван Александрыч! Лебезда и больше ничего!

Говорит, говорит, а всё без толку» [Там же], смол. *лабози́ть* ‘лгать’: «Хватить табе лубузить» [ССГ 6: 5], влад. *ла́бза* ‘обманщик’ [СРНГ 16: 215]. Семантика лжи продолжает семантику лести, ср. яросл. *лебезди́ть* ‘угодничать, заискивать перед кем-л.; вести себя суетливо, беспокойно’: «Уж любит лебездить больно перед начальником-то» [ЯОС 5: 123], влад., влг., костр., новг., перм. *лебеза* ‘льстец’ [СРНГ 16: 302], разг. *лебезить* ‘заискивать, угодничать’, влг., твер., влад., тамб. *ла́бзить* ‘угодничать, льстить, лебезить’ [СРНГ 16: 215]. Связь между разными ступенями корневого вокализма (*лебез-*, *лабоз-*/*лабз-* и *лобз-* в *лобзать* ‘целовать’) отмечается в [Фасмер 2: 471; ЭССЯ 14: 80]. Производится из экспрессивного звукоподражания **labati* [ЭССЯ 14: 6];

- смол. *лямать* ‘говорить неправду’ [ССГ 6: 70]. На вероятное звукоподражательное происхождение глагола указывают его речевое и «шумовое» значения на соседней белорусской территории, ср. блр. *лямаць* ‘болтать; хлопать’ [ЭСБМ 6: 123]; ср. также слова с расширением основы блр. *лямзливы* ‘болтливый’, *лямза* ‘обманщик’ [Там же].

- смол. *бру́зди́ть* ‘лгать’: «Ни нада бруздить, ина усе знаить, и тваё враннё ей ни к чаму» [ССГ 1: 257]; у глагола также есть значения ‘ворчать, брюзжать’: «Батька твой добрый был человек, а только усе бывало, бруздит и бруздит, а ничего плохого не сделает никому», ‘говорить бессвязно, непонятно’: «Что он там говорит, что бруздит, пьяница!» [Там же]. Согласно [ЭССЯ 3: 35, 53], слово имеет экспрессивное звукоподражательное происхождение;

- влг. *хлы́стить* ‘врать’: «Правда ведь всё, не хлыщу, я не люблю хлыстить» [КСГРС], смол. *хлы́стать* ‘лгать, обманывать’: «Чуть што – и нъчинаить хлыстать» [ССГ 11: 59], смол. *похлыста́ть* ‘обмануть, солгать’: «Етый хлысти лиш бы пъхлыстать» [Там же: 267], смол. *хлы́ста* ‘о лживом человеке’: «Ета ж хлыста. Ня верьтя вы яму» [Там же: 59], перм., ср.-урал., красноярск. *нахлюсти́ть* ‘сказать неправду, солгать, соврать’ [СРНГ 20: 265], краснояр. *нахлю́здить* ‘сказать неправду, солгать, соврать’: «Нахлюздил сам, а потом сказал, что я хотел обмануть» [Там же]. О звукоподражательной природе **xl’ustati*, **xl’uskati*, **xlystati*, **xlyskati* см. [ЭССЯ 8: 35, 42].

Значительное число глаголов поля обмана имеют признаки экспрессивных образований (ср., например, экспрессивы *огалгарить*, *облепенить*, *облупенить*,

обдедюлить, *обдудолить*, *обдеклешить* и мн. др. ‘обмануть’). Происхождение их неясно, но, возможно, некоторые из них также имеют звукоподражательную природу.

2.3.9. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД

Элементами пространственного кода стали главным образом обозначения действий по освоению пространства – перемещению по нему, получившие вторичные «обманные» значения. В поле обмана востребованы глаголы движения не по прямому пути: траектория движения является знаком соблюдения или несоблюдения человеком норм морали, причем показателем отступления от них оказывается уклонение от прямой дороги или движение по кривой траектории, ср. общенар. *сбить* (*совратить*) *с пути*, *идти кривой дорожкой*, *идти обходными путями* ‘прибегать к хитростям для достижения чего-либо’ и др. Кроме глаголов передвижения, в состав кода входят обозначения частей пространства (см. мотив пространства и перемещения в гл. 3). В рамках кода также рассмотрены дериваты лексем, относящихся к таким геометрическим понятиям, как, например, «круг», «кривой» и др.

Действия обманщика изображаются как блуждание, беспорядочное передвижение или перемещение по непрямой траектории: новг. *плутать* ‘хитрить, лукавить’: «Неча плутать, говори толком» [НОС$_2$: 829], смол. *наплутать* ‘наговорить, наврать’: «Нъплутала ина нъ миня, нипрауда ета» [ССГ 7: 29], яросл. *плуси́ть* ‘говорить бессмыслицу, путаться в словах, лгать’ (ср. яросл. *плуси́ть* ‘ехать не той дорогой, плутать’) [ЯОС 8: 10], смол. *петлять* ‘лукавить; врать’: «Хватить табе питлять: гъвари прауду» [ССГ 8: 69], свердл. *блудить* ‘обманывать, врать’ [СРНГ 3: 29] (ср. яросл. *блудить языком* ‘лгать’ [ЯОС 1: 64]), костр., пск. *колесить* ‘врать, лгать’ [СРНГ 14: 126].

Используется мотив кругового движения: енис., влг., костр. *кружа́ть* ‘обманывать’: «Села передо мной и начала кружать. Был у меня петух, говорит, ходил по брусу. К чему – кто его знает» (костр.) [КСГРС; ЛКТЭ; СРНГ 15: 309], влг., яросл., костр. *кружи́ть* ‘врать, пустословить, болтать’: «Да что ты кружишь, мелешь неладно; ерунду, неправду объясняет, к делу не относится» (влг.) [ЛКТЭ;

СГРС 6: 189; ЯОС 5: 95], влг. *накружáть* ‘наврать, наболтать’: «Гли-ко, накружаёт, нахвостит тебе» [КСГРС], костр. *кружáло* ‘тот, кто врет’: «Кружало хоть врун, хоть врунья, кружает-то, всё кружало» [ЛКТЭ], костр. *кружок* ‘о том, кто врет, говорит ерунду’: «Бармалыга-то не ту святую мелет, как кружок, вокруг головы да в пазуху» [Там же], енис. *круговой* лживый, плутоватый [СРНГ 15: 304], смол. *крутия́нство* ‘мошенничество, нечестность’: «Што тут крутиянство було. А тяперь пърядък нъвяли: на работу уси ходють, ни варують» [ССГ 5: 117]. Ряд номинаций подчеркивают, что двигаться по кругу обманщик заставляет обманываемого: смол. *крутнуть* ‘обмануть’ [СРНГ 15: 323], рус. латв., литов. *крутить кого-л.* ‘обманывать’: «Не обманет себя, а нас крутит» [Там же: 327], смол. *крутить* ‘хитрить, мошенничать’: «Не крути, плут, а то штаны сыму» [ССГ 5: 117]. Последний может метонимически подменяться обозначением, условно говоря, органа восприятия: пск. *накружить голову кому* неодобр. ‘сбить с толку, ввести в заблуждение кого-л.’ [СППП: 29], *крутить мозги кому* ‘обманывать, вводить в заблуждение кого-л.’ [БСРП: 406] (ср. мотив верчения объекта обмана, разрабатываемый глаголами вроде без указ. места *вертеть кого-л.* ‘обманывать’: «Верти его – обманывай!» [СРНГ 4: 152] и др.).

Обман может изображаться движением вокруг какого-либо объекта (чаще – вокруг обманываемого): общенар. *обвести вокруг пальца* ‘обмануть, перехитрить кого-л.’ (где актуализируется ловкость субъекта обмана), арх. *окрутить* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 170], смол. *обвóд* ‘обманщик, плут’ [СРНГ 22: 9], пск., твер. *огибéнить, огибéнивать* ‘дурачить, обманывать; обводить вокруг пальца’: «Не огибенивай ты меня» [СРНГ 22: 314] (ср. *огибéнить* пск., твер. ‘сделать круг’, твер. ‘исколесить, обойти вокруг’), влад., пск., твер., нижегор. *огибать* ‘обманывать, надувать, лгать’: «Она шибко огибает, хитрая. Такая огибала, не приведи бог» (нижегор.) [СРНГ 22: 313], *огибáла* ‘обманщик, плут, пройдоха’: «Опять обогнул кого-то огибала» (курск.) [Там же]. Мотив движения вокруг содержится, как кажется, и во влад. *огулять* ‘обмануть, надуть’: «Не гляди, что он мне родня, а он меня этой осенью на десятку огулял» [СРНГ 22: 363].

Важный мотив для всего поля – мотив кривизны (ср. внутреннюю форму общенародных манифестантов идеи обмана: *кривда, кривить душой, криводушие*). Первичное значение слова *кривой* и его дериватов носит «пространственный»

характер: они обозначают нарушение прямизны, изогнутость. На идее нарушения прямизны базируются присущая им вторичная семантика «ненормативности», в том числе семантика нарушения этических норм – «обманные» значения. Подробно о семантике слова *кривой*, в том числе о его культурных коннотациях в славянских языках см. [Толстая 2008: 275–289]. Здесь перечислим его дериваты, функционирующие в изучаемом поле: ряз. *кривой* ‘обманщик, лжец’ [СРНГ 15: 245], арх., влад., новоросс. *кривить* ‘обманывать, нарушать обещание, лгать’ [Там же: 242], твер., пск. *кривлять* ‘говорить ложь, неправду’ [Там же: 244], перм. *кривулить* ‘обманывать’ [Там же: 249], твер., пск. *кривство* ‘обман, ложь, хитрость’ [Там же: 248], влг. *криулять* ‘врать, кривить душой’: «Надо быть справедливым, нигде не криулять, а правда всегда выручит» [КСГРС], ср. также смол. *скривить линию* ‘солгать’: «Яму нильзя скривить линию» [ССГ 10: 35].

Пск., твер. *объехать на кривых оглоблях кого* ‘обмануть, перехитрить кого-л.’ [СРНГ 22: 277] содержит явные лексические маркеры семантики обмана – слово, обозначающее признак кривизны, и глагол с приставкой *об-*. Фразеологизм можно сравнить с общенар. *на кривой не объедешь, на кривой козе не объедешь* ‘не обманешь, не проведешь кого-л.’, которые М. В. Жуйкова связывает с идеей магического круга – по нему обводит человека нечистая сила, и за его пределы он выйти не в состоянии [Жуйкова 2007: 302–303]. В. М. Мокиенко, не соглашаясь с версией М. В. Жуйковой (изложенной также и в более ранней публикации 1996 г.), рассматривая эти выражения, восстанавливает для них первичный вариант *на кривой лошади не объедешь* (т. е. «на слепой и старой лошади») и считает, что «варианты *на кривой козе не объехать*, *на вшивой козе не объехать*, *на свинье не объехать* и *на кривых оглоблях не объехать*… выступают как индивидуальные перевоплощения исходного образа сочетания, связанного с кривыми, т. е. хромыми, физически неполноценными, лошадьми» [Мокиенко 2006: 296–297].

Наиболее убедительной представляется трактовка С. М. Толстой, которая критикует версию М. В. Жуйковой, в частности, за приписывание слову *кривая* нехарактерной для него семантической связи с понятием круга и за однозначное понимание глагола *объехать* как обозначения движения по кругу. По мысли С. М. Толстой, выражение подразумевает не «круговое», а «состязательное» значение глагола *объехать*, ср. глаголы с подобной «состязательной» семантикой,

выраженной приставкой *об-*: *обойти, обогнать, обставить* и др. Сочетание *на кривой* может служить воплощением входящего в семантику фразеологизма компонента ‘так легко, так просто (не проведешь кого-л.)’ и иметь негативное оценочное значение. Субъект обмана, таким образом, не может так легко, «на кривой», «объехать», т. е. обмануть кого-либо [Толстая 2008: 287–288]. Остается заметить, что глаголы-выразители подобных «соревновательных» или просто требующих сноровки, ловкости действий могут приобретать «обманные» смыслы, ср. рус. диал. *обыграть* кого-л., *обуть* кого-л., *подковать* кого-л. ‘обмануть, перехитрить’.

Субъект обмана может передвигаться, делая мелкие, частые движения, характеризующими его изворотливость: яросл. *семени́ть* ‘вертеться, врать, оправдываться лганьем’ [ЯОС 9: 25].

Глаголы перемещения в пространстве позволяют передавать семантику подчиненности обманываемого чужой воле. Они могут сочетаться с номинациями объектов перемещения – обозначениями самого обманываемого или «замещающих» его частей тела или органов восприятия: перм. *волочить за долгий нос* ‘обманывать, вводить в заблуждение’ [ФСПГ: 57], пск. *наводить за нос кого* ‘обманывать, вводить в заблуждение, дурачить кого-л.’ [СППП: 57] (здесь, возможно, отразилась практика управления животными: им продевали в ноздри кольцо и таким образом вели за собой), перм. *за ухо провести* ‘обмануть’ [ФСПГ: 297], морд. *наводить слепого* (*слепых*) *на брёвна* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 59], карел. *наводить слепую бабушку на бревно* ‘обманывать, лгать’ [Там же: 24] (здесь подчиненность чужой воле усиливается мотивом слепоты ведомого).

Слова с семантикой передвижения могут употребляться без указания на объект обмана: общенар. *вводить в заблуждение*, курск. *наводить дуроту* ‘притворяться, дурачить, обманывать’ [СРНГ 8: 272], костр. *наводить на обман* [СРНГ 19: 172], пск. *водить концы* ‘обманывать, вводить в заблуждение, заговаривать зубы’: «Я выслухала его, он мне долго-долго водил концы» [СРНГ 4: 338], общенар. *провести кого-л.*, смол. *пройти* ‘обмануть, провести кого-л.’: «Какой бы ты хитрый не был, а меня ты не пройдешь» [СРНГ 32: 149], влг. *проваживать на словах* ‘обманывать’: «Полно тебе на словах-то проваживать» [Там же: 90].

Глагол движения встречается в диал. шир. распр. *андроны едут* (*поехали*) ‘говорится в ответ тому, кто сказал неправду; о неправде, лжи’: «Перекрестись, андроны едут»; «Ну, опять у нашего Софрона поехали андроны» [СРНГ 1: 259]. Это выражение фиксируется как просторечное в [СлРЯ XVIII в. 1: 69–70], встречается в художественных произведениях, ср., к примеру, цитату из «Мертвых душ» Гоголя: «Какая же причина в мёртвых душах? Даже и причины нет. Это выходит просто: андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!». О происхождении слова *андроны* высказывались разные версии. Согласно одной из них, это слово – результат семантического сближения апеллятива *андроны* ‘двухколесная телега с жердями, которые волочатся сзади по земле, для возки снопов и сена’ и онима *Андрон*: из-за того, что тянущиеся по земле жерди сильно гремят, оним *Андрон* приобрел коннотативные значения и стал приписываться тому, кто своей пустой болтовней также производит много шума, ср. ряз. *андрон* ‘о хвастуне, лжеце’ [СРНГ 1: 259], ряз. *андрона подпускать* ‘хвастать, лгать’ [БСРП: 17], см. [Отин 2004: 48]. Глагол перемещения в таком случае «оживляет» первое, «транспортное» значение слова *андроны*. Иное мнение высказывает А. Е. Аникин: он считает, что связь с именем *Андрон* и апеллятивом *андроны* у слов с семантикой вздора и неправды носит только вторичный характер. По его мнению, эти лексемы являются заимствованием конца XVII – начала XVIII в. из польск. *androny* ‘чепуха, вздор’, которое в польский пришло из итал. *androne* ‘проход (во внутренний двор)’, ‘закоулки, подворотня’ [Аникин РЭС 1: 218–219].

Обманным словам приписывается способность к широкому перемещению в пространстве, а для вруна характерны действия по их перемещению: ряз. *речь переводить* ‘сплетничать, говорить неправду’ [СРНГ 35: 84], алт. *вра́ница идёт* (*пошла*) ‘распространяется ложный слух о ком-л., о чем-л.’ [БСРП: 105], сиб. *славу пропустить* ‘распространить дурные, порочащие слухи о ком-л.’ [ФСРГС: 156], влг. *переносить лясы* ‘распространять ложные слухи’ [СВГ 4: 66], сиб. *переносить вести* ‘сплетничать’ [Там же: 134]. Глаголы перемещения имплицируют такой признак «неправедной» речи, как присущая ей способность к широкому распространению. Этот же мотив выражен в влг. *проводка* ‘обман, ложь, неправда’: «Не на обман ли дело сделали, не на проводку ли проводите?» [СРНГ 32: 98], омск. *легкая почта* ‘об обманщике, лжеце’: «Легкая почта – человек, который врет»

[СРНГ 31: 18], *сарафанное радио* ‘сплетни, слухи (как правило, распускаемые женщинами)’, ‘источник ложных слухов’ [БСРП: 552] (ср. ср.-урал. *почта* ‘сплетница, сплетник’: «Она как есть почта, переносит сплетни-то из дому в дом» [ДЭИС], новг., яросл. *сарафанная почта* ‘женские пересуды’ [НОС 8: 163; ЯОС 9: 11]). Мотив широкого распространения особенно характерен, как видно из примеров, для семантической области передачи сплетен, т. е. устной трансляции часто ложных сведений обычно через большую аудиторию (= покрывая большое расстояние).

2.3.10. ПРИРОДНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

В сферу природы и метеорологии в рамках данного кода включаются слова, обозначающие природные явления, объекты неживой природы и действия с ними. Ниже выделяется несколько «природно-метеорологических» метафор, с помощью которых выражаются «обманные» смыслы.

Туман, мрак – явления, лишающие человека способности адекватного восприятия: сиб. *глаза затуманивать* ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-л.’ [ФСРГС: 81], перм. *глаза морочить* ‘обманывать, вводить в заблуждение’ [ФСПГ: 218], сиб. *морок* ‘хитрость, плутовство, обман’, влг., олон. *мороком* ‘незаметно, тайком, обманом’, *обойти кого-л. мороком* ‘обмануть’ [СРНГ 18: 273–274], арх., свердл., сиб. *мрачить* ‘обманывать, морочить’, влг., перм. ‘колдовать’ [СРНГ 18: 327], зап.-брян. *морочливый* ‘неискренний, имеющий привычку обманывать, говорить неправду’ [Там же: 276], арх. *обморочить* ‘обмануть’: «Тут цыгане были у меня, так чуть не обморочили, самовар не увели» [КСГРС], влг., сиб. *глаза затемнять кому* ‘запутывать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 123].

Замораживание – с помощью этой метафоры ложь, очевидно, представляется как слова, застывшие в неадекватной нормальной речи форме, ср. яросл. *моро́зить* ‘лгать, говорить глупости, нелепости’ [ЯОС 6: 59], новг. *моро́зить* ‘говорить неправду’ [НОС 5: 96], костр., влг., влад., пск., твер., калуж., курск. *сморозить* ‘сказать неправду, солгать’: «Эх, сморозил, говорит, что за морем есть люди, кои не ртом хлеб едят, а будто у брюха у их есть двери, кои отпираются и запираются» [СРНГ 39: 46], арх., влг. *сморозить бухтину* ‘сделать глупость’,

‘сказать что-л. неуместное’, ‘соврать, солгать’ [БСРП: 67] (*бухтина* влг., олон. ‘неправда, ложь’, ‘глупость, вздор’, арх., влг., олон. ‘острота, шутка’ [СРНГ 3: 326]).

Литье воды: сахалин., енис., сиб., яросл. арх. *заливало* ‘лгун’: «Заливало – лгун, говорит были и небылицы» [СРНГ 10: 205], моск., яросл. *заливоха* ‘сплетник, лгун’: «Вон сосед наш заливоха, откуда все собирает, никто не знает, любит соврать» [Там же: 208], сиб. *заливать в три ручья* ‘лгать’ [ФСРГС: 78], арх. *наливать пустое* ‘говорить неправду, лгать’: «Чего я буду вам наливать пустое» [СРНГ 33: 148].

Здесь же рассмотрим гнездо лексем смол. *хлус* ‘лгун’, смол. *хлуси́ть* ‘лгать’: «Ты, малиц, мне не хлуси, лучше признайся», смол. *хлуся́* ‘ложь, неправда’: «Ты хлусню ни разводь» [ССГ 11: 58], курск. *хлуса́* ‘льстец’, *хлус* ‘шут, враль’, курск., ворон., пск., твер. *хлуси́ть* ‘шутить, врать; обманывать, надувать’ [Фасмер 4: 246], орл. *схлусить* ‘обмануть кого-л., сказать неправду кому-л.’ [СРНГ 43: 62]. Они предположительно восходят к праслав. **xlusiti*, которое характеризуется как «экспрессивное образование, ближе всего к **xl’ustati* / **xl’uskati*; возможное развитие значения при этом – ‘лить, течь струей’ → ‘врать’» [ЭССЯ 8: 40].

Глагол, называющий шумное литье воды, получает значение вранья, ср. *бура́нить* самар., ворон. ‘говорить неправду, что-л. несуразное’, самар. ‘с шумом течь’ [СРНГ 3: 281].

Бурление, взбалтывание. Значения речевого обмана развиваются у глаголов, обозначающих взбалтывание жидкости, которое к тому же может приводить к ее загрязнению: *буро́бить* ворон., ряз., тамб., том. ‘говорить неправду, лгать’: «Буробить лично я не могу, а правду и по делу говорить люблю»; том. ‘взрывать (землю, снег), волновать воду’, ‘бурлить, пениться (о воде)’; ряз., том. ‘мешать, перемешивать’; курск. ‘волновать, тревожить’ [СРНГ 3: 295]. М. Фасмер предполагает, что глагол *буро́бить* может быть связан с *буро́вить* ‘бить струей, бродить (о жидкости)’, которое связывается с *бурлить, бурливый* [Фасмер 1: 247]; смол. *взборузди́ть* ‘наговорить о ком-либо неправду’: «Он жа пьяный зъусигда взбуруздить низпама што, а тады ни знаить, куды децца»; ‘взмутить (о жидкости)’ [ССГ 2: 42].

Дерево. Из дерева представляются сделанными глаза лгуна: костр. *лутóшные глаза* ‘лживый, бессовестный человек’: «Да я ему говорю, лутошные глаза, как будто килограмм мыла съел, врёт, мылит», «Лутошные глаза, нехороший какой человек. Зря говорит, врёт про тебя»; костр. *лубяны́е глаза* ‘то же’: «Ну, лубяные глаза, совести нет у тебя» [ЛКТЭ]. Образ бесстыжих глаз из дерева разрабатывается также в горьк., пск., сарат., твер. *лубяны́е глаза* ‘бессовестные, бесстыжие глаза’ [СРНГ 17: 174], р. Урал *лу́бочные глаза* ‘то же’: «И тебе не стыдно, глаза-ти лубошны?» [Малеча 2: 376] и др. Поскольку глаза – главный индикатор побуждений человека, орган, по которому можно распознать лжеца, то для противопоставления живым, «говорящим» глазам ничего не выдающих, как бы застывших глаз лгуна и – шире – бессовестного человека привлекается образ твердого, неживого материала (ср. литер. *деревянный* ‘ничего не выражающий (о человеке, лице)’, ‘бесчувственный’ [ССРЛЯ 3: 714]). Любопытно, что в создании портрета обманщика – точнее, в описании его глаз – участвуют только луб и лутошка. Это может объясняться тем, что из липовой и березовой коры, а также из очищенной липы изготавливается большое количество небольших вещей, ежедневно необходимых в быту – корзины, корытца, предметы посуды – и названия этого материала представляются самыми подходящими для образной номинации мелких объектов – глаз. Дополнительным мотивационным стимулом является то, что обозначения посуды, в том числе лубочной и лутошной (в основном, по признаку формы), могут переноситься на обозначения глаз человека (как правило, выпученных), ср., к примеру, костр. «Глаза как лутошка – выпуклые глаза. Головка у мутовки – лутошка. И человек с такими глазами – пучеглазый человек» [ЛКТЭ].

Своеобразный поворот используемой для описания внешнего облика обманщика «деревянной» метафоры состоит в приписывании лгуну «ношения» *березовой* или *берестяной рожи*: костр. *берёзовая рожа* ‘о лживом человеке’, костр. *обряди́ться в берёзовую рожу* ‘беззастенчиво врать, обманывать’: «Берёзовая рожа – это позор. Кто врёт, говорит неправду, говорят: “Обрядилась в берёзовую рожу”» [ЛКТЭ], влг. *берестяная рожа* ‘бессовестный лгун’: «Это кто соврёт и отопрётся – рожа берестяная» [КСГРС], влг. *надеть бере́стяную рожу* ‘беззастенчиво лгать’: «Кто-то врёт – лицо будет красное. Врёт и не краснеет –

надел берестяную рожу – и всё» [Там же]. Мотивацию для данного фразеологизма во всех его значениях (он также используется для экспрессивно-негативной оценки наглого, бессовестного или безучастного, равнодушного поведения человека) реконструирует Е. Л. Березович [2016]; по ее мнению, произошла замена первоначального рожа ‘лицо’ на рожа ‘маска’, отражающая представление о «бессовестном» поведении святочных ряженых, носивших берестяные маски-рожи, причем сильную мотивационную поддержку оказывает образ бересты, которая обладает признаками «белого цвета (“курирующего” ряжение, а кроме того, антитетичного красному, который символизирует стыд), жесткости → бесчувственности, “сворачиваемости” → обмана, материала для изготовления пустых и простых емкостей» [Там же].

Объект неживой природы – гнездо: влг. *гнезди́ть* ‘врать’, *нагнезди́ть* ‘наврать’: «Гнездит она вам», «Я нагнездила вам» [КСГРС]. С одной стороны, важен выразительный фонетический облик глаголов, и стимулом для их появления может служить потребность в эвфемистической замене обсценного глагола со сходным звукокомплексом, который обладает семантикой вранья. С другой стороны, образ гнезда тоже, вероятно, повлиял на образование этих слов: гнездо представляет собой сооружение, которое необходимо «возводить» из многочисленных составляющих (плести или вить – действия, обозначения которых востребованы в поле обмана). Таким образом, глаголы рисуют объемность, многосоставность и искусственность лжи – те ее признаки, которые неоднократно подчеркиваются в поле. Данные лексемы, по всей видимости, принадлежат и просторечию: в Интернет-пространстве встречается целый ряд контекстов, включающих эти слова в аналогичных диалектным значениях (ср., к примеру: «Седня заходил в Фаворит Видеомир и Автограф, в двух последних ваще завоза с полгода не было, в фаворите сказали что дня через 2 будет (и то наверно нагнездили)» [http://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=28:4944-3], «Эт тебе Титаник рассказал? А ты уверен, что он тебе не гнездит. Вот мне он СТОЛЬКО нагнездил…» [http://www.fexclub.su/t544-10.html]). Интернет-контексты делают использование образа гнезда в речевой сфере более понятным, поскольку демонстрируют еще одно значение слов, которое может служить базовым для формирования обманной семантики: ‘слишком много наговорить’, ср. «Нуууууу!

ТЫ И НАГНЕЗДИЛ! МЕСТА ДЛЯ ОТВЕТА НЕ ОСТАЛОСЬ» [http://forum.maxatma.com/index.php?showtopic=44], «Ну вы тут и нагнездили за день» [http://ffclub.ru/topic/346385/jump_1470/].

2.3.11. ЗООЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Образы животных, выбираемые носителями языка для сопоставления с участниками ситуации обмана и осмысления процесса обмана, составляют зоологический код поля «Обман».

Коза во многих фразеологических выражениях имеет явные отрицательные коннотации: пск. *заделать козу кому* ‘втайне, со злым умыслом устроить кому-л. что-л. неприятное’: «Заделали ему козу» [СППП: 45][49], новг. *сделать козью морду кому* ‘обмануть’: «Сделал он нам козью морду: денежки взял, а мёду не привёз, теперь и денег не допросишься, пропил, наверное» [МИСНФ: 231], литер. *на козе не объедешь* ‘не проведешь кого-л.’ [ССРЛЯ 5: 1113] (о последнем фразеологизме см. § 2.3.9 «Пространственный код»). В славянских народных представлениях коза предстает как ипостась нечистой силы и воспринимается как вредоносное животное, способное принести неприятности человеку, см. [СД 2: 523–524], при этом существенную роль играют такие характеристики козы, как ее подвижность, «вертлявость», а также наличие у нее «дьявольских» атрибутов: бороды, копыт, рогов.

Традиционные фольклорные представления о хитрой и льстивой лисе выражаются в яросл. *лиси́ть* ‘ласкаться с целью уговорить; хитрить’ [ЯОС 6: 5], пск. *обмануть как лиса ворону* шутл.-ирон. ‘о ловко и легко обманывающем кого-л. человеке’ [СППП: 102], *лиса* ‘лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра, корыстный льстец’, *лисой пройти* ‘схитрить’, *подпускать лису* ‘хитрить, лукаво льстить’, *лисить, лису́тить* ‘хитро льстить, подделываясь’ [Даль$_2$ II: 258–259].

Народные представления о вороне и сороке приписывают им болтливость и склонность к распространению вестей: пск. *болтать* (*сплетничать*) *как ворона лесовая* пренебр. ‘о болтающей, сплетничающей женщине’: «Как ворона лисавая,

[49] В данном случае непосредственным мотивирующим фактором мог послужить знак бодающей козы, использующийся как демонстрация угрозы. Ср. еще влг. *козу подстроить* ‘совершить подлость’ [СГРС 5: 218].

пойдет на улицу: толы-болы» [СППП: 91], нижнепечор. *сорока-вестница* ‘болтливая женщина, сплетница’ [СГНП 2: 304].

Согласно ЭСБМ, смол. *блыши́ть* ‘лгать, клеветать’: «Ня верь ты яму, ён усе блышыть»; «А ни блыши ты!», смол. *блышь* ‘клевета, ложь; выдумка’: «Ета ня блыш, а прауда»; «Усе ета блыш, зря ани так гаворють» [ССГ 1: 196] (ср. еще смол. *сблышить* ‘сказать неправду, вздор’ [ССГ 9: 164]), а также блр. *блышы́ць* ‘молоть чушь, лгать, шутить’ образованы от обозначения блохи, ср. блр. *блыха́* < праслав. **blъcha*, ср. рус. *блоши́ть* ‘кусать, кусаться; устраивать неприятности’, *блошиться* ‘стремиться получить что-нибудь, выслуживаться перед кем-нибудь’ [ЭСБМ 1: 363].

Обманщик получает номинацию путем развития переносного значения у лексемы, обозначающей вредоносных насекомых: влг. *пи́льма* ‘обманщик, хитрец’: «Пильма, скажут, человек хитрый, обманывать может» [КСГРС], ср. влг. *пи́льма* ‘мошкара’, ‘тля’, ‘насекомое-вредитель’ [Там же], а также влг. *пи́льма* ‘насекомое, причиняющее вред растениям, блошка крестоцветная’ [СВГ 7: 59]. В образовании «обманного» значения сыграли роль общие негативные коннотации названия насекомого, способного наносить ущерб человеку; более конкретный признак – трудность в избавлении от него – лег в основу еще одного сопоставления с отрицательными характеристиками человека: влг. *пи́льма* ‘навязчивый, надоедливый человек’: «Что ты лезешь, как пильма» [КСГРС].

Обманщик сравнивается с рыбой или змеей, очевидно, на основании признака юркости, увертливости: дон. *пройти линьком* ‘ловко, хитро обмануть’: «Ну и проныра! Линьком прошел!» [СРНГ 32: 149] (разг. *линёк* ум.-ласк. к *линь* ‘пресноводная рыба из сем. карповых’ [ССРЛЯ 6: 233, 239]), новг. *(вертеться) как язь на мели* ‘хитрить, изворачиваться, находясь в затруднительной ситуации, затруднительном положении’: «На квартиру они в очередь стояли, и он в вытрезвитель попал. Ну, ясно дело, надо с очереди снимать, так она уж как язь на мели вертелась, выходила, замяли это дело» [МИСНФ: 131], новг. *как вьюн в соленой воды* ‘то же’: «Наверное, опять чего-нибудь в школе набедокурил! Попробуй-ка у него дознаться! Начнёт изворачиваться как вьюн в соленой воды»; «Да что ты как вьюн в соленой воды! Ну-ка говори правду, где был!» [Там же: 130], новг. *как гад в мешке* ‘то же’: «Что ты юлишь как гад в мешке, ведь все знают, что

кроме тебя никто такого не сделает»; «Стала его спрашивать, а он как гад в мешке, то так скажет, то так. И не поймёшь, был он там или нет» [Там же].

Природные характеристики щуки – ее хищность и острые зубы, – вероятно, послужили мотивационным признаком для глагола *ощу́чить* перм. ‘обмануть’, вят. ‘перехитрить’ [СРНГ 25: 105], производного от *щука*; ср. *щука* ‘лукавый, пронырливый человек’: «Эта щука, остренький носок!» [Даль$_2$ IV: 678], а также прост. *щу́чить* ‘шпынять, щунять’ [Ожегов: 902]. Существенную роль играет выразительный фонетический облик слова.

Для отрицательной характеризации человека, в том числе с точки зрения его способности к обману, эксплуатируется образ собаки, ср. смол. *собачу́га* ‘о лживом человеке, обманщике’ [СРНГ 39: 153], смол. *соба́чить* ‘обирать, обманывая’: «Приехыу ён сюда, а там тожа сыбачиу людей» [ССГ 10: 68] (ср. прост. *собака* ‘о злом, жестоком, дурном и т. п. человеке’ [ССРЛЯ 14: 7], смол. *собачуга* ‘о сварливом, бранчливом человеке’: «Во собачуга! Со рта по собаке скачет» [СРНГ 39: 153]). Существенную роль в выборе этого образа играет неприятный человеческому уху собачий лай (в § 2.3.8.5 «Лай» представлено большое количество дериватов глагола *брехать* и выражений с его участием, функционирующих в поле обмана).

Объемность и многосоставность вранья, сплетен и под. наглядно передают вологодские выражения *выпустить хорошего быка* ‘насплетничать, преувеличить сказанное’: «Ты ей два слова, а она выпустит хорошего быка, не узнаешь потом» и *выпустишь с комара, а приведёт с быка* ‘о том, кто сплетничает’: «Жухлявина, хитрая, злая. Могот выпустить хорошего быка. Ну, скажут, выпустишь с комара, а приведёт с быка» [КСГРС] – своеобразные реализации идеи превращения мухи в слона, использующие более доступные диалектоносителю образы – выпуска и возвращения назад скота.

Абсурдность и объемность вранья рисуется с обращением к образу журавля, который находится в несвойственной ему среде: новг. *жу́рава (жураво́в) на со́сну (со́сны) наговорить, наобещать* и т. п. ‘говорить много, скрывая суть, обманывая’: «Ну насадил журавов на сосны, разберись, где правда, где нет» [НОС$_2$: 263] (ср. диал. шир. распр. *жу́рав* и *жура́в* ‘птица журавль’) [СРНГ 9: 227].

Воробей как объект обмана, которого, однако, трудно обмануть, фигурирует во фразеологизмах, рисующих ситуацию, когда ему предлагается солома или мякина, то есть ненужные (отходные) продукты, очевидно, вместо зерна: *старого воробья на мякине не обманешь* [Снегирев: 244; Даль$_2$ I: 246], *старый воробей не подманится на мякину* (смол. *подмануться* ‘впасть в обман, обмануться’) [СРНГ 28: 75], где важно указание на старость как причину опытности (ср. *старый конь борозды не портит*, *старый ворон не мимо каркнет*, *старая крыса ловушку обходит* [Даль ПРН I: 635]), и усеченный вариант нижнепечор. *не проведешь воробья на соломе* ‘говорится о бывалом, опытном, хитром человеке’: «Не проведешь воробья на соломе, он сам проведет кого хошь»; «Он ему че-то стал не то говорить; дак он сказал ему: не проведешь воробья на соломе, вы неправду говорите» [СГНП 2: 29]. Варианты выражения (*старого воробья на мякине не проведешь* и др.), славянские и европейские соответствия представлены в подробном анализе В. М. Мокиенко: образ воробья как птицы, сосуществующей с человеком-земледельцем (пользующейся продуктами его труда, неслучайно появление во фразеологизме мякины), встает в ряд образов животных, которые, при указании на старость, характеризуют опытных, бывалых людей (ср., например, рус. *старая лиса*), см. [Мокиенко 2006: 115–119].

Любопытны случаи трансформации данных фразеологизмов, когда принципиальное для исходного образа приравнивание старости к опытности забывается, и семантика меняется на обратную: ср. новосиб. *провести воробья на соломе* ‘обмануть’: «Ака, одурил, провел воробья на соломе» [СРНГ 32: 95], нижнепечор. *провести как воробья на соломе* ‘обмануть кого-либо’: «Тебя, дурень, провели, как воробья на соломе, а ты, экий увалень, и повелся на них» [СГНП 2: 218].

Роль объекта обмана приписывается также волу, ср. влад. *вола скрутить* ‘обмануть кого-л.’ [СРНГ 38: 157], что подчеркивает беспомощность объекта обмана и его зависимость от обманщика (ср. разг. *телёнок*, *телок* ‘о безответном и глуповатом человеке’ [ССРЛЯ 15: 212, 229]).

Образы таких «звериных» атрибутов, как перья и хвост, фигурируют в поле обмана, но имеют разный «удельный вес». Первый образ участвует в создании

картины причинения физического вреда, метафорически описывающей процесс обмана: нижегор. *общипать пёрышки кому-л.* ‘обмануть кого-л.’ [БСРП: 493].

Лексема *хвост* функционирует в «обманной» лексике гораздо активнее.

Наличие хвоста приписывается обманщику: пск. *хвостом вертеть* ‘хитрить, лукавить’: «Ни вярти хвостом» [СППП: 78], пск. *хвостом крутить* ‘хитрить, лукавить’: «Америка сроду и ни воевала, толька хвостом крутила» [Там же].

Трудно однозначно сказать, от какого лексико-семантического варианта (со значением ‘придаток на конце тела’ или ‘конец чего-либо, нижняя, крайняя часть чего-либо’) образованы слова, приводимые ниже.

Хвостом называется лгун: костр. *хвост* ‘лживый человек’: «Хвост – человек, такой хвост, врун-то» [ЛКТЭ], продукт речевого обмана: костр. *хвосты* ‘ложь, вранье’: «Так вот это уж не хвосты, ничего. Всё как было точно» [ЛКТЭ], костр. *без хвостов* ‘без преувеличений, без вранья’: «По ферме надаивали по три тысячи литров. Это без хвостов, без прибавок» [Там же], пск. *хвосты вязать* / *связать (свести* / *сводить)* ‘сплетничать, судачить о ком-л., наговаривать напраслину на кого-л.’: «Сиди в сваей избы да не вяжи хвосты»; «Ни к кому ни схади, ничаво ни скажи, сразу хвосты сведут» [СППП: 78].

Встречаются глагольные дериваты этой лексемы: влг., костр. *хвостить* ‘врать’: «Ой, не могу тебе хвостить, не знаю, где это село»; «Ой, не первый раз ты у меня в гостях! Не хвости мне тут!»; «Дедка любит хвостить, осторожно с им»; «Детей учила: никогда не имейте привычки хвостить»; «Я не хвощу» [КСГРС; ЛКТЭ], костр. *хвосте́ть* ‘врать’: «Хвостела много»; «Где хвостеть-то научился?» [ЛКТЭ], влг., костр. *нахвости́ть* ‘наврать’: «Сморозила, ещё и нахвощу!»; «У нас часто даже бригадиру могут нахвостить» [КСГРС; ЛКТЭ], костр. *сохвости́ть* ‘солгать, обмануть’: «Я не сохвощу. Скажу, как было» [ЛКТЭ], ср. еще костр. *балахвостить* ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 2: 75] (от звукоподражательного *бала-* и *хвостить* [Аникин РЭС 2: 128]).

Активность этой лексемы в обманном поле имеет как собственно языковые, так и внеязыковые причины. Среди первых – притяжение к словам *хвастун* и *прохвост*[50], которые в говорах могут обозначать собственно вруна, ср. костр.

[50] Оба эти слова признаются сложными в плане этимологии. М. Фасмер допускает, что *хвастать* – звукоподражание с первоначальным значением ‘болтать’, по аналогии с чеш. *žvast* ‘болтовня’, *žvástati* ‘болтать’ [Фасмер 4: 229]. Фасмер и Черных отмечают, что версия Махека о

хвастун, *хвастунья* ‘тот, кто врет’: «Кто нахвостил на тебя, тот и хвастун. Ой, нахвостила про меня что, хвастунья» [ЛКТЭ], смол. *прохвостница* ‘врунья’ [ССГ 9: 64], костр. *прохвостка* ‘врунья’: «Котора хвостит, её и называют прохвостка»; «Хвостит чего-нибудь – вот и прохвостка, неправду говорит»; «Прохвостка – это врёт она. Или нецензурным словом называли – “си́ка”. Хвостела много» [ЛКТЭ] (были выбраны такие контексты, где эти слова соединяются с глаголами *хвостить* / *хвостеть* / *нахвостить*). Важную роль играет образ хвоста в прямом или переносном смысле: общие отрицательные коннотации связаны с его нахождением в нижней или задней части тела или какого-либо предмета, обманные коннотации также опираются на вытянутую тонкую форму любых хвостов, позволяющую им вертеться, крутиться, сплетаться (ср. выше словосочетания с глаголами, называющими эти процессы) – т. е. совершать действия, обозначения которых в языке широко используются как метафора обмана.

2.3.12. МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Ряд лексических и фразеологических единиц со значением обмана мотивирован обозначениями нечистой силы, колдунов, магических действий. В народных представлениях обман может восприниматься как порождение нечистой силы, связываться с колдовскими действиями, или, напротив, служить способом противостояния злым силам[51]. Сведения об этом могут транслироваться через фольклорные тексты (например, былички) или речевые высказывания (ср., к

заимствовании из др.-инд. kátthatē ‘хвастается, порицает’ встретила критику в этимологической литературе [Фасмер 4: 229; Черных 2: 335]. *Прохвост* первоначально обозначало надзирателя за солдатами, пристава, и как бранное слово стало употребляться во второй половине XIX в. Встречалось с XVII в. в форме *профост* и, возможно, является заимствованием из нем. устар. *Profos* ‘военнослужащий, приводящий в исполнение постановления полевого суда и наблюдающий за арестованными’, ‘тюремщик’ и нек. др. Черных также допускает возможность заимствования из голл. *provoost* ‘офицер военной полиции’ и позже ‘гауптвахта’, ‘военная тюрьма’. На русской почве влияние на это слово оказали, вероятно, слова *хвост* и *прихвостень*. См. эти версии в [Фасмер 3: 385; Черных 2: 75].

[51] Представления о том, что неправда – орудие черта (дьявола) транслируются с помощью паремий, разрабатывающих антитезу «бог (ангел) ↔ черт (бес, дьявол)»: «Сказал бы Богу правду, да черта боюсь» [Даль ПРН I: 230], «От Бога дождь, от дьявола ложь» [Даль$_2$ II: 245], «Горе от Бога, неправда от дьявола» [Даль ПРН I: 215], «Ангел в правде помогает, а бес лжею подстрекает» [Снегирев: 43]. Принадлежность лжи черту косвенно вытекает и из логики пословиц, устойчиво соотносящих бога и правду: «Живи не ложью, все будет по-Божью» [Снегирев: 109], «Делай не ложью, все будет по-Божью» [Даль ПРН I: 209], «Правда груба, да Богу люба» / «Правда гневна, да Богу мила» [Даль ПРН I: 229].

примеру, словарные контексты, где совмещаются роли колдуна и обманщика вроде пск. «Колдун *заманом* завел в лес», ср. *зама́н* ‘обман’ [СРНГ 10: 231], смол. «Як куддуны адну бапку *удадорили*», ср. *удодо́рить* ‘обмануть, зачаровав’ [ССГ 11: 13]). При описании этого кода наше внимание будет обращено на семантику и внутреннюю форму языковых единиц, в которых закрепляются подобные представления.

Обман и колдовские действия

Обман может иметь магический статус, иначе – являться способом колдовства. В таком случае он совершается по традиции и имеет целью, как правило, защиту от нечистой силы или других опасностей. С. М. Толстая называет такой обман ритуальным и описывает некоторые практики ритуального обмана в славянской народной культуре: к примеру, обман применяется в медицинской магии: скажем, у многих славян был распространен обряд обмана болезни – больной, чтобы обмануть лихорадку, мог уходить из дома пятясь, оставлять болезни послание «Дома нет, приходи вчера», ночевать у соседей и пр.; практика наречения новорожденных именами с отрицательными коннотациями типа *Неждан*, *Нелюб* направлена на ритуальный обман демонов болезни и смерти, см. [Толстая 2010: 317–324] (см. также [СД 3: 457–460]). Примером обманного магического действия может служить ритуальное именование новорожденного, ср. якутск. *в собачье обернуть*: «В собачье обернули – назвали мальчика по имени только что умершей собаки. Так обманывают злого духа якуты, когда он приходит за человеком. Это, де, собака, а не человек» [СРНГ 22: 34]. Отдельный языковой факт, рожденный как обозначение магического обмана, но утративший память о мотивации и приобретший более широкое значение обмана вообще, в состоянии «запустить» механизм системного метафорического переноса (ср. в «Коде производственных действий» метафору ремесленного литья в разг. *лить колокола* ‘лгать, распространять ложные слухи; пустословить’ [БСРП: 302], пск. *пушку вылить* ‘солгать, выдумать что-л.’ [СППП: 64] и под., основанных на представлениях о необходимости пускать при литье металла неправдоподобный слух ради удачи дела).

История отдельных «обманных» выражений свидетельствует о рождении их из конкретных магических практик. Например, считается, что общенар. *заговаривать зубы* связано с лечением больных заговорами, некоторые из которых могли унять зубную боль [РФ: 258]. К таким примерам можно отнести и глаголы, реализующие метафору надувания: прост. *надуть* ‘обмануть’, пск., твер., вят. *поддувать* ‘обманывать’ [СРНГ 27: 397], арх. *обдувать* ‘надувать, обманывать’: «Что чернота с Кавказа? Они всю жизнь и занимаюцца, торговать и обдувать» [КСГРС], влад. *одувать* ‘обманывать’: «Дядя Федор тебя-то, видно, одует!», «Одувают нашего брата; потому мы народ темный» [СРНГ 23: 67]. По мнению В. В. Виноградова, значение обмана, «связанное с глаголами *надувать, обдувать*, складывалось в народной среде под влиянием суеверных представлений о колдовстве. На близком расстоянии порча, по поверьям народа, передавалась через простое дуновение» [Виноградов 1999: 782]. Эту же метафору содержит смол. *надма́ть* ‘обмануть’: «Деука прыстывата, а малиц лоукий: гляди надметь яе» (ср. также смол. *надма́ть* ‘надуть’) [ССГ 6: 151–152][52].

Сфера магического выступает «донором» лексических единиц для семантического поля обмана. Мотивирующими для «обманных» лексем становятся слова, называющие субъекта колдовства – *колдун, шаман, волхв*[53], *пухтарь* (ср. без указ. места *пу́хтарь* ‘знахарь’ [Даль$_2$ III: 566]): астрах. *колдун* ‘плут, обманщик’ [СРНГ 14: 117], енис., бурят. *ошама́нивать* ‘по суеверным представлениям, околдовывать’, ‘обманывать’ [СРНГ 25: 78], смол. *обволхви́ть* ‘обмануть’ [СРНГ 22: 11], забайк. *пу́хтарь* ‘шарлатан, обманщик’ [СРНГ 33: 165]; колдовское действие: арх., сев.-двин. *ку́де́сить* ‘хитрить, клеветать’ и ‘заниматься колдовством’ [СРНГ 16: 10], смол. *озелять* ‘обманывать’ и ‘околдовывать знахарским зельем’ [СРНГ 23: 89] (ср. еще арх. *колдовать* ‘сплетничать’ [СГРС 5: 239]). Дополнительным стимулом для семантического переноса может служить распространенный способ, к которому прибегают для достижения своих целей знахари и колдуны – заговаривание, нашептывание

[52] Считается, что *надмать* ‘надуть’ образовано от праслав. **dǫti*, разграничение которого с **duti* затруднительно [ЭССЯ 5: 100]: «контрольного значения форм настоящего времени в таких случаях тоже недостаточно: рус. *дую, дуть*, в отличие от укр. *дму, дути* могло быть вызвано вторичным преобразованием. Прав Фасмер, говоря: “Семьи слов *dъmǫ, dǫti* и *dunǫ, dunǫti* сблизились между собой”» [Там же].

[53] В смоленских говорах *волхвом* называли знахаря или колдуна, ср. смол. *идти в волхву* ‘идти к знахарю или знахарке’, смол. *волхви́т* ‘колдун, знахарь, ворожей’ [ССГ 2: 74].

особых слов, отсюда появление у «колдовских» глаголов значения говорения (часто – с негативно-оценочным компонентом), ср. вят., влг. *пу́ктосить* ‘ворожить, колдовать’, ‘говорить вздор, пустомелить’, *пу́хта́ть* арх., влг., тобол. ‘лечить заговорами, нашептывать, колдовать’, пск. ‘говорить про себя, шептать, ворчать’ [СРНГ 33: 165], арх., влг. *пу́вовать* ‘ворожить, колдовать’, ‘ворчать, брюзжать, говорить вздор, болтать’ [Там же: 104].

Слова со значением обмана могут возникать внутри словообразовательного гнезда с производящей основой, обладающей семантикой колдовства. В гнезде корня *куд-* / *клуд-* встречается ряд слов поля обмана: влг., твер., перм., смол. *проку́да* ‘хитрый человек, притворщик, обманщик’, пск. *проку́день* ‘то же’, ворон. *проку́дить* ‘хитрить, надувать кого-л.’ [СРНГ 32: 165], яросл. *проку́дничать* ‘хитрить, притворяться, обманывать’ [Там же: 166], яросл. *приклу́да* ‘притворщик’ [ЯОС 8: 88], *поклу́дница* ‘притворщица, лицемерка’ [Там же: 46]. Спектр значений данных лексем, помимо «обманных», включает значения ‘выдумывать’, ‘безобразничать’, ‘вредить’ (для существительных – ‘тот, кто выдумывает / шалит)’. Для киров. *проку́да* отмечается закономерное значение ‘волшебник’ [СРНГ 32: 165]. Прасл. **kudъ, *kudo, *kuditi* принадлежат смысловой сфере чудесного и имеют формально-семантические параллели и этимологическую связь с прасл. **čudo, *čuditi*, отличаясь от последних более негативной окраской семантики [ЭССЯ 13: 83], ср. орл. *куд* ‘злой дух’ [СРНГ 15: 395], арх. *кудь* ‘колдовство’ [СРНГ 16: 17], диал. шир. распр. *кудесить* ‘колдовать’, ‘шалить; портить что-л.’, ‘бездельничать’, ‘хитрить; клеветать на кого-л.’ [Там же: 10].

Обман и персонажи низшей демонологии

За устойчивостью упоминаний нечистой силы во внутренней форме «обманных» слов стоят глубинные представления о вредоносности нечистой силы, подкрепленные книжно-христианским образом духа-носителя мирового зла (выражаемые, например, в пословицах вроде «От бога дождь, от дьявола ложь» [Даль$_2$ II: 245], «Сказал бы Богу правду, да черта боюсь» [Даль ПРН I: 230]).

Взаимное тяготение «обманных» и «демонологических» смыслов прослеживается на уровне древней семантики. В качестве примера можно

рассматривать ряд русских диалектных континуантов праслав. **maniti* < *mati*, в гнезде которого семантика развивалась от значения ‘делать знаки, подзывать’ до значения ‘морочить кого-то, обманывать’: *ман* новг. ‘нечистый дух, живущий в доме, в бане или на колокольне’, новг., олон. ‘лжец, обманщик’, *мана* смол. ‘наваждение, нечто призрачное’, олон. ‘обман’ [СРНГ 17: 354], *маньяк* ворон., южн., зап. ‘призрак, видение’, тул. ‘злой дух в виде падающей звезды’, калуж. ‘обманщик’ [Там же: 366]. Значение обмана может быть вторичным по отношению к «демонологической» семантике и семантике обманчивых зрительных впечатлений, имеющих мифологический аспект[54], ср., например, диал. шир. распр. *бла́зни́ть* ‘чудиться, мерещиться’, *бла́знить* твер. ‘в суеверных представлениях – приносить несчастье дурным глазом’, ‘обманывать’ [СРНГ 2: 314], *мрачи́ть* влг. ‘мерещиться’, перм., влг. ‘колдовать’, арх., сверд., сиб. ‘обманывать’ [СРНГ 18: 327].

Субъект обмана в силу вызываемого к себе резко отрицательного отношения иногда отождествляется с нечистой силой, а его действия характеризуются как действия нечистой силы: пск. *верёвочный чёрт* ‘об обманщике, сумасброде и т. п.’[55] [ПОС 3: 81], костр. *подьяволить* ‘обмануть’ [СРНГ 28: 267]. Семантический спектр отдельных лексем демонстрирует возможность их употребления для номинации как нечистой силы, так и субъекта обмана, ср. *лихоман* курск. ‘дьявол, черт’, вост. ‘обманщик, мошенник’ [СРНГ 17: 79].

Субъекту обмана могут приписываться характеристики нечистой силы: смол. *преиспо́дный* ‘очень хитрый; лукавый’ [ССГ 9: 10], новг. *как чёрт на колу* ‘хитрить, изворачиваться’: «У него правды не узнаешь. Он как чёрт на колу, придумает

---

[54] В частности, согласно словарным контекстам, их насылают на человека иномирные силы; «видятся» нередко мифологические субъекты, получающие в языке оформление в виде существительных типа перм. *бла́зень* ‘привидение’ [СРНГ 2: 313], курск. *моро́ка* ‘призрак’ [СРНГ 18: 273], вят. *мли́лко* ‘дух, обитающий в пустынных местах и пугающий людей’ [Там же: 184] и др., образованных от глаголов «мерещенья» (*бла́зни́ть(ся), моро́чить, мли́ться*).

[55] Атрибутив *веревочный* может быть объяснен реализуемым им мотивом верчения, скручивания, часто привлекаемым для выражения представлений об обмане (ср. хотя бы урал. *вертун* ‘обманщик’ [СРНГ 4: 155], влг. *искрученный* ‘лживый’ [ЛКТЭ]). Кроме того, образ веревки устойчиво связывается с фигурой черта (о реализации мотива веревки в языковом образе черта см. [Березович, Родионова 2007: 477–480]). Отрицательные коннотации *веревки* могут формироваться вне прямой зависимости от мифологических представлений, будучи основанными на использовании веревки при насильственном повешении или самоубийстве, ср., к примеру, сев.-двин. *верёвка* бран. ‘шалопай, хулиган’: «Раньше имело, вероятно, значение – достойный веревки, повешения» [СРНГ 4: 126] (ср. еще пск. *верёвочник* ‘бранное слово’ [Там же], выступающее, вероятно, в семантической связке с рассматриваемым словосочетанием).

такое, что нам и в голову не придёт. Такой хитренный человек, всех обдурит»; «Я ведь не первый год на свете живу, вижу, что ты сегодня как чёрт на колу» [МИСНФ: 130], новг. *вертеться как шиш*[56] *на дубине* ‘хитрить, изворачиваться’: «На днях столько ягод припёрла, спасу нет! Не говорит, где была! Я пробовала спрашивать, так она как шиш на дубине вертится, совсем меня запутала» [Там же: 130–131] (на обманщика «проецируется» такое свойство черта, как излишняя подвижность, склонность к верчению, которое «вычитывается», к примеру, из новосиб. *крутиться как черт на бересте* [ФСРГС: 217], литер. *вертеться как бес (черт) перед заутреней*, литер. *бес* ‘о вертлявом, подвижном человеке или животном’, влг. *бесье ребро* ‘то же’ [КСГРС]).

Процесс обмана рисуется как принуждение объекта обмана к вступлению в контакт с нечистой силой: омск. *на беса посадить* ‘обмануть’ [СРНГ 30: 134], костр. *беса совать* ‘осторожно обманывать’: «Беса совать – это не то что обманывать, ну, врать, изворачиваться, с тонким подходом» [ЛКТЭ][57], диал. *обувать в чёртовы лапти* ‘обманывать’ [БСРП: 352]. В последнем выражении семантика обмана поддерживается также мотивом обувания и упоминанием лаптей (см. о них в § 2.3.6.1 «Одежда и обувь»).

За выражением пск. *морочить беса* ‘обманывать, колдовать’ [БСРП: 39], вероятно, стоит пресуппозиция «обманщик так ловок, что способен обмануть даже беса». Нечистая сила может выступать не только субъектом, но и объектом обмана, ср. многочисленные бытовые сказки об одураченном черте (сюжеты 1000–1199 сравнительного указателя сюжетов восточнославянских сказок [СУС]). Значение ‘колдовать’ подсказывает еще одно обстоятельство, на которое может опираться фразеологизм: в восточнославянской традиции укоренено представление о подчиняющихся колдуну бесах, которых он заставляет работать, чтобы они не навредили ему самому [СД 2: 530].

Упоминание *беса* содержит в себе повышенную экспрессию и может вносить в семантику выражения «обманный» (т. е. яркий отрицательный) компонент: новг. *наговорить беса в ступе* ‘много наговорить, налгать’: «Слушай

---

[56] *Шиш* без указ. места ‘нечистый, сатана, бес’ [Даль$_2$ IV: 656].

[57] У костр. *беса совать* фиксируется также значение ‘совершать магические действия, желая навредить кому-л.’ [ЛКТЭ].

больше, она беса в ступе наговорит, врунья» [МИСНФ: 122], смол. *гнать беса* ‘говорить неправду’: «Што ты мне гониш беса? Ты правду скажы» [ССГ 3: 36].

Тот факт, что «обманная» семантика может возникать благодаря корню *бес-*, позволяет предполагать, что пск. *бесомы́жничать*, *бесомы́ничать* ‘обманывать, плутовать’ [СРНГ 2: 270] получили такие значения вследствие своего осмысления как словосложений с первым компонентом *бес* ‘нечистый дух’. Эти слова входят в следующее гнездо, элементы которого имеют негативную семантику: *бесомыка* влад., курск., орл. ‘вертопрах, ветрогон, гуляка’, влад. ‘сплетник’, *бесомыга* пск. ‘безбожник’, новг., яросл., твер. ‘вертопрах, гуляка’, новг. *бесомыжить* ‘праздно проводить время, слоняться без дела’, новг., пск. *бесомыжничать* ‘то же’, новг. *бесомыжница* ‘легкомысленная женщина’ [Там же: 269–270].

Можно предположить для этих слов соединение двух корней – *бес-* и, вероятно, экспрессива на базе *мыкать* ‘беспорядочно двигать, теребить’. Однако представляется, что притяжение корня *бес-* было вторичным, а базой служил иной корень. На мысль о вторичности такого образования наталкивает существование еще как минимум двух формально и семантически сходных словообразовательных гнезда: вокруг слов *босомы́га* / *босомы́ка* и *басамы́га* / *басамы́ка* (ср. первое: *босомыка* без указ. места ‘тот, кто ходит босиком’, калуж. ‘человек, быстро изнашивающий одежду и обувь’, тамб. ‘непоседа, шалун’, нижегор. *босомы́ска* ‘охотник гулять, развлекаться’ [СРНГ 3: 126], *босомы́га* вят., влад., тамб., костр. ‘тот, кто ходит босиком’, самар. ‘о босых детях’, тамб. *босомы́жник* ‘гуляка’, тамб. *босомы́жница* ‘легкомысленная женщина’ [Там же: 125], яросл. *босомы́га* ‘о босых детях’, ‘пустой человек, шалун’ [ЯОС 2: 18], симб., твер. ‘любящий бегать, рыскать, вертопрах’ [Опыт: 13], *босомыжничать* ‘ходить, слоняться босиком’ [Даль$_2$ I: 121]). Первичность соединения основ *бос-* (*босой*) и *мыкать* подсказана, во-первых, нейтральностью семантики (‘тот, кто ходит босым’), на базе которой легко развиваются отрицательные значения; во-вторых, словообразовательной типичностью для корня *бос-* выступать в составе сложных слов (ср. *босопляс*, *босохлюст* ‘человек, никогда не носящий обуви, всегда босой’ [Даль$_2$ I: 121], литер. *босоногий* и др.); в-третьих, более широкой территорией фиксации по сравнению с *бесомыгой*.

В качестве этимологии *босомыки* (*босомыги*) Ж. Ж. Варбот предлагает версию о сложении *босой* и *мыкать*(*ся*) как в лит. *горемыка*, диал. *коломыка* [Варбот 1984: 53], В. А. Меркулова вторым слагаемым в *босомыка* (*босомыга*) считает корень *(*s*)*myg*-/*(*s*)*myk*- как в *смыгать*, *шмыгать*, цит. по [Аникин РЭС 4: 107]. Тот же конечный формант предполагается в рус. диал. *голомыга* ‘бездельник’, *халамыга* ‘кто задевает за всякие вещи’ [Там же], *баламыка* ‘лентяй, бездельник’ [Аникин РЭС 2: 123].

В силу близкого набора значений у данных гнезд можно предполагать, что эти слова являются вариантами одного экспрессива с меной гласных в первом компоненте, происходящей вследствие деэтимологизации. Тем более кажется показательным, что «обманное» значение возникает только у слов с фонетическим вариантом *бес*- и отсутствует в семантических спектрах лексем, первый компонент которых содержит другую гласную. Отсюда вероятность хотя бы вторичной аттракции слов на *бас*- / *бос*- + *мыка* / *мыга* к *бес* ‘нечистый дух’.

***

Лидером по числу номинаций является СОЦИАЛЬНЫЙ КОД, насчитывающий порядка 150 единиц. Следующими по количественной наполненности являются (в порядке убывания числа номинаций) КОД НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ (около 90 единиц), СОМАТИЧЕСКИЙ КОД и КОД ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (около 80 единиц в каждом). Далее следуют ЗВУКОВОЙ КОД (примерно 70 единиц), ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ (порядка 60), ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ, КУЛИНАРНЫЙ (около 50 единиц в каждом) и ЗООЛОГИЧЕСКИЙ (примерно 43 единицы) КОДЫ. Наиболее малочисленными оказались МИФОЛОГИЧЕСКИЙ, ПРИРОДНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ и ОБРЯДОВО-ИГРОВОЙ КОДЫ (около 35, 30 и 20 единиц соответственно).

Лидирующие по количеству единиц позиции социального, соматического кодов и кодов специализированных и неспециализированных действий согласуются с антропоцентрическим восприятием мира человеком: в центре названных кодов стоит человек (социальный, физический и деятельный), иначе говоря, эти коды соотносятся со сферами, в прямом смысле наиболее близкими номинатору, всегда доступными для осмысления через их составляющие любых, конкретных и абстрактных, явлений.

Использование **социального кода** связано с естественным для номинатора желанием избавиться от обезличенности участников ситуации обмана, обобщить стереотипные знания о потенциальной опасности с точки зрения способности к обману конкретных лиц, мест, дней в виде «ярлыков» – переосмысленных с этой позиции антропонимов, этнонимов, топонимов и хрононимов, номинаций, заимствованных из профессиональной, поведенческой сфер и под. Ситуация обмана оказывается «размеченной», прогнозируемой: названы имена субъекта и объекта обмана, их занятия, их личные качества, «обманоопасные» место и время.

Превосходство социального кода перед всеми другими кодами в количестве входящих в него единиц можно объяснить широтой тематического охвата (его составленностью из многих имеющих отношение к человеку социальному сфер-доноров) по сравнению с относительной тематической узостью других кодов.

Высокая продуктивность **кода неспециализированных объектно-ориентированных действий** свидетельствует о важности сценария, который он разрабатывает, для шифровки ситуации обмана. Сценарий кода в общем виде заключается в том, что активный деятель воздействует на пассивный объект (с целью негативного влияния на последний): сгибает, ломает, нагревает, обдирает, ударяет его и пр.

Кроме того, количественную наполненность кода увеличивает внимание языка к процессуальной стороне обмана: то, что обман в первую очередь есть действие, требует для предметов, попадающих в обманную сферу, места актанта при предикате, который нередко выражается глаголом со значением неспециализированного действия. Данный «процессуальный» код поэтому может «сотрудничать» с «предметными», ср. соединение его единиц с единицами соматического кода: арх. *загибать зубы*, влг. *промывать глаза*, перм. *волочить за нос* ‘обманывать’ и др.

Потребность в единицах **соматического кода** определяется представлениями о непосредственной включенности частей тела участников ситуации обмана в осуществление и восприятие обманных действий. Самая большая нагрузка при образовании «обманных» номинаций, включающих обозначения соматических объектов, падает, с одной стороны, на названия органов

речепроизводства, «обслуживающих» сферу вербального обмана, с другой стороны, на названия органов восприятия, поскольку распознавание / нераспознавание обмана есть важная его составляющая.

При «шифровке» ситуации обмана средствами соматического кода соматический объект служит, как правило, актантом при предикате (ср. яросл. *блудить языком* ‘лгать’, печор. *вертеть глазами* ‘обманывать кого-л.’, нижнепечор. *мозги засорять* ‘обманывать кого-то’ и др.). Предикат «подключает» к соматическому сценарию самые разные метафоры (для данных примеров – «лгать» ← «двигаться по непрямой траектории», «обманывать» ← «двигаться по кругу»; «обманывать» ← «воздействовать чем-л. загрязняющим»), увеличивая его продуктивность и потенциал: формируются номинативные ряды (ср., например, ряд из диал. *блудить* / *молоть* / *хло́мать* / *бить* / *брякать* / *ляцкать языком* ‘лгать, обманывать кого-л.’), которые, очевидно, открыты для пополнения.

Соматический код активно взаимодействует с другими кодами: кодом неспециализированных действий (свердл. *брякать языком*, новг. *колотить зубом* ‘привирать, сплетничать’, влг. *промывать глаза* ‘обманывать’); природно-метеорологическим (сиб. *глаза затуманивать* ‘вводить в заблуждение’); пространственным (яросл. *блудить языком* ‘лгать’) и др.

Код производственных действий объединяет большое количество «технологических» метафор и охватывает значительное денотативное пространство (сферы строительства, земледелия, обработки зерна, различных ремесел, ткачества и прядения). За значительной количественной наполненностью кода стоит наличие в сценарии обмана материальной составляющей – звучащей речи: само говорение («производство») и восприятие речи («обработка») легко поддаются «технологическому» описанию.

Звуковой код обращается к различным явлениям «звукового» поля (ср. метафоры «свистеть», «лаять», «гудеть» и др. → «врать»).

Количественное множество этого кода поддерживается за счет единиц звукоподражательного происхождения, являющихся, как правило, экспрессивными, удобных для обозначений речи и потому активно разрабатывающих «речевую» область говорения неправды.

Пространственный код реализует системную метафору «двигаться определенным образом (по кривой, по кругу, в обход)» → «обманывать». Ее активность в поле обмана поддерживается существованием более общей метафоры «двигаться не по прямой дороге / вне дороги» → «не соблюдать этических норм» (помимо уже приведенных примеров ср. еще пск. *сбиться с дороги* ‘начать вести безнравственную жизнь’ [ПОС 9: 164], курск. *пойти по косой дорожке* ‘начать вести разгульный образ жизни’ [БСРП: 198] и др.).

Конкретность и материальная выраженность объектов, номинации которых составляют **кулинарный** и **зоологический коды**, может затруднять для номинатора их сопоставление с составляющими сферы обмана, обладающей высокой степенью абстрактности: выше уже говорилось, что для операции отождествления, как правило, требуется конкретно-чувственное восприятие того, что будет впоследствии с чем-то отождествляться. Важно также повышенное внимание языка к предикату ситуации обмана по сравнению с ее актантами: продуктивность кодов может быть связана с их призванностью кодировать акциональный обман, что требует от единиц «субстанциональных» кодов дополнительных словообразовательных преобразований.

Мифологический код актуализирует аспект обмана, не выявляемый из логического членения ситуации обмана, но имеющий проявления в языке – представления о его связи с нечистой силой и колдовскими действиями. Значимость этих представлений свидетельствует о необходимости поиска внешней, внечеловеческой причины существования и успешного осуществления обмана.

Можно говорить о двух основных «сюжетных линиях», прослеживаемых в сфере «мифологической» лексики и фразеологии со значением обмана.

Согласно первой из них, субъект обмана воспринимается как носитель сверхъестественного знания: модели, по которым строится семантический перенос, можно обобщить до схем «колдун / знахарь» → «обманщик» и «применять магическое знание» → «обманывать» (ср., к примеру, астрах. *колдун* ‘обманщик’). Языковые факты отражают, с одной стороны, опасение по отношению к «знающим» («знатким» и т. д.) людям, вызванное приписываемой им способностью «делать на худо», то есть вредить кому-то из членов социума; с

другой стороны, объясняют умение вводить в заблуждение другого человека наличием у него особых знаний.

Согласно второй «сюжетной линии» в рамках кода, совпадают позиции субъекта обмана и демонологического персонажа, что демонстрируют схемы развития значений «нечистый дух» → «субъект обмана», «действовать как нечистая сила» и «принуждать к контакту с нечистой силой» → «обманывать» (ср., например, пск. *верёвочный чёрт* ‘обманщик’). В номинациях находят отражение оба вышеназванных фактора – отрицательное отношение к обманщику и желание объяснить его способность одурачивать другого сверхчеловеческой природой.

Наконец, в случаях, когда мы имеем дело с набором значений в пространстве древнего этимологического гнезда (к примеру, прасл. **kud-* / **čud-*), трудно говорить о том, что «обманное» значение возникло в качестве вершины семантической цепочки вследствие метафорического переноса по приведенным выше схемам; нельзя исключать его неразрывную связь со значением «магическим».

Природно-метеорологический и **предметно-бытовой коды** пополняются за счет номинаций явлений из довольно обширных по сравнению с другими «закодовыми» сферами областей действительности – неживой природы (включающей природные явления, некоторые природные вещества (грязь, воду) и действия с их участием) и широко понимаемого быта (включающего некоторые бытовые действия (ср. *одеть*, *обуть* кого-л.), бытовые и хозяйственные предметы, хозяйственные отходы, используемые в быту вещества). Они характеризуются формальной «составленностью» из неоднотипных метафор и разнообразием реализуемых мотивов. Например, предметно-бытовой код представлен метафорами «одеть / обуть», «окружить», «пропустить сквозь решето» → «обмануть», «плести», «прясть» → «обманывать», «негодное вещество / ядовитое вещество» → «обманщик»; он «питается» мотивами подчинения чужой воле (прост. *накрыть колпаком*, яросл. *обуть*, пск., твер. *одеть*), кругового покрытия (твер., влг., орл. *окутать*, смол. *объюлить*), плетения (прост. *обуть в лапти*, арх. *лапти сплести*), активного воздействия (калуж. *обрешéтить*), верчения (смол. *объюлить*). При этом метафора, как видно из примеров, может опираться на несколько мотивов, ср. выражение *обуть в лапти*,

которое основано на мотивах подчинения чужой воле и плетения, или глагол *объюлить*, реализующий мотивы верчения и кругового покрытия.

Наименее количественно наполненный **обрядово-игровой код** возникает в семантическом поле обмана по нескольким причинам. Во-первых, в восприятии носителей языка сближаются позиции обманщика и того, кто подшучивает, насмехается над кем-либо, устраивает проделки в чей-либо адрес. Сближаются также позиции обманутого и объекта насмешки: оба они оказываются одураченными, остаются «в проигрыше».

Во-вторых, лексемы-«доноры» обозначают, как правило, пустое, не посвященное работе времяпровождение (колядование, вождение хоровода, совершение шалостей и др.), иногда приносящее ущерб объекту действия. Их семантика несет в себе негативно-оценочный «заряд», провоцирующий на развитие других «отрицательных» значений, в том числе обманных. Надо отметить, что легкость развития отрицательной семантики у рассматриваемых диалектных лексем отражается в самом широком спектре их значений, ср., к примеру, набор значений диал. *прокура́тка* ‘проказница, шутница, затейница, пройдоха, проныра, обманщица’. Во многих названных гнездах – наряду с семантикой веселья и озорства – фиксируются значения, связанные с непристойным (в том числе речевым) поведением, пьянством, сумасбродством и пр. Появление «обманных» значений в подобных случаях соответствует общей логике семантического развития слова.

Описание ситуации обмана

Повторимся, что типичная ситуация обмана строится из предиката и нескольких актантов: субъекта обмана, объекта обмана, продукта обмана (условно говоря, *обманщик обманул обманутого*, и результатом явился *обман*).

Как правило, каждый код стремится предоставлять для поля единицы, способные описывать обманное действие. «Субстанциональность» кодов (например, предметно-бытового, соматического) может отражаться на большом количестве фразеологических единиц внутри кода: названия предметов включаются в предикативные конструкции (ср. печор. *вертеть глазами*, пск. *голову накружить*, пск. *наводить за нос кого*, калуж. *поддёвку сшить*, шир. распр.

обуть в лапти, без указ. места *лисой пройти* ‘обманывать/обмануть кого-л.’ и т. д.). Стремясь к описанию обманного действия, язык вместо образования фразеологической единицы может осуществлять словообразовательные операции для образования цельнооформленной лексемы-глагола, ср. единицы предметного кода калуж. *обреше́тить*, нижегор., пск., смол. *объюли́ть* ‘обмануть’ и др.

Следующими по количественной представленности в языковом материале являются обозначения обманщика. Объект и продукт обмана редко обращают на себя внимание номинатора[58]. Тем не менее, некоторые из кодов уделяют внимание участникам ситуации обмана.

Обозначения частей тела или физических качеств, составляющие соматический код, относятся, конечно, к субъекту и объекту обмана. Однако прямое номинирование участников через описание их физических свойств происходит нечасто (ср. нижнепечор. *зубы редкие* ‘о лгуне’, арх. *татарские очи* ‘плут’ и немн. др.). В остальных случаях описывается действие субъекта обмана с участием его соматического объекта или воздействие субъекта обмана на чужой орган восприятия; позиция объекта обмана, несмотря на упоминание его глаз, зубов и пр., подразумевается (*промывать* чьи *глаза*, *загибать зубы* кому) и реализуется только в контексте. Чуть более широко, со вниманием к участникам, ситуация обмана пишется средствами социального кода, единицами которого являются, к примеру, языковые знаки-имена, называющие типичных субъекта и объекта обмана (ср. ряз. *макар*, курск. *мануйла* ‘обманщик’). Продукт обмана называется в основном средствами кулинарного и производственного кодов, путем сравнения с определенным блюдом-результатом приготовления пищи или материальным объектом-результатом производственной деятельности; продукт обмана, тем не менее, обычно упоминается в составе предикативной единицы, ср., например, влг., дон. *баланду переть* ‘обманывать, лгать’, печор. *наплести кошеле́й* ‘наврать, наговорить небылиц’, смол. *пулю слить* ‘наврать’.

В случаях, когда разрабатывается семантико-словообразовательное гнездо, корневая морфема которого была отнесена к какому-либо предметно-

[58] Ср. в общенародном языке наличие существительных *обманщик*, *лгун*, *лжец*, *врун*, *враль* для субъекта обмана и отсутствие таковых для объекта обмана, влекущее за собой вынужденную описательность с использованием глагольных ресурсов: *тот, кого обманули*, *обманутый*, *обманываемый* и под.

тематическому коду, оно включает, как правило, номинации обманного действия и субъекта обмана (например, ряз., тул., яросл., курск. *бакýня* ‘обманщик, плут, ловкий в разговоре’, костр., смол. *забакýлить* ‘обмануть’, влг., пск., калуж., влад., твер., курск., петерб., ряз., смол. *обакýлить* ‘обмануть, хитро или ласково разговаривая’, смол. *обакýла, обакýльник, обакýльщик* ‘обманщик, обманщица’).

Несмотря на немногочисленность прямых номинаций актантов ситуации обмана, они могут характеризоваться предикативными единицами. Скажем, нижегор. *объемелить* и диал. шир. распр. *обцыганить* ‘обмануть’ выдают представления об имени и этносе обманщика, влг. *лодырничать* ‘обманывать’, ряз. *похвастать* ‘наврать’ – о его занятиях, пск., твер. *одеть*, смол. *обыгрывать*, прост. *подковывать* ‘обманывать’ – о его ловкости. Общенар. *ослепить* и *одурачить* демонстрируют приписывание объекту обмана слепоты и глупости в результате взаимодействия с обманщиком. Глагольные единицы могут выявлять такие черты, приписываемые продукту обмана (как правило, речевому), как большой объем (ср., к примеру, глаголы *строить*, *нагородить* в составе «обманных» фразеологических единиц), необязательность (ср. метафору «приправить блюдо» → «наврать») и даже нежелательность (ср. метафору «мусорить» → «врать»), неприятность вранья на слух (ср. глаголы, обозначающие свист или лай), способность к его широкому распространению (ср. глаголы перемещения в поле обмана).

2.4. Мотивы номинации, реализованные в поле «Ложь, обман»

Набор мотивов, организующий мотивационную структуру семантического поля «Обман», являет собой **систему абстрактных идей**, или **сквозных мотивов поля**, объединяющих несколько обширных лексико-фразеологических групп и реализующихся через более **конкретные мотивы**, объединяющие на базе одного мотивационного признака, как правило, несколько номинативных единиц.

В большинстве случаев в разделе называются языковые единицы с прозрачной внутренней формой. В тех случаях, когда слово реализует древнюю модель номинации и утратило прозрачность для говорящих, приводится

этимологический комментарий (обыкновенно с указанием представленного в слове корня и его обобщенного значения).

Ниже перечислен ряд частных мотивов, имеющих в рамках поля свое обобщение на уровне сквозных мотивов (сначала называется сквозной мотив, далее – его частные конкретизаторы). Приводимые при рассмотрении каждого мотива лексемы и фразеологизмы не охватывают всего материала и служат для иллюстрации.

Идея **нарушения прямизны** конкретизируется следующими мотивами:

кривизны – арх., влад., новоросс. *кривить* ‘обманывать, нарушать обещание, лгать’ [СРНГ 15: 242], твер., пск. *кривство* ‘обман, ложь, хитрость’ [Там же: 248], ряз. *кривой* ‘обманщик, лжец’ [Там же: 245], нижнепечор. *кривлять душой* ‘лгать, лицемерить’ [СГНП 1: 36];

плетения – *оплетать* ‘много говорить, врать’ [ЯОС 7: 50–51], яросл. *плетюха́ть* ‘пустословить, говорить неправду’ [ЯОС 8: 8], яросл. *плетень худой* ‘о болтливом и лживом человеке’ [ЯОС 8: 7], перм. *плести на косое веретено* ‘говорить неправду, лукавить’ [ФСПГ: 269], омск. *плести корзинку* ‘обманывать, лгать’ [СРНГ 27: 118], новг. *лапти сплести* ‘изменить в любви кому-либо’ [СРНГ 40: 161];

верчения, кручения – урал. *вертун* ‘ненадежный человек, обманщик’ [СРНГ 4: 155], влг. *веретёха* ‘лгун, обманщик’ [Там же: 138], смол. *крутнуть* ‘обмануть’ [СРНГ 15: 323], пск. *крутить душой* ‘обманывать, лгать’ [СППП: 38], костр., перм. *напрясть на кривое веретено* ‘налгать, ввести в заблуждение’ [БСРП: 78], нижегор., пск., смол. *объюлить* ‘обмануть’ [СРНГ 22: 278];

движения по непрямой траектории – пск., твер. *объехать на кривых оглоблях* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 277], яросл. *плуси́ть* ‘говорить бессмыслицу, путаться в словах, лгать’ (ср. яросл. *плуси́ть* ‘ехать не той дорогой, плутать’) [ЯОС 8: 10], яросл. *блудить языком* ‘лгать’ [ЯОС 5: 95], новг. *плутать* ‘хитрить, лукавить’ [НОС$_2$: 829], курск., нижегор. *огибала* ‘обманщик, плут, пройдоха’ [СРНГ 22: 313], *огибе́нивать* ‘дурачить, обманывать; обводить вокруг пальца’ [Там же: 314];

с г и б а н и я – вят., перм., свердл., сиб. *нагнуть* ‘обмануть’ [СРНГ 19: 197], *гнутки гнуть* ‘лгать, врать’ [Даль$_2$ I: 372], карел. *загибать зубы* ‘говорить неправду, лгать’ [БСРП: 260], пск. *загибать арапа* ‘лгать, обманывать, вводить в заблуждение’ [Там же: 18].

Для причисления ряда номинаций с затемненной внутренней формой к содержащим мотив сгибания требуется этимологический комментарий.

Можно предложить гипотезу, согласно которой яросл. *объя́чить* ‘обмануть, надуть’ [ЯОС 7: 26] и яросл. *ная́чить* ‘обмануть, надуть, сказать неправду’ [ЯОС 6: 123] являются производными в конечном счете от архаичного незасвидетельствованного глагола **ękti* ‘гнуть, сгибать, складывать петлей, кольцом’. Глагол восстанавливается в [ЭССЯ 6: 61] в статье на **ečaja* (рус. *ячея*). В числе его производных также находятся слова *ячмень*, *паук* [Там же].

Несколько слов из гнезда лексем влг., яросл., влад. *окула́ть* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 172], влад., пск., твер. *оку́лить* ‘обманывать, надувать’, ‘сплетничать’ [Там же: 173], пск., твер. *оку́льничать* ‘сплетничать’, ‘плутовать, обманывать’ [Там же], *оку́льник* пск., твер. ‘сплетник’, калин. ‘обманщик’: «В ларьке окульники работают, того гляди, обвесит, обсчитает» [Там же], яросл. *оку́лывать* ‘обманывать, надувать’ [Там же], яросл. *окулома́ть*, *оку́ловать* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 173; ЯОС 7: 43], без указ. места *оку́ла* ‘плут, обманщик, продувной’ [Даль$_2$ II: 692] рассматриваются в [ЭССЯ 13: 210–211] как сложение *ob-* и *kuliti* от **kul-* с семантикой ‘сжатый, укороченный, согнутый’ [ЭССЯ 13: 98].

Дериватами этого же древнего корня видятся влг. *кулика́ть* ‘врать’: «Человек куликает – это значит правды не говорит» (ср. влг. *куликать* ‘изгибаться’) [СГРС 6: 254], влг. *закулика́ть* ‘начать привирать’: «Туда-сюда человек закуликает, наврать ему надо. То слово скажет, да друго скажет», влг. *кулики́* ‘сплетни, ложь’: «У нас куликов в деревне нет» [КСГРС].

Очевидно, в гнездо глагола *вить* (< **viti*, в котором представлен и.-е. корень**uei-*: **uoi-*: **uī-* ‘поворачивать, гнуть, сгибать’ [Черных 1: 155]) относятся без указ. места *вила́* ‘ловкий, лукавый, плутоватый человек’ [СРНГ 4: 279], вят., уфим., перм., свердл. *вила́вить* ‘лукавить, хитрить, обманывать, говорить неправду, кривить душой’: «О, эта баба – лукавое копье, вилавить умеет, хоть от чего дак

увернется» [Там же], влг. *вила́вство* ‘лукавство’ [Там же], смол. *привилова́тый* ‘несправедливый, хитрый’ [ССГ 9: 16].

Перечисленные частные мотивы достаточно условно отделены друг от друга, поскольку значения верчения, плетения, сгибания очень тесно связаны (и нередко сопрягаются в одной дефиниции), а все названные действия предполагают искривление объекта. В условном их разделении мы ориентировались и на форму (отдельно был выделен мотив кривизны, так как поле активно использует для выражения своих значений корень *крив*-, и т. д.), и на семантику (мотив движения по непрямой траектории отделен от мотива кривизны, поскольку язык помещает идею искривления в «пространственную» плоскость с конкретизацией «перемещаться в пространстве по кривой»). С точки зрения семантики в разделении неизбежно возникают трудности; скажем, вопрос, куда необходимо отнести енис. *кружать* ‘обманывать’ [СРНГ 15: 309] – к единицам, реализующим мотив кручения или же мотив движения по непрямой траектории; ввиду крайне малого семантического расстояния между частными конкретизаторами сквозной идеи нарушения прямизны такие вопросы не разрешаются.

В случае с фразеологическими единицами мотив нарушения прямизны – сквозной мотив поля – может поддерживаться каждым компонентом фразеологизма через его частные мотивные реализации, ср. костр., перм. *напрясть на кривое веретено* ‘налгать, ввести в заблуждение’ [БСРП: 78], где семантика прядения (скручивания, искривления волокон) и веретена (вращающегося предмета) совпадают в выражении мотива кручения, а компонент *кривой* усиливает идею искривления; пск., твер. *объехать на кривых оглоблях* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 277] по опорному слову *объехать* отнесено к единицам, мотивированным идеей движения по непрямой траектории, а компонент *кривой* (*кривые оглобли*) усиливает более общий для номинации мотив кривизны.

Идея **воздействия на объект инородным веществом** конкретизируется с помощью мотивов:

з а г р я з н е н и я – нижнепечор. *мозги засорять* ‘врать, обманывать’ [СГНП 1: 406], перм. *бросать песком в глаза* ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 494]; карел.

налить грязи на кого ‘опорочить, оболгать кого-л.’ [БСРП: 167], *облить грязью кого* ‘оклеветать кого-л.’ [БСРП: 168];

затемнения – арх., свердл., сиб. *мрачить* ‘обманывать, морочить’ [СРНГ 18: 327], влг., сиб. *глаза затемнять* ‘запутывать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 123];

воздействия дымом, туманом – сиб. *глаза затуманивать* ‘вводить в заблуждение, обманывать’ [ФСРГС: 81]; без указ. места *накуривать* ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 19: 358].

Данный сквозной мотив, присущий единицам соматического кода, можно обозначить как идею лишения кого-либо способности адекватного восприятия, поскольку объектом воздействия язык регулярно выбирает какой-либо орган восприятия (глаза, голова, мозг); см. «Соматический код».

Идея **деструктивного физического воздействия** реализуется мотивами:

температурного воздействия – смол., пск., ленингр. *нагреть* ‘обмануть; обыграть’ [СРНГ 19: 214], *обогреть* пск., твер. ‘обмануть с корыстной целью, надуть’; влад. ‘обокрасть’ [СРНГ 22: 152], смол., яросл., костр. *огреть* ‘обмануть, надуть’ [Там же: 354], пск., твер. *ожарить* ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 23: 72], тул., новг. *ожечь* ‘обмануть’ [Там же: 79], пск., арх., забайк. *прожога* ‘хитрый, изворотливый человек, обманщик, плут’ [СРНГ 32: 137];

обрезания – влг. *окорна́ть* ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 23: 154] (< праслав. **kъrn-* < и.-е. **(s)ker-/*(s)kor-* со значениями ‘резать, обрезать, стричь’ [Черных 1: 430; ЭССЯ 13: 236]), тамб. *скургу́зить* ‘обмануть, соврать’; *скургу́зиться* ‘обмануться’ [СРНГ 38: 190] (слово *кургузый* образовано из **кърногузъ* с тем же корнем, что и предыдущее слово, сложившимся с *гуз*, см. [Фасмер 2: 424]). Сюда же кажется возможным отнести влад. *обкультя́пить* ‘обмануть’ [СРНГ 22: 78] < *культя́па* без указ. места ‘безрукий; беспалый; самая рука эта’ [Даль$_2$ II: 220]; внутренняя форма глагола в таком случае прочитывается как «покалечить кого-л., отрезав пальцы / руку»[59].

Мотив **физического воздействия, направленного на подчинение своей воле**, конкретизируется мотивами:

---

[59] Возможно также притяжение влад. *обкультяпить* к прост. *тяпать* ‘ударять, рубить’ [Ожегов 1990: 818].

лишения свободы передвижения (обездвижения, опутывания, окружения) – арх. *обпутывать* ‘обманывать’ [СРНГ 22: 189], *спутать* пск., твер. ‘наговорить вздору, солгать’; новг. ‘обмануть, соблазнить’: «Она, видимо, подумала, что я девку спутаю» [СРНГ 40: 292], твер., влг., орл. *окутать* ‘обмануть’ [СРНГ 23: 178], влг. *опутывание* ‘обман’: «Эти коммерсанты одним опутываниём занимаюцца» [КСГРС], пск., твер. *скруте́ль* ‘обманщик’ [СРНГ 38: 156], новг. *смотать* ‘сплутовать, обмануть’ [СРНГ 39: 48], новг. *окружить с ног до головы* ‘обмануть’ [НОС 6: 160], смол. *обвод* ‘обманщик, плут’ [СРНГ 22: 9], пск., смол. *обматывать* ‘обманывать’ [Там же: 121], новосиб. *обвернуть* ‘обмануть’ [СРНГ 21: 357];

одевания, обувания – пск., твер. *одеть* ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 9], яросл. *обуть* ‘обмануть’ [СРНГ 22: 248], перм., урал. *оботкать* ‘обмануть’ [Там же: 184], смол. *обколпачивать* ‘обманывать’ [Там же: 76].

Мотив **интенсивности действия** реализуется с помощью следующих мотивов:

взбалтывания – яросл. *баламутить* ‘говорить неправду’ [ЯОС 1: 30], яросл. *баламутка* ‘лгун, врун, непостоянный, несправедливый человек’ [Там же], влг. *мутова́ть* ‘хитрить, обманывать’ [СРНГ 19: 29];

рыхления – костр. *муты́лить* ‘врать, обманывать’ (< ‘рыхлить землю’) [ЛКТЭ], яросл. *боронильщик* ‘лгун, болтун’ [ЯОС 2: 16], карел. *боронить борону* ‘говорить неправду, врать; болтать, пустословить’ [ФСРГРК: 27–28].

Требуется остановиться на нескольких случаях, когда для реконструкции мотива номинации нужен более подробный этимологический комментарий.

Значения верчения, сгибания, плетения и связывания, как уже говорилось, с трудом поддаются строгому отграничению друг от друга. Особую сложность представляет случай, когда все перечисленные значения встречаются у дериватов одного этимологического гнезда, при этом каждое из них может образовывать вторичные «обманные» значения. К индоевропейскому корню **u̯er-* с условным

значением ‘вертеть, сгибать’[60] восходит праславянский корень с разными огласовками *vьr-//*ver-//*vor-//*vyr-//*var- (о составе гнезда см. [Галинова 2000: 217–255]). Его дериваты образуют в числе прочих семантические гнезда ‘связывать, сплетать’, ‘запирать’ и ‘втыкать’ (будем иметь в виду и вторичное ‘врать’), очень близкие между собой, ср.: «Значения <…> корней [имеется в виду корень *vьr- (//*ver- и пр.), вершинный для разных по значению гнезд] ‘связывать’, ‘поворачивать’ и ‘закрывать’ разграничить очень трудно. Впрочем, представляется, что это сближение заложено еще на и.-е. почве естественной связью реалий. ‘Связывание’ непременно предполагает ‘поворачивание, сгибание’ веревки, а ‘закрывать, запирать’ – это, помимо накрывания, либо ‘завязывать’ что-либо, либо ‘просовывать’. Следовательно, даже на и.-е. уровне это разделение весьма условно. На русском материале выделяется несколько семантических центров, репрезентанты которых также тесно связаны друг с другом. Разделение материала не всегда бесспорно, ср., например, значение ‘веревка’, которое может толковаться и как ‘плетеное изделие’, и как ‘средство для связывания’» [Субботина 2004: 214][61].

Представим лексемы, принадлежащие семантическому полю «Обман», восходящие к названному праславянскому корню.

Ж. Ж. Варбот предполагает образование рус. *врать* (< *vьrati, *verǫ с последующим распространением корневого вокализма на основу настоящего времени) в результате семантического переноса от значения ‘запирать, плести’, присущего праславянской основе *verti, *vьrǫ [Варбот 1976: 39–41], которая представлена, например, в олон. *вера́ть* ‘плести (лапти, корзины, сети и т. п.)’ [СРНГ 4: 120]. Семантическим подтверждением служит возможность развития значения ‘врать’ от ‘плести’, ср. яросл. *плетюха́ть* ‘говорить неправду’ [ЯОС 8: 8], ср. также общенар. *плести (ерунду)*. В качестве структурного подтверждения правдоподобности мены корневого гласного слов в рамках семантики плетения

---

[60] Данный корень имеет следующие омонимы: *uer- ‘жечь, обжигать’, к которому, например, восходит праслав. *var- > рус. *варить* [Черных 1: 135] и *uer-, явленный в рус. *проворный*, *предварить*, об их дериватах см. [Субботина 2004]; в данной работе приводятся данные словаря Й. Покорного о 13 омонимичных корнях *uer-, из которых русский материал представлен в 7 [Субботина 2004: 10].

[61] Подробно о семантико-словообразовательных дериватах праслав. *vьr- (с разными корневыми гласными) см. [Субботина 2004]; однако из материала исключаются продолжения данного корня с разными расширителями (например, праслав. корни *vьrt- ‘вертеть’, *vьrz- ‘вязать, связывать’).

В. Н. Субботина приводит новг. *разовра́ть* ‘открыть временный проезд в изгороди’ [Субботина 2004: 239]. Глагол ввиду экспрессивности значения имеет большое количество производных: сев.-двин. *вра́ка* ‘лгун’ [СРНГ 5: 186], сев. *вра́кака* ‘лгун’, ‘говорун, рассказчик’ [Там же], кольск., свердл. *вралина* ‘лгун’ [Там же: 187], арх., перм., новг., пск. *вралья* ‘лгунья’ [Там же], влг. *враxо́тка* ‘лгун’, ‘говорун’ [Там же: 188], арх. *врасня* ‘лгун’; ‘ложь’ [Там же], ср.-урал. *врык* ‘ложь, неправда, обман’: «Обещали избу починить, врык все это» [ДСРГСУ: 84] и др.

Корневой вокализм *-е-* представлен в арх. *вера́ть* ‘обманывать, врать, болтать пустое’: «Вероницю станем верать» [АОС 3: 102] (ср. *вероница* ‘небылица’ [Там же: 119]), смол. *вере́нить* ‘врать, сочинять, рассказывать небылицы’: «Ён будить вяренить тут усякыю чипуху»; «Ни внряни ты, што ня следуить» [ССГ 2: 28], смол. *вере́нь* ‘мастер рассказывать небылицы, сочинять, врать’: «Во вирень, ныурау целый коръп» [ССГ 11: 189].

Корневой вокализм *-о-* встречается в сев.-двин. *ворова́титься* ‘хитрить, обманывать, льстить’ [СРНГ 5: 106] и образованном от него сев.-двин. *изворова́титься* ‘изловчиться, исхитриться’ [СРНГ 12: 111], ряз., пск. *ворыга* ‘хитрый человек, обманщик’ [СРНГ 5: 129].

Корневой вокализм *-и-* обнаруживают арх. *ви́рить* ‘измышлять, сочинять, врать’: «Я на йейо не вирю» [АОС 4: 104], карел. *вира́ть* ‘выдумывать, сочинять’, ‘лгать’ [СРГК 1: 201], олон., арх. *вира́ть* ‘врать, рассказывать небылицы’ [СРНГ 4: 292], влг., арх. *вира́ться* ‘говорить неправду, врать’: «Не вирайся, нешто оно так дело-то было» [Там же: 292], влг., нижегор., влад., пск. *свира́ть* ‘врать, рассказывать небылицы’ [КСГРС; СРНГ 36: 292], арх. *виру́нья* ‘врунья’ [СРНГ 4: 293], яросл., сарат. *зави́ра*, твер. *завира́ла* ‘врун’ [СРНГ 9: 316], арх. *завиру́шка*, *завиру́ха* ‘сплетник, врун’ [СГРС 4: 31], смол. *завиру́ха* ‘лживый человек’ [ССГ 4: 47], влад. *свира́ло* ‘враль, лгун’ [СРНГ 36: 292], без указ. места *сви́роватый* ‘лживый’ [Там же: 295], пск., твер. *свиру́щий* ‘склонный ко лжи, лживый’ [Там же: 296], влг. *свирушка* ‘небылица’: «Нарассказывал свирушек дак, до сих пор всё в голове» [КСГРС].

Продолжением и.-е. **u̯er-* с расширительным элементом *gh* является корень **vьrz-* (о диалектных словах с этим корнем см. [Галинова 2000: 252]). К этому корню со значением ‘вязать, связывать’ восходит смол. *вирза́ть* ‘лгать,

обманывать’: «Ни вирзай, кали ни знаиш»; «Ну и вирзаить жа ён, събираить усякии субъры» [ССГ 2: 57] (см. [Фасмер 1: 299; Аникин РЭС 6: 87]), а также целый ряд однокоренных лексем: смол. *вирзá* ‘лгун, обманщик’: «Ну и вирзить жа етыт вирза, ня слухый яго» [ССГ 2: 57], смол. *верзýн* ‘лжец, обманщик’: «Вирзун ты, вирзун, ни разу правды ни гывариш» [Там же: 30], смол. *наверзúть* ‘наврать, наговорить глупостей’: «Што я вам нъвяржу, нъвяржу низнама што, смияцца будитя»; «Нывярзила ты мне, што галоушка кругам идеть» [ССГ 6: 140], смол. *наверзéнить* ‘то же’: «Старый вам нъвярзенить ету чипуху, а вы слухъть будитя» [Там же][62].

В словах влг. *варзáть* ‘говорить вздор, лгать’ [СГРС 2: 27], ленингр. *варзáть* ‘говорить’ [СРГК 1: 163] Н. В. Галинова выделяет тот же корень, но с иным корневым вокализмом – корень **vъrz-* [Галинова 2000: 253]. Такая этимология позволяет считать эти слова также реализующими метафору «вязать» → «врать». Однако А. Е. Аникин сомневается в связях между *варзать* и *верзать* / *вирзать*, не исключая для *варзáть* заимствование из иран. **varz-* ‘делать’, ср. значения свердл. *вáрзать* ‘делать что-л. неумело, наспех; пачкать’, свердл. *варзáть* ‘то же’, новг., перм., вят., тамб., курск. *варзáться* ‘делать что-л. неумело или плохо’ [Аникин РЭС 6: 86–87].

Нет однозначной этимологии для влад., арх. *варáкать* ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 4: 42], без указ. места *вáрáка* ‘тот, кто много говорит попусту, болтает вздор’ [Там же: 41], влг. *варакýнья* ‘лгунья’: «Этой варакунье не верь» [СГРС 2: 23], влад. *варáкуша* ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 4: 43], арх., олон., ленингр., перм., ср.-урал. *варакóсить* ‘говорить неправду, лгать’ [Там же: 41], *варакóса* олон. ‘тот, кто говорить неправду, лгун’, ‘лживое сообщение, ложь’ [Там же: 42], ср. «*Варакать* и *варакосить* употребляется и вместо *вракать* – болтать пустяки, говорить вздор» [Даль$_2$ I: 166] (ср. приставочные дериваты арх., влг. *навараковсить* ‘наврать’ [КСГРС], новг. *сворокóсить* ‘наврать’ [НОС 10: 25]). Н. В. Галинова включает их в гнездо **vor-*/**var-* < и.-е. *u̯er-* ‘вертеть, сгибать’ [Галинова 2000: 224–225]. А. Е. Аникин допускает их тождество с диал. *варáкать*, *варакóсить* ‘делать как попало’ > ‘говорить как попало’ (ср. диал. *кулемесить* ‘делать кое-как’ и

[62] К *верзать* ‘вязать’ относится и рус. лит. *каверза* [Фасмер 1: 299; Черных 1: 365], ср. смол. *накаверзáть* ‘наговорить чепухи, наболтать вздору’: «Нъкъвирзала учора деука, усе ни так было» [ССГ 7: 11], смол. *скаверзáть* ‘солгать’: «Я вам скъвирзаю – мяне за ета нъкажуть» [ССГ 10: 16].

‘болтать’), для которых, по мнению Л. В. Куркиной, не исключена производность от омонимичной основы представленной в рус. *проворный* (< **variti, var’ǫ* ‘предварять, опережать’ [Аникин РЭС 6: 67–68; 90]. (о семантической характеристике дериватов и.-е. **uer*-‘идти, бежать’ в русском языке см. [Субботина 2004: 277–279]).

Итак, если принимать этимологические решения, включающие рассмотренные лексемы в гнездо **vьr-/*ver-/*vor-/*vъr-/*var-* ‘вертеть, сгибать’, можно отнести их в группу слов, заключающих в себе мотив нарушения прямизны.

Доказательства правомерности отнесения некоторых лексем к группе, реализующей мотив температурного воздействия, требуются в нижеследующем случае. Рассмотрим влг. *завара́ть* ‘наврать, насплетничать’ [СРНГ 9: 296], влг. *варну́ть* ‘поступить нечестно по отношению к кому-либо, обмануть’ [СРНГ 4: 57], влг. *ва́ры* ‘выдумки, россказни’ [СРГК 1: 164], ленингр. *вару́ха* ‘врунья’ [Там же]. В. Н. Субботина помещает их в гнездо **var-* < и.-е. **uer-* со значением ‘высокая температура’ [Субботина 2004: 158, 204] (к этому гнезду относится, например, рус. литер. *вари́ть*). Семантика обмана появляется в данном гнезде по модели «подвергнуть негативному воздействию (высокой температуре)» → «обмануть». Семантика вранья в гнезде *варить* объясняется как ‘производить в большом количестве, с *приварком* (=ложью)’ [Там же: 204]. Ср. еще выражения новг. *варить кашу на мазуриках* ‘обманывать, обсчитывать’: «Сколько лет она уж кашу на мазуриках варит» [НОС 1: 108] и новг. *наварить ухо* ‘обмануть, присвоить чужое’: «У Шуры Кондрашихи ухо наварили – Дай нам пилы на день, да и топерь несут» [НОС 5: 127][63].

Для влг. *варну́ть* ‘поступить нечестно по отношению к кому-либо, обмануть’ нельзя исключать влияние лексемы *варнак*, ср. влг. *варна́к* ‘человек, бывший в заключении’ [СГРС 2: 28], сиб., якут., иркут., сев.-вост., забайк., тобол., енис., оренбург., барнаул., перм., костр. *варна́к* ‘человек, бежавший с каторги, каторжник’, свердл. *варна́к* ‘хулиган, жулик, вообще очень плохой человек’, перм., тобол., иркут., том., енис., барнаул. *варна́к* ‘мошенник, бездельник’ [СРНГ 4: 56]. Этимология диал. *варна́к* неясна; в ЕСУМ оно предположительно названо

[63] Однако влг. *завара́ть* и др. имеют в корне безударный *а*, что не исключает их образования в гнезде **ver/*vor* с последующим притяжением к *варить*.

тюркским заимствованием, ср. тат. *урламак* ‘красть’, чув. *варла* ‘то же’, *варлакан* ‘вор’ [ЕСУМ 1: 333]. Влияние тем более вероятно, что предполагаемые производные *варнак* развивают значения обманной или пустой речи, ср. пск. *варна́чить* ‘говорить вздор, болтать’, ряз., смол. *варна́кать* ‘лгать’, ряз., тул., курск., ворон., орл., смол. ‘разговаривать о чем-либо незначительном, несерьезном, говорить вздор, болтать’: «Что ты там варнакаешь?»; «Варнакают на колядах – болтают во время коляд»; «Варнакай! Говори, что хочешь» [СРНГ 4: 56]. Последнее, вероятно, испытало влияние *вара́кать* ‘говорить неправду, лгать’ [Там же: 42].

Очевидно, что круг лексем, оказывающих влияние на названные, можно расширить главным образом благодаря совпавшим в «обманных» значениях дериватам нескольких омонимичных праславянских корней **vьr-* (с разными корневыми гласными) ‘плести, сгибать, вертеть’, ‘варить’ и ‘бежать, идти’. На синхронном уровне дериваты бывает невозможно разграничить (см. выше случаи в группе ‘вертеть, сгибать’). Фиксация на новгородской территории мены губных (*барнать* ‘врать, лгать’: «Что я барную-то, ему лет 50» [НОС 1: 34], *поварнать* ‘наврать, полгать кому-либо’: «Поварнала я вам, погрезила, поврала вам» [НОС 8: 6]) позволяет думать о поддержке со стороны звукоподражательных лексем на *бар-* со значением речевого обмана, например, новг. *бараба́шить* ‘говорить попусту, лгать’ [НОС$_2$: 20].

2.5. Выводы

Итак, «прозрачные» или поддающиеся этимологическому анализу языковые единицы в настоящей главе распределялись по тематическим сферам, с лексикой которых они связаны отношениями мотивированности. Установление связей между различными тематическими сферами и полем обмана происходило на основании участия лексики определенной сферы в «обманных» фразеологических единицах (ср. арх. *татарские очи* ‘плут’, новг. *переодеть из сапог в лапти* ‘обмануть’), семантической деривации (ср. *макуха* ‘обманщик’, костр., влг. *хвост* ‘врун, обманщик’), семантико-словообразовательной деривации (смол. *соба́чить* ‘обирать, обманывая’, моск., яросл. *заливоха* ‘сплетник, лгун’, арх. *облаты́нить*

‘обмануть’), семантико-словообразовательной деривации на более глубоком уровне реконструкции (курск., орл. *змигульничать* ‘обманывать’, яросл. *ощеу́л* ‘хитрец, пройдоха’). Слова с семантикой обмана, производные от слов определенной тематической группы, составляют отдельный предметно-тематический код в рамках мотивационной организации изучаемого поля.

В ряде случаев для интерпретации «темных» слов или установления причин номинации использовалась методика семантико-мотивационных параллелей (к примеру, влг. *промывать глаза* ‘обманывать’ объясняется на фоне выражений, образованных по модели ‘мыть / чистить’ → ‘приносить ущерб объекту мытья’; для свердл. *офарафо́нить* ‘обмануть’ предполагается происхождение от имени собственного *Фарафон* по аналогии с нижегор., казан. *офа́лить* ‘обмануть’, пск., твер. *офо́фанить* ‘то же’, перм. *объерёмить* ‘то же’, казан. *опаранивать* ‘обманывать’).

В формировании лексики поля участвуют метафорические модели различной относительной древности: те, по которым не образуются новые лексические репрезентанты (метафора «мерещиться → обманывать» восстанавливается на основании этимологического анализа диал. шир. распр. *мани́ть* ‘лгать, обманывать’, калуж., орл. *маячить* ‘обманывать, плутовать’, диал. шир. распр. *бла́зни́ть* ‘обманывать, морочить’); те, которые имеют как старые, так и новые лексические репрезентанты (метафора «негативно воздействовать на зрительную способность → обманывать» содержит как древние примеры реализации, ср. в § 2.3.1.2 о некоторой универсальности переноса «ослепить → обмануть», явленной в семантике глагола *ослепить* в разных языках, так и примеры ее диахронического развития, ср. «втягивание» в сферу действия этой метафоры лексики, обозначающей новые реалии, ср. в § 2.3.1.2 о слове *очки* в выражениях *очки втирать* / *вставить* и под.).

Один предметно-тематический код может быть наполнен языковыми единицами, имеющими разные мотивы номинации. Составим общий перечень выявленных сквозных мотивов, охватывающих лексику и фразеологию поля, в скобках указывая их частные мотивные конкретизаторы: ♦ идея нарушения прямизны (мотивы кривизны, движения по непрямой траектории, плетения, верчения, сгибания); ♦ идея воздействия на объект инородным веществом (мотивы

загрязнения, затемнения, воздействия дымом или туманом); ♦ идея деструктивного физического воздействия (мотивы битья, температурного воздействия и обрезания); ♦ идея физического воздействия, направленного на подчинение чужой воле (мотивы обездвиживания, опутывания, окружения, одевания, обувания); ♦ идея интенсивности действия (мотивы взбалтывания, рыхления).

Этот перечень не может претендовать на «чистоту» деления материала, поскольку названные мотивы пересекаются в ряде лексем и фразем (скажем, костр. *хлеста́ться* ‘врать’ актуализирует как идею деструктивного физического воздействия, так и идею интенсивности). Он призван продемонстрировать основной набор идей, которые мотивируют лексику и фразеологию поля «Ложь, обман».

В главе был предпринят обзор существующих этимологий для главных «обманных» лексем в разных славянских языках. В результате нам удалось перечислить базовые идеи, составляющие предыдущую по отношению к «обманной» семантическую ступень, т. е. лежащие в основе анализируемых лексем – выразителей семантики обмана: это смыслы ‘махать, делать знаки’, ‘гнуть’, ‘вязать’, ‘качать, клонить’, ‘дуть, напирать’. Общей, более абстрактной идеей, вбирающей в себя большинство этих смыслов, видится идея нарушения прямизны / отклонения от прямой линии.

Рассмотрение на материале русских говоров показало, что эти мотивы (кривизны, отклонения от прямой линии, надувания, сгибания, вязания (пленетия), беспорядочного движения) продолжают формировать поле в качестве мотивов номинаций, объединяющих участки поля на уровне внутренней мотивации, причем одним из самых продуктивных сквозных мотивов поля является именно мотив нарушения прямизны. Метафора искажения прямизны / отклонения от нее, таким образом, оказывается крайне продуктивной для рассматриваемого семантического поля.

ГЛАВА 3. СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЛЮБОВНОЙ ИЗМЕНЫ

3.1. Вводные замечания

В семантическом спектре глагола *обманывать*, ядерного для изучаемого поля, присутствует значение ‘изменять в любви’, ср. некоторые формулировки словарей литературного языка: *обманывать* ‘проявлять обман в любви, изменять (жене, мужу)’ [ССРЛЯ 8: 236], *обмануть* ‘изменить, нарушить верность (мужу, жене)’ [СлРЯ 2: 544], ‘нарушить супружескую верность’ [Шведова 2007: 539]. В качестве иллюстраций для обсуждаемого значения глагола *обманывать* приведем несколько контекстов из романа «Анна Каренина», сосредоточенного на обсуждении проблем частной жизни, в том числе на теме любовной и супружеской измены: «Я понимаю еще увлеченье, ...но обдуманно, хитро обманывать меня... с кем же?»; «Она была в связи с Тушкевичем, самым гадким образом обманывая мужа»; «Разве я не знаю, что он не стал бы обманывать меня, …что он не изменит мне?». Закрепленность за глаголом «изменной» семантики также демонстрирует фиксация словарем устойчивых сочетаний *обманутый муж* и *обманутая жена*: «<Каренин> знал несомненно, что он был обманутый муж, и был от этого глубоко несчастлив» [ССРЛЯ 8: 236].

Семантика измены в любви у глагола *обманывать* являет собой особую, отличную от других значений смысловую область.

Актантная структура ситуации, задаваемая глаголом *обманывать* ‘изменить’, отличается от прототипической ситуации, задаваемой этим глаголом в остальных своих значениях и описанной в § 1.2.4. Наглядно это демонстрирует толкование с позиций Активного словаря русского языка, разрабатываемого под руководством Ю. Д. Апресяна, которое учитывает семантическую валентность слова в этом значении, ср. *А1 обманул А2* ‘человек А1, связанный супружеской или любовной связью с человеком А2, в тайне от А2 вступил в любовную связь с человеком А3’ [Проспект АС: 178]. Описываемая ситуация, как можно увидеть, включает позицию третьего участника, в предложении требующего формы творительного падежа – того, с к е м агенс обманывает пациенса (ср. *обмануть*

жену с молодой секретаршей [Там же]). Хотя экспликация этой позиции в предложении необязательна – ср. «Я вышла замуж, и муж обманывал меня» (Л. Н. Толстой, Анна Каренина), – очевидно, что участие третьего актанта в ситуации принципиально для квалификации действия как обмана = измены.

Кроме того, тогда как обман обыкновенно совмещает в себе и ментальную, и поведенческую составляющие, требуя от субъекта и объекта обмана интеллектуальных усилий по его планированию и распознаванию соответственно, измена максимально акциональна, и глагол *обманывать* ‘изменять’ находится в разряде глаголов поведения.

Лексика и фразеология обмана в любви обладает большим своеобразием и в мотивационном плане. Значительная часть номинаций измен в любви содержит в своем составе указание на материальный предмет, который символизирует измену, ср., к примеру, новг. *наварить грибов* ‘изменить в любви’ [СРНГ 19: 151], пск. *рогатку дать* ‘то же’ [СППП: 65], том. *лапти плести* ‘обманывать (жену, мужа), изменять’ [СРНГ 27: 118] и др. Можно предположить, что эти номинации могут иметь обрядовые «корни» и представлять собой свернутое описание обрядового действия, направленного на осуждение того, кто пережил любовную измену, ср. некоторые зафиксированные свидетельства – костр. *намораживать лапти*: «Если девка с одним погуляет, а потом с другим, они намораживают лапти, надевают на шею и оба идут к ней – с которым пойдёт. А если ни с которым не пойдёт – оба её хлестали ими [лаптями]» [ЛКТЭ]; новг. *тыквина* (*тебе, ему*): «Парень взял тыквину и поставил на порог, это про измену девчонке-то» [НОС 11: 74]; новг. *овин заливать*: «Овин заливать, женился, а меня не взял, меня водой и заливают» [НОС 6: 121]. При мотивационном описании лексики и фразеологии измены, таким образом, ставилась задача расшифровки предметного символа, обозначение которого содержит номинация, т. е. установления причин, по которым данный предмет в традиционной культуре символизирует любовную измену.

Очевидная обособленность (семантическая специализация и мотивационное своеобразие) обозначений любовной измены внутри всей лексики поля – при несомненном понимании измены как обмана – стала причиной их подробного рассмотрения в рамках специальной главы. Важно отметить, что распределение материала по предметно-тематическим кодам усложнило бы его мотивационную

интерпретацию, поскольку «расшифровка» символических номинаций в изоляции друг от друга была бы менее результативной (скажем, одновременное рассмотрение таких предметных символов, как лапти и рогатка из приведенных выше примеров, позволяет делать вывод о важности отгонных функций предмета для его отбора в качестве культурного знака, сигнализирующего об измене).

3.2. Семантическая и мотивационная характеристика обозначений любовной измены

Не приходится сомневаться, что ситуация любовной измены «замечена» традиционной культурой.

Во-первых, идеограмма «изменить в любви» активно разрабатывается в народных говорах – диалектные словари предлагают дефиниции ‘изменять мужу, жене’, ‘нарушать супружескую верность’, ‘быть неверным мужем’, ‘изменить, нарушить верность’, ‘изменить в любви кому-л.’, ‘изменить, нарушить верность’ и под.

Кроме действий человека, неверного в любви, в языке находят отражение разные составляющие ситуации измены: номинируются ее участники – тот, кто изменил (субъект измены), и тот, кому изменили (объект измены), ср., например, яросл. *мыкалья* ‘непостоянная в любви женщина’ [ЯОС 6: 70], пск. *изменец* ‘тот, кто изменил в любви’ [СРНГ 12: 144] и курск., том. *изменённый* ‘обманутый в любви’ [Там же], а также состояния объекта измены, причем отмечается смена его состояний – от подозрений в измене до положения обманутого супруга, ср., например, пенз. *складывать кого-л. с кем-л.* ‘ревновать, подозревать в измене (жену, мужа)’ [СРНГ 38: 21], новг. *получить блин* ‘узнать об измене любимого (-ой)’ [НОС 8: 99], новг. *получить головёшку* ‘пережить измену’ [МИСНФ: 237], омск. *выйти за общего мужика* ‘быть женой неверного мужа’ [ФСРГС: 35].

Обращает на себя внимание более широкое понимание любовной измены в традиционной культуре, нежели то, которое вычитывается из словарей литературного языка. Литературный язык (транслируемые через него установки книжной культуры) делает акцент на измене в браке, ср. в приведенных в разделе

3.1 словарных дефинициях обязательные указания на участников ситуации – мужа или жену, или же характеристику «супружеский» в определении измены, а также закрепившиеся в языке благодаря литературным текстам сочетания *обманутый муж* и *обманутая жена*[64]. Очевидно, именно супружеская измена считается серьезным нарушением этической нормы.

В традиционном социуме внимание привлекают любые, в том числе добрачные отношения – и в силу закрытого, малого круга членов социума, и в силу важности установления и укрепления связей между юношей и девушкой для будущего переразложения хозяйственных сил деревни в результате их возможного брака. Дефиниции диалектных словарей не ограничиваются мужем и женой в перечне лиц, которые могут пострадать от любовной измены, ср., к примеру, влг., перм., вят., сверд. *гулять из-за кого-л.* ‘изменять мужу (милому и т. п.)’ [СРНГ 12: 135], новг. *борода тебе* ‘об измене парня или девушки’ [НОС 1: 77].

Но более интересным кажется «содержание» добрачной любовной измены. Контексты, сопровождающие изучаемые номинации, дают представление о действиях, расцениваемых традиционным социумом как измена, ср. некоторые примеры: новг. *дать стуку кому* ‘изменить девушке, обмануть ее’: «Даст он тебе стуку, погоди, поплачешь. Как пойдет другую девку провожать, рявнешь плакать» [МИСНФ: 235]; пск. *рыжик* ‘тот, кому изменили в любви, дружбе’: «Это вот когда парень ходил с девушкой, на следующий вечер если она пришла и пошла с другим с вечера, его тогда зовут рыжиком» [СРНГ 35: 305]; новг. *подсыпать рыжики кому* ‘изменить, нарушить верность’: «Когда парень пошел провожать другую девушку, а с той, которую провожал в первый раз, не пошёл, то первой говорят: “Подсыпал рыжики”, т. е. изменил» [НОС 8: 58]; новг. *сделать ситный кому* ‘изменить, нарушить верность’: «Владимиру-то нашему ситный ухажерка сделала, с другим провожалась» [Там же: 240]; новг. *прокатить на вересине кого* ‘изменить, нарушить верность’: «Прокатила тебя милашка на вересине, вчера цельный вечер с

[64] Ср. некоторые примеры, извлеченные из [НКРЯ]: «Ваш отец был только обманутый муж» <Ф. М. Достоевский, Идиот (1869)>; «На суде так и решено было, что я обманутый муж и что я убил, защищая свою поруганную честь» <Л. Н. Толстой, Крейцерова соната (1890)>; «Обманутый муж, над которым все смеялись, любил чужое дитя, как свое» <Д. С. Мережковский, Александр I (1922)>; «Это было легкое пятно на физиономии безупречного поэта: соблазненная жена, обманутый муж и все черты водевиля» <Ю. Н. Тынянов, Пушкин (1935–1943)>; «Странное дело: обманутая жена – всегда объект сочувствия; измена мужа не позор для нее, а несчастие» <М. П. Арцыбашев, Ревность (1912)>; «И стало быть, я – обманутая жена, которая страдает…» <И. Грошек, Легкий завтрак в тени некрополя (1998)>.

Вовкой Смирновым танцевала, говорят, и провожаться пошли вместе» [Там же: 238]; новг. *получить блин* ‘пережить измену’: «Ну что, милый, получил блин? Нюшка вчерась с другим провожалась» [Там же: 237]; влг. *труба тебе* ‘об измене в любви’: «Если парень гулеет с девкой, а если на беседе позовёт другую, так той девке и говорят: “Тебе труба сегодня”» [КСГРС]. Так, актом измены при наличии близких (любовных) отношений юноши и девушки, о которых известно в их окружении, признаются танцы с другим партнером или партнершей, проводы другой девушки домой (или, со стороны девушки, согласие на то, чтоб ее провожал другой), интенсивное общение на беседе (деревенских посиделках) с другим (другой).

Случай добрачной измены в традиционном социуме касается не только двух лиц, связанных любовными отношениями. Окружающие становятся не просто свидетелями, но участниками ситуации, констатирующими факт измены и заявляющими о нем во всеуслышание; лицо, потерпевшее любовную неудачу, может подвергаться общественному осмеянию и испытывать стыд, ср. наблюдения, основанные на этнографических записях в Вологодской губернии: «Измена делала данного индивида неполноценным и понижала его статус, для восстановления которого была необходима специальная процедура <…>. Так, в д. Филиппово считалось, что “одиночку” нужно “перекрестить” – облить водой или обсыпать снегом. “Она была крещоная, а, видишь, парень изменил, дак снова наа перекрестить”»; «Если кто-либо из долго гулявшей парочки неожиданно выходил замуж или женился, то оставшийся в одиночестве партнер становился предметом постоянного подшучивания» [Морозов, Слепцова 2004: 348]. Об этом свидетельствуют и контексты, в которых запечатлелись реакции социума и смущение пострадавшей стороны: «Если случается измена, то покинутому или покинутой кричат: “Жгут рыжики тебе”» (новг.) [МИСНФ: 238–239]; «Вот парень ходил с одной девкой, а потом с другой стал. Первую и дразнят: “Он тебе лапти сделал”» (новг.) [Там же: 239–240]; «И если я парня, с которым гуляла, не возьму, то на его все – “Ситный, ситный”, и зашикают» (новг.) [НОС 10: 62]; «“Изменил тебе Семка, бороду сделал”, – говорю. А она скраснелась вся» (новг.) [МИСНФ: 239]; «Ах ты, Петенька, Петруша, да никак ты ошалел, при народе (разрядка наша. – *В. К.*) сделал бороду, меня не пожалел» (новг.) [Там же]; «“Труба Нине,

труба! Ванюшка да с Фаиной там ли, с Аней ли, вот труба!” Изменил он, а этой девке, конечно, совестно, вот он ей изменил, с другой погулял» (влг.) [КСГРС].

Особенно заметным становится акт измены, когда он происходит на виду у окружающих, а именно – на молодежных посиделках, во время молодежных игр, направленных на регуляцию межличностных (точнее, межполовых) отношений.

Коротко остановимся на одной из «изменоопасных» игр, распространенной, в частности, на вологодской территории – *столбушка, ко столбу ходить, столбушку заводить* (*гасить*) и под. [Морозов, Слепцова 2004: 398] (в этих названиях отражается место ее проведения – у вертикальной балки в избе), иначе – *горюн, горюна водить* [Там же], игра (*в*) *горе, горя, гори* [КСГРС] (последние варианты, по мнению И. А. Морозова и И. С. Слепцовой, связаны с мотивами горения и огня, которые символизируют любовь и брак, ср. слова, произносимые участником игры: «Я горю, горю, горю / На калиновом мосту, / Кто меня полюбит, / Тот и выкупит»; «Я сижу, горю, пылаю / На калиновом мосту…» и под. [Морозов, Слепцова 2004: 398]).

Опишем эту игру с опорой главным образом на сведения, собранные ТЭ УрФУ в Шекснинском районе Вологодской области. На посиделках в избе отдельная темная комната (часто – кухня или просто отгороженный чем-либо угол) отводилась для уединения в ней парня с девушкой, в которой они, заранее договорившись друг с другом, беседовали с глазу на глаз. В другой комнате шел общий разговор, игра или устраивались пляски; время от времени из соседней комнаты (или отгороженного места) выходил кто-либо из пары и звал другого парня или девушку, которого (-ую) «заказал» оставшийся в отдельной комнате участник игры. Вступивший в игру сначала проводил какое-то время с выбравшим его, а затем просил позвать ему кого-то, кто ему симпатичен, и т. д. *Горем* при этом называлась или сама игра («Горе – это на беседе. Собирались там в хате, песни поют, пляшут. Вот заводят горе. Или парень пошёл, или кто ли. Закажет там: вот, мне парня или девчонку позови. Которые гуляют <т. е. находятся в любовных отношениях>, так могут просидеть долго. Ни света, ничего нет. Парень выходит, так она может следующего заказать» [КСГРС]), или отведенное для игры место («Девок таскали к робятам в горё, обнимались там они, видно, сидели, парень там сидит, заказывает девку, или девка парня, тащат туда» [Там же]), или участник

игры (Парень приглашает какую-то девушку. Ты кричишь: “Где моё горе?” Тот отвечает: “Вот где”. Скажешь: “Давай горе сменим, пошлю я тебе” [Там же])[65].

Уход *в горе* с другим парнем или девушкой, таким образом, квалифицируется окружающими как измена, известие о которой провозглашается (часто нарочито шумно) прямо на беседе, ср. влг. *труба* ‘слово, которое кричат тому, кому изменили в «горе»’: «Вот, например, девка-то гуляла с парнем, а она стала с другим сидеть, дак вот это кричали: “Труба!” – “Кому?” – “Ванютке” – “От кого?” – “От Саньки”. Да засвищут в горях-то, закричат. Трубу колотили» [КСГРС]; «Вот я гулею с парнем, а он пришёл на весёлу <т. е. посиделки>. Может, мы разругались, он созвал другую. Вся весёлая кричит: “Труба!” – “Кому?” – “Нюре” – “От кого?” – “От Вани”. Рукам захлопают там, похохочут. Вот труба – хоть самовар бери. А нет, так там противень найдут, чтоб там что-нибудь побрякало. Только чтобы гремело. Или девчонка изменила, так опеть закричат» [Там же]. Встроенные в игру, акт измены и общественная реакция на него носят ритуализованный характер.

О существенности факта измены и приданию ему социального характера говорит широкая разработка темы любовной измены в фольклоре, точнее – в частушках.

В деревенском социуме именно частушка (а не, скажем, лирическая песня) служит целям информирования его членов о текущих событиях локального и глобального масштаба, сочиняясь «на ходу», моментально реагируя на местные и даже мировые события (ср. приводимые С. Б. Адоньевой замечания исследователей частушки: ее сравнение с газетой, сделанное В. И. Симаковым, а также высказывание Д. К. Зеленина о том, что частушка обнаруживает природу газетной хроники, см. [Адоньева 2004: 164–165]). Типичным «новостным» содержанием частушки является «оглашение распределения отношений между членами

[65] Ср. описание этой игры *горюн* в «Словаре областного вологодского наречия»: «Парень и девушка уговариваются “завести горюна”, и вот они вдвоем отходят к столбу (у голбца) и становятся близ двери, здесь они здороваются, называя друг друга по имени и отчеству, и целуются, затем начинают о чем-то шептаться. Когда разговор кончат, то девушка целует парня и спрашивает, кого ему послать, и уходит. К парню подходит названная, и опять – здорованье, разговоры и поцелуй прощальный, и уходит парень и посылает парня по ее желанию, к которому высылается девушка, и т. д.» [Дилакторский 2006: 90]. Эту же игру среди других поцелуйных игр, затевавшихся на посиделках в Вологодском уезде, описывал В. А. Александров под названием «К столбу ходить», поскольку «уединение» (весьма условное) происходит у столба, поддерживающего потолочную балку в избе, см. [Александров 2004: 16–17]. См. также ее подробное описание в [Морозов, Слепцова 2004: 398–402].

молодежного сообщества» [Там же: 145] – из частушек узнают о зарождении новых любовных отношений в кругу неженатой молодежи, об их развитии, окончании, а также о конфликтах, возникающих между их участниками, в том числе о конфликтах внутри «любовных треугольников», т. е. об изменах. В сборниках частушек, если они тематически классифицированы, как правило, можно встретить отдельную рубрику, посвященную любовным конфликтам, ср., к примеру, разделы «Любовь на перебой» и «Неудачная любовь» в [Симаков 1913] или раздел «Измена» в [Селиванов 1990].

Сообщение о личных отношениях, транслируемое в форме частушки, предназначено сразу нескольким адресатам: возлюбленному, сопернику или сопернице, если речь идет о конфликте, а также всем окружающим, поскольку публичность является неотъемлемым условием исполнения частушки. Более того, пение «конфликтных» частушек может принимать форму песенного состязания соперниц (реже – соперников) в любви, одна из целей которого – сохранить или восстановить свою репутацию в социуме (ср. «Вот парень девке изменил, и она будет петь, к той обращаться, то есть она даёт намёк, даёт навет – говорит, что знает, чтоб та не отпиралася. Та отвечает. Как начнётся у них, и будут всё злее друг другу напевать, острее. Вроде поют – и не обидно» (костр.) [ЛКТЭ]). Для частушек о личных отношениях, чаще – конфликтных, допустивших измену и, соответственно, требующих публичного «выговаривания», ТЭ УрФУ в вологодских и костромских говорах зафиксирован термин *наветка* (см. подробней о функциях этого жанра, о его типичных исполнителях, о содержании текстов и пр. [Березович, Леонтьева 2016]). Эта же разновидность частушки в Вашкинском районе Вологодской области именуется *примерной частушкой* [Адоньева 2004: 146–147] (по всей видимости, имеется в виду, что ее предметом становится отдельный частный случай любовного конфликта, произошедшего в данном обществе, – *пример*). Большой ряд частушек такого рода представлен в [Морозов, Слепцова 2004: 528–534]. Здесь приведем в качестве иллюстрации несколько текстов из записей ТЭ УрФУ: «Наветки давали про любовь. <…> “Ягодинка изменил, / Зачем вперёд не предъявил? / Я бы старого не бросила / И шшас гуляла б с ним”» (влг.) [КСГРС], «Изменил меня милёнок, / Думал, в гору поднялся. / Ниже среднего спустился, / За последнюю взялся» (влг.) [Там же], «Изменил – дак не

заглядывай / Во личико моё. / Расцвету или повяну, / Это дело не твоё (костр.) [ЛКТЭ], «Изменил мне ягодиночка, / Меня не поберёг, / Буду я гулять с товарищем / Ему напоперёк» (костр.) [Там же], «Изменяет-изменяет, / Изменяет-кается, / А мне, девушке, с изменой / Веселей гуляется» (костр.) [Там же].

В языковых номинациях и фольклорных текстах обнаруживаются пересечения мотивов и образов, носящих символический характер. Так, во фразеологии любовной измены используется образ грибов – новг. *сварить* (*наварить*, *нажарить*, *насолить*, *сделать*, *подсыпать*, *устроить*, *жечь*) *грибов* (*грибы*, *рыжики*): «Я по нему сохнуть не буду, наварю грибов да и все тут»; «Гляди, девка, наварит он тебе грибов»; «Вот так Ваня! Ведь грибы сделал Ирке» [МИСНФ: 238–239]. Этот же образ представлен в частушке, содержащей намек на измену – «Моя милочка варила / Всё обабки да грибки. / После этой-то похлёбки / Хер не встанет на дыбки» (влг.) [КСГРС]. Как в системно-языковых номинациях, так и в фольклорных текстах используется мотив желтого цвета, символизирующий измену: новг. *приколоть жёлтый цвет* ‘изменить, нарушить верность’: «Говорили так, когда измена выходила. Надо тебе, девушка, жёлтый цвет приколоть, чтоб не заносилась. До чего довыставляешься, что бросит тебя ухажер твой» [МИСНФ: 237], новг. *нажелтить тебе* ‘изменить кому-либо в любви’: «Тебе-то Варюха нажелтила, а ты все равно с ней да с ней» [НОС 5: 141]; ср. тексты частушек «Я узнала про измену, / Приколола жёлтый цвет. / Милый твёрдо убеждает, / Говорит: “Измены нет”»; «Не носите, девки, жёлто, / Жёлтое – изменушка; / Только я буду носить – / Изменёна девушка» [Селиванов 1990: 100].

Перейдем к рассмотрению **языковых фактов**, которые в говорах обозначают составляющие ситуации любовной измены, главным образом, действия того, кто изменяет кому-либо.

В основе прямых (неметафорических) номинаций – лексемы *измена*, *изменить*, (*не*)*верность* и однокоренные им: нижегор., моск., перм., пенз., том. *изменять*, *изменить кого-либо* ‘нарушать верность кому-либо’ [СРНГ 12: 144], пск. *изменец* ‘тот, кто изменил в любви’ [Там же], курск., том. *изменённый* ‘обманутый в любви’ [Там же], пск. *дать измену* (*изменку*) [СРНГ 7: 25; 12: 144], нижнепечор. *измену делать*: «Сколь уж раз он ей измену делал, а она. Бедна, все терпит» [СГНП 1: 289], яросл. *получить измену* ‘об измене в любовных отношениях’ [ЯОС 8: 56],

нижегор. *приневе́рить жену* ‘заподозрить жену в неверности’ [СРНГ 31: 311] и нек. др.; ср. с противоположным смыслом: р. Урал *сода́рживать себя в верности* ‘соблюдать супружескую верность’ [СРНГ 39: 214].

Среди неметафорических номинаций выделяются фразеологизмы, разрабатывающие **мотив нарушения закона** – причем у слова *закон* в говорах, помимо значения ‘справедливость’, широко отмечаются значения ‘супружество, брачный союз’, ‘муж, жена (первая жена)’, ‘супружеская верность’, ср. употребление слова в этих значениях в забайк. *закон брать* ‘венчаться, вступать в брак’, севернорус. *в закон поступиться* ‘жениться’, яросл. *законом жить* ‘быть в браке’ и др. [СРНГ 10: 149]: пенз., олон. *закон переступать* ‘нарушать супружескую верность’ [СРНГ 10: 149], омск. *сверху закону жить* ‘изменять супружеской верности’ [ФСРГС: 72]. Можно предполагать значимость правовой стороны брака в сознании членов традиционного общества и понимание супружеской измены как серьезного преступления (о наказаниях, предусмотренных в разных славянских традициях за неверность, а также об исключительности разводов см. [Гура 2012: 41–42]; обычай наказывать жену за неверность нашел отражение, например, в забайк. *расстрижка* ‘женщина, публично подстриженная и изгнанная из дому за измену мужу’ [СРНГ 34: 232]).

Ряд метафорических номинаций имеет прозрачную внутреннюю форму, ср. новосиб. *прожить век по бабам* ‘быть неверным мужем’ [СРНГ 32: 134; ФСРГС: 154], арх. *пожениться* ‘изменить (жене)’: «Поженится-то муж без тебя» [СРНГ 28: 291], р. Урал *подхватывать* ‘изменять (кому-л.)’: «Сноха-гуляка с мужем живёт, а сама подхватыват» [Там же: 235], иркут. *стать виноватой* ‘изменить супружескому долгу (о женщине)’: «Фишка-то Шавиных больше виновата стала. Ваньша её дак понужат куды тебе. Не стала бы виноватой, дак он её и не трогал бы» [ФСРГС: 189], вят. *венец сронить* ‘нарушить супружескую верность’ [СРНГ 4: 112] (ср. олон., арх., урал. *венец принимать, принять, брать* ‘вступать, вступить в брак, венчаться’ [Там же]).

Среди метафорических номинаций можно выделить группы единиц, которые воплощают следующие мотивы или идеи: **мотив чужого пространства и перемещения по нему**, **мотив сжигания**, **мотив нечистоты**.

Мотив чужого пространства и перемещения по нему. Интерпретируя измену с помощью пространственных образов, носители языка воспринимают ее как уход из «своей» территории и попадание на «чужую». «Своей» территорией при этом выступает пространство, которое субъект измены освоил ранее вместе с ее объектом – супругом или супругой. Чужая территория, куда вступает субъект, удалена *от* объекта измены и в большинстве случаев определяется через лексему *сторона*, ср. общенар. *ходить на сторону*, сиб. *ходить за стороной* [СРНГ 41: 247], коми *ходить стороной* [БСРП: 645], перм. *за стороной идти, на сторону пойти, стороной жить* [ФСПГ: 149, 279, 122–123], бурят., карел. *иметь сторонку* [СРНГ 41: 248], том., кемер., новосиб., карел. *держать сторону* [ФСРГС: 59]: «Побочник – ушел к другой, сторону держит, и женщин много побочниц, сторону держат, имеют множество мужчин» [ФСРГРК: 71], арх. *гони́ть сторонку* ‘изменять мужу’ [БСРП: 646], морд. *хлынуть по сторонам* ‘изменить жене’ [Там же: 645].

Положение в пространстве того, с кем субъект измены вступил в любовную связь, определяет и морд., перм. *чужбинкой заниматься*: «Кому поглянется: чужбинкой баба заниматся, от своего мужика да под другого готова»; «Бабъ у няво чюжбинкъй зънялась, он иё выгнъл, а дети-тъ у матири» [Акимова, Мочалова 2015: 14; ФСПГ: 130].

Между «своим» и «чужим» пространством проходит граница, пересечение которой знаменует собой факт измены, а потому отмечается языком как сопряженное с трудностями и являющееся по сути преодолением препятствия: новг. *скакать* (*ходить, прыгать*) *за о́сек*[66]: «Сын у ей за осек ходил, изменял женке» [МИСНФ: 240–241], ср. также влг. *за осеки скакать* ‘вести распутную жизнь, развратничать’ [СРНГ 37: 368].

Возможность преодоления субъектом границы между пространствами (и его желание преодолеть эту границу) подчеркивает метафора моста, выстраиваемого изменщиком, ср. новг. *сделать мост кому* ‘изменить, нарушить верность’: «Он тебе мост сделал, вчера Таньку провожал»; «Парень девушке мост сделал, изменил, значит»; «Куды ж ты мужика одного отпустила? Он тебе мост там сделает» [МИСНФ: 240]. Тот, кому изменили, при этом остается «по ту сторону» моста, в том пространстве, которое недавно было общим для объекта и субъекта измены.

---

[66] Новг., влг., ленингр., калин., твер., калуж. *осек* ‘изгородь, ограда’ [СРНГ 23: 359].

Освоение «чужого» пространства субъектом измены происходит посредством передвижения по нему, которое осуществляется непрямыми путями, ср. фразеологизмы, отражающие идею неупорядоченного хождения: арх. *гулять из-за мужика* ‘изменить мужу’ [БСРП: 415], омск. *из-за бабы гулять* ‘нарушать супружескую верность’ [ФСРГС: 50], влг., перм., вят., свердл. *из-за мужика* (*милого, меня* и т. п.) *гулять* (*бывать* и т. п.) ‘изменять мужу (милому, и т. п.)’ [СРНГ 12: 135], тул., курск., свердл. *пригуливать* [СРНГ 31: 182], курск. *колеси́ть* [СРНГ 14: 126], нижнепечор. *по подружкам ходить* (*пойти, бегать*) ‘изменять жене’ [СГНП 2: 179], новг. *забираться в блудню* ‘то же’ [БСРП: 44]. Тот, кто нарушает супружескую верность, получает такие характеристики, как тюмен. *моту́нистый* (< *мотаться*) ‘непостоянный, нарушающий супружескую верность (о муже)’: «У ей мужик мотунистый, а уж дети больши» [СРНГ 18: 305], краснояр. *расхожий* ‘неверный (о супруге)’ (ср. также иркут., краснояр., прибайкал. ‘распутный, развратный’) [СРНГ 34: 302]. Как замечает Т. В. Володина, мотивы болтания, качания, мотания в славянских языках зачастую лежат в основе характеристик бесцельной, неустойчивой, аморальной жизни [Володина 2007]. Траектория движения – показатель, свидетельствующий о соблюдении / несоблюдении человеком норм морали вообще (ср. общенар. *сбить* (*совратить*) *с пути, идти кривой дорожкой, идти обходными путями* ‘прибегать к хитростям для достижения чего-либо’) и норм, касающихся сферы сексуального поведения, в частности (ср., например, общенар. *распутный, гулящий*; ср. также показательное высказывание диалектоносителя «Блудством заниматься – не по путям ходить» (новг.) [НОС 1: 60]). Кроме того, отмечается, что глаголы со значением ‘ходить’, ‘гулять’, ‘бегать’, ‘водить’ и др. в славянских языках системно развивают значения, связанные с отношениями между полами и сексуальным поведением людей и животных, см. [Толстая 2008: 328–330].

Семантический перенос ‘двигаться беспорядочно’ → ‘изменять в супружестве’ характерен для дериватов корня *шав*-: в этом гнезде соединяется первичная семантика неупорядоченного хождения (ср., например, влг. *ша́вать* ‘ходить, бродить’ [СВГ 12: 59], новг. *ша́вать* ‘ходить, бродить бесцельно’ [НОС$_2$: 1289], арх., карел. *ша́ви́ть* ‘двигаться из стороны в сторону, ходить, бродить туда-сюда’, арх. *ша́вить* ‘бродяжничать’ [СРГК 6: 816]) и семантика измены (арх.

шаве́ть ‘изменять жене, мужу’: «Я думаю, может, мне наврали, что муж еде, а муж крутился, с Иришкой Ниялкиной шавел», арх. *ша́вость* ‘блуд, измена жене, мужу’: «Пойдёт человек в шавость, родных детей бросит, а пойдё трепаться и не уважат жену» [СРГК 6: 816–817])[67].

Фразеологизм *белку гнать* карел. ‘изменить жене’ [БСРП: 35], арх. ‘гулять на стороне (о мужчине)’ [СГРС 3: 49], с одной стороны, содержит мотив перемещения в пространстве благодаря глаголу *гнать*; с другой стороны, рисует измену как сцену охоты, отсылая тем самым к свадебному сюжету, в котором под образом белки подразумевается невеста, а жених предстает в образе охотника (см. о женской символике образа белки [СД 1: 149–150] и об охотничьем сюжете в свадебном обряде [Гура 2012: 642–645]).

Мотив нечистоты. Нечистота как свидетельство любовной измены выступает в амур. *смути́ться* ‘нарушить супружескую верность’: «Он в армии был, а она без него смутилась» [СРНГ 39: 68], а также во фразеологизме р. Урал *подол нечистый у кого-л.* ‘намек на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.’ [СРНГ 28: 116]. Связанный с мотивом нечистоты мотив низа, появляющийся в указании на подол, подчеркивает греховность именно женской природы (ср. общенар. *в подоле принести* ‘родить ребенка вне брака’). Признак чистоты / нечистоты используется и для характеристики невесты, сохранившей или утратившей девственность до брака; символика нечистоты породила распространенный обычай мазать дегтем ворота девушке, потерявшей невинность до брака или уличенной во внебрачных связях [СД 2: 41].

Мотив сжигания. Семантика измены в любви может выражаться с помощью фразеологизмов, в основе которых – идея сжигания чего-либо: новг. *сгорела рига* (*баня, байна*) *у кого* ‘об измене в любви’: «Твоя рига сгорела, значит, измена тебе»; «У Маньки-то байна сгорела, Сашка к другой переметнулся» [МИСНФ: 239], новг. *поджечь чужую масленицу* ‘изменить в любви кому-л.’ [НОС 8: 31]. В этих выражениях смысловая нагрузка падает преимущественно на глагол (хотя объект сжигания тоже значим). Ср. и сочетания, в которых смысловое «ударение» ставится на объект сжигания: новг. *собирать головёшки* ‘пережить

[67] Подробнее о развитии значений внутри этого гнезда см. раздел 4.3 настоящей диссертации.

измену в любви’, новг. *жечь рыжики* ‘изменить в любви’ (они будут полнее представлены далее, при анализе фразеологизмов с предметной символикой).

«Антонимичной» парой выражениям о сгоревших риге и бане и одновременно продолжением этого сюжета выступает выражение, содержащее **мотив тушения овина**: новг. *овин заливать* ‘ритуал для обманутого в любви’: «Овин заливать, женился, а меня не взял, меня водой и заливают»; «Говорят, забава женится, залейте мне овин. Что хотите говорите, по душе один и был» (частушка) [НОС 6: 121].

Необходимо констатировать пересечение мотивов и образов, используемых в языковом и обрядовом сопровождении любовной измены и свадьбы, ср. использование в свадебном «тексте» выражений *овин сгорел*, означавшего конец девичества (орл.), и *тушить овин*, т .е. пить за здоровье молодых (орл.), обычай *тушить овин* или *свадьбу* за свадебным столом, заключавшийся в поджигании и тушении тряпки, положенной в отбитое горлышко кувшина (белгород.), *тушить* и *заливать овин* в буквальном смысле в знак окончания свадьбы (ростов.), *жечь овин*, т. е. поджигать костер в конце свадьбы, через который прыгала молодежь (терск.) [Гура 2012: 669]. Лексика любовной измены, вероятно, заимствовала образность из тематически смежной с ней сферы свадебного обряда. Указание на то, что чья-либо рига, баня сгорела, необходимо залить чей-либо овин, может трактоваться как намек на конец любовных отношений субъекта и объекта измены – на несчастливый конец отношений намекает и получение одним из возлюбленных продукта горения – головни (*головешки*).

Обращает на себя внимание упоминание масленицы во фразеологии измены – в новг. *поджечь чужую масленицу*. Обыкновенно выражения *жечь* (*сжигать*) *масленицу* отражают обычай жечь масленичные костры в последний день масленичной недели, ср. «Выражения типа “жечь + хрононим <…>” – наиболее распространенный вариант, описывающий календарный костер» [Агапкина 2002: 586]. Цикл масленичных обрядов у славян был во многом направлен на повышение плодородия, стимуляцию продуцирующей функции, в частности, на укрепление браков. Обрядовому общественному осуждению в это время подвергались все виды нарушения нормы, которые могли повлечь за собой

нестабильное функционирование семьи в социуме или демографический сбой[68]. Так, в разные дни недели на масленице, например, при сжигании масленичного чучела или других ритуальных вещей в масленичных кострах деревенская молодежь выкрикивала обвинительные осуждающие реплики в адрес односельчан, причем объектом критики могли становиться супружеские измены и внебрачные связи [СД 3: 194–199]. Тема масленичного сжигания, таким образом, могла связываться с семантикой измены.

Многочисленную группу в обозначениях любовной измены составляют метафорические выражения, содержащие обозначение **предметного символа измены** или – шире – любовной или жизненной неудачи.

Итак, в основе фразеологизмов **с предметной символикой** лежит следующая ситуация: субъект измены разными способами передает, а объект – получает пищу, одежду, предметы быта или иные вещи, наделенные, с точки зрения носителей языка, признаками, свидетельствующими об измене. Таким образом, эти выражения описывают ритуал объявления кому-либо о том, что его обманули в любви, направленный, очевидно, на осмеяние или осуждение объекта измены, или же созданы в рамках этой модели. Прямое указание на измену в любви традиционное сознание склонно облекать в форму ритуала с участием предмета-символа и/или подвергать эвфемизации.

Устойчивые сочетания со значением любовной измены сходны по структуре, образности и семантике с формулами, выражающими отказ при сватовстве. Можно предположить, что у некоторых из них семантика измены развивается из семантики отказа (‘отказать жениху’ = ‘изменить’, ‘получить отказ в сватовстве’ = ‘пережить измену’): акт отказа явным образом ритуализован и сопровождается вручением различных предметов, символизирующих решение невесты, стороне жениха. Такой параллелизм иллюстрирует общность восприятия измены в любви и отказа при сватовстве как социальной неудачи, случившейся с человеком, которому изменили или отказали, и закрепляет ее общим символьным кругом.

---

[68] Например, широко распространенный среди славян обычай волочения бревна («колодки»), принимающий различные формы (первоначально это привязывание к ноге человека, который подвергался осуждению, небольшого бревна), относился в основном к не вступившей вовремя в брак молодежи, но также и к холостякам, старым девам, девушкам, утратившим девственность до брака или родившим внебрачного ребенка (см. [Агапкина 2002: 203–244]).

Подробный мотивационный комментарий к данным фразеологизмам в связи с рассмотрением формул отказов при сватовстве дан Е. Л. Березович [2007: 243–277]. Здесь мы будем приводить только те их них, у которых фиксируется, помимо «отказной», семантика любовной измены, и ограничимся кратким указанием на главные мотивационные признаки, лежащие в их основе.

Символику измены в любви, как и символику отказа при сватовстве, могут выражать следующие слова (и соответствующие предметные знаки).

♦ Обувь (а именно – лапти): пск. *делать* (*сделать*) *лапти кому* [БСРП: 352], том. *лапти плести*: «Он женатый, а лезет к ей, лапти плетёт, обманывает» [СРНГ 27: 118], новг. *лапти сплести* [СРНГ 40: 161], новг. *сделать* (*подвесить, подарить*) *лапти кому*: «Колька Таньке лапти сплёл»; «Вот парень ходил с одной девкой, а потом с другой стал. Первую и дразнят: “Он тебе лапти сделал”»; «Сделал лапти он ей, так она и осталась сивой косой <старой девой>» [МИСНФ: 239–240].

Расшифровать смысловое наполнение этих действий можно следующим образом: субъект измены, предлагая объекту измены лапти, тем самым указывает ему на обратную дорогу. Важно отметить, что с лаптями связана семантика обмана в целом, главным образом благодаря идеям обувания кого-либо и плетения, ср. общенар. *обуть в лапти* ‘обмануть’ [ССРЛЯ 8: 478], новг. *обуть в кривые лапти* ‘обмануть’ [МИСНФ: 230] и др. – см. подробнее § 2.3.6.1 «Одежда и обувь».

В Костромской области зафиксировано обрядовое воплощение символического потенциала лаптей, ср. костр. *намораживать лапти* ‘часть ритуализированного порицания девушки, совершившей измену’: «Если девка с одним погуляет, а потом с другим, они намораживают лапти, надевают на шею и оба идут к ней – с которым пойдёт. А если ни с которым не пойдёт – оба её хлестали ими [лаптями]» [ЛКТЭ].

Постыдное положение обманутого в любви подчеркивается обычаем передавать ему старые, негодные лапти, иначе – *ошемётки*, засвидетельствованным в Костромской области, ср. разворачивание сюжета в трех акциональных составляющих: 1) субъект измены вешает объекту *ошеметки*: «Ошемётки повесила – с другим пошла»; «Ошемёточки на шею, / Радуюся этому, / Не расстраивайся, милый, / Я и не советую» (частушка от лица обманутой

девушки) [ЛКТЭ]; 2) объект измены, соответственно, получает ошеметки: «Парню девушка изменила – он ошемётки получил» [Там же]; 3) субъект измены может «смыть» позорное «пятно» с репутации объекта измены, *сняв* с него *ошемётки*, т. е. вернувшись к брошенному парню / девушке после измены (после того, как погулял(а) с другим / другой): «Я с него снять должна ошемётки. Сниму, если снова с им пойду гулять» [Там же].

Общественному осуждению, однако, подвергается не только неудачливые в любви парень или девушка, но и изменщик; в некоторых случаях, отмечаемых на той же костромской территории, именно он получал *ошеметки* от пострадавшей стороны: «Он изменит – я ему вешаю ошемётки на шею. Если на него ошемётки повесят, то ешшо и отбузят его. Это как знак измены»; «Если девчонка изменила – он ошемётки ей повесит. А ещё он ошемётками её отлупит» [ЛКТЭ].

♦ Грибы: новг. *наварить грибов* [СРНГ 19: 151], новг. *грибы* (*грибочки*) *тебе* (*мне*): «Говорят, мене измена, говорят, мене грибы, обожди, толстоголовый, нахлебаешься и ты» [НОС 2: 59], новг. *рыжики ему* (*тебе*): «Когда кто-то изменяет кому-то, то говорят: ему рыжики»; «Рыжики тебе, милый, рыжики, девушка уходит с другим парнем» [НОС 9: 163], пск. *рыжиков* (*рыжики*) *дать* (*поднести, сделать, жечь*) *кому-л.*: «Дроля рыжиков наделал» [СППП: 68], новг. *сварить* (*нажарить, насолить, сделать, подсыпать, устроить*) *грибов* (*рыжиков*) *кому-л.*: «А ты грибов ей свари, чтоб нос не сдымала»; «Я по нему сохнуть не буду, наварю грибов да и все тут»; «Она рыжики жгет, а он дома высиживает, дурак»; «Не подсыпай, милёнок, рыжиков, опять гулять захошь. после рыжиков, милёночек, ко мне не подойдешь» [МИСНФ: 238–239; НОС 8: 58], пск., арх. *делать рыжики* [СРНГ 35: 305], *рыжик* пск. ‘тот, кому изменили в любви, дружбе’ и, наоборот, арх. ‘о нарушителе верности в любви, дружбе’: «Рыжик, изменник, все одинаково» [СРНГ 35: 305].

Грибы в славянской народной культуре наделяются явной эротической символикой [Белова 1996; СД 1: 550]. Представленная фразеология имеет параллели не только в вербальной составляющей ритуала отказа при сватовстве, но и в обозначениях других частей свадебного обряда и – шире – молодежных увеселений, носящих эротический характер (ср., к примеру, арх. *рыжики солить* ‘целоваться’, арх. *солить рыжики на пост* ‘шуточный обряд, когда обручившиеся

жених и невеста целуются при катании с гор на санях’ [СРНГ 35: 305]). Выбор образа рыжика из множества грибов Е. Л. Березович [2007: 271] связывает с признаком красного (рыжего) цвета, который сопровождает практически все этапы свадебного обряда и, кроме того, ассоциируется с покраснением щек от стыда, ср. показательный контекст с описанием реакции объекта измены на известие о неверности ему: пск. *рыжики жечь* ‘делать известной измену одного из влюбленных, сжигая бумагу, гребенку в присутствии всех’: «Вот зажгут гребенку на гулянке, ана ярка гарит, и у девки или у мальца шшоки гарят ат стыда, што им жгут рыжики» [Там же].

♦ Овощи – репа, редька, тыква: новг. *репня*[69] ‘измена в любви’: «Мне сказали, что репня – ён опять возле меня» [НОС 9: 137], *репни поесть* ‘узнать об измене в любви’ [Там же], новг. *сварить* (*наварить*) *репней кому-л.*: «А когда парень девке изменит, то говорят: “Репней сварил ей”» [МИСНФ: 239], новг. *дать ре́дчину*[70] *кому-л.* [НОС 9: 122–123], новг. *тыквина* (*тебе, ему*) ‘измена в любви кому-л.’: «Парень взял тыквину и поставил на порог, это про измену девчонке-то» [НОС 11: 74].

Главным мотивационным признаком для репы, редьки и тыквы представляется возможность приготовления из них постной, «пустой» пищи.

♦ Пищевые продукты – блины: новг. *получить блин* ‘пережить измену’: «Девушка ему понравилась, он уж к ней приглядываться стал, а она возьми и к другому переметнись. Получил блин, вот как» [МИСНФ: 237].

С блином связана символика битья, удара, сопоставляемая с изменой как с видом социальной неудачи, ср. новг. *получить блин* ‘быть побитым кем-л.’ [НОС 8: 99], вят. *блинками кормить* ‘награждать пинками’ [СРНГ 3: 25]. Нельзя, кроме того, не отметить значимую роль блинов в свадебном обряде.

♦ Различные инструменты или предметы быта с отгонной символикой – веник: новг. *навязать веников*: «Ему милаха веников навязала вчерась, вот он и злой такой»; «Нашему Володьке летось Маринка как веников навязала, так он и уехал в город» [МИСНФ: 236], новг. *прокатить на венике*: «Ну

---

[69] *Репня* диал. шир. распр. ‘суп, похлебка из рубленой репы с крупой или мукой; каша из тертой репы’ [СРНГ 35: 71], новг. ‘репа; похлебка из репы, брюквы; каша из тушеной репы’ [НОС 9: 136].

[70] *Ре́дчина* новг. ‘огородное растение, овощ; редька’ [НОС 9: 122].

что, девушка, на венике тебя ухажёр прокатил?» [Там же: 238]; рогатка: пск. *рогатку дать* (*давать*): «“Пойдём к девчонке”. – “Не, рогатка дана, не пойду”» [СППП: 65], пск. *рогатку получить* ‘узнать об измене любимой девушки’ [Там же: 65]; топор: новг. *повесить топор* [НОС 8: 7], новг. *повесить колун*: «Гришка-то колун повесил Нюше» [Там же], влг. *колун кому-л.*: «Говорят, мене измена, / Говорят, мене колун, / Что же сделаешь, товарочка, / Коли Коленька блядун» [КСГРС], влг. *уйти на колуне* ‘фраза, указывающая на измену (на молодежных посиделках)’: «Парень ушёл с другой. Она на колуне ушла» [Там же].

♦ Борона: новг. *затащить борону на крышу* [МИСНФ: 236]. О фаллической и эротической символике бороны см. [СД 1: 236]; ритуалы с участием бороны входят в состав свадебного обряда, а также в ряд акциональных осуждений за безбрачие или получение отказа при сватовстве [Там же].

♦ Продукт горения: новг. *собирать головёшки*: «Как бы тебе, девушка, не пришлось головешки собирать. Гляди за ним в оба глаза» [МИСНФ: 241], *получить головёшку* ‘пережить измену’: «Раньше народ озорной был. Как измена кому, кричат: “Головёшку получил”» [Там же: 237].

Мотив сжигания как мотив, разрабатываемый при выражении семантики измены, а также прослеживаемый в «тексте» всего свадебного обряда, был отмечен выше.

♦ Вещество – скипидар: новг. *подскипида́рить*: «Татьяна-то Николаю подскипидарила, изменила ему, вышла замуж за другого» [НОС 8: 54].

В случае «шифровки» как известия об измене, так и отказа жениху выбор скипидара обусловлен его едкостью и резким специфическим запахом: скипидар может трактоваться как «отгонная» жидкость.

♦ Сухое дерево: костр. *сухара*[71] *кому-л.*: «Если парень позвал девку, а девка не пошла гулять – сухара ему» [ЛКТЭ], костр. *сухару получить* / *стащить* / *приволочь* ‘пережить измену в любви’: «Она стащила сухару, если парень отказал»; «Я с ней гулял на беседках, а на другой вечер другую взял. Та получила сухару, которой изменил-то»; «Пели: “Открывай, мамаша, двери, / Я сухару приволок. / Сухара длинная, сухая, / Уперлася в потолок”» [Там же].

[71] Костр. *суха́ра* ‘высохшее на корню дерево’ [ЛКТЭ].

Ключевым мотивационным признаком здесь служит признак сухости, намекающий на безжизненность, законченность любовных отношений, ср. также новг. *сухари* ‘измена в любви’ [НОС 11: 4].

Некоторые фразеологизмы с предметной символикой, обозначающие измену в любви, не имеют точных корреляций среди формул отказов при сватовстве. Перечислим образы и мотивы, с помощью которых они построены:

♦ Образ веретена: новг. *прокатить на веретне кого* [НОС 9: 43].

Веретено как острый, колющий, а потому несущий угрозу предмет встает в ряд с такими символами, как топор (колун) (см. выше), а также гвоздь и шило, задействованными в «отказной» фразеологии, ср. арх. *гвоздь сковать* ‘получить отказ при сватовстве’ [КСГРС], орл. *шило сковать* ‘то же’ [Березович 2007: 248].

♦ Мотив желтого цвета: новг. *нажелтить тебе*: «Тебе-то Варюха нажелтила, а ты все равно с ней да с ней» [НОС 5: 141], новг. *приколоть жёлтый цвет*: «Говорили так, когда измена выходила. Надо тебе, девушка, желтый цвет приколоть, чтоб не заносилась. До чего довыставляешься, что бросит тебя ухажер твой» [МИСНФ: 237].

О негативном осмыслении желтого цвета у славян см. [СД 2: 202]. В данном случае отрицательная маркированность желтого цвета может быть заимствована из свадебного обряда, где желтый и белый цвета со знаком «минус» последовательно противопоставлены красному со знаком «плюс», ср., например, символическое оформление объявления о честности невесты с помощью красного цвета и о нечестности с помощью белого и желтого [Гура 2012: 619, 724]. Желтый цвет к тому же – признак увядания, ср. противопоставление свежей зеленой травы или листьев осенним желтым в песенной свадебной лирике, символизирующее конец привольной жизни в девичестве [Там же: 687, 697]. В контексте обозначений измены желтый знаменует увядание любви одного из возлюбленных.

♦ Образ ситного хлеба: новг. *сделать* (*устроить*) *ситный* кому-либо [МИСНФ: 240], новг. *сыграть ситный*: «Сыграли ситный – название измены, когда кто-то кому-то изменил» [НОС 11: 16], новг. *ситного тебе* ‘выражение, указывающее на измену в любви’ [НОС 10: 62].

Эти фразеологизмы пополнили группу «пищевых» выражений, представленных выше. Слово *ситный* в общенародном языке обозначает хлеб,

испеченный из просеянной сквозь сито муки. Наиболее вероятным кажется сопоставление выражения *сделать ситный* с фразеологизмами с семантикой битья, наказания, содержащими «пищевые» лексемы, ср., например, *испечь* (*дать*) *булку* ‘ударить’ [СРНГ 3: 271], *надавать киселей* ‘надавать шлепков’, *киселем накормить, киселя поддать* ‘ударить кого-л. коленом сзади’ [СРНГ 13: 227], *спечь* ‘побить кого-л.’ [СРНГ 40: 139], *спекли ему пирог во весь бок* ‘побили’ [Даль$_2$ IV: 296] и др., ср. также анализ системной метафоры «кормить» → «бить» в [Березович 2007: 397] и замечание В. И. Коваля о том, что при образовании модели «дать + негативно осмысливаемый предмет = побить» нередко используются названия пищи с ложно ориентирующей положительной коннотацией [Коваль 1998: 59]. Включить данное выражение в этот ряд позволяет общая семантика жизненной неудачи, присущая частным случаям переживания измены и наказания битьем, а также идея оскорбления действием, заложенная в актах измены и битья.

Можно подозревать влияние дополнительного мотивационного стимула: слово *ситный* обозначает хлеб, который ценился дороже и употреблялся реже, чем *решетный*, так как был изготовлен из муки более мелкой, лучшего качества. Отсюда присущие слову *ситный* коннотации чего-то недоступного, редкого, ср. пословицы: «Хоть решетом, да ежеден, а на ситное не надейся!» [Снегирев: 273], «Хоть решетом, да ежедень, а ситный несытный» [Даль$_2$ IV: 193]. Ситный хлеб, следовательно, может восприниматься как неспособный прокормить, а передача ситного – как обманное действие или действие, не оправдывающее ожиданий адресата.

♦ Образ трубы: влг. *дать трубу*: «Трубу дала дак» [КСГРС], новг. *труба*: «Труба, так говорят, когда кто-то изменяет» [НОС 11: 65], влг. *труба*: «Труба говорили. Если трубой назовут, то парень знай: девка раньше была, а теперь один одинёшенек» [КСГРС].

Большинство иллюстраций к бытованию выражения *труба кому-либо*, записанных ТЭ УрФУ в Шекснинском районе Вологодской области, относятся к измене во время игры в «горе» на молодежных посиделках, о которой см. выше: влг. *труба* ‘слово, которое кричат тому, кому изменили в «горе»’: «Если кто дольше сидит в горе не с той, с которой пришел, кричали такой-то девушке: “Труба тебе!”»; «Коля, тебе труба, твоя Матрёна ушла в горе с другим!» [КСГРС]. В

ритуале оповещения об измене фигурирует сам предмет – самоварная труба, ударами по которой старались произвести как можно больше шума, ср. «Вот я гулею с парнем, а он пришёл на весёлу. Можёт, мы разругались, он созвал другую. Вся весёлая кричит: “Труба!” – “Кому?” – “Нюре” – “От кого?” – “От Вани”. Рукам захлопают там, похохочут. Вот труба – хоть самовар бери. А нет, так там противень найдут, чтоб там что-нибудь побрякало. Только чтобы гремело», «Вот, например, девка-то гуляла с парнем, а она стала с другим сидеть, дак вот это кричали: “Труба!” – “Кому?” – “Ванютке” – “От кого?” – “От Саньки”. Да засвищут в горях-то, закричат. Трубу колотили».

Негативные коннотации *трубы* прослеживаются не только в контексте любовных отношений, ср. новг. *труба с ним* ‘плохо, очень плохо’: «Когда видят, что труба с ним, так по другому-то ведут», р. Урал *как в трубу* ‘все прахом пошло, разрушилось, развалилось, погибло’ [СРНГ 45: 145], простореч. *дело труба*. Можно предположить, что причины попадания трубы в ряд символических знаков беды, неудачи кроются в том, что она обладает признаками «пустой», «полый», воспринимаемыми как антитеза признакам «полный», «плодородный» и т. п.

♦ Образ кожи: костр. *кожу повесить* (*подарить*), *кожа тебе*: «Я не пошла с парнем – кожу повесила. Или он с тобой не пошёл, а со мной пошёл – он тебе подарил кожу»; «Я не пошла с парнем гулять, он даже в речку меня бросить хотел. Дак ему и закричали “От Маруськи тебе кожа”. Я ему кожу повесила» [ЛКТЭ].

Этот языковой факт был записан ТЭ УрФУ в Шарьинском районе Костромской области и представляется загадочным в мотивационном отношении. Образ кожи может использоваться для выражения идеи близости людей, ср., например, костр. *кожа к коже* (*жить* и др.) ‘иметь близкие отношения’ [ЛКТЭ], *кожа коже сноровит* ‘свой своему, кровному’ [Даль$_2$ II: 130], а также модель «узнать кого-л. через кожу» = «обрести близкого человека», восстанавливаемую на базе ряда славянских языковых фактов [Березович, Седакова 2012: 21]. Возможно, поэтому факт символической «отдачи» кожи бывшему возлюбленному знаменует конец близких отношений.

♦ Образы соматических объектов с фаллической символикой – носа: пск. *подставить нос* [СППП: 57], новг. *показать* (*натянуть, сделать*) *нос кому*: «Колька-то Маше нос показал» [НОС 6: 68], новг. *нос тебе* [Там же];

бороды: новг. *сделать бороду кому*: «“Изменил тебе Сёмка, бороду сделал”, – говорю. А она скраснелась вся» [МИСНФ: 239], новг. *борода тебе* [НОС 1: 77]; рогов: пск. *рога наставить кому*: «Кода жена мужу – рога наставит. Акаянный бродит теперь» [СППП: 65], дон. *надеть ро́ги*: «Казачка никогда не наденет роги любимому мужу» [СРНГ 35: 118], новг. *подставить* (*повесить, ставить*) *ро́ги кому*: «Женка еще не ставила роги, может, не замечал» [МИСНФ: 237].

Семантику измены нередко выражают фразеологизмы, содержащие указание на часть тела, которая в сознании славян наделяется «мужскими» признаками и генитальной символикой. Демонстрация таких органов имеет отталкивающую силу, а также воспринимается как оскорбление и унижение адресата [СД 1: 494–495]. Выбор носа в выражениях такого рода мотивирован тем, что он является передней, выступающей частью тела (ср. символику носа в славянской традиции [Валодзіна 2009: 59–62]). В литературном языке смысловую поддержку данным выражениям оказывает фразеологизм *оставить с носом* разг. ‘обмануть, одурачить’, так как измена в любви является частным случаем обмана вообще. Борода в народной традиции тоже наделяется признаками мужественности [СД 1: 229–230]. Символика рогов также связана с плодородием и мужской силой, что поддерживается формой и остротой рога [СД 4: 437–441; Валодзіна 2009: 134–135]. Литер. *рога наставить*, однако, может интерпретироваться как калька из немецкого, греческого или французского языка [РФ: 598].

3.3. Выводы

Обозначения любовных измен составляют отдельный сектор семантического поля обмана, выделенный в составе поля в силу того, что понятие измены (обмана в любви) входит в понятие обмана как одна из разновидностей последнего.

Несмотря на гипо-гиперонимические отношения понятий «любовная измена» и «обман», а также наличие общих мотивационных стимулов для образования лексики измены и лексики обмана, этот сектор обладает семантико-мотивационным своеобразием, повлекшим за собой его отдельное представление. Измена имеет максимальную акциональную составляющую, особую структуру ситуации, расширяющую состав ее участников до трех актантов, а также –

главное – встроенность в ритуал оповещения членов малого социума об измене с последующим, иногда также ритуализированным, осуждением объекта измены (и, реже, самого изменщика). В связи с этим номинации любовной измены, в большинстве своем метафорические, нередко включают в состав обозначение предмета (обуви, инструмента, растения, вещества), служащего символическим знаком измены и участвующего в ритуале.

В круг явлений, квалифицируемых в традиционном обществе как любовная измена, включаются супружеская измена и измена в любви до брака. Под последней чаще всего понимается отказ от продолжения встреч одного из возлюбленных, проводы другой девушки до дома с молодежных гуляний со стороны парня – и согласие на то, чтобы ее провожал другой, со стороны девушки, а также выбор другого партнера в танцах или молодежных играх.

Именно добрачная измена традиционно активно «замечается» социумом и требует от него реактивного участия в конфликте. Участники любовного треугольника нередко сами взывают к окружающим, выставляя свои межличностные отношения на общественный суд – для этого ими используется форма частушечных «перепевок» или частушечного «состязания», где в форме частушки они могут «санкционированно» рассказать о своей обиде или, напротив, ответить на намеки в свой адрес. Существенно то, что в обыденной речи, в форме монолога-жалобы или как-либо иначе это делать не принято (ср. «В частушках исполнители обнаруживают публично то, что в повседневной норме социального общения скрывается» [Адоньева 2004: 147]) – на этом акцентируют внимание диалектоносители: «Выговаривать не буду, всё на песнях выпою» (влг.) [Там же: 141]; «Не надо выговаривать. Никогда не выговаривай. Если выговаривать, то я с неё <соперницы> снимаю грех и принимаю на себя. Пусть говорят, что хотят. Я лучше пойду да отпою её <спою про нее частушку>» (костр.) [ЛКТЭ]; «В лицо не скажешь, а наветкой <особый тип частушки – см. выше> выразишь» (костр.) [Там же]; «Наветкой лучше сказать, не так обидно, а в глаза-то обидно будет» (костр.) [Там же]. Интересно, что подобное поведение может иметь не только эффект «выговаривания обиды» и восстановления своей репутации, но и реального влияния на ситуацию, ср., к примеру, описание случая возвращения мужа к жене после того, как жена спела серию частушек о его измене [Адоньева 2004: 170–171].

Реакция на добрачную измену может сопровождаться ритуально выраженным осуждением субъекта или объекта измены с участием предметного символа измены – и номинации нередко построены по модели «глагол действия (*сделать*, *устроить* и др.) или глагол передачи (*дать*, *подарить*, *повесить* и др.) + наименование предмета + указание на адресата (*кому-либо*)». По этой модели строится фразеология отказов жениху при сватовстве, и любовная измена в ряде случаев «перенимает» круг образов и предметных символов этого ритуала.

Среди идей, которые выражаются предметным знаками измены, отмечаются следующие: отсутствие ценного содержания, «безжизненность» (признаки пустого – полого или постного, воплощаемые трубой, а также репой, редькой, тыквой; сухого – высохшим деревом; увядшего – желтым цветом; старого, ненужного – изношенными лаптями; негодного, «отгоревшего», бывшего в употреблении – головней), угроза, опасность (острые, колющие предметы – топор, веретено; едкое вещество – скипидар), отгон (лапти, веник, рогатка), оскорбление с помощью символов мужского начала (грибы, нос, борода, рога).

Соотносясь с лексикой и фразеологией отказа жениху, обозначения измены определенной частью включены в общее символьное поле со свадебным обрядом – и эксплуатируют образы и мотивы, сопровождающие свадебный обряд на разных этапах (мотив охоты, желтого цвета, тушения овина).

Лексика и фразеология обмана в любви имеет пересечения с лексикой обмана вообще, ср. пск., новг. *сделать лапти кому*, новг., том. *лапти плести* ‘изменять’ и арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’: «Опять лапти сплёл, а все поверили» [КСГРС], новг. *обуть в кривые лапти* ‘обмануть’ [МИСНФ: 230]; пск. *подставить нос*, новг. *показать* (*натянуть*, *сделать*) *нос* ‘изменить’ и общенар. *оставить с носом* ‘обмануть’; курск. *колеси́ть* ‘изменять’ и костр., пск. *колесить* ‘врать, лгать’ [СРНГ 14: 126]; влг. *шпани́ть* ‘изменять’: «Муж из дома уйдёт – пошёл шпанить, отступился» [КСГРС] и влг. *ошпани́ть* ‘обмануть’ [Там же] (< *шпана*); перм. *смухли́ться* ‘вступить в любовную связь с кем-л., нарушив супружескую верность’ [СРНГ 39: 65] и *мухли́ть* перм. ‘обманывать’ [СПГ 1: 532], твер. ‘хитрить, лукавить’ [СРНГ 19: 37], том., сиб., иркут., перм. *смухлова́ть* ‘сжульничать, смошенничать, сплутовать’ [СРНГ 39: 65].

Обнаруживаются «переклички» семантики измены с идеей нанесения ущерба кому-либо, таким образом, измена представляется частным случаем неудачи, ср. новг. *прокатить на венике кого* ‘изменить, нарушить верность’ и ‘угроза наказания с целью образумить кого-либо, проучить’ [МИСНФ: 238], новг. *получить блин* ‘пережить измену’ и ‘быть побитым кем-л.’ [НОС 8: 99], *дать редчину* ‘нарушить верность в любви’ и ‘побить кого-л., дать подзатыльник’ [НОС 9: 122–123].

Некоторые мотивы реализуются преимущественно в тех лексемах и фразеологизмах, которые обозначают супружеские измены, т. е. более серьезные нарушения этических норм, нежели измены до брака. К ним относятся мотивы и образы, связанные с перемещением в пространстве: именно супружество дает четкое закрепление в пространстве (совместный дом супругов) – и, соответственно, нарушение верности тоже имеет пространственную «конфигурацию»; мотив грязи, нечистоты: с его помощью выражается однозначное осуждение того, кто совершает измену в браке.

ГЛАВА 4. СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ И ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД С СЕМАНТИКОЙ ОБМАНА

4.1. Вводные замечания

Настоящая глава содержит анализ отдельных слов со значением обмана, рассматриваемых на фоне включающих их этимолого-словообразовательных гнезд. В главе, таким образом, меняется ракурс рассмотрения материала: от лексико-семантических групп и предметно-тематических кодов, объединяющих значительное число лексем, мы переходим к изучению отдельных языковых фактов и этимолого-словообразовательных гнезд, задействованных семантическим полем обмана. Их анализ завершает исследование всего поля, которое, таким образом, двигалось от выявления общих закономерностей его организации к частным реализациям его смыслов, от анализа крупных структурных единиц к анализу единичных примеров.

Следующие четыре раздела главы (4.2–4.5) посвящены четырем лексическим группам, объединенным общим корневым формантом; последний раздел (4.6) представляет собой алфавитный перечень «обманных» лексем с неясной внутренней формой, снабженных этимологическим комментарием.

Представим содержание главы подробней. В разделе 4.2 прослеживается логика семантического развития гнезда, в основе которого находится заимствованное из старославянского языка слово *мытарь* – гнезда лексем с основой *мытар-* как в русском литературном языке, так и в говорах, которое включает ряд слов со значением обмана. В разделе 4.3 восстанавливается сохранившееся только в русских говорах, а также в немногих славянских языках этимолого-словообразовательное гнездо дериватов праслав. **šavati* и устанавливаются причины появления в нем семантики обмана. В разделе 4.4 высказываемое в этимологической литературе мнение о происхождении слова *мазурик* ‘жулик, мошенник’ от названия этнографической группы поляков *мазуры* обосновывается с опорой на языковой портрет мазура, рисуемый польскими, украинскими и белорусскими языковыми данными и фольклором; привлекается

обширный массив диалектных лексем с корнем *мазур*-. Раздел 4.5 предлагает версию происхождения нескольких слов с формантом *калауш*-, обладающих семантикой вранья, передачи сплетен или болтовни. Наконец, в раздел 4.6 вошли некоторые из «обманных» лексем с затемненной внутренней формой, которые поддаются мотивационной реконструкции или рассматривались в этимологической литературе, но в силу разных причин (заимствованного характера слов, возможности нескольких мотивационных решений, несоответствия продуктивным в рамках поля тематическим кодам) не были включены в главу 2, посвященную мотивационному анализу более «прозрачного» материала.

Стимулом для выбора перечисленных гнезд и лексем стал представляемый ими интерес с точки зрения этимологии и мотивации (отсутствие для них этимологического решения – или его неубедительность, как в случае с *мазуриком*), развития семантики (ср., например, широту семантического спектра дериватов корня *шав*-) и функционирования в лексической системе (ср., например, появление в языковом портрете «диалектного» мытаря черт, несвойственных ему в книжной традиции, сформировавшихся в том числе по собственно языковым причинам – воздействии со стороны производных фонетически близких корней).

Логика построения разделов разнится в зависимости от специфики материала и задач, поставленных в каждом из них, однако в начале каждого дан обзор «обманных» слов, которые затем вписываются в структуру целого гнезда.

4.2. О РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ РУС. *МЫТАРЬ* И ЕГО СИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ГОВОРАХ

В русских говорах *мытарем* практически повсеместно называется хитрый, нечестный человек, обманщик, ср. карел. «Васька у нас такой мытарь, ну хитрюга по-нашему» [СРГК 3: 279], арх. «Мытарь всё исподтишка делает» [КСГРС], новг. «Мытарём зовут, кто хитрит» [НОС$_2$: 577], вят. «Нашли какого-то мытаря, дак ухлопал он все документы, мытарь экий» [ОСВГ 6: 110], морд. «Ну и мытъри вы с Васнёй, капейку нильзя даверить» [СРГМ 1: 550], оренб. «У нас один казак был мытарем, жульством занимался» [Малеча 2: 459], алт. «Мытарь – вилючий, хитрый человек: то тебе скажет, друго про тебя скажет» [СРГА 3/1: 103]. Это слово

образует производные, называющие как обманщиков, так и обманные действия: новг. *мыта́рник* ‘лживый, неискренний человек’: «Мытарник он, врёт всё» [НОС$_2$: 577], пск., вят. *мыта́рка* ‘хитрая женщина’: «Ана така хароша, ни мытарка, прямой чилавек, ничиво не мытарит» (пск.) [ОСВГ 6: 109; ПОС 19: 134], арх., влг., новг., яросл., морд., ср.-урал. *мыта́рить* ‘плутовать, обманывать’: «Против меня не мытарь; это вам нужно, так и скажи» (влг.), «С тобой играть-то неинтересно, потому что ты всегда мытаришь, а мы ведь честно играть договаривались» (новг.), «Мытарить-тъ ана умет, любовъ пръвидёт» (морд.) [ДСРГСУ: 313; КСГРС; НОС$_2$: 577; СРГК 3: 279; СРГМ 1: 550; ЯОС 6: 71].

Семантическая жизнь *мытаря* в говорах, однако, не ограничивается рамками поля обмана. Языковой образ мытаря оказывается многоликим – и явно отличным от образа, транслируемого книжной культурой. Деривационное гнездо, возникшее в диалектах на базе лексемы *мытарь*, является средоточием самых разных смыслов. Его изучение показывает, что в формировании этих смыслов начинают участвовать гнезда других, близких по звучанию, корней. Таким образом, *мытарь* вовлекается в морфо-семантическое поле, образованное несколькими гнездами, и сам начинает влиять на семантическое развитие входящих в это поле гнезд.

В настоящем разделе мы попытаемся восстановить структуру всего деривационного гнезда и установить логику развития семантики внутри него, поняв, какое место занимают в нем «обманные» смыслы. Будут выявляться также формальные и семантические связи слов с основой *мытар-* с другими лексемами в диалектной языковой среде, в частности, с дериватами корней *мот-*, *мут-*, *мыт-*.

Так как рассматриваемое слово имеет книжное происхождение, уместным представляется сначала дать обзор его литературных значений, после чего обратиться к диалектной семантике.

4.2.1. *Мытарь* в русском литературном языке

Слово *мытарь* в общенародном варианте русского языка известно в значении ‘сборщик налогов, податей (*мыта*)’, причем под *мытарем* понимается как откупщик в Древней Иудее, и в этом случае слово отсылает нас к библейскому тексту (ср. хотя бы новозаветную притчу о мытаре и фарисее, текст которой

приводится в Евангелии от Луки (Лк. 18: 9–14)), так и сборщик пошлин в Древней Руси (за проезд по определенной территории, пользование переправами и под.).

Изучаемое слово в значении ‘сборщик податей’ является общеславянским и представлено во всех группах славянских языков, см. [ЭССЯ 21: 74]. Вопрос о его этимологии имеет два возможных решения: оно трактуется и как общеславянское заимствование из древневерхненемецкого *mûtâri* ‘то же’, и как славянское новообразование, возникшее в праславянский период с помощью суффикса *-арь* из общеславянского **mytъ* / **myto* ‘пошлина’, восходящего к древневерхненемецкому *mûta* ‘то же’. Обе версии как альтернативные излагаются в [Фасмер 3: 25; ЭСРЯ 10: 382; ESJS 9: 511], причем в ESJS высказано замечание о том, что предпочесть ту или другую затруднительно, а в ЭСРЯ более популярным признается предположение о заимствовании. Как производное от **mytъ* / **myto* слово трактуется в [ЭССЯ 21: 74; Orel 2: 725].

Древнерусский язык унаследовал это слово в его первичном значении ‘сборщик податей’ из старославянского. Оно могло функционировать и как церковно-книжное (относясь к библейскому дискурсу), и как обиходное, ср. *мытарь* ‘сборщик податей, откупщик в древней Иудее’, ‘сборщик налога, пошлины за проезд и провоз товаров в Древней Руси’ [СлРЯ XI–XVII в. 9: 335][72]. От этого слова образуется несколько лексем, описывающих ситуацию таможенных сборов, ср. *мытарство* ‘сбор податей, пошлин’ [ССЯ 2: 240], ‘место сбора пошлин (то же, что *мытница*)’, ‘пошлина’ [Дьяченко 1899: 322]; *мытарница* ‘место сбора пошлин’ [СлРЯ XI–XVII в. 9: 335] и др.

Мытарь – обозначение по роду занятий – имеет предпосылки для формирования других семантических линий внутри гнезда его дериватов – в том числе культурно-исторические, которые состоят в том, что «библейская» семантика не является нейтральной: она включает культурные коннотации, связанные с историческим контекстом. Приведем пояснение, которым Г. Дьяченко сопроводил слово в своем «Церковнославянском словаре»: «Мытари пользовались большой ненавистью у своего народа, хотя были иудеи. Их уравнивали с язычниками и прелюбодеями и смотрели на них, как на великих грешников.

[72] О фиксациях слова *мытарь* в памятниках старославянской и древнерусской письменности, а также об отношениях синонимии со словами *мытник*, *мздоимец* см. [Львов 1966: 178–179].

Талмуд повелевает иудея, сделавшегося сборщиком податей, отлучать от того религиозного общества, к которому он принадлежал. Мытари должны были строить таможни, собирать подати, быть таким образом римскими экзекуторами, и поэтому они презирались своими соотечественниками, как лица, отнимавшие у них собственные их богатства, деньги, свободу» [Дьяченко 1899: 322]. В контекстах, приводимых словарями, *мытарь* нередко упоминается в одном ряду с теми, чья деятельность или образ жизни оцениваются резко отрицательно, ср., к примеру: «Аще же и о црькъви неродити начьнетъ, да бѫдеть ти ꙗко ꙗзычьникъ и мытарь» (Остромирово евангелие), «Ꙗко блудницю и разбоиника и мытарѧ помиловалъ ѥси, тако и на грѣшны помилуи» (Поучение Владимира Мономаха) [Срезневский 2: 218].

Восприятие мытаря как притеснителя, занимающегося нечестивым делом и мучающего других, питает круг значений, связанных с идеей страдания. В древнерусском языке эти смыслы не выходят за рамки церковного учения о посмертных мытарствах души, ср. *мытарство* ‘различные состояния, через которые проходит душа после смерти человека’ [СлРЯ XI–XVII в. 9: 335], очевидно, возникшее на базе *мытарство* ‘место притеснения’ (фиксируемого только в [Дьяченко 1899: 322]) ← ‘место сбора податей’. Однако в XVIII в. слово в значении ‘страдание, мучение’ употребляется уже в бытовых контекстах: «Ну уж поход мнѣ выдался! сущее здѣсь знать мытарство» (реплика героя комедии, написанной в 1788 г.) [СлРЯ XVIII в. 13: 100].

Семантическая линия, связанная с обманом, разрабатывается не только в пространстве говоров – по-видимому, «обманная» семантика, утраченная ныне литературным языком, пришла в говоры из просторечия. «Обманные» коннотации слова *мытарь* фиксируются в языке XVIII в., ср. *мытарь* ‘кто через разные обманы, разными оборотами снискивает, достает что-нибудь’ [САР 4: 555], ‘тот, кто обманом добывает, достает что-л.’ [СлРЯ XVIII в. 13: 100]. Как видно, имеется в виду мошенничество, обман, связанный с нечестным денежным оборотом или нечестным приобретением материальных ценностей. Оба источника уточняют, что слово в этом значении является просторечным. Кроме того, в словарях языка XVIII в. появляются не отмечаемые прежде глагольные дериваты слова *мытарь* в его обманно-денежном смысле: *мытарю* ‘в просторечии: несправедливо поступаю,

обманываю’, *промытарить*, *размытарить* ‘в просторечии значит распутно, мотовски расточить что’ [САР 4: 356], *мыта́рить* простореч. ‘обманывать, плутовать’, ‘тратить попусту’ [СлРЯ XVIII в. 13: 99–100]. Таким образом, в процессе внутригнездового словопроизводства в просторечной среде языковые факты закрепили семантику растраты и мотовства, а семантика обмана была расширена, утратив обязательную связь с денежным мошенничеством.

Словари современного литературного языка фиксируют слово *мытарь* лишь в своем историческом значении (‘в церковных текстах – сборщик податей, откупщик в Иудее, сборщик мыта в Древней Руси’ [Ефремова 2000; ССРЛЯ 6: 1427]; ‘в библейских сказаниях – сборщик податей в Иудее’ [Шведова 2007: 469]). Как обсуждалось выше, это значение имеет устойчивые культурные коннотации. Тем не менее, можно говорить о новейшем употреблении лексемы *мытарь* в значении ‘таможенник, налоговый инспектор’. Приведем несколько контекстов из [НКРЯ], которые датируются XXI в.: «Еще через год – Букаев становится министром России по налогам и сборам. <…> Предшественник Букаева – А. Починок – на прощальной министерской коллегии не скрывал своего изумления. Тем более, что Починок за время пребывания Букаева в должности главного московского *мытаря* успел влепить ему два выговора, в том числе – строгий» [Ю. Сергеева (2004)]; «Упрощать информирование граждан *мытари* намерены, отказываясь от большого количества авансовых платежей и документов с предварительными расчетами. Проблемы, по словам главного налоговика, возникают в связи с правилами муниципальных образований по исчислению авансовых платежей» [М. Селиванова (2009)]; «Международных рейсов из Питера почти нет, таможенники подняли головы, но сил разомкнуть веки не нашли. *Мытари* ненавидели все виды багажа и само это слово» [В. Солдатенко (2010)]. В двух из выбранных предложений присутствуют контекстные синонимы изучаемой лексемы – это, соответственно, *таможенник* и *налоговик*. Контексты подобного рода, кажется, свободны от выраженной иронической окраски. Следы отрицательных коннотаций *мытаря* в них возможны, но все же чувствуется тенденция к их стиранию или даже утрате. Такая тенденция представляется вполне закономерной с точки зрения истории слова: лексема *мытарь*, как говорилось выше, в древнерусском языке могла употребляться в «профессиональном»

значении ‘сборщик пошлины за проезд и провоз товаров’ вне библейского контекста: «При сем корчемники и мытаря и торжныя тамги (вид пошлины. – *В. К.*) истребишася» (1399 г., Симеоновская летопись) [СлРЯ XI–XVII в. 9: 335].

4.2.2. *Мытарь* в языковой системе русских говоров

В пространстве говоров обнаруживается значительное число лексем, в составе которых можно выделить основу *мытар-*. Эти слова, с одной стороны, формируют обширное семантико-словообразовательное гнездо, сохраняющее и развивающее основные смыслы, присущие «литературному» *мытарю*. С другой стороны, при попадании в диалектную языковую среду «мытарные» слова начинают функционировать в значительном отрыве от культурного прецедента – библейского текста, поэтому культурные коннотации перестают действовать как фактор, сдерживающий развитие их семантики. Начинают действовать собственно языковые законы, включающие лексемы с основой *мытар-* в разнообразные (формальные и смысловые) связи с рядом слов иного происхождения. Благодаря этому формируется морфо-семантическое поле, в котором *мытарь* и его дериваты являются только одной из составляющих это поле частей.

Мытарь, будучи «культурным» словом, унаследованным русским языком из церковнославянского, в смысле описанного выше механизма активной семантической деривации и участия в контаминационных процессах, который запускается при его попадании в диалектную языковую среду, может сравниваться с другими попавшими в говоры лексемами библейской традиции. В частности, принцип действия этого механизма по отношению к библейским антропонимам, функционирующим в русских говорах, подробно описан И. В. Родионовой: в своей кандидатской диссертации она многократно доказывает утверждение о неизбежной деактуализации в диалектной среде стоящего за агионимом прецедентного содержания и частотных фактах, когда дальнейшая формально-семантическая деривация внутри гнезда направляется влиянием других языковых гнезд, см. [Родионова 2000].

Ниже диалектный материал будет разбит на две части. Сначала (часть «Слова с основой *мытар-*») будет представлена семантическая характеристика русских диалектных слов с основой *мытар-*, которые, как кажется, образованы

непосредственно в гнезде книжной лексемы *мытарь*. Эти слова могут испытывать притяжение к другим фонетически сходным единицам, однако на их первичность указывает как формальный признак (возможность выделить у них основу *мытар-* в неизменном виде), так и семантический (их объяснимая семантическая «выводимость» внутри гнезда). Дальше (часть «Взаимодействие слов с основой *мытар-* с другими лексемами») будут указаны слова, образовавшиеся в рамках гнезд других корней, которые испытали вторичное влияние со стороны лексем с основой *мытар-*.

Принадлежность слов к первой или второй группе образований внутри гнезда *мытар-* бывает сложно определить однозначно. В частности, в первой части будет рассмотрен ряд глаголов, имеющих параллельную форму с гласной *у* (*мутар-*). Включение видоизмененной основы мы допустили ввиду того, что формы с такой основой являются параллельными формам с основой *мытар-*, причем последние вполне могут принадлежать «мытарному» гнезду с точки зрения семантики, кроме того, эти глаголы функционируют в системе одного – псковского – говора.

Слова с основой *мытар-*

В говорах, как и в литературном языке, разрабатывается семантика страданий, мучений, испытаний. Однако, в отличие от литературного языка, где под мытарствами подразумеваются скорее нравственные страдания, акцент сделан на **физических муках**, ср. пск. *мыта́рить* / *мута́рить*[73] ‘причинять физические страдания’: «Мужик и на людях мытарить мяня», пск. *мыта́риться* / *мута́риться* ‘страдать от какой-н. болезни, боли’, ‘ходить до изнеможения’ [ПОС 19: 134]. Об этом свидетельствуют и контексты, нередко рисующие ситуации физических неудобств или даже издевательств, ср. смол. «В лясу къмары цельный день мяне мъторили» [ССГ 6: 119], новг. «Пьё и над маткой мытарится», новг. «Мытарь, а не человек, издевается над бабой и ребятами» [НОС$_2$: 577]. Наблюдается нехарактерная для литературного языка поляризация значений: *мытарем* называется не только истязатель, но и сам **мученик** (новг. *мытарь* ‘тот, кто

[73] Указание на формальную вариацию основы, свидетельствующее об активных контаминационных процессах в гнезде, перенесено сюда из псковского словаря.

перенес муки, испытания’: «Да, посмотришь на беднягу Иваныча, ну уж настоящий он мытарь»), и даже, вопреки отрицательному образу библейского мытаря-грешника, **святой** (новг. *мытарь* ‘святой, подвергшийся мучениям за веру’: «Мытарь молился Богу, он святой»[74] [НОС$_2$: 577]).

Парадоксальным в свете «мученических» смыслов кажется ср.-урал. *мы́тарить* ‘усиленно ухаживать за кем-л., обхаживать’: «Гляжу, шибко мытарят меня», «Уж меня мытарили, как дочь» [ДСРГСУ: 313]. Своеобразный семантический «мостик» к этому значению помогает перекинуть другой глагол изучаемого гнезда – вят. *мыта́риться*: «Он долго с ней мытарился, а не женился, помытарились и всё» [ОСВГ 6: 110]. Он снабжен определением ‘дружить, общаться’, однако словарный контекст позволяет заключить, что семантика совместной траты времени здесь важнее, чем идея дружбы. В случаях значений ‘издеваться над кем-л.’, ‘усиленно ухаживать за кем-л.’ и ‘совместно проводить время’ мы имеем дело с разными поворотами идеи взаимодействия кого-либо с кем-либо в течение некоторого времени (с отрицательным, положительным и «нейтральным» результатом соответственно).

Особый случай страданий, выпадающих на чью-либо долю, – мучительная, непосильная **работа**: ср.-урал. *мы́тарь* ‘батрак’: «Мы с мужиком работали как мытари» [СРГСУ 2: 150], без указ. места *мы́тарь* ‘о человеке, много работающем, но мало получающем за труд’ [СРНГ 19: 64], пск. *мыта́рить* ‘много, до изнеможения работать’: «Там в Гирмании я и мытарил на фабрики» [ПОС 19: 133], влад., тул. *замытариться* ‘захлопотаться, замучиться в хлопотах’: «Ноньче даже не присела, совсем замытарилась по хозяйству» [СРНГ 10: 271].

Церковное учение о хождениях души по мытарствам в литературном языке отразилось в особом значении лексемы *мытарства* ‘мучительные скитания’; говоры же расширили эту область семантически и словообразовательно, ср. появление в диалектах семантики **бродяжничества** – костр., новг., рус. одес. *мытарь* ‘бродяга, бездомный человек без определенных занятий’ [Ганцовская 2015: 218; НОС$_2$: 577; СРГО 1: 312], а также глагольную вариативность – морд. *мыта́рить* ‘скитаться, переезжать’ [СРГМ 1: 550; СРНГ 19: 63], прииртыш.

[74] Возможно, на появление этой лексемы оказали влияние упоминаемые в Евангелии сведения о том, что апостол Матфей до встречи с Иисусом Христом был мытарем, которые могли быть почерпнуты, в частности, из сборников житий святых.

мыта́риться ‘скитаться, бродить’ [СРСГСП 2: 145], перм. *мыта́рствовать* ‘быть паломником’ [СПГ 1: 533]. Представляется, что влад. *мы́тарный* ‘обладающий опытом’ [СРНГ 19: 64], а также приставочное енис. *на́мытарь* ‘человек, до тонкости знающий свое дело, мастер’ [СРНГ 20: 45] возникли как продолжения смыслов частого перемещения: «опытный» может интерпретироваться как «бывший в разных местах», «много повидавший».

Семантика **перемещения**, **активного движения** может «освобождаться» от идеи скитания, ср. смол. *мы́тарь* ‘непоседливый человек’ [ССГ 6: 124], без указ. места *мыта́рить* ‘тормошить’ [Даль 2: 957], пск. *мыта́рить* / *мута́рить* ‘суетливо бегать взад и вперед’ [ПОС 19: 133].

Идея беспорядочного движения переводится в этический план, ср. тюмен., тобол. *мытарь* ‘о легкомысленном, беспутном, разгульном человеке’ [СРНГ 19: 64], вят., орл. *мытарная девка* ‘гулящая’ [ОСВГ 6: 110; СРНГ 19: 64].

В говорах подробно разрабатываются **«денежные»** смыслы. Сохраняется и расширяется ушедшая из литературного языка семантика **мотовства** – ср. олон., петерб., брян., перм., урал. *мы́тарь* ‘мот, расточитель’ [СРНГ 19: 64], влад., яросл., тамб., тул., вят., оренб., перм. *мыта́рить* яросл. ‘нерасчетливо тратить средства, мотать’ [Малеча 2: 459; ОСВГ 6: 110; СРНГ 19: 63; ЯОС 6: 71]. Идея расхода денег доводится до логического предела – семантики **нужды**, **бедности**: ряз., олон. *мыта́рить* ‘жить в нужде, бедствовать’ [СРНГ 19: 63], оренб. *мыта́риться* ‘бедствовать, обивать пороги’ [Малеча 2: 459], влг. *замыта́рить* ‘впасть в бедность’ [СРНГ 10: 271].

Растрачивается, как правило, чужое состояние («Што мытаришь женино-то добро?» [Малеча 2: 459], «Досыть ему буде мутарить чужое богатство» [СРНГ 19: 63] и под.), что отражается в пск., твер. *мыта́рить*, *мыта́рствовать* ‘жить за чужой счет’ [ПОС 19: 134; СРНГ 19: 64], без указ. места *мытарничать* ‘то же’ [Даль 2: 957]. Номинируются другие способы нечестного обращения с чужим имуществом – **вымогательство** (новг. *мы́тарь* ‘вымогатель’: «Ты мытарь, наживаешься за счёт моих кровных копеек» [НОС$_2$: 577]) и **отказ возвратить чужое** (влг., ворон., смол. *замытарить* ‘присвоить чужое, зажилить’: «Он замытарил мою книжку» [СРНГ 10: 271]).

В русле «имущественной» линии актуализируется идея **утраты** чего-либо разными путями (потери, продажи, разрушения): ворон., пск. *замыта́рить* ‘потерять, запрятать, засунуть что-либо’ [СРНГ 10: 270], перм., свердл. *размыта́рить* ‘распродать’: «Не долго постоял с возом, все картофь размытарил» [СРНГ 34: 31], пск. *смыта́рить* ‘упразднить, разрушить’: «Лошадь надо продавать и хозяйство смытарить» [СРНГ 39: 77].

Наконец, в гнезде диал. *мытар-* получают развитие различные **негативно-оценочные смыслы**. Развивается семантика **обмана**, которая была характерна для *мытаря* в просторечии, что зафиксировали словари 18 в., но после была утрачена, что демонстрируют словари современного языка. Диалектные слова с «обманными» значениями были приведены в начале раздела 4.2.

Для традиционного социума важной характеристикой человека является его отношение к труду. Негативный потенциал семантики гнезда вырабатывает зону значений, принадлежащих только диалектной лексике, связанных с **ленью** и **бездельем**: вят., пск., алт. *мыта́рь* ‘лодырь, ленивый человек или животное’ [ОСВГ 6: 110; СРГА 3/1: 103; ПОС 19: 134], пск. *мыта́рить* / *мута́рить* ‘отлынивать от работы’: «Толька мытарит: напьецца, наестицца, а работать не хоче» [ПОС 19: 133], пск., твер. *мыта́рничать* ‘бегать от дела’ [ДО: 120], новг. *мытарить* ‘бездельничать, уклоняться от работы’ [НОС$_2$: 577]. Соединение в одном словообразовательном гнезде семантики обмана и лени – нередкий случай, пример типичной логики семантического развития (единицы, реализующие модель ‘бездельничать’ + ‘обманывать’, ‘лентяй’ + ‘обманщик’ см. в [Еремина 2003: 46–47, 117, 175–176], а также в § 1.3.1 настоящей диссертации).

Отметим также случаи наиболее **обобщенной негативной оценки**: *мыта́рный* твер. ‘негодный, непрочный’ [Опыт: 118], орл. ‘плохой’ [СРНГ 19: 64].

Взаимодействие слов с основой *мытар-* с другими лексемами

♦ аттракция к продолжениям **motъ, *motati*

Ряд слов с формантами *-ар* и *-ыр*, в составе которых можно выделить корень *мот-*, являются семантически аналогичными словам с основой *мытар-* (в разных

значениях): влг. *мо́тарь* ‘мошенник, плут’: «Вот вчера обсчитала на рубь тридцать продавщица-то, я разругалась с ней, говорю: “Шкварь негодная, мотарь”» [СВГ 5: 6], омск. *мота́рить* ‘заставлять работать’: «А меня везде мотарили в колхозе» [СРГС 2: 297], перм. *мота́рить* ‘жить с трудом, маяться’: «Мужа на войне убили, я одна мотарила, робят ростила» [СПГ 1: 526], перм. *мота́рить* ‘тратить деньги попусту, без надобности; мотать’ [СРНГ 18: 295], перм. *моты́рить* ‘то же’ [Там же: 307], пск., твер. *моты́риться* ‘издеваться над кем-л.’ [ДО: 118].

Названные лексемы *мотырить* и *мотыриться* авторы ЭССЯ характеризуют, вместе с диал. *мотыра* ‘егоза, непоседа’ и диал. *мотырь* ‘шест, кол, служащий для ряда хозяйственных нужд’, как производные **motъ, *motati* [ЭССЯ 20: 88]. Ряд фактов, тем не менее, позволяет констатировать влияние на эти два глагола и перечисленные в предыдущем абзаце слова основы *мытар-*: скудость гнезда, судя по данным ЭССЯ, отсутствие в нем инославянских единиц (в нем присутствует только четыре русских диалектных лексемы) и его семантическая неоднородность; наличие для всех предполагаемых контаминантов семантических дублетов в гнезде *мытар-*; возможность подобной мены гласных в диалектных словах (скажем, шест, упоминаемый выше, может именоваться *мо́тырь, мы́тарь* [СРНГ 19: 64], *му́торь* [Там же: 32]).

♦ аттракция к продолжениям **mǫtъ, *mǫtiti*

Несколько глаголов с корнем *мут-* и формантами *-ар, -ор, -ыр* связаны с семантикой мучений, тяжелой работы, скитаний: влг. *мута́риться* ‘мучиться’ [Герд 2004: 234], прикам. *муто́рить, муто́риться* ‘мучиться, работать’: «Я боле тридцати годов на ферме муторилася» [СРГЮП 2: 114], смол. *муты́рить* ‘работать долго и изнурительно’: «Мутыриш на етым поли день и ночь», смол. *муты́риться* ‘мучиться, блудить, испытывать мытарства’: «Раз ён в лису три дни мутыриуся. Куда ни пайдёть, усе лес» [ССГ 6: 120], ср. также олон. *мута́рсливый* ‘связанный с мытарствами, муками’: «Хоть не дальняя дорожка – безызвестная. Не лесные перелески – мутарсливые» (фольк.) [СРНГ 18: 367].

В ЭССЯ наиболее убедительной версией происхождения рус. диал. *муто́рить* ‘сбивать с толку; волновать; тошнить’, *мута́рить* ‘подстрекать’ и некоторых других лексем называется их производность от реконструируемой формы **mǫtoriti*, родственной **mǫtiti* [ЭССЯ 20: 202] (к этому же гнезду относится

литер. *муторный*). А. С. Герд в «Материалах для этимологического словаря севернорусских говоров» добавляет сюда же и влг. *мута́риться* ‘мучаться’ [Герд 2004: 234]. На мысль об участии глагола *мытарить* в образовании лексем, формально соответствующих приведенным в ЭССЯ, наводит их особая «мученическая» семантика.

Как было показано выше, некоторые диалектные глаголы (пск. *мыта́рить* и *мута́рить*, пск. *мыта́риться* и *мута́риться*) в семантическом отношении являются тождественными, несмотря на свою многозначность.

♦ взаимодействие *мыт-* и *мытар-*

Слова-дериваты *мыта* в значении ‘пошлина’, образованные на русской почве, могут испытывать влияние со стороны семантики слов с основой *мытар-*. В говорах они могут развивать значения, не фиксируемые в исторических словарях и несвойственные литературному языку, или сразу возникать в рамках гнезда *мыт-* под воздействием «мытарских» смыслов: оренб. *мыт* ‘непорядок, мытарства, козни’, оренб. *мытница* ‘мытарства, маята’ [Малеча 2: 459], карел. *мыта́ться* ‘издеваться над кем-н.’: «Муж-то пьяница, до смерти мытался над ней» [СРГК 3: 279], забайк. *промыти́ть* ‘прожить, пробыть в течение какого-л. времени в качестве кого-л.’: «В работниках пришлось мне все молодые лета промытить» [СРНГ 32: 193], *мыта́ться* ‘жить с трудом, маяться’ «Тяжко мне приходится без пенсии, так и мытаюсь всё» [СПГ 1: 533] (ср. в ЭССЯ замечание о том, что рус. диал. *мыта́ться* ‘издеваться’ можно интерпретировать как производное от *мыта*, но при этом нельзя исключать возможность вторичного образования этой формы под влиянием диал. *мытариться* [ЭССЯ 21: 75]).

К участию в семантическом взаимодействии может подключаться еще один актант – глагол *мыть*. Семантика физического воздействия на объект мытья способствует развитию у этого глагола значений вроде *мыть* карел. ‘мучить, истязать’: «Отец-покойник мыл мать, оттого и померла», ленингр. ‘тяготить, расстраивать’: «Ее-то моет, что картовка не объехана» [СРГК 3: 279], которые, в свою очередь, поддерживают «мученические» смыслы у продолжений *мыта*. Можно констатировать возникновение морфо-семантического поля, единицы которого с трудом поддаются однозначной интерпретации как дериваты того или другого корня, ср., к примеру, три значения оренб. *мы́тница*: ‘место, где можно

посудачить’: «Люблю я улицу-мытницу», ‘женщина-сплетница’: «Агнея такая мытница, она всем соседям косточки перемыла», ‘мытарства, маята’: «Жизня-то – мытница» [Малеча 2: 459]. Первые два лексико-семантических варианта, как кажется, образовались под двойным воздействием исторического *мытница* ‘мытня, место сбора пошлин’ (→ ‘многолюдное, шумное место’) и семантического потенциала глагола *мыть*, участвующего в выражениях вроде литер. *мыть косточки*, калуж., влад. *перемывать* ‘недоброжелательно обсуждать кого-л.’ [СРНГ 26: 169] и др. Третий же вариант, очевидно, возник под влиянием семантики гнезда *мытар-*.

***

Для русского языка характерна своеобразная омонимия – столкновение лексем *мытарь* ‘сборщик податей в Иудее’ церковно-книжного языка и *мытарь* ‘сборщик пошлины в Древней Руси’ языка обиходного (используемого при устном и деловом общении). Народные говоры не были изолированы от обоих культурных пластов – и слово *мытарь* и его дериваты могли проникать в них разными путями. В частности, образ библейского мытаря мог быть знаком в народной среде благодаря самому библейскому тексту и, скорее, текстам-адаптациям канонических произведений, бытующим в устной традиции (ср. его «память» в народном календаре, сохраняемая вслед за церковным календарем: пск. *мытарева неделя* ‘десятое воскресенье перед Пасхой и следующая за ним неделя’ [ПОС 19: 133]), представление о мытарствах души – из сказаний о житиях святых и произведений лубочной культуры. Посредствующим звеном выступала просторечная среда, в которой активно разрабатывались денежные и обманные смыслы единиц изучаемого гнезда.

В говорах «мытарные» слова вступили в контаминации с несколькими фонетически близкими единицами (дериватами корней *мот-*, *мут-*, *мыт-*) и родственными лексемами, образованными от *мыто* ‘пошлина’, тем самым значительно расширив свое семантическое поле и сформировав отдельное морфо-семантическое поле, единицы которого нельзя рассматривать в изоляции друг от друга.

Широте семантики «мытарных» слов способствовал и негативный смысловой заряд, присущий лексеме *мытарь* в библейской традиции, притягивающий самые разные отрицательные характеристики явлений с тем, чтобы участвовать в их обозначении. При этом любопытно, что современный литературный язык оказался способен «забыть» об отрицательных коннотациях *мытаря* и допускает его нейтральное употребление в значении ‘работник налоговой службы’.

4.3. Гнездо рус. диал. *шавать*

В пространстве севернорусских говоров обнаруживается несколько слов со значением обмана и вранья, содержащих общую корневую морфему ***шав-***: арх., олон. *ша́вить* ‘пустобаять, шутить или врать, болтать вздор’, арх. *ша́вить* ‘кривить душой’ [Даль 4: 1388], олон. *шаве́ть* ‘болтать вздор, обманывать, лгать’, олон. *шаву́н* ‘обманщик’ [Куликовский 1898: 135], олон. *шав* ‘обман’, олон. *шаван* ‘обманщик’ [Барсов 1: XX], олон. *нашави́ть* ‘налгать’ [Куликовский 1898: 63], арх. *наша́вить* ‘наговорить неправды, наврать’: «Не нашавишь, что накосили, ехать надо»; «Поди, нашавит чего вам» [КСГРС], олон. *наша́ви́ть* ‘наврать’: «Вы что тут нашавили старосте про Ивана?» [СРНГ 20: 293].

Эти слова, по-видимому, отдельно не комментировались в литературе с этимолого-мотивационной точки зрения. Представляется, что они относятся к этимолого-словообразовательному гнезду корня *шав-*, имеющего продолжения в нескольких славянских языках.

Отдельные звенья этого гнезда восстанавливаются, в частности, А. С. Гердом в статье на рус. диал. *шавать* ‘ходить, бродить’ в «Материалах к этимологическому словарю севернорусских говоров». Там находим: печор. *шави́ть* ‘о головокружении в голове’; влг. *шава́ться* ‘сниться’, *ша́врать, ша́врить, ша́врять* ‘ходить вяло’; яросл. *ша́вать* ‘делать что-н. не торопясь’; ‘искать, шарить’; твер. *шава́ть* ‘шуршать обувью’; зап.-брян. *шаво́лить* ‘шевелить’; дон. *ша́верь* ‘мелочь, дрянь’; *ша́вать* ‘медленно ходить волоча ноги’. В этом же ряду рассматриваются блр. *ша́вель* ‘*бранно* сволочи’; пол. *szawiać* ‘метать, трясти, бросать’; н.-луж. *šawliś* ‘шляться, бродить без дела’; болг. *шавам*, макед. *шава*

‘болтаться туда-сюда, шататься’; серб. *шавнйца* ‘длинная веревка к стогу сена’ [Герд 2009: 173]. На основании представленных данных предполагается существование праславянского экспрессивного глагола с первоначальным основным значением ‘двигаться, ходить’, которое сохранилось в севернорусских говорах [Там же].

Думается, что это гнездо в русских говорах является более разветвленным и включает, кроме прочего, перечисленные в начале раздела лексемы с семантикой обмана. Для принятия этого предположения нужно восстановить структуру гнезда и определить логику развития семантики внутри него, доказав, что «обманное» значение имеет предпосылки для возникновения в нем.

Русские диалектные лексемы, в составе которых можно выделить корень *шав-*, формируют несколько смысловых блоков, неодинаковых по широте распространения и количественной наполненности.

Говоры обнаруживают группу слов с **семантикой хождения**.

Номинируется процесс передвижения, причем, как правило, медленного, бесцельного или беспорядочного: *ша́вать* влг. ‘ходить, бродить’ [СВГ 12: 59], влг., мск., яросл. ‘ходить вяло, медленно, лениво, таскать, волочить ноги’ [Даль 4: 1387], новг. ‘ходить, бродить бесцельно’; ‘ходить медленно, волоча ноги’ [НОС$_2$: 1289], арх. ‘ходить, шаркая ногами’ [УНС: 387]; *ша́ви́ть* арх., карел. ‘двигаться из стороны в сторону, ходить, бродить туда-сюда’: «Она ходит ночью, шавит, шавит» (карел.); «Идем, идем, кружаемся, кружаемся по лесу да всё к берёзе – это мы троима ходили ша́вили» (арх.), арх., карел. ‘переходить с одного места на другое, выполняя однообразную работу’, мурм. ‘беспорядочно двигаться, метаться’: «А недостреляный тюлень, дак он и ша́вит»[75], арх. ‘бродяжничать’ [СРГК 6: 816], *поша́вать* влг. ‘пойти’ [СВГ 8: 28], карел. ‘пойти не спеша’: «Пошавала, я тебе говорила, иди ходко, иди быстрей» [СРГК 5: 130], сев.-двин. *оша́вать* ‘обойти, с трудом волоча ноги’: «Весь дом ошавал, сам едва ноги волокет» [СРНГ 25: 76].

[75] Ср. еще арх. *сша́веть* ‘уйти, скрыться (о подбитом, оглушенном звере)’: «Смотри-ня, зверь-то сшавел» [СРНГ 43: 96], а также арх. *шавуй, шауй* ‘неудачный выстрел по зверю, который может после этого уйти под лед’, причем номинации неудачного выстрела М. Фасмер считает производными от глагола *шавить* [Фасмер 4: 393].

Компонент ‘медленно, с трудом’ становится основанием для появления ленингр. *пошáвать* ‘сделать что-л. медленно, неохотно’: «День пошаваешь теперь, никуда не сходишь» [СРГК 5: 130].

Номинируется субъект хождения: карел. *шавýнья* ‘та, которая ходит, бродит по сторонам’: «Старуха ночью шавит, травы рвёт, шавунья» [СРГК 6: 817], и, условно говоря, его атрибут: арх. *шаванчи, шаванцы* ‘обувь’ [УНС: 387] – т. е., очевидно, «то, в чем шавают».

Семантику хождения можно считать основной и производящей в данном гнезде, поскольку для остальных значений можно предполагать прямую или опосредованную производность от нее.

Скажем, для мурм. *ушáваться* ‘**устать**, **умаяться**’: «Ушавалась я, вся зазевалась»; «Так ушавалась сегодня, так еле дышу» [СРГК 6: 671] можно в качестве семантической параллели привести рус. литер. *уходиться* ‘сильно устать, утомиться от какой-либо работы’ [ССРЛЯ 16: 1127] < *ходить*.

Кроме того, вторичным значением, развитым на базе семантики передвижения, является значение ‘**болезнь, эпидемия**’: твер., новг., карел., олон., забайк. *пошáва* ‘повальная болезнь, эпидемия’ [СРНГ 31: 23], влг., ленингр., карел. *пошáва* ‘вид болезни’; ‘эпидемия какой-н. болезни’ [СРГК 5: 130], ленингр. *пошавýра* ‘инфекционная болезнь’ [Там же], новг. *пошáва, пошóва, пошавýха* ‘эпидемия, инфекционное заболевание’ [НОС$_2$: 934], костр. *пошáвка* ‘эпидемия у животных’ [ЛКТЭ], влг. *пошавка* ‘эпидемия, зараза’ [КСГРС], и слова с выпадением интервокального согласного: арх. *пошоýлька* [КСГРС], влг. *пошоýра*, сев.-двин. *пошоýха* ‘повальная болезнь’ [СРНГ 31: 38].

Дериватами корня *шав-* называется не любая болезнь, а именно эпидемия – стадия заболевания, при котором оно широко и быстро распространяется по какой-либо территории, как бы «перемещается» в пространстве. Чаще всего в контекстах, где *пошава* и прочие упомянутые слова называют субъекта действия, типичные предикаты выражены глаголами *ходить, пойти, идти*: новг. «По селу какая-то пошава ходит» [СРНГ 31: 23], карел. «Пошава ходит по деревне, ведь и я вот заболела» [СРГК 5: 130], ленингр. «Пошавура – о болезни говорят: вот ходит пошавура» [Там же], новг. «Все заболели чем-то, вот и пошава, по деревне пошава

пошла», «Вот пошава и ходит, горло болит, поясница, голова» [НОС$_2$: 934], арх. «Ой, говорят, пошоулька идёт, все переболеют» [КСГРС] и др.

Русские говоры насчитывают несколько случаев, когда название болезни имеет внутреннюю форму «то, что ходит» и образовано от глаголов передвижения:

◆ смол. *пошасть* ‘повальная болезнь, эпидемия’: «Коль пошла пошастъ, так нам не уберечься», брян. *пошасть* ‘заразная болезнь’: «Ходила по селу якаясь пошасть» [СРНГ 31: 25], по всей видимости, от рус. *шастать* ‘ходить туда-сюда, шататься’;

◆ новосиб. *пошлость* ‘повальная болезнь’: «Это, наверное, такая пошлость ходит» [СРНГ 31: 36] – «то, что пошло»;

◆ карел. *прихóдна* ‘болезнь, вызванная колдовством’ [СРГК 5: 223] – «то, что приходит»[76].

Можно заметить, что метафора «идущей», «переходящей», «проходящей» болезни разработана в языке: арх., киров. *переходчиво* ‘заразно (о болезни)’ [СРНГ 26, 265], новосиб. *переходнóй* ‘заразный (о болезни)’ [Там же: 264], южн. *пройти* ‘распространиться (о болезни)’ [СРНГ 32: 149] и мн. др.

Таким образом, значение ‘болезнь, эпидемия’ было сформировано на базе семантики хождения.

Кажется справедливым предполагать развитие семантики хождения и в калуж. *пошáвка* ‘свойство, обычай, привычка’ [СРНГ 31: 23]. В данном обозначении важной оказывается актуализация идеи распространения обычая на той или иной территории, его восприятия как того, что где-либо «в ходу» (ср. еще литер. *ходовой* ‘обычный, распространенный’, *ходкий* ‘часто употребляемый’, *иметь хождение* ‘быть в употреблении’). Отметим наблюдение Т. В. Леонтьевой, сделанное при изучении русской лексики, репрезентирующей понятие обычай: «Обычай представлен объектом, перемещаемым в пространстве <разрядка наша. – *В. К.*> или времени. Так образно воплощается связь поколений, передача знаний о правилах и особенностях организации быта и исполнения обряда» [Леонтьева 2015: 144]. Интересно, что идея перемещения в пространстве объединяет семантику болезни и семантику обычая в способе воплощения не только внутри гнезда *шав-*, ср., к примеру, литер. *поветрие* ‘быстро

[76] Ср. еще влад., яросл. *пошáтка* ‘эпидемия’ [СРНГ 31: 25; ЯОС 8: 79], очевидно, производное от глагола движения *шатать, шатить*.

распространяемая эпидемия’ и смол. *пове́трие* ‘манера поведения, обычай’ [Там же].

На базе семантики беспорядочного движения возникло, по-видимому, еще одно семантическое объединение внутри рассматриваемого гнезда. Оно включает смыслы, в целом связанные с **нарушениями восприятия**. Приведем ряд наиболее «ядерных» для этого объединения примеров: без указ. места *ша́вить, шаве́ть, шави́ться* ‘грезить, бредить во сне, видеться, мерещиться’ [Даль 4: 1388], влг., карел. *ша́ве́ть* ‘страдать помрачнением рассудка’ [СВГ 12: 59; СРГК 6: 816], *ша́виться* влг. ‘казаться’ [СВГ 12: 59], арх., мурм. ‘сниться, казаться, видеться’ [СРГК 6: 817], арх. *ша́вливаться* ‘сниться’ [Там же], а также значительное число приставочных дериватов, ср., к примеру, *ошаве́ть* карел., олон. ‘потерять способность ясно мыслить’ [СГРК 4: 355; СРНГ 25: 76], арх. ‘прийти в смятение, в замешательство, остолбенеть’ [СРНГ 25: 76]; *зашаве́ть* арх., карел. ‘потерять рассудок, сойти с ума’ [СРГК 2: 239], влг. ‘заболеть, закружиться, стать тяжелой (о голове)’ [СВГ 2: 162]; мурм. *наша́виться*, арх., новг. *пошаве́ться*, арх. *пришаве́ться* ‘пригрезиться, присниться’ [СВГ 8: 28; СРГК 3: 400; 5: 228; СРНГ 25: 23].

Именно смыслы, связанные с нарушениями восприятия, могли повлиять на возникновение в гнезде **семантики обмана**. В русских говорах семантика искажения восприятия довольно часто объединяется с обманной семантикой, причем абстрактные обманные значения являются вторичными по отношению к значениям искаженного востприятия; ср. некоторые примеры: литер. *грезить* ‘видеть во сне или в состоянии бреда’, алт. ‘врать, обманывать’ [СРНГ 7: 131], *бла́знить, блазни́ть* арх., влг., олон., новг., твер., свердл., перм. ‘чудиться, мерещиться, представляться’, твер. ‘обманывать, морочить’ [СРНГ 2: 314], смол. *тризни́ть* ‘бредить’, смол. *три́зни́ться* ‘мерещиться, казаться’, смол. *тризне́ть* ‘врать’ [ССГ 10: 203], влг., новг., твер., яросл. *глумиться* ‘чудиться, представляться’, твер. *глумить* ‘дурачить, врать’ [СРНГ 6: 210].

Значения обманчивого восприятия и обмана вообще (включая вранье) объединяются в способах языкового выражения, очевидно, на основании идеи искажения реальности. Обман, таким образом, может представляться как результат искажений восприятия, нечто, чему человек подвержен в состоянии грез, сна,

сумасшествия, а также то, что само приводит к нарушениям сознания, ср. сиб. *мо́рок* ‘что-либо одурманивающее, затмевающее сознание, помрачающее рассудок’, ‘обморок, припадок’, ‘хитрость, плутовство, обман’ [СРНГ 18: 273] (т. е., очевидно, «то, что затмевает сознание»), пск., твер. *мерещун* ‘о том, кому кажется, мерещится что-либо’, ‘о вруне’ [СРНГ 18: 117] (т. е. «тот, кто искажает зрительное восприятие другого»).

В качестве своеобразной параллели рассматриваемому гнезду можно отметить гнездо корня *брус-*, которое демонстрирует сходный путь семантического развития – от конкретного акционального значения, которое можно обозначить как «семантика теребящего движения» (ср. *бруснýть* арх. ‘обрывать, отрывать; отбивать головки с семенем льна (конопли) от стеблей’ [СГРС 1: 192], влг., новг. ‘срывать ягоды, листья; рвать лен, отбивать головки льна’ [СРНГ 3: 209]), до семантики говорения неправды. Причем на разных участках своего общеславянского семантического пространства прослеживается соединение изучаемых смыслов – семантика хождения присуща южно- и западнославянским «представителям» гнезда: болг. *брýсам* ‘ходить тяжело и с шумом’, чеш. *brousii se* ‘бродить, шататься’, чеш. диал. *brousit* ‘бродить, шляться’, словац. *brusit* ‘ходить, плутать, бродить’ [ЭССЯ 3: 48], в русских говорах соединяются значения нарушения восприятия и обмана: твер., калуж., моск. *бруси́ть* ‘бредить’, смол. *брýсить* ‘бредить’, твер. *бруси́ться* ‘видеться, грезиться’, ‘сниться (особенно о чем-л. неприятном)’, твер. *брусни́ться* ‘сниться, грезиться’, твер. *бруси́ть* ‘лгать’, новг., пск. *брусня́* ‘лгуны’, перм. *брýснуть* ‘врать’ [СРНГ 3: 205, 209], вят. *бруснýть* ‘соврать’ [ОСВГ 1: 105].

Таким образом, обманные смыслы (иначе говоря, семантика целенаправленного искажения обманщиком реальности) у слов с корнем *шав-* (арх. *ша́вить* ‘кривить душой’, олон. *шаве́ть* ‘обманывать, лгать’, олон. *нашави́ть* ‘налгать’, арх. *наша́вить* ‘наговорить неправды, наврать’ и нек. др.) могут опираться на семантику искажения реальности в результате наваждения, сна, помрачнения рассудка и под.

«Обманные» слова – не единственные носители негативной семантики в гнезде; в нем представлен комплекс отрицательных значений, относящихся к баловству, озорству, хулиганству, пьянству, греху вообще, включающих бранные

смыслы, а также абстрактные негативные смыслы – ср. олон. *нашави́ться* ‘о несправедливом обвинении, обиде и т. п.: обрушиться, свалиться на кого-либо’: «Не видал беды, так нашавилась: я, вишь, виноват!» [СРНГ 20: 293]. Этот семантический комплекс обязан своему появлению, по-видимому, также семантике неупорядоченного хождения. Можно предполагать, что семантика обмана испытывает взаимную поддержку («подпитку») со стороны указанных негативных смыслов.

В ряду русских диалектных слов, называющих различные поведенческие аномалии, выделяется группа лексем, обозначающих еще один вид обмана – обман в любви: арх. *шаве́ть* ‘изменять жене, мужу’, арх. *ша́вость* ‘блуд, измена жене, мужу’ [СРГК 6: 816–817]. Основания для появления семантики измены в супружестве дает первичная для гнезда семантика беспорядочного хождения, движения из стороны в сторону: метафора неупорядоченного или интенсивного движения является одной из основных метафор, разрабатываемых в сфере лексики со значением обмана в любви, – см. об этом в главе 3 этой работы.

Гнездо, о котором идет речь, лучше всего, судя по словарным данным, сохранилось в русском языке – точнее, в русских говорах. В других славянских языках оно засвидетельствовано довольно слабо, однако инославянские факты, по-видимому, подтверждают первичность семантики перемещения.

Итак, общеславянский характер имеет первичная для гнезда конкретная акциональная семантика – семантика передвижения. В уже упомянутых «Материалах к этимологическому словарю…» А. С. Герда отмечены пол. *szawiać* ‘метать, трясти, бросать’; н.-луж. *šawliś* ‘шляться, бродить без дела’; болг. *шавам*, макед. *шава* ‘болтаться туда-сюда, шататься’ [Герд 2009: 173]. Сюда же следует отнести болг. диал. *шавам* ‘двигаться в разные стороны’ [РСБКЕ 3: 637], болг. диал. *шавам* ‘исчезать, незаметно убегать’ [БД 9: 340], а также, вероятно, болг. *шаввам* ‘двигаться, шевелиться, качаться’ [Геров 5: 593].

Главным образом на основании русских диалектных и болгарских общенародных и диалектных глаголов хождения ряд этимологических словарей восстанавливает **праславянскую форму **šavati***, приписывая ей также семантику передвижения [Герд 2009: 173; ESSJ 4: 13–14; SEK 5: 55].

Инославянские факты демонстрируют также закономерности развития некоторых других значений на базе первичной семантики, обнаруживая смысловые параллели русским языковым фактам. В болгарском языке идея неупорядоченного движения так же, как и в русском, порождает семантику отклонения от этических норм: у глагола *шавам* вслед за значением ‘шататься, качаться’ фиксируется значение ‘отказываться от обязательств; не держать слово; притворяться, лукавить’ [Геров 5: 593], а также значения, связанные с распутным поведением, ср. болг. разг. *шавам* ‘распутничать’ [РСБКЕ 3: 637], ‘не соблюдать супружескую верность’ [БТР: 1112], болг. диал. *шавам* ‘развратничать’ [БД 9: 340]. В качестве возможного континуанта праслав. **šavati*, восстанавливаемого на базе русских и болгарских глаголов движения, который бы обладал семантикой, связанной с «вольным» поведением, в частности, с озорством, называется польск. кашуб. *šavíter* ‘шутник, проказник’, *šavítrowac* ‘шутить’ [SEK 5: 55]. Безлай допускает включение в рассматриваемое здесь гнездо словен. *šavati se* ‘отказываться от предложенного (например, от еды, напитка)’, реконструируя возможную логику развития значений ‘двигаться, передвигаться’ → ‘отклониться, отодвинуться’ → ‘отказаться от предложенного’ [ESSJ 4: 13]. Кроме того, отмечается родство названных слов с ц.-слав. ошаѩти (сѧ) ‘воздерживаться, уклоняться’ [Младенов 1941: 690; ESSJ 4: 13], однако ЭССЯ, восстанавливая праславянскую форму **obšajavati sę*, считают ее континуантами, кроме указанного церковнославянского глагола, только рус. диал. *ошавать* ‘обойти (с трудом, волоча ноги)’, не упоминая другие многочисленные диалектные слова с этим корнем, а также вышеназванные инославянские факты [ЭССЯ 30: 127].

***

В русских говорах обнаруживается ряд слов со значением обмана, в составе которых выделяется корень *шав-*. Кажется закономерным признание их связи с обширным рядом однокоренных диалектных лексем, формирующих в пространстве говоров семантико-словообразовательное гнездо. «Обманная» семантика при этом, очевидно, является частью комплекса негативной семантики гнезда. В одной своей части (связанной с абстрактными понятиями обмана и лжи) она, вероятно, производна от семантики обманчивого восприятия, в другой

(связанной с более конкретными значениями измены в супружестве) – она является развитием базовой семантики гнезда – семантики хождения, неупорядоченного перемещения. Хотя изучаемое словообразовательное гнездо полнее всего сохранилось в русском языке, в ряде славянских языков встречаются предположительно входящие в него элементы, таким образом, оно имеет общеславянский характер, ср. восстановление в некоторых источниках праслав. **šavati* со значением передвижения. Семантическое развитие болгарских, польских и словенских языковых единиц подтверждает восстанавливаемую в разделе логику развития значений внутри русской части гнезда.

4.4. Об этимологии рус. *мазурик* и ряда русских диалектных слов с основой *мазур-*

Значительную группу в семантическом поле обмана формируют слова с корнем *мазур-*. Ее составляют, во-первых, просторечные лексемы *мазу́рик* ‘плут, мошенник, вор’, *мазу́рничать* ‘быть мазуриком; плутовать, мошенничать’, *мазу́рничество* ‘занятие, поведение мазурика; плутовство, мошенничество’, *мазу́рницкий* ‘свойственный мазурику; плутовской, мошеннический’ [БАС 9: 413–414], а во-вторых, диалектные слова гнезда *мазур-*, семантически связанные с обманом. В группе последних номинируются:

◆ те, кто совершает обман / мошенничество: арх., влг. *мазу́рик* ‘обманщик, жулик, мошенник’: «Цыгане таки мазурики дак, хватило у меня ума денег им в долг дать» [КСГРС]; влг., твер., яросл. *мазу́р*, пск. *мазу́рок* ‘вор, мошенник, негодяй’ [ДЯОС 2: 9; Селигер 3: 247; СРНГ 17: 299; ПОС 17: 326]; карел., новг. *ма́зур*, *ма́зу́ра* ‘обманщик, плут’ [СРГК 3: 186; НОС$_2$: 539]; орл. *мазу́рик* ‘тот, кто способен очернить, опорочить другого’ [СОГ 6: 102]; арх., влг., пск., твер. яросл. *мазу́рка*, твер. *мазу́рница* ‘мошенница, обманщица’: «У нас соседка во время войны такая мазурка была» (влг.), «Я не была какой-то мазуркой, я копейки себе не брала» (твер.) [Королева 2000: 117; КСГРС; ПОС 17: 325; Селигер 3: 247–248; ЯОС 6: 28]; пск. *мазура́ш* ‘обманщик, выдумщик, хитрый человек’: «Ну и мазураш ты, Рость: или соврать что хочет или выдумать» [Королева 2000: 117];

◆ обманные действия и их результаты (обозначаемые как глаголами, так и отглагольными существительными): яросл. *мазу́рить* ‘мошенничать, промышлять карманным воровством’: «Который праведником жил – в рай уж попадёт, а который мазурил – в ад» [ЯОС 6: 28]; пск. *мазу́рить* ‘мошенничать, воровать, обманывать’: «Я ш сама даяркай работала, вадички падливали, мазурили даярки» [ПОС 17: 324]; влг. *намазу́рить*, ленингр., пск., смол. *обмазу́рить* ‘обмануть, перехитрить’: «Баба кака-нибудь намазурит тебя – ну, соврёт чё-нибудь, ты думаешь – быль» [КСГРС; СРНГ 22: 117]; ленингр., пск., смол. *обмазу́риться* ‘стать хитрым, ловким, пронырливым’: «Пожил в городе и обмазурился» [СРНГ 22: 117]; арх. *смазу́рничать, намазу́рничать* ‘скрытно что-то сделать, сплутовать, схитрить’: «С тобой плохо дело иметь, опеть чево-нибудь намазурничашь» [УНС: 169]; *мазу́рство* арх., влг., новг., пск., твер. ‘обман, жульничество’: «А пощё бы бабам талоны не выдавать, это ж мазурство какое-то» (влг.) [КСГРС; НОС$_2$: 539; Селигер 3: 248; ПОС 17: 326]; пск. *мазу́рево, мазури́на* ‘хулиганство, мошенничество, обман’ [ПОС 17: 323, 324];

◆ характеристика действия: пск. *на мазурика* ‘постоянно обманывая, обворовывая’: «Эта уш на мазурика, гасударства амманывают» [ПОС 17: 324];

◆ характеристика людей и предметов: яросл. *мазу́рницкий* ‘мошеннический’: «Я помню один разговор, который не относился ни к разным мазурницким проделкам, ни к арестантским выходкам» [ЯОС 6: 28]; ленингр., яросл. *мазу́ристый* ‘хитрый, ловкий, изворотливый’ [ДЯОС 2: 9; СРГК 3: 186]; *мазурова́тый* пск. ‘склонный к воровству’; ‘любящий приврать’ [ПОС 17: 326], новг. ‘хитрый, плутоватый’: «До чего ты, милый, хитер, до чего мазуроват. Говорил: “Готовься замуж”, а сам ты на осень солдат» [НОС$_2$: 539; СРГК 3: 186]; пск. *мазу́рочный* ‘лживый (?)’: «Какии я мазурачныи письма палучал ат той, а я ни хател сверицца» [ПОС 17: 326]; твер. *мазу́рнический* ‘нелегальный, подпольный’: «Мазурнических шинков наделать хотят, водку продавать дешёвую» [Селигер 3: 248].

Кроме того, кажется возможным рассматривать в рамках этого же гнезда слова с начальным *б*: пск. *базу́рить* ‘жить обманом, плутовать’, пск., твер. *базу́рничать* ‘то же’ [ПОС 1: 47; СРНГ 2: 51]. Лексемы на *м* и *б* фиксируются на одной и той же псковской территории. В. Н. Топоров предполагает, что глаголы с

начальным *б* восходят к праслав. диал. **bazuriti* (или, скорее, **obazuriti*), которое заимствовано из иран. **abi-zur* / **aba-zur-*, ср. авест. *zurah-* ‘несправедливость’, ‘обман’, др.-перс. *zūrah-* ‘то же’, перс. *zūr* ‘ложный; ложь’ [Топоров 1971: 450–458]. О. Н. Трубачев разделяет идею о существовании праслав. **bazuriti*, посвящая ему отдельную статью в [ЭССЯ 1: 171], которая основана только на двух указанных выше фактах (пск. *базу́рить*, пск., твер. *базу́рничать*). А. Е. Аникин, считая эту версию сомнительной, предполагает, что рассматриваемые глаголы являются результатом переразложения рус. диал. *абазу́рить* ‘привыкнуть, обнаглеть’, *абазу́риться* / *обазу́риться* ‘облениться; освоиться, стать бойким, смелым’, причем последнее слово (возможно, из **обо-зор-ити*, ср. пск., твер. *обозо́риться* ‘обознаться, оглядеться’) могло испытать влияние рус. диал. *обмазурить*(*ся*), поскольку это позволяет объяснить появление *а* и *у* [Аникин РЭС 1: 64–65; 2: 77]. Представляется, что, согласившись с версией А. Е. Аникина, можно поставить вопрос об участии основы *мазур-* в появлении слов *базу́рить* и *базу́рничать* более кардинально. Возможно, данные глаголы возникли не в результате контаминационных процессов, а собственно в гнезде *мазур-*: во-первых, они идентичны словам *мазу́рить*, *мазу́рничать* в плане семантики и словообразования, а значимость словообразовательной стороны особо возрастает, если учесть, что у слов с начальным *абазур-*/*обозур-* не фиксируются формы на *-ничать* (при наличии *базу́рничать* / *мазу́рничать*); во-вторых, глаголы с *б*/*м* фиксируются на одной и той же псковской территории; в-третьих, мена губных *б*/*м* (в том числе начальных) вполне типична для русских говоров, ср. н.-печор. *бладенец* ‘младенец’, олон. *болодой* ‘молодой’, арх. *ботыга* ‘мотыга’, арх. *бухоморник* ‘мухомор’ [Михайлова 2013: 40, 47, 54, 68], пск. *буржавель* ‘можжевельник’ (ср. пск. *муржавельник* ‘то же’) [ПОС 2: 217; 19: 63]. Формы на *б* могли появиться не только вследствие мены губных, но и под влиянием глаголов, восходящих к **обо-зор-ити*. Таким образом, глаголы на *абазур-*/*абазор-*/*базур-* принадлежат гетерогенному морфо-семантическому полю – и в появлении каждого из них сработал свой «рецепт» участия различных основ, подвергшихся контаминациям.

Общепринятой этимологии слова *мазурик* и других лексем с корнем *мазур-* и семантикой обмана нет.

А. Г. Преображенский трактует слово *мазурик* как заимствование из нем. *Mauser* ‘воришка’ от *mausen* ‘воровать’ [Преображенский 1: 502]. Это признается неубедительным по словообразовательным и фонетическим причинам [Фасмер 2: 558; Черных 1: 502].

Наиболее популярной из этимологических версий является интерпретация слова *мазурик* как принадлежащего гнезду глагола *мазать*, см. [РЖИЭС: 179–182; Черных 1: 502–503; ЭССЯ 18: 32–33; Orel 2: 651] и др. При этом в качестве непосредственного производящего разные исследователи выбирают различные лексемы или лексико-семантические варианты слов данного гнезда. В частности, авторы ЭССЯ полагают, что можно реконструировать праслав. **mazura* / **mazurъ*, континуантами которого являются, помимо слова *мазурик*, рус. диал. *ма́зу́ра* ‘неопрятный человек, грязнуля’, сербохорв. диал. *ма̀зура* ‘неженка’, словен. *mazúr* ‘балованный ребенок’, словен. *mazûra* ‘замарашка’ [ЭССЯ 18: 32–33]. При этом ЭССЯ не комментирует семантическую сторону данного этимологического решения. Такой комментарий дает П. Я. Черных: *мазурик* производно от формы *мазура*, ср. у Даля: *мазу́ра* ‘неряха, чумичка, мазун’. *Мазура*, в свою очередь, образовано от глагола *мазать* при помощи суффикса *-ур-*. Значение ‘воришка-халтурщик, воришка-неудачник, м а з и л а’ (разрядка П. Я. Черных) слово *мазурик* могло получить в жаргоне городских мошенников – «блатной музыке» или «языке петербургских мазуриков» – который упоминает В. И. Даль в статье *мазурик*[77]. Глагол *мазурить* ‘промышлять карманным воровством’ был образован также от формы *мазура*. В дальнейшем *мазурик* приобрел более широкое значение ‘вор, плут, обманщик’; см. [Черных 1: 502–503].

Прокомментируем словообразовательный аспект этого решения. Единственный приведенный Черных пример отглагольного образования на *-ur*(*a*) – чеш. диал. *měchura*[78] – свидетельствует о редкости такой модели в славянских языках. Это подтверждается тем, что в «Очерке праславянского словообразования» Ф. Славского суффикс *-ur-* в отглагольных образованиях представлен единичными примерами, ср. *pečura, pečurka* ‘гриб шампиньон, Agaricus campestris’ от *pekti*

---

[77] Как известно, В. И. Даль записывал и изучал условный язык петербургских мошенников (*мазуриков*), см. об этом [Бондалетов 2012: 140–179]; в словарике этого языка, составленном Далем, слову *мазурик* дается дефиниция ‘мошенник, из наших’ [Там же: 148].

[78] Вероятно, от чеш. *míchat* ‘мешать, смешивать’; см. образование от этого глагола с более продуктивным суффиксом – *měchačka* ‘мешалка’ [Machek 1968: 365].

‘печь’, *pьzdura* ‘глупость, вздор’ от *pьzděti* ‘bździeć, pedere’, чеш. диал. *chod’ura* от *chod’it’* [Sławski 1976: 27][79]. В русских говорах, по данным обратного индекса к первым 25 выпускам СРНГ [RI], отглагольные лексемы с суффиксом *-ур-* тоже раритетны, ср. разве что тамб., пенз. *пéкур* ‘маленький горшок, чугунок’, костр. *пекýра* ‘печка’ [СРНГ 25: 320], но при развитой вариативности суффиксов (подобный горшок, к примеру, может называться *пекуша, пекун, пекуль* и пр.) словообразовательная автономность слов *пéкур* и *пекýра* весьма сомнительна.

Тем не менее, хочется обратить внимание на несколько языковых фактов, которые могут претендовать на статус семантически «бесспорных» дериватов корня *маз-* с этим суффиксом. Во-первых, это слова восточнославянских языков, обозначающие грязного (вымазавшегося в грязи) человека: ср., к примеру, без указ. места *мазýра* ‘неопрятный человек’ [ДО: 108], влг. *мазýрик* ‘неопрятный, грязный человек’: «Привела к тебе мазурика, где и измазался эдак» [СВГ 4: 67], пск. *мазýрка* ‘грязный, неряшливый человек’ [ПОС 17: 325], блр. *мáзур* ‘с запачканным лицом, грязный, смуглый’, укр. *замазýра* ‘то же’ [ЭСБМ 6: 164] и др. – при наличии бессуфиксальных образований вроде пск. *мáза* ‘неряшливый человек, грязнуля’ [ПОС 17: 316]. Во-вторых, это южнославянские обозначения избалованного, изнеженного человека (того, кого «мажут» → гладят → балуют, ласкают): сербохорв. диал. *мàзура* ‘неженка’, словен. *mazúr* ‘балованный ребенок’ [ЭССЯ 18: 32–33], ср. с этим же корнем рус. диал. *маз* ‘любовник’, чеш. *mazlivý* ‘избалованный’, сербохорв. *мàзница* ‘неженка, любимица’ [Там же: 32–33, 35].

Оценивая версию о производности *мазурика* от *мазать* с точки зрения семантики, надо признать, что не до конца ясен вопрос о развитии значения ‘вор, мошенник, обманщик’. Предлагаемая П. Я. Черных семантическая цепочка ‘грязнуля’ → ‘мазила, неудачник’ → ‘воришка-неудачник’ → ‘вор, мошенник’ кажется искусственной конструкцией, тем более что два срединных звена не фиксируются словарями. Основанием для появления «обманных» и «мошеннических» значений у *мазурика* может служить скорее смысловой потенциал глагола *мазать*, ср., например, твер. *мазать* ‘обманывать, надувать’

[79] В некоторых славянских языках суффикс *-urъ* встречается в экспрессивных словах (чаще всего с пейоративным оттенком), например, польск. диал. *lisiur* ‘лиса’, чеш. диал. *kijur* / *kyj* ‘палка’ [Sławski 1976: 26].

[СРНГ 17: 294], пск. *мазать* ‘лестью располагать к себе’, ‘врать’ [ПОС 17: 318–319].

Еще одна версия происхождения слова *мазурик* основана на предположении о том, что *мазурик* – полонизм, который возник из обозначения этнографической группы поляков. Автором этой версии является, по всей видимости, А. Брюкнер [Brückner 1914: 214]; она транслируется, в числе прочих, со ссылкой на Брюкнера в [Фасмер 2: 558; ЭСБМ 6: 164; Orel 2: 651]. А. С. Герд в своих «Материалах для этимологического словаря севернорусских говоров» приводит близкие *мазурику* диалектные слова вроде влг., карел., ленингр. *мазу́рик*, *мазу́рник* ‘озорник’ и др., указывая для них в качестве источника как польск. *Mazur* ‘житель Мазовии’, так и блр. *мазу́рик* ‘грязный, смуглый человек’ [Герд 2004: 228]. Возможность образования *мазурика* от *мазур* ‘поляк’ отмечал и В. И. Даль (наряду с версией о производности изучаемого слова от *мазуля* ‘замарашка, оборванец’) [Даль 2: 295]. Однако эти источники ничего не говорят о смысловых связях между польск. *Mazur* и рус. *мазурик* ‘жулик’, что заставило авторов, придерживающихся данной версии, предложить для нее мотивацию.

Обоснованию того, что слово *мазурик* образовано от обозначения этнографической группы поляков *мазуры* (*Mazury*), относящегося к жителям Мазовии (земли в центральной и юго-восточной Польше) и переселенцам из этой области, посвящена статья [Березович, Кучко 2017]. В ней с помощью данных лексической системы и фольклора реконструируется языковой портрет мазура в русской традиции, который сопоставляется с языковым стереотипом о мазурах в языке-источнике (польском) и в языках тех народов, которые тесно контактировали с мазурами (украинском и белорусском). Не будем перегружать настоящий раздел обширными инославянскими языковыми и фольклорными данными. Приведем основные аргументы в пользу «этнонимического» решения.

♦ Изложенная версия кажется обоснованной с точки зрения семантики. Языковые и фольклорные данные языка-источника, а также соседних с ним украинских и белорусских говоров позволяют реконструировать черты культурно-языкового образа мазура. В изображении польского, украинского и белорусского языков мазур имеет «иномирный» физический облик, характеристиками которого являются слепота, черная глотка (небо), темное лицо, «короткоголовость». Мазуру

приписываются негативные интеллектуальные, психические и социальные качества: низкий интеллект и уровень образования, хитрость и жуликоватость, «дикость», убожество и нищета, необузданность, злобность, драчливость, пьянство, похотливость, некрасивая речь; образ жизни и род занятий связываются с постоянным перемещением мазуров в пространстве, а также солдатчиной. В образе мазура представлена обобщенная негативная оценка, сходная с оценкой других инородцев и соседей – таких, как жид, москаль, турок (факты, на основе которых воссоздан этот портрет, см. в [Березович, Кучко 2017].

Эти смыслы проецируются на семантико-деривационное гнездо с вершиной *мазур* в русских диалектах, которое включает значения, связанные главным образом с негативным социальным поведением. Кроме обмана, мошенничества и хитрости, это разбой (пск. *мазу́рик, мазура́* ‘бандит, убийца, разбойник’: «Кагда людей чалавек убиваит, то мазурик» [ПОС 17: 322, 324]), озорство, особенно о детях и животных (влг., карел., ленингр., пск., смол., костр. *мазу́рик*, твер. *мазурёнок*, ленингр. *мазу́рник, мазуро́ль, мазуря́тик* ‘о детях: непослушный ребенок, озорник, хитрец’: «У Марфы внуки вольные, самовольные мазурики, никого не послухаются» (карел.) [Ганцовская 2015: 203; ПОС 17: 324, 325; Селигер 3: 247; СРГК 3: 186; ССГ 6: 74], новг. *мазу́рик, мазу́ра*, влг. *маздурик*[80] ‘шалун, озорник’: «Ах, мазурик ты этакой, зачем кошке на хвост фантик привязал?» (новг.) [КСГРС; НОС$_2$: 539], твер., ленингр., пск. *мазу́рик, мазу́рка, мазу́ра́* ‘о непослушном животном’: «Мазурка, не слушается, тёлушка если, а если бычок – скажем “мазурик”» (твер.) [СРГК 3: 186; Селигер 3: 247–248; ПОС 17: 325], новг. *мазурова́тый*, твер. *мазу́ристый* ‘склонный к озорству’ [НОС$_2$: 539; Селигер 3: 248], пск. *мазурно́й* ‘непослушный (о ребенке)’: «Ой ты мазурной какой, ты чаво бабу ни слухаиш» [ПОС 17: 325]), шумное веселье, драчливость (яросл. *мазу́рить* ‘шумно веселиться’, влг., карел., ленингр., новг., пск., твер., яросл. *мазу́рничать* ‘озорничать, шалить, хулиганить’: «Он мазурничает, шалит больно» (влг.), пск. ‘строить из себя шута’ [ПОС 17: 326; Селигер 3: 248; СРГК 3: 186; ЯОС 6: 28–29], пск. *мазуря́га* ‘драчун, задира’: «Драксун, чиво ты лезиш, мазуряга, к ниму» [ПОС 17: 326]), пьянство (пск. *мазу́рик* ‘пьяница’: «Вотку-та как хлешшит, мазурик» [ПОС 17: 323]), лень, безделье (пск. *мазу́рик, мазу́рник*

[80] Очевидно, здесь имеет место аттракция слова *мазурик* к какой-либо лексеме с корнем *дур-*.

‘ленивый человек, бездельник’: «Мазурикам звали чылавека, ён ни работал» [ПОС 17: 324], ленингр. *мазу́рничать* ‘бездельничать, лентяйничать’: «Мазурничать, не делать ничего, а дело стоит всё» [СРГК 3: 186]), неумелость (пск. *ма́зу́рица* ‘неумелая, неряшливая хозяйка’: «Ма́зурица, ты што воду-та разлила» [ПОС 17: 325]), недружелюбие (твер. *мазу́ра* ‘угрюмый, сердитый’ [ДО: 108]).

Отмечаются внешние признаки мазура – он представляется маленьким и некрасивым (яросл. *мазу́ристый* ‘маленький, худенький, некрасивый’: «Жених ее такой мазуристый» [ЯОС 6: 28]), а также его образ жизни и род занятий – это матрос, бурлак, бродяга (ср. <с пометой «обл.»> *мазу́р* ‘работник на судне’, без указ. места ‘бурлак’ [СРНГ 17: 299], оренб. *мазу́р, мазу́рик* ‘матрос’: «На корабль не всё штрафованных, сажают и хороших нештрафованных, примерно, мазуриков, тоись матросиков, которые по компасу понимают» [Малеча 2: 389], астрах., нижегор. *мазу́рушки, музу́рушки* ‘вольные люди, удальцы, промышляющие морским разбоем’ [СРНГ 17: 300], бурят. *мазуркú* ‘бездомные, часто меняющие место жительства люди’ [СРГС 2: 248]).

Картина, рисуемая лексическими данными польского, украинского и белорусского языков, является более подробной и конкретной; портрет, реконструируемый на основе русских диалектных данных, более «размыт» и экспрессивен. Это объясняется тем, что носители русских говоров имели меньше прямых контактов с мазурами. Однако при этом основные черты обоих портретов прозрачно накладываются друг на друга, что обеспечивает обоснование версии о польских «корнях» *мазурика* в семантическом ключе.

♦ С точки зрения словообразования вероятно предположение о том, что рус. *мазурик* воспроизводит структуру польской формы *Mazurek* ‘мазур’, которая представлена в языке-источнике наряду с бессуфиксальной *Mazur* [SW 2: 907].

♦ В плане лингвогеографии «этнонимическая» версия позволяет объяснить ареальные характеристики лексических единиц из гнезда с вершиной *мазур*.

Первоначально слово *мазурик* было распространено, по-видимому, на территории русского северо-запада и центральной России, ср. фиксации XIX в.: петерб. *мазу́рик* ‘вор, мошенник’, пенз. *мазу́рник* ‘то же’ [Опыт: 109], пск. *мазу́рик* ‘нахал, наглец, пересмешник, зубоскал’ [ДО: 108], новг., пенз., пск. *мазу́рик*,

мазу́рник ‘карманный вор, комнатный и уличный в городах, особ. в столицах’, пск. *мазу́рничать* ‘вести себя мазуриком, наглецом, пересмешником’ [Даль 2: 752].

История русского языка XIX–XX вв. хранит наблюдение о том, что слово *мазурик* воспринималось в первую очередь как петербургское в отличие от московского *жулик*. Показательно, что М. И. Михельсон, составляя статью на слово *мазурик*, подает его так: *мазурик* (*петербургский*); при этом приводится контекст из П. И. Мельникова-Печерского: «Улыбнулись часики, достались московским жуликам либо петербургским мазурикам» [Михельсон 1: 530]. Об этом говорит и замечание из записанной Е. З. Барановым в 1928 г. в Москве городской легенды: «Какой жулик лучше – московский или петербургский? Только в Петербурге называют не *жулик*, а *мазурик*. Ну да, честь одна: что в лоб, что по лбу» [Московские легенды: 68]. Ю. С. Сорокин комментирует ареальные характеристики слов *жулик* и *мазурик* в своей книге о развитии словарного состава русского литературного языка: «Первоначально эти синонимичные существительные <*жулик* и *мазурик*> различались по месту распространения. Ср. примечание в романе Б. Маркевича “Перелом”: “На юге России мошенников называют “шарлатанами”, как в Петербурге “мазуриками” и “жуликами” в Москве” <…>. Ср. *жулик* – Кал. <т. е. тверское>, Моск.; *мазурик* – Петрогр., Вят., Костром., Псков., Тихв., Яросл. Таким первоначальным диалектным распространением этих слов объясняется и соотношение их употребительности в литературной речи. При очевидном преобладании петербургской литературы и журналистики в XIX в. более употребительным было слово *мазурик* (в том числе и в расширительном смысле). <…> Позднее более распространенным оказывается московский вариант, а слово *мазурик* более ограниченным и специфическим» [Сорокин 1965: 485–486].

Что касается других слов изучаемого гнезда, то они распространены на севере, северо-западе и западе России (а как известно, язык Петербурга во многом подпитывался именно северо-западными говорами), а также в некоторых центральных областях. При этом «пик активности» таких слов фиксируется в псковских говорах, являющихся самыми подходящими «проводниками» для заимствований из польского языка, поскольку псковские земли граничат с белорусскими, которые, в свою очередь, соприкасаются с северо-востоком Польши – зоной проживания мазуров. Таким образом, слово могло попасть в

русский язык как непосредственно из польского, так и через белорусское посредничество.

♦ С лингвогеографическим аспектом тесно связан социолингвистический. Слово *мазурик* и родственные ему в русском языке являются фактами народной речи (просторечия и диалектов), что согласуется с социолингвистическими характеристиками элементов семантико-деривационного гнезда *Mazur* в польском, а также с нашим предположением об устном характере заимствования.

Итак, просторечное русское слово *мазурик*, как и обширное гнездо родственных ему слов в русских говорах, в том числе обладающих обманной семантикой, является полонизмом, поскольку заимствовано из обозначения мазуров – этнографической группы поляков-жителей Мазовии и некоторых других (в основном, северных и северо-восточных) территорий Польши, которые подвергались активному заселению мазурами.

4.5. Влг. *КАЛАУШНИК* ‘БОЛТУН, ВРУН’

Среди обозначений врунов встречается влг. *калау́шник* ‘болтун, врун’ [СГРС 5: 29]. Это слово входит в блок лексем с основой *калауш-* / *колоуш-*, связанных с отрицательно оцениваемым речевым поведением. Его формируют, кроме названного слова, влг. *калау́шка*, *колоу́шка* ‘о болтливом человеке’: «Калаушка какой-то такой развесёлой, болтает ерунду, кто-то болтушкой, кто-то калаушкой и зовёт»; «Ну и колоушка ты!» [КСГРС], *калау́шничать* ‘болтать, говорить без дела’: «Калаушником иногда называют человека, баламута-то, болтает много, как болтун, калаушничает. Идут два старика всю дорогу и врут, приходят домой, друг другу правды не сказали, много говорят не по делу, калаушничают» [СГРС 5: 29], пск., твер., новг. *колоу́шник* ‘сплетник, наушник’ [ПОС 15: 99; СРНГ 14: 190; ТТС 4: 54], *колоу́шничать* пск., твер., новг. ‘сплетничать, наушничать’ [ПОС 15: 99; СРНГ 14: 190], ‘сплетничать, переносить, наушничать’ [Даль 2: 360], вят. ‘сплетничать’: «Нехорошо колоушничать. Поди, еще к тебе вернется неправда-то» [ОСВГ 5: 77]. Как кажется, эти слова не рассматривались в этимологической литературе.

Представляется, что эти слова можно интерпретировать как исконные образования на базе сочетания *коло* + *уши*: кажется вероятным, что они возникли с

опорой на рисуемую их внутренней формой деталь картины распространения слухов – их устную передачу «в уши» следующим участникам цепочки.

Первая часть этих сложных слов, таким образом, восходит к диал. шир. распр. предлогу *коло* ‘около’ [СРНГ 14: 139]. Предлог *коло* ‘около’ становится первой частью сложных слов не единожды, ср., например, арх. *колобрежцы* ‘жители морского побережья, поморы’ [СРНГ 14: 146], без указ. места *колоречная трава* [Там же: 173], без указ. места *кололесный* ‘находящийся около, у леса’ [Даль 2: 348], влг. *кологородица* ‘люди, живущие в пригороде’ [СГРС 5: 251].

Что касается фонетического облика слов – сосуществования начальных *кала-* и *коло-* в вологодских говорах, характеризующихся оканьем – можно заметить, что «акающее» произношение исконных слов на этой территории вполне возможно. Подобные примеры регистрируются словарями и являются, по-видимому, устойчиво фиксируемыми языковыми фактами. В частности, в Вологодской области соседствуют пары *калабáшка* (*калабáшечка*) и *колобáшка* ‘грубо выделанная деревянная посуда’, ‘деревянная чурка; миска, плошка’, *калабýшка* ‘ком из теста’, ‘род пирога’ и *колобýшка* ‘ватрушка’, производные от *колоб-* и отражающие круглую форму обозначаемых ими предметов (см. [СВГ 3: 33, 84; СГРС 5: 26, 248; СРНГ 14: 148]). Деэтимологизации и последующему «акающему» произнесению может подвергаться и предлог *коло* ‘около’, ср. влг. *калабрóда* и *колобрóда* ‘тот, кто колобродит; частый и назойливый гость’ [Там же] (*калабродить* «от *коло* ‘около, вокруг’ и *бродить*» [Фасмер 2: 164])[81].

Вторая часть рассматриваемых лексем восходит к слову *уши*. Образ ушей нередко участвует в изображении процесса распространения сплетен (ср., например, *дуть в уши* ‘сплетничать’ [Даль 4: 1111], иркут. *надувать уши ветром* ‘то же’ [ФСРГС: 117], морд. *настрекать в уши* ‘насплетничать’ [БСРП: 694]) или ложится в основу номинаций этого процесса и его участников (ср. без указ. места *ушник* ‘сплетник’, *ушничать* ‘наушничать’ [Даль 4: 1124]). Мотив воздействия на уши воспроизводится в ряде выражений с семантикой передачи ложных слухов и – шире – речевого обмана (ср., к примеру, волгоград. *натарахтеть в уши* ‘очернить

[81] В окающих говорах переход *о* > *а* может осуществляться и под ударением, ср., к примеру, арх. *каравáд* ‘хоровод’, карел. *кáли* ‘около’ [Михайлова 2013: 169, 171]; это явление, представленное большой группой лексики не только на севернорусской, но и на других территориях, освещается, в частности, в [Михайлова 2014].

кого-л.’ [БСРП: 694], омск. *залезть в ухо* ‘обмануть’ [ФСРГС: 78], жарг. *тереть* / *втирать* / *причесывать* / *шлифовать уши* ‘лгать’ [БСРП: 695]). Таким образом, использование образа ушей в словах, обозначающих речевое поведение, закономерно.

Показательно, что в ряде словарей (в [Даль; ПОС; СРНГ]) дефиниции глаголов *калаушничать* (*колоушничать*) даются с помощью лексемы *наушничать* ‘клеветать, сплетничать’, актуализируя сходство внутренних форм двух глаголов и «оживляя» некоторые аспекты ситуации передачи сплетен. Аттракцию к слову *наушничать* можно считать существенным стимулом к формированию внешнего облика изучаемого речевого глагола.

Приводимые в разделе языковые факты записаны на вологодской, псковской и новгородской территориях, где также фиксируются обозначения болтающей попусту, занимающейся сплетнями женщины, образованные от глагола *колотить* по широко распространенной семантической модели «стучать, хлопать, колотить» → «пустословить, сплетничать»: влг. *колоту́шка* ‘болтливая женщина’ [СВГ 3: 91], новг. *колоту́ша* ‘сплетница’ [СРНГ 14: 185], пск., новг. *колоту́ха* ‘болтунья, сплетница’ [Там же: 184], пск. *колоту́шка* ‘выдумщица’ [ПОС 15: 95]. Сближения на основании фонетической и семантической близости между двумя группами слов вполне вероятны.

Итак, в основу данных лексем положен «популярный» в описании процесса передачи сплетен образ ушей; на их формирование оказала влияние и аттракция со стороны нескольких сходных по фонетическому облику слов «речевой» семантики[82].

---

[82] Рассматриваемые выше слова квалифицируются нами как омонимы по отношению к ряду слов как исконного, так и заимствованного происхождения, зафиксированных, в отличие от названных, только на вологодской территории: это названия шапки и ее части – *калау́шка* / *колоу́шка* / *колау́шка* / *калаву́шка* ‘шапка-ушанка’; *калау́шка, калау́шечка, колоу́шек* ‘пришивное ухо у зимней шапки’; обозначения лиц легкомысленного и развратного поведения – *калау́шка* ‘девушка легкого поведения’; *кала́ушка* и *калау́шка* ‘легкомысленный, развязный человек’; обозначения отрицательного «пищевого поведения» – *калау́шник* / *колоу́шник* ‘тот, кто привередлив в еде’, ‘тот, кто стремится незаметно утащить лакомство’, ‘попрошайка, тот, кто клянчит еду’; *калау́шить* ‘выпрашивать еду’, *калау́шничать* / *колоу́шничать* ‘сидеть или стоять у стола, за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду’, ‘выискивать, выпрашивать еду’, ‘быть привередливым в еде’ и некоторые другие слова. Анализ этих языковых фактов и попытку установления их происхождения см. в [Кучко 2016б].

4.6. Краткий этимологический комментарий к отдельным русским диалектным словам со значением обмана

В настоящем разделе рассматриваются диалектные лексемы с непрозрачной внутренней формой, которые не были представлены при анализе материала в рамках предметно-тематических кодов. Эти лексемы реализуют непродуктивные номинативные модели или имеют заимствованное происхождение. Подача слов осуществляется в алфавитном порядке. Сначала следует само слово в «обманном» значении (одно или в составе семантико-словообразовательного гнезда), затем – комментарий к нему.

ала́харь калуж. ‘обманщик’ [СРНГ 1: 232]

Слово фиксируется в центральных и южных говорах. Его семантический спектр обширен и включает различные отрицательные характеристики человека – его внешних качеств (ряз. ‘грязный человек’, сарат. ‘оборванец’), интеллектуального уровня (орл. ‘глупец, дурак’), поведения (курск. ‘буйный, беспокойный человек, разбойник’, ряз. ‘грубиян’, сарат., ворон. ‘лодырь’, тул. ‘гуляка, праздный человек’, орл., калуж., ряз. ‘бездельник, шалопай’, калуж., ворон. ‘человек, любящий жить на чужой счет’, ворон. ‘пьяница, лодырь, жулик’) [СРНГ 1: 232]; ср. также тамб. *ола́харь* ‘сорванец’, орл. *ола́харнишать* ‘лодырничать’ [СРНГ 23: 182]. А. Е. Аникин помещает слово в гнездо с том. *ла́харничать* ‘безобразничать’, смол. *ла́харь* ‘любовник, ухажер’, производных от брян. *ла́хать* ‘бегать, метаться’, блр. *лахаць* ‘бегать, искать’ [Аникин РЭС 1: 148] (< прасл. **laxati, *laxajǫ* с первоначальным значением ‘бегать’, см. [ЭССЯ 14: 16–17]). Таким образом, мотивационным признаком, отраженным в слове, можно считать признак неупорядоченного движения, а значение ‘обманщик’ могло появиться как продолжение общей отрицательной семантики слова – ср., к примеру, *блудить* яросл., твер., влад., самар., перм., том. ‘шалить, проказничать’ и свердл. ‘обманывать, врать’ [СРНГ 3: 29].

алы́рить пск. ‘промышлять обманом, мошенничать’: «Ты, брат, алыришь» [СРНГ 1: 243], ***алы́рник*** курск., калуж., тамб., нижегор., смол., арх., влг., яросл.

‘обманщик, плут, мошенник’: «Настоящий алырник»; «Живёт алырником» [Там же], ***алы́ра*** перм., пск., тул., твер. ‘то же, что алырник’: «Такой алыра, что в глазах обманет»; «Оба брата пронырством живут – алыры» [Там же: 242]

Лексемы демонстрируют связь между смысловыми областями обмана и отрицательного отношения к труду, ср. *алырить* вят., нижегород., уфим., симб., перм., казан., влад. ‘бездельничать, лениться’ [СРНГ 1: 242], *алырник* южно-сиб., ср.-урал., тамб., перм., ворон., сарат., самар., твер., нижегор., яросл., влг. ‘бездельник, лентяй, дармоед’ [Там же: 243]. Для этих слов допускается заимствование из тюрк. источника типа тур. *alyr* ‘возьмет, отнимет’ от *al-* ‘брать, получать, покупать’ [Аникин РЭС 1: 176].

бортану́ть смол. ‘изменить, нарушить верность кому-либо’: «Ина уначали с им дружыла, а патом бъртанула яму» [ССГ 1: 231]

Фиксируется также смежное с первым значение ‘покинуть, оставить’: «Нъдаела мне ина, я и бъртанул яе»; «Пажыл и бъртанул мяне, бросил мяне» [Там же]. Вероятно, глагол является жаргонизмом, проникшим в диалектную систему, ср. его фиксации в жаргонных словарях: *бортану́ть* ‘оттолкнуть’ (угол.), ‘прогнать кого-л., отказать кому-л.’, ‘обмануть’ (перм.) [БСЖ: 73]; *бортова́ть, бортану́ть* ‘отказывать кому-л., не выполнять данное обещание, обманывать’: «Я его с деньгами бортанул – не дал денег» (от общеупотр. *борт*, возможно, первоначально из *спорт*.) [Елистратов: бортовать].

В рамках жаргонного словообразования это слово, очевидно, производно от *борт* ‘боковая стенка чего-л. (судна, спортивной площадки)’. Слово попало из жаргона и в разговорный стиль литературного языка, ср. *бортану́ть* разг.-сниж. ‘с силой ударить, толкнуть, оттолкнуть’: «Бортануть головой в живот»; ‘резко, категорично отказать кому-л.; отвадить’ [БТС: 92], а также контексты из [НКРЯ] (выбраны те, в которых реализуется значение ‘бросить, оставить’): «Бортанула она его… Лысого! – А мне жалко» <А. Приставкин, 1981 г.>; «Смотри, вот мамке стукну, она тебя тогда бортанет» <В. Аксенов, 2007 г.>. В качестве мотивационной параллели ср. разг. *побоку* (*пустить*) ‘отстраниться от чего-л. с безразличием’.

бру́сить твер. ‘лгать’ [СРНГ 3: 205], ***бру́снуть*** перм. ‘врать’, ***брусня́*** новг., пск. ‘лгуны’ [Там же: 209], ***брусна́*** новг., перм., урал. ‘тот, кто говорит неправду, лгун’ [Там же: 206]

Лексемы со значением говорения неправды, вместе с лексемами, отражающими в значениях иное отклоняющееся от нормы поведение (например, *бру́сить* пенз. ‘пьянствовать’, смол. ‘шалить’) или обманное зрительное впечатление (например, *бруси́ться* твер. ‘видеться, грезиться’, ‘сниться (особенно о чем-л. неприятном)’, см. семантический комплекс, восстанавливаемый в § 1.3.2), относятся к дериватам прасл. **brusiti* (*sę*) с обобщенной семантикой теребящего или повторяющегося движения, ср. его славянские реализации: болг. *бруся* ‘сбивать (плоды с дерева)’, макед. *бруси* ‘точить, натачивать’, чеш. *brousit* ‘точить, заострять, шлифовать; бегать’ [ЭССЯ 3: 49]. Перед нами один из примеров развития «обманных» значений на базе конкретной акциональной семантики (ср., например, в разделе 4.3 гнездо корня *шав*-).

восся́ влг. ‘обманщик, врун’: «Пересказывает да врёт, как восся, обманет во вред» [КСГРС]

Первичной и широко распространенной является семантика кожной болезни, ср. *восся́* влг. ‘нарыв, гнойник’ [КСГРС], арх. ‘лишай’, свердл. ‘болезнь кожи’ [СРНГ 5: 146], *восса́* курск., влад., иркут. ‘болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (лишай, экзема, чесотка); зуд’, калуж., ворон. ‘сильный зуд в ступнях ног’, тул. ‘болячка с ранкой посредине с болевым ощущением в одной точке’ [Там же: 145], без указ. места *восца́* ‘упорный, иногда гнойный лишай, накожная язва, на людях и на скоте, у людей меж пальцев, на ладони и на подошве’ [Даль 1: 617] и др. Отсюда – вторичные значения, связанные с сильным желанием и такими качествами, как беспокойность, бойкость, непоседливость и под., ср. пенз. *восца́* ‘сильное желание, стремление к чем-л.’, баш. *восца́ в руках* ‘очень хочется, руки чешутся сделать какую-либо шалость, проказу’ [СРНГ 5: 152], влг., влад., яросл. *восца́* ‘живой, бойкий человек’, ‘капризный человек’ и под. [Там же], курск. *восса́* ‘о беспокойном человеке’, ворон. *восса́ в руках* ‘о шалостях детей’ [Там же: 145], влг. *восся́* ‘подвижная, резвая девочка’ [КСГРС], влг. *восса́* ‘беспокойный непоседливый ребенок’ [СГРС 2: 188], сюда же, очевидно, *вопса́* влг. ‘человек,

любящий драться, хулиганить’ [Там же: 172], а также влг. *опси́на* ‘непослушный ребенок’ [КСГРС].

Значение ‘обманщик, врун’ появилось как абстрактная реализация конкретной негативной семантики. Вероятные ступени развития значений – ‘сильный зуд; кожная болезнь’ → ‘тот, кто постоянно вертится’ → ‘тот, кто обманывает, не говорит правду’ (ср., к примеру, арх. *вертёшка* ‘озорной, бойкий ребенок, непоседа, шалун’ и ‘лукавый, непрямодушный, лживый человек’ [СРНГ 4: 152]).

Слово *восся* и перечисленные формы, первоначально обозначающие мокнущий гнойный лишай, восходят к праслав. **ob-sьca* ‘зуд, раздражение кожи’ от **ob-sьcati*, ср. рус. *обосса́ть* < праслав. **sьcati* ‘мочить’; возникновение семантики верчения закономерно для слов, называющих чесотку и зуд, см. [Меркулова 1972: 156]. См. еще [Аникин РЭС 8: 300–301; Березович 2003: 166; ЭССЯ 30: 123–124].

вы́монтить смол. ‘выпросить с помощью хитрости или обманом’: «Ни наси цацки на вулицу, дети вымантють»; «Учёра дыла мальцу канхвет на вулицу, а Матрёнина деука усё у яго вымынтила»; «Так ён не дась, если ня вымантить хто» [ССГ 2: 101]

Слово, очевидно, пришло на смоленскую территорию со смежной белорусской, ср. блр. *мантыі́ць* ‘привлекать’, а также укр. *мантити* ‘выманивать, обманывать’, укр. *манта́* ‘обман’, ‘лжец’, польск. *mancić* ‘приманивать, обманывать’. Образовано от *манить* (блр. *маніць*) с вставным суффиксом *-т-* [ЭСБМ 6: 221; ЕСУМ 3: 386]. Сюда же, возможно, относится смол. *вы́манцирить* ‘выпросить, выманить обманом или лестью что-нибудь’ [ССГ 2: 101].

древи́ть арх., влг., петерб. ‘говорить вздор, пустяки, болтать, лгать’: «Он все такое древит, что и слушать не хочется»; «Я Ефиму соврала, он говорит: “Что древишь? Не древь, которо не надо”» [СРНГ 8: 179]

Очертим круг значений слова: арх. *дре́ви́ть* (*древлю, древит* / *древлет*) ‘находясь в состоянии психического расстройства, умопомрачения, совершать странные поступки и не вполне нормально говорить’: «Старой будешь, даг древидь

будешь – россутку не будёт»; «На шестом десятке как не древить!», ‘буйно, неразумно себя вести’ [АОС 12: 247]; арх. *древе́ть* ‘то же’: «Древна бапка, древит, внучка йей содярживат»; *дре́ви́ть* арх. ‘забываться, лишаться памяти и соображения’: «Стары-те древят»; «Древят уж старухи-те»; «Молоды не знают, а стары древят, ничего не скажут»; «Все скоро древить будем» [СГРС 3: 266]; арх., смол. ‘говорить, бормотать бессвязно во сне или во время болезни; бредить’; арх. ‘досаждать, бранить’ [СРНГ 8: 180]. Значение речевого обмана представляется вторичным по отношению к семантике невнятного или неразумного говорения, вызванного помрачением рассудка (ср. в качестве параллелей смол. *бруздить* ‘говорить бессвязно, непонятно’, ‘лгать’ [ССГ 1: 257], а также без указ. места *бредень, бредня* ‘вранье, вздор’, ‘врун’ [Даль$_2$ I: 128]). Показательно повторение в контекстах указания на старость как возможную причину «древления»; естественным поэтому кажется связать *древить* с *древний* ‘старый’, ср. арх. *дре́вной* ‘проживший много лет, старый’: «Мы уж тут древны, ходить не можем» [СГРС 3: 266]. Вероятно, что именно эта связь нашла языковое воплощение в арх. *дре́вный* ‘бестолковый’: «Дре́вна я, куколка, в моей башке нету толку»; «Древно чудо! Говори путем»; «Кудыйно потерял кур, древный ходишь старик» [СРНГ 8: 180], а также в печор. *древний, древный* ‘потерявший способность соображать от старости’: «…ста́роj бу́д’ош, дак др’е́вноj бу́д’ош» [ЭССЯ 5: 107].

кишева́ть арх. ‘обманывать, лгать’: «Ты все кишуешь», ***киш*** арх. ‘обманщик, лгун’ [СГРС 5: 161]

Слова, вероятно, возникли в гнезде рус. *кишеть* (< общеслав. **kyšati*, соотносящегося с **kysnǫti*, с развитием значений ‘кваситься’ → ‘подходить на дрожжах, разбухать’ → ‘шевелиться, кишеть’, см. [ЭССЯ 13: 277]). Появление дериватов с семантикой обмана опирается, как представляется, на две семы – интенсивности, питающей экспрессию производных лексем, и беспорядочного движения (последняя легла в основу пенз. *кишева́ть* ‘проводить время в хлопотах, не знать покоя, крутиться’ [СРНГ 13: 249]).

мухлева́ть прост. ‘жульничать, обманывать’, его диалектные варианты и словообразовательные дериваты сиб. ***мухловать*** (также ‘знахарить, ворожить’)

[Даль$_2$ II: 370], яросл. ***мухла́чить*** ‘плутовать, обманывать, мошенничать’ [ЯОС 6: 68], влад., влг., ряз., пенз. ***смахлевать*** ‘сплутовать, смошенничать, обмануть’: «Ловко смахлевал: и дом завел, и денег мало истратил» [СРНГ 38: 348], арх. ***смахла́чить*** ‘схитрить, обмануть, смошенничать’: «В магазине-то все робили, робили да и смахлачили что-то» (также ‘плохо, небрежно сделать что-л.’) [Там же: 348]

М. Фасмер считает слово заимствованием из немецкого арго: нем. *moheln* имеет значение ‘метить карты’ [Фасмер 3: 19], то есть ‘обманывать партнеров по карточной игре’, влекущее за собой более широкое значение ‘плутовать, обманывать’. Это же мнение транслируется в [Шведова 2007: 468] с примером сходного развития семантики в нем. *mogeln* ‘плутовать, надувать’. Тем не менее В. Орел, приводя версию Фасмера, называет слово неясным [Орел 2: 722].

нарахýшки яросл. ‘обман’: «Приезжайте ко мне без нарахушек», ***нараха́л*** яросл. ‘обман’: «Давайте без нарахал играть!» [ЯОС 6: 110] (дается в словаре с вопросом к форме и значению слова), ***нароха́ться*** новг. ‘запутаться во лжи’: «Ишь нарохался, то есть заврался, наболтал» [НОС 6: 9], ***нараха́ть*** твер. ‘оклеветать’ [СРНГ 20: 121]

Эти слова нужно, скорее всего, рассматривать в ряду с твер., яросл. *нараха́ть* ‘напугать’, *нараха́ться* пск., твер. ‘с жадностью, бесцеремонно наброситься на что-л.’; перм., свердл. ‘испугаться’ [СРНГ 20: 121], новг. *нараха́ть*, *нараха́ться* ‘наткнуться на что-л.’: «После войны я нарахалась на мину в нашем огороде», новг. *нараха́ться* ‘пристать к кому-л., назойливо преследуя его’; ‘браниться, ругаться’ [НОС$_2$: 613–614], яросл. *нараха́ться* ‘напугаться, струсить’ [ЯОС 6: 110], а также твер., яросл. *раха́ть* ‘заставлять бояться, пугать кого-л.’, твер. ‘гнать, выгонять кого-л.’, курск. ‘выпускать из рук, кидать, бросать, ронять что-л. тяжелое’ [СРНГ 34: 341]. Семантической доминантой, повлиявшей на «обманные» значения, можно назвать идею неожиданного / резкого, как правило, неприятного, впечатления. Для *раха́ть*, *рахну́ть* курск. ‘бросать, швырять что-л. тяжелое’, твер. ‘гнать’ М. Фасмер предполагает звукоподражательное происхождение [Фасмер 3: 449]. Следует отделить эти слова от пск., ворон. *обрахова́ть* ‘обсчитать, обмануть’ [СРНГ 22: 197], о котором см. ниже.

нашармачка́ смол. ‘на чужой счет, обманным путем’: «Ина усе нъравить нъшырмычка» [ССГ 7: 67], пск. ‘путем обмана, хитростью’: «Хотел было нашармачка проскочить, ан не вышло» [ПОС 20: 431]

Слово – факт общенародного просторечия и жаргона, ср. *нашармака́* груб. прост. ‘даром, на чужой счет’ [СлРЯ 2: 417], жарг. угол. *на шармачка́, на шармака́, на шермака́* ‘за чужой счет, бесплатно’ [БСРП: 748].

По существующей этимологической версии, *нашармака* образовано «из сочетания предл. *на* с диал. *шармака* ‘дешево’ от *шарма*, экспрессивное образование от формы тв. п. *шаром* сущ. *шар*» [Шведова 2007: 502], ср. употребление формы *шаром* в *шаром-даром взял* ‘ни за что, шально, дешево’ [Даль 4: 1404] и прост. *шаром покати*. Слова *шарма́* (*шармака́*) со значением ‘ни за что, дешево’ фиксируются в [Даль 4: 1404] и образованы «по модели образования наречий с семантикой интенсивности на *-ма*, ср. простореч. *задарма́*, влад. *дерма́ драть* ‘усиленно просить что-либо’, куйб. *катма́ катать* ‘катя, перекатывая, перемещать что-либо’, смол. *летма́* ‘очень быстро (лететь, бежать и т. п.)’, ворон. *лететь летма́*, ряз. *пешкома́* ‘пешком’, диал. шир. распр. *стойма́* ‘стоя, стоймя’ и др.» [Сурикова 2016: 115].

обату́р яросл. ‘обманщик, плут’ [СРНГ 21: 352], ***отури́ть*** яросл., киров., забайк., свердл. ‘обмануть’: «Вот дак его отурил наш-от батько: задарма купил мерина-то» [СРНГ 24: 348], ***оту́ра*** яросл. ‘обманщик’: «Ну он и отура» [ЯОС 7: 69]

Слова *отури́ть* и *оту́ра* довольно уверенно можно квалифицировать как исконные образования, дериваты глагола *тури́ть* (ср. простореч. *турить* ‘гнать’, литер. *турнуть, вытурить*). У глагола *отури́ть* в говорах фиксируется, кроме «обманного», еще целый ряд значений, среди которых первичными являются значения поворота, отворота (ср. диал. шир. распр. *отуря́ть* ‘поворачивать плот или судно’, новосиб. *отури́ть* ‘повернуть что-либо другим концом, в другую сторону’ и др. [СРНГ 24: 348]), а производящими для семантики обмана являются, по всей видимости, значения, связанные с лишением сознания, лишением способности ясно мыслить, ср. диал. шир. распр. *отури́ть* ‘лишить памяти, сознания, сделать бестолковым’, яросл. *отури́ть* ‘угнетающе подействовать на

кого-л., подавить кого-л. нравственно’ [Там же]. Отсюда диал. шир. распр. *отури́ть* ‘обмануть’ и яросл. *оту́ра* ‘обманщик’.

«Обманная» семантика яросл. *обату́р* является вторичной, значение ‘обманщик’ составляет последнее звено в общем отрицательном ряду значений, ср. влад., влг., перм. *оба́тур* ‘упрямый, непослушный, своенравный человек’; олон. *обо́тур* ‘то же’; влг., вят., перм., влад., перм. *оботу́р* ‘упрямый человек’, влад. *оботу́р* ‘грубый и нелюдимый человек’, сарат. *оботу́р* ‘дурак’, влг. *оботу́р* ‘лентяй, лодырь’; сарат. *обату́р* ‘наглец’ [СРНГ 21: 352], ряз., влад., вят. *аба́ту́р* ‘упрямец, неслух; наглец, нахал’ [Даль 1: 3].

Происхождение лексемы *обатур* по-разному рассматривается в этимологической литературе. ЭССЯ помещает *обату́р* и *оботу́р* влад., влг., перм., олон., яросл. и др. ‘упрямый, непослушный, своенравный человек’, сарат., влад., перм. ‘наглый человек, наглец’, сарат. ‘бестолковый человек’, влг. ‘лентяй, лодырь’ и др., *обатура* яросл., моск. ‘упрямый, непослушный, своенравный человек’, твер. ‘человек с юмором; быстро соображающий человек’ в одно гнездо с вышеупомянутым глаголом *отуря́ть, отури́ть* сев.-рус., сиб., волж. ‘поворачивать (судно, лодку)’, волж. ‘привести в смятение’, сиб. *отур* ‘разворот, поворот судна, плота течением, ветром и т. п.’, сиб. *оба́турить* ‘повернуть (плот) по течению’, влад., перм. *обату́рить* ‘упрямиться’. Согласно ЭССЯ, эти лексемы входят в число производных от праслав. **obturъ* / **obtura* [ЭССЯ 30: 219–221].

Однако кроме русских диалектных фактов ЭССЯ приводит лишь два инославянских: чеш. диал. *otuřiti se na koho* ‘накинуться на кого-л.’ и *otuřyč' se* ‘нахмуриться, насупиться’ [Там же]. Вероятно, поэтому А. Е. Аникин, комментируя слова *абату́р* и *обату́р*, сомневается в праславянской древности исходных слов, предполагая их возникновение на великорусской почве [Аникин РЭС 1: 67].

Существует и альтернативная версия. М. Фасмер, не рассматривая варианты на *о-* и глагол *обатурить*, считает вят., ряз., сарат. *абату́р* ‘упрямец, нахал’ заимствованием из тюрк. *bahadyr* ‘смелый’ [Фасмер 1: 56]. О. Н. Трубачев, комментируя Фасмера, упоминает версию о том, что это слово происходит от имени польского короля Стефана Батория [Там же].

Версию о заимствовании принять трудно: во-первых, фонетический облик тюркского слова (от него произошло литер. *богатырь*) далек от рус. диал. *абатур*. Во-вторых, очевидно, не учитывается широкий круг значений слов *обатур, обатура, абатур*, весьма отстающий от значения ‘смелый’. Кроме того, явно не учитывается сиб. *обатурить* ‘поворачивать плот’, перм., влад. *обатурить* ‘упрямиться’, костр., влад., твер., перм. *обатуриться* ‘упрямиться’ [СРНГ 21: 352].

Версию образования слова *абатур* от имени Стефана Батория опровергает А. Е. Аникин, уточняя, что собственное имя *Абатур* было известно на Руси до рождения короля в 1553 г. [Аникин РЭС 1: 67].

Таким образом, справедливым кажется принять исконную версию происхождения слов *обатур, обатурить* и пр. Насчет их образования существует два возможных варианта, причем однозначно выбрать один из них не представляется возможным.

В ЭССЯ глагол *обатурить*, так же, как и глагол *отурить*, рассматривается как сложение префикса *об* и глагола *турить* [ЭССЯ 30: 219–221].

В говорах фиксируются следующие слова, не привлекаемые в разбор ЭССЯ: ряз. *батýрить* ‘упрямиться, ломаться’, ряз., перм. *батурá* ‘упрямец’, сиб. *батýрить* ‘нести, тащить что-либо тяжелое’, ср.-урал. *батýрщица* ‘упрямая женщина’ [СРНГ 2: 147], влад. *забатýрить, забатýривать* ‘запирать что-л.’ [СРНГ 9: 247], яросл. *прибатýрить* ‘сильно ударить’, перм. *прибатýрить* ‘привязать запряженную лошадь к оглобле’, симб. ‘притащить большую ношу’ [СРНГ 31: 106] и нек. др.

Для слова *батурá* М. Фасмер предлагает две версии: или связывать с *абатýр* и тоже выводить из тюрк. *bahadyr* ‘смелый’, или же считать исконным, образовыванным от слова *бат* ‘дубинка’ и сравнивать с укр. *батýра* ‘кнут’ [Фасмер 1: 135]. Ни первая, ни вторая версия не видится удовлетворительной в свете вышеназванного обширного гнезда.

А. Е. Аникин считает слова *батýрить, батýриться* и *батурá* переразложением и депрефиксацией слов *обатурить, обатур*, но замечает, что не исключено членение на префиксальный элемент *ба-* и глагол *турить* [Аникин РЭС 2: 277].

Последняя версия о том, что в слове *батурить* соединяются префиксальный элемент *ба-* и глагол *турить*, кажется вполне приемлемой. Глагол *турить* активно образует префиксальные дериваты: тул., курск., челяб. *оттýривать* ‘отгонять, прогонять’ [СРНГ 24: 342], сиб., ср.-урал. *притурúть* ‘заставить явиться куда-л., пригнать’, ‘притащить, принести что-л.’, влг., тул. *притурúть* ‘примчаться’ [СРНГ 32: 32], влад., смол., тобол. *затуривать* ‘быстро идти, бежать’, без указ. места *затурить* ‘отправить, заслать куда-л. далеко’, смол., краснояр., тул., ряз., урал. *затýривать* ‘загонять, прогонять куда-л.’ [СРНГ 11: 113], смол., пск., арх. *натýриться* ‘упрямиться’, курск. *натýрить* ‘принуждать, неволить’, вят. *натýрить* ‘обманывать’ [СРНГ 20: 237] и мн. др.

Глагол образует префиксальные дериваты практически со всеми приставками и может, вероятно, соединяться и с префиксальным элементом *ба-*. Этот элемент, как пишет А. Е. Аникин в статье на *ба-*, является гипотетически праславянским и имеет рефлексы, кроме русского языка, в сербо-хорватском [Аникин РЭС 2: 22–23]. Т. В. Горячева в статье об этимологии диал. *бáтружить* ‘налегать, наседать, напр., о снеге’ приводит ряд диалектных примеров, предположительно, содержащих этот префиксальный элемент: волж. *багрýжка* ‘грузовое судно на Волге’ от *грузить*, иркут. *багрыза* ‘название старого дряхлого человека или животного’ к *грызть*, перм., кург. *батóрить* ‘разговаривать’ из *ба-* и *торить* (ср. арх. *торúть* ‘наставлять’, влг. *сýторить* ‘говорить пустое’, литер. *тараторить*), диал. шир. распр. *бахвалить, бахвалиться* из *ба-* и *хвалить* (ср. *чехвалиться*) и др. [Горячева 1982: 107–110].

Таким образом, дериваты глагола *турить*, имеющие в своем составе формант *ба-*, могут рассматриваться как переразложения *обатурить* с возможной последующей префиксацией (*забатурить*, *прибатурить*), или же как слова, образовавшиеся непосредственно от *турить* с префиксальным элементом *ба-*.

обахмýрить костр. ‘обмануть’: «Обахмурил девчонку парень и бросил» [ЛКТЭ]

Развитие семантики идет по характерному для поля пути ‘нанести ущерб (физический или моральный)’ → ‘обмануть’, ср. костр. *обмахмýрить* ‘ударить кого-л. по шее, по голове’, ‘ошарашить, поразить’ [СРНГ 21: 352]. Глагол восходит

к диал. шир. распр. *бахму́р* ‘головная боль, дурнота, головокружение’ [СГРС 1: 79; СРНГ 2: 155] (ср., к примеру, костр. *бахму́р* ‘помутнение в голове; головная боль’ [ЛКТЭ]), которое происходит «из тюрк. (тат.?) источника (**baxmur, *maxmur*?), близкого тат. *maxmyr* ‘похмелье’, тур. *mahmur* ‘пьяный, похмельный’, чув. *moxmə̂r, muxmə̂r* ‘похмелье’ < араб. *maḫmūr,* ср. *ḫamr* ‘вино’» [Аникин РЭС 2: 290].

Возможно, вместе с этим словом следует рассматривать влг. *опашму́рить* ‘ударить’, ‘соврать’: «Опашмурить – по лбу заехать, к примеру. Или лапшу на уши навешать, наврать чего-нибудь» [КСГРС], ср. *обашму́рить* нижегор. ‘ударить’, тобол. сильно поразить’ [СРНГ 21: 352].

обда́лить нижегор. ‘обманывать’, ***обда́л*** **(*обда́ло*)** яросл., нижегор., казан., влад. ‘обманщик’: «Рази ты не знаешь, что Егорка давнышный обдал?» [СРНГ 22: 19], рус. вост. ***абда́л*** ‘обманщик, плут’ [Даль 1: 3]

Набор значений слова обнаруживает связи со смысловой сферой лени, ср. влад. *обда́лить* ‘лениться, лентяйничать’, влад. *обда́л* ‘лентяй, лодырь’ [СРНГ 22: 19]. М. Фасмер определяет лексемы как заимствования из тур. abdal ‘нищий, дервиш’ [Фасмер 1: 56]. А. Е. Аникин подвергает сомнению данное соотнесение и предполагает «связь (через тюрк.) с араб. ʿabd allah ‘слуга, раб божий’, ср. имя собственное *Абдулла́*», тем не менее, признавая неясность этих слов [Аникин РЭС 1: 68–69].

обезве́чить олон., пск. ‘обмануть и обобрать, стать причиной чьих-либо бедствий’: «Меня папа обезвечил – сапоги больши купил»; «(Молодцы) стали по Киеву уродствовати. Старых-то старух обезвечили» [СРНГ 22: 28]

«Префиксально-суффиксальный глагол от **bezvěkъ*» [ЭССЯ 26: 99], последнее является сложением *без-* и *век* [ЭССЯ 2: 51], ср., например, перм. *безве́кий* ‘вечный, бесконечный по времени’ [СРНГ 2: 182], пск. *безве́чье* ‘увечье’ [ПОС 1: 149]. Однако в ЭССЯ не учитывается существование твер., пск., олон. *безве́чить* ‘наносить увечье кому-либо’, твер., пск. ‘нагружать кого-либо чем-либо слишком тяжелым’, нижегор. ‘лишать чего-либо’ [СРНГ 2: 182], *безве́читься* без указ. места ‘увечиться или наносить кому-либо увечье’, твер., пск. ‘носить непосильные тяжести’ [Там же]. Вероятно, *обезве́чить* представляет собой его

приставочный дериват, «обманное» значение которого образовалось в результате перехода «нанести ущерб» → «обмануть».

обрахова́ть пск., ворон. ‘обсчитать, обмануть’ [СРНГ 22: 197]

Слово образовано от южн., зап., пск., твер. *ра́хова́ть* и *рохова́ть* ‘считать, рассчитывать что-л.’ [СРНГ 34: 345] по модели «считать» → «обсчитать». Значение и западное распространение бесприставочного глагола свидетельствуют о его заимствовании из польск. *rachować* ‘считать, вычислять’ [БПРС II: 237] (в польском присутствует и *obrachować* ‘сосчитать, подсчитать, посчитать’ [БПРС I: 570], но вероятнее всего считать рус. словообразовательную цепочку *ра́хова́ть* → *обрахова́ть* и формально соответствующую ей польскую параллельными образованиями ввиду регулярности такой словообразовательной модели и разности значений конечных элементов цепочек).

горо́шить моск. ‘обманывать’ [СРНГ 7: 69], ***огоро́шить*** костр., яросл. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 350]

Обманная семантика возникла на базе семантики негативного воздействия на объект, сильного удара или причинения морального ущерба, ср. *горо́шить* влад., тамб. ‘говорить что-л. язвительное, поддевать, оскорблять кого-л.’, влг. ‘поражать чем-л. неожиданным’ [СРНГ 7: 69], *огоро́шить* яросл., твер., пск., нижегор., перм., сарат., ворон. ‘сильно ударить’, влг., новг., нижегор. ‘обругать, оскорбить, огорчить, обидеть’, яросл. ‘опозорить, поставить в неловкое положение’ [СРНГ 22: 350].

Слово (*о*)*горошить* не представляется до конца ясным. М. Фасмер предполагает его образование от *огородить* по модели *лапошить* и *копошиться* [Фасмер 3: 119], что кажется маловероятным (*лапать* > *лапошить*, *копать* > *копошиться*, таким образом, ожидалось бы *огородошить*). Эта версия неубедительна и с точки зрения семантики.

Скорее всего, рассматриваемые лексемы образованы от слова *горох*[83]. Существуют попытки его объяснения из обычая будто бы закидывать горохом

---

[83] Реальность цепочки *горох* → *горошить* подтверждается тем, что в ЭССЯ восстанавливается праслав. **goršiti*, которое производится от **gorxъ* (рус. *горох*) [ЭССЯ 7: 49]. Статья не включает русских дериватов. Слова *горошу*, *огорошу* ‘прямо о ком говорю, обличаю или

бояр, врущих за столом царя [Виноградов 1999: 785]. Происхождение слова, по устно высказанному предположению Е. Л. Березович, можно связать с практикой стрельбы горошинами из самодельных трубочек (о реальности и распространенности этой практики свидетельствуют контексты из художественных текстов, ср., например: «Ученики, как всегда, стреляли из трубочек горохом» <Ю. Петкевич, 2001 г.>; «Валька вытащил из кармана стеклянную трубочку, набил ее горохом. – “Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути”, – пропел он, прицелился и выстрелил. Ленка схватилась за щеку, ей показалось, что ее ужалила пчела» <В. Железников, 1981 г.>; «Государь присел и тоже начал играть; так метко стрелял горохом из пушечек, что Саша кричал и хлопал в ладоши от радости» <Д. С. Мережковский, 1922 г.> [НКРЯ])[84]. Семена гороха – легкие и удобные «снаряды», их «рикошетная способность» отражена в разг. *как об стенку горох* ‘уговоры, слова бесполезны, не доходят до адресата’. Буквальное прочтение внутренней формы (*о*)*горошить* в таком случае – «выстрелить “гороховым” снарядом»[85], вероятно, больно и неожиданно, откуда значения ‘поразить’, ‘опозорить’ и пр. Ассоциация «сыплющихся» на адресата нежелательных ему слов с сыплющимся горохом «поддерживает» «речевые» значения (ср. выше *горошить* ‘говорить что-л. язвительное’; *огорошить* ‘обругать’) (можно иметь в виду, что горох в традиционной культуре славян использовали в разных случаях для ритуального осыпания кого-л., см. [СД 1: 523–526], а также «эталонность» гороха для сравнения с ним чего-л. рассыпающегося, ср. поговорку *Рассыпался горох на четырнадцать дорог* [Даль$_2$ I: 392]).

опу́ду поймать костр. ‘оказаться обманутым’: «Опуду такую поймала – кто-то тебя в чем-нибудь обманул» [ЛКТЭ]

Обман осмысляется как вред, наносимый объекту обмана, ср. костр. *опу́ду поймать* ‘получить оплеуху’, ‘сильно испугаться’, ‘попасть в тяжелую ситуацию’

упрекаю кого при ком в каком-либо предосудительном поступке’ встречаются в [САР 2: 256] в гнезде *горох*.

[84] Практика продолжает свое существование и сегодня: в английском городе Уичем с 1969 г. проводятся соревнования по стрельбе горохом из трубочек (см. об этом, например, [http://floris.tomsk.ru/forums/viewtopic.php?f=43&t=171]).

[85] С точки зрения буквального прочтения внутренней формы любопытен следующий контекст: «Как огорошенные градом, Ушли остзейские тузы» <Н. А. Некрасов>, с тем только различием, что здесь имеются в виду горошины града.

[ЛКТЭ], костр. *опу́ду сделать / дать* ‘сильно испугать’ [Там же], костр. *опу́да* ‘оплеуха’; ‘испуг, состояние страха’: «“Я не боюсь ничего” – говорит. Ну, правильно, опуды еще не бывало, никто не лазил к ней»; ‘обуза’: «Вот я-то Вале опуда» [Там же], костр. *опуди́ть* ‘испугать’: «Не кричи, а то ребёнка опудишь»; ‘сглазить’ [Там же].

Приставочные формы образованы от *пу́дить* вят., пск., смол. ‘пугать’ и др. (в т. ч. вят., смол. ‘гнать, выгонять’, ворон., смол. ‘бить, хлестать’, сарат., пенз. ‘ругать, поносить’), *пу́ди́ться* пск., влг. ‘испугаться, броситься бежать’, вят., киров. ‘беспокойно двигаться, метаться’ [СРНГ 33: 108]. Глагол *пудить* (и его итератив *пужа́ть*) восходит к общеслав. **pǫditi* (ср. блр. *пу́дзіць*, укр. *пудити* ‘пугать’, польск. *pędzić* ‘гнать’, чеш. *puditi* ‘побуждать, подстрекать’ и др.); рус. *пугать* считается более поздней формой этого глагола, см. [Фасмер 3: 399, 402; Черных 2: 80; ЭСБМ 10: 199].

В говорах фиксируется также вариант *опу́га* костр. ‘испуг’: «Сегодня на соседей-то опуга была», сарат. ‘острастка, устрашение’ [СРНГ 23: 310]. В этом гнезде, однако, распространены формы, отражающие древний вид корня, ср., например, орл., тул. *пу́дало* ‘пугало’ [СРНГ 33: 107], дон. *опу́дало* ‘пугало для птиц’ [СРНГ 23: 310], забайкал. *опужа́тъ* ‘испугать’, ряз. *опуживаться* ‘пугаться’ [Там же], ряз. *опудить* ‘обругать’ [Там же].

охлы́нничать пск., твер. ‘жить обманом, мошенничеством’, ***охлы́нец***, ***охлы́нник*** твер., пск. ‘обманщик, мошенник’ [СРНГ 25: 37], ***захлынчивый*** ‘склонный к обману’: «Уж ты старая собака захлынчива, Уж ты стар, смотри, да стар казак, Ты не спрашивай у меня ни отца, ни матери» (фольк.) [СРНГ 11: 152]

Ср. также моск. *охлынничать* ‘бездельничать, лодырничать’ [СРНГ 25: 37]. Корень *хлын-* встречается в лексемах с широкой отрицательной семантикой, ср. сарат. *хлынить* ‘мошенничать, плутовать’, нижегор., вят., казан. *хлын* ‘бездельник, мошенник, барышник, вор’, симб. *хлынец* ‘бродяга’ [Даль$_2$ IV: 568], онеж. *хлында* ‘бродяга’, олон. *хлыни* ‘безделье’, череповец. *хлыновец* ‘плут’ [Фасмер 4: 247]. Ввиду того, что эти слова отсутствуют в ЭССЯ, они, вероятно, являются русскими новообразованиями. Можно предположить родство с общенародным *хлынуть* ‘литься потоком’, ‘устремиться (о потоке людей)’. В таком случае первоначальным

среди «отрицательных» значений было, вероятно, значение ‘бродяга’, которое стимулировало образование остальных.

прималы́хивать (***прималы́хнуть***) костр. ‘привирать’: «Ой, да ты много прималыхиваешь»; «Говорят по деревне сплетни, а ты хочешь навредить тому, про кого говорят, так от себя чего прималыхнешь»; «Ну и прималыхнул он! Сомневаюсь, что правду сказал», ***прималы́шить*** костр. ‘приврать: «Неладно сказал – ой, опять прималышил. Неправильно сказал, сохвостел», ***замалы́хивать*** (***замалы́хнуть***) костр. ‘привирать’: «Пошёл рыбак, не наловил рыбы, а показывает на руках, вон такую рыбу наловил, вот замалыхивает»; «Ох, ты замалыхнул», ***прибалы́хивать*** (***прибалы́хнуть***) костр. ‘врать’: «Врёт не врёт, а прибалыхивает»; «Вот он купил за сто, а сказал – за сто пятьдесят, вот прибалыхнул», ***забалы́хнуть*** костр. ‘преувеличить, приврать’: «Один одно скажет, а другой прибавит – это забалыхнул, значит прибавил, наврал» [ЛКТЭ].

Первичным является значение ‘прибавить, присоединить’, ср. «Прималыхивать – это значит прибавлять. Скажут соток 5–6 выкосить, а я прималыхнула – прибавила»; «Прималыхнуть – это прибавить. Меряют что, весят, насыпают. И потом говорят: “Прималыхни ты ещё!” Это значит добавить». Таким образом, вранье изображается как добавка к сказанному, ср. литер. *преувеличить*, пск., твер. *прибавщик* ‘выдумщик, фантазер, сочинитель’ [СРНГ 31: 103], а также продуктивную в говорах модель «наговорить очень много = наврать» – новг. *наговорить в долг и взаймы* ‘наврать’ [МИСНФ: 123], новг. *наговорить четыре короба* ‘то же’ [Там же: 124], сиб. *наговорить на себя и под себя* ‘то же’ [ФСРГС: 116].

Представляется вероятным, что глаголы *прималыхнуть*, *прималышить* и под. были образованы в конечном счете от *мал*(*ый*) – в пользу этого говорит их «количественная» семантика, идея прибавки к чему-либо (ср., к примеру, камч. *с малым* ‘с лишком, с избытком, с гаком’ [СРНГ 17: 341]).

Фиксируемые на той же (и только) территории формы с корневым *б*, с одной стороны, можно трактовать как образовавшиеся в результате чередования губных *м*/*б*, вполне типичного для русских говоров, ср. н.-печор. *бладенец* ‘младенец’, олон. *болодой* ‘молодой’, арх. *ботыга* ‘мотыга’, арх. *бухоморник* ‘мухомор’

[Михайлова 2013: 40, 47, 54, 68]. С другой стороны, если принимать гипотезу о мене *м*/*б*, то она, скорее всего, имела «смысловое» основание – влияние со стороны слов с речевой семантикой, содержащих звукоподражательный формант *балы*, ср. *бáлы* нижегор., ворон., ряз., смол., тул., сарат. ‘пустые, веселые разговоры, шутки; беседы на досуге; болтовня’, калуж., орл. ‘сплетни; ложь’, диал. шир. распр. *балы точить* (разводить и под.) ‘заниматься болтовней, пустыми разговорами’ [СРНГ 2: 88], костр. *балы́хвостить* ‘говорить понапрасну’ [Там же: 89] и др. Глаголы с корневым *б* обладают только речевой семантикой, значение ‘прибавить’ у них не зафиксировано.

протáка влг. ‘обман, хитрость’: «Он во всем протаку видит»; «Я ведь тебе, друг, не на протаку говорю» [СРНГ 32: 262]

Семантика обмана базируется на семантике неправедного, злого совета, ср. сев.-двин. *протакáть* ‘посоветовать что-л. во вред, назло, в насмешку кому-л.’ [СРНГ 32: 262], образованное от влг., яросл., арх., перм., краснояр. *тáкáть* ‘советовать’: «Другим назло такал, да сам в беду попал» (влг.), влг., арх., бурят. ‘учить, наставлять’: «Уж я такала, такала сынка, чтоб он повинился» (влг.) [СРНГ 43: 226]. В словообразовательной цепочке *такать* → *натакать* развитие семантики идет так же («советовать» → «советовать во вред»): *натакáть* влг., арх., костр., свердл. ‘советовать, подсказывать’ [СРНГ 20: 213], влг. ‘научить кого-л. чему-л. дурному, склонить к плохому’ [Там же: 214]. Слова, вероятно, однокоренные с литер. *потакать*, которое возводится к местоимению *так* [Фасмер 3: 343; Шведова 2007: 708].

сомустúть свердл., том., хабар. ‘обмануть кого-л.’: «Неправильно сказала, сомустила, а сама ниче не сделала» [СРНГ 39: 319], ***насомýскивать*** свердл. ‘говорить неправду, обманывать’ [СРНГ 20: 181], ***насмустúть*** пск. ‘сказать неправду, наврать’: «Это она насмустила мужикам, это ваша Верка трепушка» [Там же: 177]

Обманные значения развиваются на базе значения ‘заставить кого-л. сделать что-л. (как правило, плохое)’, ср. *сомустúть*, *сомущать* диал. шир. распр. ‘подстрекать кого-л. на неблаговидные или рискованные действия’: «Он и не пил

бы, да дружки его сомустят» (свердл.); «Вот дьявол следил его сомустить как бы-нибудь» (прикам.) [СРНГ 39: 318], прикам., киров., перм., иркут. ‘уговорить, убедить кого-л. на какие-л. действия’: «Девка меня сомустила: увезу, говорит, тебя в няньки, в городу жить будешь» [Там же: 318–319]. *Сомустить* образовано от *мутить* [Фасмер 3: 694], ср. также *сомутить* ‘убедить, уговорить, соблазнить’ [СРНГ 39: 318].

суто́ка новг. ‘сплетница’, ‘сплетня’: «Не слушай ты эти сутоки» [НОС 11: 4]

Ср. новг. *суто́ка* ‘место слияния рек, ручьев’, ‘место, где сходятся участки земли разных деревень’, ‘схождение верхних и нижних нитей основы в берде ткацкого станка’; ‘молодежное гулянье’; ‘волнение, беспокойство’ [СРНГ 42: 317]. Слово образовано с помощью приставки *су-* и того же корня, что в *ткнуть*, *тыкать*; общим для слов семантическим компонентом является идея схождения вместе, стыка чего-либо (рек, земельных участков, многих людей). Семантическая область сплетни может воплощаться в словах, внутренняя форма которых по-разному отражает эту идею (ср. само слово *сплетня*, прибайк. *собира́ть сбо́рки* ‘распространять слухи; наговаривать’ [БСРП: 595], пск. *хвосты связать* (*свести*) ‘сплетничать, наговаривать на кого-л.’ [СППП: 78] и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа являет собой попытку комплексного исследования семантико-мотивационного поля «Ложь, обман» на материале русских народных говоров. Изучение лексических и фразеологических единиц, образующих поле, – особенностей их семантики, мотивационных стимулов для их образования, смысловых и этимологических связей со словами других тематических сфер – думается, способствовало реконструкции фрагмента народной языковой картины мира, отражающей представления об обмане.

Корпус русской диалектной лексики и фразеологии, собранный в процессе работы, составляет около 1 100 единиц, имеющих в структуре значения компоненты, относящиеся к понятию обмана. Семантическому анализу подвергался весь извлеченный из словарей материал. Мотивационный анализ охватил большую часть собранного массива. За рамками работы осталась лексика с «затемненной» внутренней формой, не интерпретируемая на данном этапе. Полностью корпус извлеченных из словарей и картотек языковых единиц со значением обмана приводится в приложении к диссертации.

Семантический анализ структуры значения основных манифестантов понятия обмана в языке – глагола *обманывать* и существительного *обман,* – контекстов с их участием, а также слов *лгать*, *ложь*, *неправда*, *врать*, которые обладают наибольшим количеством общих сем со словами *обманывать* и *обман*, показывает, что носителя языка под обманом понимают определенный набор действий: умышленное введение кого-либо в заблуждение; ложь, говорение неправды; мошенничество; нарушенные обещания; измену в любви.

С учетом такой картины обмана и с помощью определений, данных в словарях диалектной лексики, выделяется 16 основных идеограмм, наполняющих внутреннее пространство семантического поля. Центральной, ядерной для поля можно считать идеограмму «ОБМАНЫВАТЬ, ВВОДИТЬ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ». Языковые факты, которые ее реализуют, преобладают среди собранного материала в количественном отношении, представляя около трети всего материала. Эта семантика является наиболее широкой, она включает в себя значения всех «узких» выразителей идеи обмана.

Языковые единицы, имеющие категориально-грамматическую сему ‘процессуальность’, распределяются среди идеограмм «ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ», «СОВЕРШАТЬ МОШЕННИЧЕСТВО», «ХИТРИТЬ, ЛИЦЕМЕРИТЬ», «НЕ ВЫПОЛНЯТЬ ОБЕЩАНИЙ», «ОБМАНЫВАТЬ В ЛЮБВИ», «ОБМАНЫВАТЬ КОЛДОВСТВОМ», «ИСПЫТАТЬ ОБМАН», «ПЕРЕЖИТЬ ИЗМЕНУ В ЛЮБВИ»; внутри лексико-фразеологической группы с КГС ‘предметность’ отмечаются идеограммы «ТОТ, КТО ГОВОРИТ НЕПРАВДУ», «МОШЕННИК», «ЛИЦЕМЕР», «ТОТ, КТО ИЗМЕНИЛ В ЛЮБВИ», «ОБМАН, НЕПРАВДА»; слова и фразеологизмы с КГС ‘признаковость’ можно отнести к идеограммам «ОБМАНЫВАЮЩИЙ, СКЛОННЫЙ К ОБМАНУ» и «ОБМАННЫЙ, ОБМАНЧИВЫЙ, МОШЕННИЧЕСКИЙ». Перечисленные идеограммы сформулированы шире, чем лексические значения их языковых репрезентантов. Каждая из идеограмм, соответственно, маркирует отдельный семантический сектор поля, составленный из более узких комбинаций смыслов, включающих в себя дифференциальные семы. Скажем, идеограмма «ХИТРИТЬ, ЛИЦЕМЕРИТЬ» сформулирована на основании таких значений, как ‘обманывать, хитрить, выдумывать уловки’, ‘обманывать, лицемерить’, ‘обманывать, ласкаясь’, ‘обманывать, притворяться’, ‘льстить, обманывать лестью’ и некоторых подобных.

Больше всего языковых единиц реализует идеограмму «ОБМАНЫВАТЬ, ВВОДИТЬ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ». Среди остальных семантических областей наиболее наполненной оказалась область, представленная значениями ‘обманывать, лгать’, ‘обманывать, говорить неправду’, ‘лгать, врать’ и под. Речевой обман, как правило, сопровождает любое обманное действие. Кроме того, процессы производства и восприятия речи (в том числе «обманной»), по сравнению, скажем, с притворством, хитростью, лицемерием воспринимаются носителями языка как наиболее внешне выраженные, рисуемые как результат работы речевых органов и как части звукового потока, поэтому речевые действия легко поддаются описанию, сопоставляются с другими процессами (ср. яросл. *блудить языком* ‘лгать’, пск. *молоть языком* ‘говорить вздор, ерунду, неправду’, карел. *бить языком* ‘лгать, обманывать’, пск. *частокол городить* ‘говорить чепуху, врать’, карел. *боронить борону́* ‘говорить неправду, врать’, яросл. *оплетать* ‘много говорить, врать’ и др.).

В непрерывном семантическом пространстве можно обнаружить неоднократно воспроизводимые соединения значений обмана с рядом других

значений. Регулярные семантические переносы, «питающие» значение обмана, позволяют выявить смысловое окружение, в котором существует поле «Ложь, обман». Ближайшими его «соседями» оказываются СФЕРЫ РЕЧИ (что устанавливается на основании переносов ‘болтать, пустословить’ → ‘врать’ и ‘болтун’ → ‘врун’); СМЕХА И НАСМЕШКИ (‘шутить’ → ‘врать’, ‘насмехаться над кем-л.’ → ‘обманывать’); ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕЛОВЕКА (семантика обмана сопрягается со значениями ‘хитрить’, ‘хитрость’; значения ‘быть обманутым’ – со значениями ‘быть простаком, глупцом’). Среди дальнейшего окружения находятся СФЕРЫ ТОРГОВЛИ И ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ; ОТНОШЕНИЯ К СОБСТВЕННОСТИ; ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ; СФЕРЫ ОШИБКИ; ИГРЫ; ПРОСТРАНСТВА И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПО НЕМУ; МАГИИ И МИФОЛОГИИ.

Практически всегда значение, связанное с обманом, не является единственным значением диалектной лексемы – хотя бы потому, что абстрактная «обманная» семантика, как правило, вторична и развивается на базе других, часто конкретных, значений. Нередко семантика обмана закономерно продолжает широкий, принципиально незамкнутый набор значений, фиксирующих разнообразные отрицательные характеристики человека или негативно оцениваемые действия. Ряд негативно-оценочных определений может затрагивать как сферу внешних качеств человека, так и его интеллектуальных или поведенческих характеристик, ср., например, семантический спектр, присущий слову *ала́харь*: ряз. ‘грязный человек’, сарат. ‘оборванец’, орл. ‘глупец, дурак’, курск. ‘буйный, беспокойный человек, разбойник’, ряз. ‘грубиян’, сарат., ворон. ‘лодырь’, тул. ‘гуляка, праздный человек’, орл., калуж., ряз. ‘бездельник, шалопай’, калуж., ворон. ‘человек, любящий жить на чужой счет’, ворон. ‘пьяница, лодырь, жулик’, а также калуж. ‘обманщик’.

Случается, что обманные смыслы «встраиваются» в регулярно повторяющиеся семантические комплексы. Появление семантики обмана в рамках таких комплексов могут «стимулировать» одновременно несколько разных импульсов.

В мотивационном плане языковой материал допускает два аналитических подхода и способа группировки: по тематическим сферам, к

которым обращаются носители диалекта для номинирования обманных действий и явлений, и по мотивам номинации, реализуемым лексемами и фразеологизмами.

В рамках первого подхода лексика и фразеология поля упорядочивается по 12 предметно-тематическим кодам, средствами которых объективируются смыслы, разрабатываемые полем: СОМАТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ, КОД ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, КОД НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ, КУЛИНАРНЫЙ, ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ, ОБРЯДОВО-ИГРОВОЙ, ЗВУКОВОЙ, ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ, ПРИРОДНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ, ЗООЛОГИЧЕСКИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОДЫ. Выделенные коды имеют разную продуктивность и «нацеленность» на описание разных участков ситуации обмана. Наиболее наполненными являются социальный, соматический, а также коды производственных и неспециализированных действий. Самыми малочисленными оказываются обрядово-игровой и природно-метеорологический коды. За большей или меньшей продуктивностью кодов стоят как собственно языковые факторы (например, умножение единиц кода за счет звукоподражательных номинаций или экспрессивов), так и внеязыковые причины (например, широта предметно-тематической сферы, отражающейся в том, что код включает в себя большое количество метафор; удобство основных «сценариев» кода для изображения главного сценария обмана, по которому обманщик негативным образом воздействует на обманываемого).

В составе каждого кода действуют метафорические переносы, выявление которых дает возможность увидеть, с чем народное сознание сопоставляет обманные действия и явления. К примеру, код производственных действий показывает, что говорение неправды изображается как обработка земли бороной (влг., костр. *боронить* ‘болтать, привирать’, влг., свердл. *наборони́ть* ‘наврать’), ткачество (пск. *ткать* ‘обманывать, говорить неправду’), плетение лаптей (нижнепечор. *лапти плести / наплести* ‘врать, сплетничать’), возведение забора из кольев (пск. *частокол городить* ‘говорить чепуху, врать’) и др. Метафоры, составляющие код неспециализированных действий, шифруют обманные действия как окружение объекта обмана (арх. *окрутить* ‘обмануть, надуть’ пск., смол. *обматывать* ‘обманывать’), его обжигание или ломку (тул., новг. *ожечь* ‘обмануть’ арх. *подломи́ть* ‘обмануть’) и др.

Второй аспект мотивационного анализа обнаруживает ряд сквозных и частных мотивов поля, формирующих лексико-фразеологические группы. Скажем, идея нарушения прямизны реализуется с помощью мотивов кривизны (ряз. *кривой* ‘обманщик, лжец’, влг. *кривоязыкий* ‘говорящий неправду, излагающий неверные факты’), движения по непрямой траектории (новг. *плутать* ‘хитрить, лукавить’, смол. *петлять* ‘лукавить; врать’), плетения (омск. *плести корзинку* ‘обманывать, лгать’), верчения (нижегор., пск., смол. *объюлить* ‘обмануть’), сгибания (без указ. места *гнутки гнуть* ‘лгать, врать’); идея воздействия на объект инородным веществом конкретизируется с помощью мотивов загрязнения, затемнения, воздействия дымом или туманом; идея деструктивного физического воздействия воплощается мотивами нагревания и обрезания; идея физического воздействия, направленного на подчинение чужой воле, конкретизируется мотивами обездвиживания, опутывания, одевания, обувания, и др.

В большинстве случаев установлению мотива номинации и выяснению оснований метафоры, реализуемой словом, способствует его ясная внутренняя форма – поэтому при выделении какого-либо кода или мотива разумно руководствоваться прежде всего прозрачными с точки зрения внутренней формы лексемами и фраземами. Однако в ряде случаев отнесению той или иной лексемы к определенному коду или установлению мотива номинации, присущего какому-либо слову, может служить только этимологическая реконструкция. В особенности это касается древних метафор, реализуемых в словах: например, метафора «мерещиться → обманывать» квалифицируется как древняя, поскольку редкие случаи ее реализации – диал. шир. распр. *мани́ть* ‘лгать, обманывать’, калуж., орл. *маячить* ‘обманывать, плутовать’, диал. шир. распр. *бла́зни́ть* ‘обманывать, морочить’ – для своего обнаружения требуют обращения к семантическим связям слов на праславянском уровне. В некоторых случаях «расшифровке» «темных» лексем способствуют мотивационные модели, наполняющие код (например, новг. *чмури́ть* ‘притворяться, обманывать’ интерпретируется как сложение экспрессивного приставочного *ч-* и основы **muriti* ‘пачкать’ на основании существования продуктивной метафоры «загрязнять» → «обманывать», а также

нескольких аналогий, реализующих эту метафору: смол. *чмути́ть* ‘мутить’, ‘дурачить’ и чеш. *čmouliti* ‘пачкать’ < **muliti* ‘загрязнять’).

Особый интерес с точки зрения семантической и мотивационной реконструкции представляет собой отдельная тематическая группа слов, формирующая один из смысловых секторов поля «Ложь, обман», – лексика и фразеология обмана в любви. Многочисленную группу в обозначениях любовной измены составляют метафорические выражения, содержащие обозначение предметного символа измены или – шире – любовной или жизненной неудачи. Такие номинации нередко построены по модели «глагол действия (*сделать, устроить* и др.) или глагол передачи (*дать, подарить, повесить* и др.) + наименование предмета + указание на адресата (*кому-либо*)».

Предметные знаки измены выражают в основном следующие идеи: отсутствие ценного содержания, «безжизненность» (признаки пустого – полого или постного, воплощаемые трубой, а также репой, редькой, тыквой; сухого – высохшим деревом (*сухарой*); увядшего – желтым цветом; старого, ненужного – изношенными лаптями (*ошеметками*); негодного, «отгоревшего», бывшего в употреблении – головней); угроза, опасность (острые, колющие предметы – топор (*колун*), веретено; едкое вещество – скипидар), отгон (лапти, веник, рогатка), оскорбление с помощью символов мужского начала (грибы, нос, борода, рога).

Существует сходство в наборе мотивов, лежащих в основе номинаций измен и номинаций других обманных действий. Отступление от этических норм выражается посредством мотива непрямого движения, ср., например, курск. *колеси́ть* ‘изменять жене’, тюмен. *моту́нистый* (< *мотаться*) ‘непостоянный, нарушающий супружескую верность (о муже)’, а также костр., пск. *колеси́ть* ‘врать, лгать’, яросл. *кружи́ть* ‘врать, пустословить, болтать’, новг. *плутать* ‘хитрить, лукавить’); нечистоты (ср., например, р. Урал *подол нечистый у кого-л.* ‘намек на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.’, а также пск. *кадить грязным подолом* ‘распространять ложные слухи, сплетничать’). С образом продукта горения связывается представление о жизненной неудаче, которой является ситуация обмана и – в частности – любовная измена, ср. новг. *получить головёшку* / *собирать головёшки* ‘пережить измену’, *сгорела рига* (*баня,*

байна) *у кого* ‘об измене в любви’, а также перм. *посадить на горячий пепел* ‘обмануть’. Некоторые символы обмана особо продуктивны и многозначны, ср. символический потенциал н о с а и л а п т е й: пск. *подставить нос* ‘изменить в любви’, новг. *показать* (*натянуть*, *сделать*) *нос кому* ‘то же’, а также пск. *наводить за нос кого* ‘обманывать, вводить в заблуждение, дурачить кого-л.’, разг. *оставить с носом* ‘обмануть, одурачить’; том. *лапти плести*, новг. *лапти сплести* ‘изменить в любви кому-либо’, а также арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’ и др.

Общие тенденции, характерные для лексики всего поля, можно прослеживать на примерах семантических свойств и мотивов номинации отдельных слов со значением обмана (в том числе ряда «темных» лексем), которые рассматривались в работе на фоне семантико-словообразовательных гнезд, в которые они входят.

Подытоживая сказанное в работе, можно сделать вывод о значимости таких понятийных категорий, как обман и ложь, для народного сознания. Об этом свидетельствует подробная разработка идеографической сетки, отражающей разные аспекты изучаемых понятий; широкий набор образов, которые народная языковая традиция использует для выражения «обманных» смыслов; существование в народной традиции особой формы обмана – ритуальной (когда обман используется как магическое «обережное» средство); активная разработка темы обмана в паремиях.

Процедуры анализа, задействованные в работе, были подчинены единой цели – выявлению и описанию участка народной языковой картины мира, в котором закрепились традиционные представления об обмане и лжи.

Очевидно, что реконструируемые представления не укладываются в единую схему, по которой изображался бы обман. Выбор образа для «схватывания» определенной «обманной» идеи, способ говорения (степень экспрессии, оценочность) меняются в зависимости от аспекта обманного явления. Каждый семантический участок поля имеет свои особенности в плане мотивации (ср. разницу в изображении клеветы и выдумки, речевого и акционального обмана, особый способ номинации любовных измен). Внимание номинатора сосредоточено на множестве деталей, характеризующих ложь и обман, он пользуется широким

набором образов, семантических и словообразовательных моделей для их описания. Тем не менее, языковой материал на протяжении всех этапов работы позволял делать обобщения, дающие представление если не о целостной картине восприятия обмана в традиционном обществе, то о ряде ее фрагментов.

Среди всех компонентов ситуации обмана больше других номинатора интересуют обманщик и обманное действие. Представления об обманщике, заключенные во внутренней форме слов и фразеологизмов, составляют его языковой портрет. Внимание уделяется внешности субъекта обмана (нижнепечор. *редкозубая враль*, костр. *кривоглазый* ‘обманщик, врун’), внешне выраженным особенностям поведения (печор. *вертеть глазами* ‘обманывать кого-л.’, яросл. *ощеу́л* ‘хитрец, пройдоха’, имеющее внутреннюю форму «тот, кто скалит зубы»), его этнической принадлежности (арх. *татарин* ‘криводушный, хитрец, лукавый’), роду занятий (казан. *пра́сол* ‘обманщик’) и др.

Обман воспринимается в первую очередь как усилие субъекта обмана, его активная деятельность. Подавляющее большинство номинаций – глаголы; обращает на себя внимание активность наиболее «насыщенных» глаголами кодов производственных и неспециализированных действий. Эти коды наполнены метафорами, описывающими субъекта обмана как активного деятеля, нередко негативно воздействующего на объект обмана.

Обманные явления вызывают субъективно-оценочный эмоциональный отклик номинатора, который вычитывается из коннотативной зоны семантики «обманных» слов и выражений, формирующейся экспрессивностью, оценочностью номинаций, их внутренней формой. Эмотивно-оценочное отношение номинатора к лжи и обману определяет большое количество образных единиц в поле.

Обман в языковом сознании носителей традиции включен в общее поле негативно-оцениваемых явлений, с которыми он нередко разделяет одни номинации: это праздность, пьянство, разбой, бродяжничество, непослушание и другие поведенческие девиации.

Вопросы, оставшиеся за пределами настоящей диссертации, но требующие решения, относятся к **перспективам** работы над семантико-мотивационным полем «Ложь, обман», среди которых: • прояснение этимологии корпуса слов с неясной пока внутренней формой; • расширение материала с помощью не охваченных

настоящим исследованием диалектных лексикографических источников и картотек; • обращение к другим формам существования языка, в частности, к просторечию и жаргону, которые предположительно «богаты» на лексику изучаемого семантического поля, сопоставление диалектных данных с жаргонными; • обращение к «правой» мотивации, иначе говоря, анализ пласта лексики, образованной способом семантико-словообразовательной деривации от слов – основных выразителей семантики обмана; • ввод контрастивного аспекта исследования – сопоставление мотивационных моделей, выявленных для русского языка, с инославянским материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Словари и источники

1. АКТЭ – антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
2. Аникин РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин, Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Ин-т филологии СибРАН. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. – Вып. 1–.
3. АОС – Архангельский областной словарь словарь / под ред. О. Г. Гецовой. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980–. – Вып. 1–.
4. Афанасьев 1–3 – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / под ред. Э. В. Померанцевой, К. В. Чистова : в 3 т. – Москва : Наука, 1984–1985.
5. Барсов 1–2 – Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. – Москва : Общество любителей российской словесности, 1872.
6. БАС – Большой академический словарь русского языка. Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2005–. – Т. 1–.
7. БД – Българска диалектология : проучвания и материали. – София : БАН, 1962–1981. – Кн. 1–10.
8. БЕР – Български етимологичен речник. София : Издателство на Българската академия на науките, 1971–. – Т. 1–.
9. БНРС – Большой немецко-русский словарь / под рук. О. И. Москальской. – Москва : Русский язык Медиа, 2006. – Т. 1–3.
10. БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Санкт-Петербургский государственный университет, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 717 с.
11. БСРП – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 785 с.

12. БСРС – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.

13. БПРС – *Гессен Д., Стыпула Р.* Большой польско-русский словарь : в 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – Москва : Русский язык; Варшава : Ведза Повшехна, 1980.

14. БТР – Български тълковен речник / сост. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. – София : Наука и изкуство, 1973. – 972 с.

15. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.

16. Воронцова 2011 – *Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ / Ю. Б. Воронцова. – Москва : АСТ Пресс, 2011. – 448 с.

17. Ганцовская 2015 – *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова; Москва : Книжный клуб Книговек, 2015. – 512 с.

18. Герд 2004 – *Герд А. С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) / А. С. Герд // Севернорусские говоры. – Вып. 8 / отв. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 286 с.

19. Герд 2009 – *Герд А. С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (С–Я) / А. С. Герд // Севернорусские говоры. – Вып. 10 / отв. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – С. 144–176.

20. Геров 1–6 – *Геров Н.* Речник на българския език, фотот. изд. / Н. Геров. – София : Български писател, 1975–1978.

21. Даль 1–4 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – 3-е изд. – Санкт-Петербург ; Москва : Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.

22. Даль$_2$ I–IV – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – 2-е изд. – Санкт-Петербург ; Москва : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882.

23. Даль ПРН – *Даль В. И.* Пословицы русского народа / сб. В. Даля : в 2 ч. – Санкт-Петербург ; Москва : Изд. М. О. Вольфа, 1879.

24. Дилакторский 2006 – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 677 с.

25. ДО – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – Санкт-Петербург : Типогр. Император. Акад. наук, 1858. – 330 с.

26. Добровольский 1914 – Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. – Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. – 1022 с.

27. ДПФ – Детский поэтический фольклор. Антология / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; сост. А. Н. Мартынова ; отв. ред. Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. – 577 с.

28. ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.

29. Дьяченко 1899 – *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Г. Дьяченко. – Москва : Типогр. Вильде, 1899. – 1120 с.

30. ДЭИС – Традиционная культура Урала : диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронное издание] / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина. – Екатеринбург, 2009.

31. ДЯОС – Ярославский областной словарь : дополнения : в 2 т. / науч. ред. Т. К. Ховрина. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015.

32. Елистратов – *Елистратов В. С.* Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). [Электронный ресурс] / В. С. Елистратов. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/argo/

33. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. – Київ : Наукова думка, 1982–2012.

34. Ефремова 2000 – *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Дрофа ; Русский язык, 2000. – Режим доступа: http://www.efremova.info

35. Зеленин 1915 – Великорусские сказки Вятской губернии : с приложением шести вотяцких сказок / сб. Д. К. Зеленина. – Петроград : Тип. А. В. Орлова, 1915. – 640 с.

36. ИРС – *Скворцова Н. Л., Майзель Б. Н.* Итальянско-русский словарь / Н. Л. Скворцова, Б. Н. Майзель. – Москва : Иностранные и национальные словари, 1963. – 954 с.

37. Королева 2000 – *Королева Е. Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области) / Е. Е. Королева. – Daugavpils : Saule, 2000. – 140 с.

38. КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

39. Куликовский 1898 – *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1898. – 151 с.

40. ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

41. Малеча 1–4 – *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. / Н. М. Малеча. – Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.

42. МИСНФ – *Сергеева Л. Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов / Л. Н. Сергеева ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : [б. и.], 2004. – 307 с.

43. Михайлова 2013 – *Михайлова Л. П.* Словарь экстенциональных лексических единиц в русских говорах / Л. П. Михайлова. – Петрозаводск ; Москва : Изд-во КГПА, 2013. – 350 с.

44. Михельсон 1–2 – *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. – Санкт-Петербург, 1901–1902.

45. Младенов 1941 – *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език / С. Младенов. – София : Книгоиздателство Христо Г. Данов, 1941. – 704 с.

46. Московские легенды – Московские легенды, записанные Евгением Барановым / сост., вступ. ст. и прим. Е. Боковой. – Москва : Литература и политика, 1993. – 302 с.

47. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruscorpora.ru/

48. НОС – Новгородский областной словарь : в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород : Изд-во Новг. пединститута, 1992–1995.

49. НОС$_2$ – Новгородский областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 1435 с.

50. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / ред. Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.

51. НЧСРЛ –*Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Новый частотный словарь русской лексики : электронная версия издания : частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – Москва : Азбуковник, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/freq.php

52. Ожегов 1990 – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Русский язык, 1990. – 917 с.

53. Ожегов, Шведова 2008 – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Оникс, 2008. – 736 с.

54. Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1852. – 275 с.

55. ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / ВятГГУ, под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. – Киров : Коннектика ; Изд-во ВятГГУ ; Радуга-ПРЕСС, 1996–. – Вып. 1–.

56. Отин 2004 – *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток Лтд, 2004. – 412 с.

57. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Ленинград ; Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. – Вып. 1–.

58. Преображенский 1–3 – *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–2. – Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914; Т. 3. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1949.

59. Проспект АС – Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 784 с.

60. РБЕ – Речник на българския език. – Т. 5. – София : Издателство на БАН, 1987. – 1030 с.

61. РГ – Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1980.

62. РЖИЭС – *Грачев М. А., Мокиенко В. М.* Русский жаргон : историко-этимологический словарь / М. А. Грачев, В. М. Мокиенко. – Москва : АСТ-Пресс, 2009. – 336 с.

63. РНК – *Атрошенко О. В., Кривощапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 544 с.

64. РПС – Русско-польский словарь / под ред. В. Г. Чернобаева. – Москва : ОГИЗ-ГИС, 1941. – 420 с.

65. РСБКЕ – Речник на съвременния български книжовен език : в 3 т. / ред. Ст. Романски. – София : Българска академия на науките, 1951–1955.

66. РФ – *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

67. РЧС – *Копецкий Л. В., Лешка О.* Русско-чешский словарь : в 2 т. / Л. В. Копецкий, О. Лешка. – Москва : Русский язык ; Прага : Гос. пед. изд-во, 1978.

68. САР – Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Моск. гуманит. ин-т им. Е. Р. Дашковой. – Москва : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

69. СГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. – Санкт-Петербург : Наука, 2008.

70. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. – Т. 1–.

71. СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995–2012.

72. Селиванов 1990 – Частушки / сост., вступ. ст. и комм. Ф. М. Селиванова. – Москва : Советская Россия, 1990. – 665 с.

73. Селигер – Селигер : материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А. С. Герда. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2003–. – Вып. 1–.

74. Симаков 1913 – *Симаков В. И.* Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новогородской, Петербургской губерний. / В. И. Симаков. – Ярославль : Типография К. Ф. Некрасова, 1913. – 674 с.

75. СлРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1981–1984.

76. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С. Г. Бархударов и др. – Москва : Наука, 1975–. – Вып. 1–.

77. СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов. – Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1984–. – Вып. 1–.

78. Снегирев – *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / изд. подг. Е. А. Костюхин. – Москва : Индрик, 1999. – 624 с.

79. СОГ – Словарь орловских говоров : учеб. пособие по русской диалектологии / под ред. Т. В. Бахваловой. – Вып. 1–4. – Ярославль, 1989–1991. – Вып. 5–. – Орел, 1992–.

80. СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / С.-Петерб. гос. ун-т, Межкафедр. словар. каб. им. проф. Б. А. Ларина, сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, науч. ред. Л. А. Ивашко, отв. ред. Л. А. Карпова. – Санкт-Петербург : Норинт, 2001. – 176 с.

81. СРГА – Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Иванова. – Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 1993–1997.

82. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

83. СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. – Санкт-Петербург : Наука, 2013.

84. СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005.

85. СРГО – Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. – Одесса : Астропринт, 2000–2001.

86. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. – Свердловск : Среднеуральское книжное изд-во ; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

87. СРГЮП – *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. – Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

88. Срезневский 1–3 – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1912.

89. СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965–. – Вып. 1–.

90. СРСГСП – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : в 3 ч. / под ред. Г. А. Садретдиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.

91. ССГ – Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. – Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974–2005.

92. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под. ред. А. А. Шахматова. – Москва ; Ленинград : Наука, 1948–1965.

93. ССЯ – Словарь старославянского языка : в 4 т. – Репринтное издание. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

94. СУМ – Словник української мови. Академічний тлумачний словник : в 11 т. Київ : Наукова думка, 1970–1980.

95. СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm

96. СХРС – Сербско-хорватско-русский словарь / сост. И. И. Толстой. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – 1168 с.

97. ТКТЭ – топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

98. ТТС – Тверской тематический словарь : в 5 вып. / под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. – Тверь : ТвГУ, 2003–2006.

99. УНС – Устьянский народный словарь / ред. А. А. Истомин и др. – Октябрьский ; Вельск : Устьяновский краеведческий музей ; Вельти. – 496 с.

100. Фасмер 1–4 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва : Астрель – АСТ, 2007.

101. ФСПГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева. – Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. – 431 с.

102. ФСРГРК – *Кобелева И. А.* Фразеологический словарь русских говоров республики Коми / И. А. Кобелева, Сыктывк. гос. ун-т. – Сыктывкар : СыктГУ, 2004. – 308 с.

103. ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука, 1983. – 232 с.

104. Черных 1–2 – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1999.

105. ЧСРЯ – Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – Москва : Русский язык, 1977. – 936 с.

106. Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2007. – 1175 с.

107. ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978–. – Т. 1–.

108. ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского, А. Ф. Журавлева. – Москва : Изд-во МГУ, 1963–. – Т. 1–.

109. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – Москва : Наука, 1974–. – Вып. 1–.

110. ЯОС – Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

111. Brückner 1985 – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa : Wiedza Powszeczna, 1985. – 805 s.

112. ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. – Brno ; Praha : Academia ; Tribun EU, 1989–. Seš. 1–.

113. ESSJ – *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika : in 5 t. / F. Bezlaj. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 1976–2007.

114. Machek 1968 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / V. Machek. – Druhé, opravené a doplněné vyd. – Praha : Academia, 1968 (1971). – 868 s.

115. OED – The Oxford English Dictionary : in 20 vols. – 2 ed. – Oxford : Clarendon Press ; Oxford ; New York : Oxford University Press, 1989.

116. Orel 1–3 – *Orel V. E.* Russian Etymological Dictionary : in 3 vols. – Calgary ; Alberta : Octavia, 2007–2008.

117. Rejzek 2001 – *Rejzek J.* Český etymologický slovník / J. Rejzek. – Praha : Leda, 2001. – 742 s.

118. Reverso – Dictionnaire Français Définition: définitions, exemples, synonymes et expressions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition

119. RI – Reverse Index to the Dictionary of Russian Dialects. Preliminary Version, vols.1–25. – Urbana-Champaign : University of Illinois, 1991. – 565 p.

120. SEK − *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny : w 6 t. / W. Boryś, H. Popowska-Taborska. − Warszawa : Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994–2010.

121. Skok 1–4 – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: v 4 knj. / P. Skok. − Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

122. SW – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiecki W.* Słownik języka polskiego : in 8 t. / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki. – Warszawa : Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900–1935.

Исследования

123. Абакумова 2013 – *Абакумова О. Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О. Б. Абакумова. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. – 354 с.

124. Абакумова 2016 – *Абакумова О. Б.* Устойчивые сравнения в пословицах о правде (на материале русских и английских пословиц о правде и лжи) / О. Б. Абакумова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / отв. ред. В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2016. – С. 101–107.

125. Агапкина 1999 – *Агапкина Т. А.* Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян / Т. А. Агапкина // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. – Москва : Индрик, 1999. – С. 210–282.

126. Агапкина 2002 – *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2002. – 816 с.

127. Адоньева 2004 – *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та ; Амфора, 2004. – 312 с.

128. Акимова, Мочалова 2015 – *Акимова Э. Н., Мочалова Т. И.* Оценочность фразеологизмов со значением «поведение человека» в русских говорах Мордовии / Э. Н. Акимова, Т. И. Молчалова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2015 / отв. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – С. 9–19.

129. Александров 2004 – *Александров В. А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX

века : в 3 кн. – кн. 2 / изд. подгот. Н. А. Пушкарева, А. В. Бессмертных. – Москва : Ладомир, 2004. – С. 7–37.

130. Апресян 1995 – *Апресян Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – Т. 1. Лексическая семантика. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – 464 с.

131. Апресян 2004 – *Апресян Ю. Д.* Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 7. – С. 5–22.

132. Апресян 2008 – *Апресян Ю. Д.* От истины до лжи по пространству языка / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Индрик, 2008. – С. 23–45.

133. Апресян В. Ю. 2003 – *Апресян В. Ю.* Неправда, ложь, вранье / В. Ю. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 668–673.

134. Белетич, Лома 2013 – *Белетич М., Лома А.* Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. **mora*, **mara*) / М. Белетич, А. Лома // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира : к юбилею Светланы Михайловны Толстой. – Москва : Индрик, 2013. – С. 56–79.

135. Белова 1996 – *Белова О. В.* Эротическая символика грибов в народных представлениях славян / О. В. Белова // Секс и эротика в русской традиционной культуре : сб. статей / сост. А. Л. Топорков. – Москва : Ладомир, 1996. – С. 317–322.

136. Белова 2006 – *Белова О. В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование) : дисс. … доктора филол. наук : 10.02.03 / Ольга Владиславовна Белова. – Москва, 2006. – 264 с.

137. Березович 2003 – *Березович Е. Л.* К семантической реконструкции некоторых русских диалектных вербальных формул (‘типун тебе на язык’) / Е. Л. Березович // Этимология 2000–2002 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. – Москва : Наука, 2003. – С. 165–176.

138. Березович 2006 – *Березович Е. Л.* О явлении лексической ксеномотивации / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 3–18.

139. Березович 2007 – *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.

140. Березович 2011 – *Березович Е. Л.* «Позволь-ка мне словцо выговорить, словцо вымолотить!» (о «производственной» метафоре речевой деятельности в русской языковой традиции) / Е. Л. Березович // Текст славянской культуры : к юбилею Людмилы Александровны Софроновой. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 53–73.

141. Березович 2014 – *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. – Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – 488 с.

142. Березович 2016 – *Березович Е. Л. Берестяная рожа* и *берестяные глаза*: этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам / Е. Л. Березович // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. – Teil. 1. – Frankfurt am Main, 2016. – С. 57–80 [Philologica Slavica Vindobonensia. B. 2].

143. Березович, Казакова 2011 – *Березович Е. Л., Казакова Е. Д.* Ситуация «языкового испытания» в народной культуре / Е. Л. Березович, Е. Д. Казакова // Славянский и балканский фольклор. – Вып. 11 : Виноградье : к юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой. – Москва : Индрик, 2011. – С. 27–38.

144. Березович, Кривощапова 2015а – *Березович Е. Л., Кривощапова Ю. А.* Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. Человек. Культура. Политика и экономика / Е. Л. Березович, Ю. А. Кривощапова // Quaestio Rossica. – 2015. – № 1. – С. 129–152.

145. Березович, Кривощапова 2015б – *Березович Е. Л., Кривощапова Ю. А.* Деривационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках / Е. Л. Березович, Ю. А. Кривощапова // Slavia. – 2015. – № 1 (84). – S. 82–94.

146. Березович, Кучко 2017 – *Березович Е. Л., Кучко В. С.* Еще раз об этимологии рус. *мазурик* ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа мазура в

славянских традициях) / Е. Л. Березович, В. С. Кучко // Slověne. – 2017 [В печати].

147. Березович, Леонтьева 2016 – *Березович Е. Л., Леонтьева Т. В.* Наветка как форма символического осуждения / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Живая старина. – 2016. – № 2 (90). – С. 49–52.

148. Березович, Седакова 2012 – *Березович Е. Л., Седакова И. А.* Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения / Е. Л. Березович, И. А. Седакова // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. – 2012. – Т. 71. – № 6. – С. 12–24.

149. Богуславская 2003 – *Богуславская О. Ю.* Хитрый, хитроумный, плутоватый, лукавый / О. Ю. Богуславская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 1237–1240.

150. Болинджер 1973 (1987) – *Болинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы / сост. В. М. Сергеев, П. Б. Паршина. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 23–43.

151. Бондалетов 2012 – *Бондалетов В. Д.* Даль и тайные языки в России / В. Д. Бондалетов. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2012. – 456 с.

152. Вайнрих 1966 (1987) – *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи /Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы / сост. В. М. Сергеев, П. Б. Паршина. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 44–87.

153. Валодзіна 2009 – *Валодзіна Т.* Цела чалавека : слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.

154. Варбот 1971 – *Варбот Ж. Ж.* Заметки по славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот // Этимология 1968 / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1971. – С. 72–78.

155. Варбот 1976 – *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV (**tipati, *piščati* II и **piščalь* II, **vьrati* и **varati, *sokorъ* и **sočiti* III) / Ж. Ж. Варбот // Этимология 1974 / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1976. – С. 32–43.

156. Варбот 1984 – *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология / Ж. Ж. Варбот. – Москва : Наука, 1984. – 256 с.

157. Варбот 2003 – *Варбот Ж. Ж.* Народная этимология в истории языка и в научной этимологии / Ж. Ж. Варбот // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. – Москва : Индрик, 2003. – С. 49–62.

158. Варбот 2012 – *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. – 648 с.

159. Вежбицка 2002 – *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицка // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 2 (4). – С. 6–34.

160. Видова 1985 – *Видова О. В.* О некоторых моделях слов со сложной основой в русских говорах (на материале образования слов с общим значением ‘лгун’ / О. В. Видова // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования 1982 / отв. ред. В. В. Иванов. – Москва : Наука, 1985. – С. 202–217.

161. Видова 1988а – *Видова О. В.* Производные существительные Nomina agentis со значением ‘лгун’ в русских народных говорах в их соотношении с мотивирующими основами / О. В. Видова // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования 1984 / отв. ред. В. В. Иванов. – Москва : Наука, 1988. – С. 98–118.

162. Видова 1988б – *Видова О. В.* Отсубстантивные суффиксальные образования со значением ‘лгунья’ в русских говорах (по материалам ОЛА) / О. В. Видова // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования 1985–1987 / отв. ред. В. В. Иванов. – Москва : Наука, 1988. – С. 64–70.

163. Виноградов 1977 – *Виноградов В. В.* Избранные труды / В. В. Виноградов. – Лексикология и лексикография. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.

164. Виноградов 1999 – *Виноградов В. В.* История слов / В. В. Виноградов. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1142 с.

165. Володина 2006 – *Володина Т. В.* Кто кого и зачем обувает в лапти / Т. В. Володина // Славянские языки в свете культуры. – Москва : А Темп, 2006. – С. 228–242.

166. Володина 2007 – *Володина Т. В.* «Гулящая»: об одном этнокультурном стереотипе в белорусской традиции / Т. В. Володина // Język. Człowiek. Dyskurs. – Szczecin : Print Group Daniel Krzanowski, 2007. – S. 520–536.

167. Высочаньски 2014а – *Высочаньски В.* Паремиологическая картина осуществления правды, неполной правды, отсутствия правды и неправды / В. Высочаньски // Язык, культура, социум : реалии, категории и механизмы взаимодействия : сборник научных трудов. – Старый Оскол : Старооскольский филиал НИУ «БелГУ», 2014. – С. 52–62.

168. Высочаньски 2014б – *Высочаньски В.* Ложь и лжецы в польской и русской фразеологии / В. Высочаньски // Rossica Olomucensia. – 2014. – LIII. – С. 83–90.

169. Гак 1993 – *Гак В. Г.* Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1993. – С. 22–29.

170. Гак 1998 – *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

171. Галинова 2000 – *Галинова Н. В.* Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Владимировна Галинова. – Екатеринбург, 2000. – 294 с.

172. Гладкова 2010 – *Гладкова А.* Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки / А. Гладкова. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 304 с.

173. Горячева 1982 – *Горячева Т. В.* Этимологические заметки / Т. В. Горячева // Этимология 1980 / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1982. – С. 103–114.

174. Горячева 2003 – *Горячева Т. В.* К семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов / Т. В. Горячева // Этимология 2000–2002 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. – Москва : Наука, 2003. – С. 147–164.

175. Горячева 2010 – *Горячева Т. В. Друг ситный* на фоне лексико-семантического поля пищи (к семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов) / Т. В. Горячева // Этимология 2006–2008 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. – Москва : Наука, 2010. – С. 65–81.

176. Гура 2012 – *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 2012. – 936 с.

177. Дённингхаус 2008 – *Дённингхаус С.* Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики / С. Дённингхаус // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 2008. – С. 344–359.

178. Дзюба 2015 – *Дзюба Е. В.* Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании : дис. … д. филол. наук 10.02.01, 10.02.19 / Елена Вячеславовна Дзюба. – Екатеринбург, 2015. – 629 с.

179. Душечкина 2002 – *Душечкина Е. В.* Русская елка : история, мифология, литература / Е. В. Душечкина. – Санкт-Петербург : Норинт, 2002. – 416 с.

180. Егоров 2012 – *Егоров Б. Ф.* Обман в русской культуре / Б. Ф. Егоров. – Санкт-Петербург : Росток, 2012. – 192 с.

181. Едалина 2015 – *Едалина А. А.* Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Анна Александровна Едалина. – Екатеринбург, 2015. – 256 с.

182. Еремина 2003 – *Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : дис. …канд. филол. наук : 10.02.01 / Марина Артуровна Еремина. – Екатеринбург, 2003. – 251 с.

183. Жуйкова 2007 – *Жуйкова М. В.* Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов / М. В. Жуйкова. – Луцьк : РВВ «Вежа» Волинського державного університету ім. Лесі Українки, 2007. – 416 с.

184. Зализняк Анна А. 2006 – *Зализняк Анна А*. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

185. Коваль 1998 – *Коваль В. И.* Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Гомель : Гомельск. ун-т им. Ф. Скорины, 1998. – 213 с.

186. Куркина 1967 – *Куркина Л. В. Варакать* / Л. В. Куркина // Этимология 1965 / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1967. – С. 184–188.

187. Куркина 1976 – *Куркина Л. В.* Этимологические заметки / Л. В. Куркина // Этимология 1974 / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1976. – С. 44–59.

188. Куркина 1981 – *Куркина Л. В.* Славянские этимологии / Л. В. Куркина // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования 1979 / отв. ред. Р. И. Аванесов. – Москва : Наука, 1981. – С. 331–337.

189. Куркина 2003 – *Куркина Л. В.* К реконструкции этимологических связей слав. **myliti* (*sę*) 'обманывать, вводить в заблуждение' / Л. В. Куркина // Studia etymologyka Brusensia 2. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2002. – Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2003. – S. 115–125.

190. Кучко 2016а – *Кучко В. С.* Рус. *оправдываться, оправдание*: опыт диахронно-семантического портретирования / В. С. Кучко // Славянский альманах. – 2016. – С. 375–385.

191. Кучко 2016б – *Кучко В. С.* К этимологизации диалектных омонимов: волог. *калаушка* / В. С. Кучко // Русский язык в научном освещении. – 2016. – № 2 (32). – С. 188–205.

192. ЛАЯ 1991 – Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1991. – 204 с.

193. ЛАЯ 2008 – Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Индрик, 2008. – 672 с.

194. Левонтина 1995 – *Левонтина И. Б.* Звездное небо над головой // Логический анализ языка: Истина и истинность в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1995. – С. 32–35.

195. Ленец 2010 – *Ленец А. В.* Коммуникативный феномен лжи : лингвистический и семиотический аспекты : автореферат дисс. … д. филол. наук : 10.02.19 / Анна Викторовна Ленец. – Ростов-на-Дону, 2010. – 42 с.

196. Леонтьева 2003 – *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в зеркале русского языка : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Татьяна Валерьевна Леонтьева. – Екатеринбург, 2003. – 297 с.

197. Леонтьева 2008 – *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2008. – 280 с.

198. Леонтьева 2015 – *Леонтьева Т. В.* Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дисс. … доктора филол. наук : 10.02.01 / Татьяна Валерьевна Леонтьева. – Екатеринбург, 2015. – 427 с.

199. Лотман М. 2002 – *М. Ю. Лотман*. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе. Предварительные замечания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman02.html

200. Львов 1966 – *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А. С. Львов. – Москва : Наука, 1966. – 321 с.

201. Меркулова 1972 – *Меркулова В. А*. Народные названия болезней, II (на материале русского языка) / В. А. Меркулова // Этимология. 1970 / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1972. – С. 116–142.

202. Михайлова 2014 – *Михайлова Л. П.* Лексикализация перехода [ó] > [á] в русских говорах» / Л. П. Михайлова // Севернорусские говоры. – Вып. 13 / отв. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – С. 118–136.

203. Мокиенко 2006 – *Мокиенко В. М.* Почему так говорят? Историко-этимологические очерки по фразеологии / В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Норинт, 2006. – 512 с.

204. Мороз 2011 – *Мороз А. Б.* Квазисвятые в традиционной культуре / А. Б. Мороз // Мудрость – праведность – святость в славянской и еврейской культурной традиции. – Москва : Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» ; Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 191–199.

205. Морозов, Слепцова 2004 – *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.) / И. А. Морозов, И. С. Слепцова. – Москва : Индрик, 2004. – 920 с.

206. Норман 2017 – *Норман Б. Ю.* Врать и обманывать по-русски / Б. Ю. Норман // Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 234–242.

207. Падучева 2004 – *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 609 с.

208. Панченко 1999 – *Панченко Н. Н.* Средства объективации концепта «Обман» (на материале английского и русского языков) : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Надежда Николаевна Панченко. – Волгоград, 1999. – 239 с.

209. Плотникова, Скорнякова 1989 – *Плотникова Г. Н., Скорнякова М. Ф.* Словообразовательные особенности глаголов различных ЛСГ / Г. Н. Плотникова, М. Ф. Скорнякова // Лексико-семантические группы русских глаголов / под ред. Э. В. Кузнецовой. – Иркутск : Изд-во иркут. ун-та, 1989. – С. 61–83.

210. Плотникова 2006 – *Плотникова А. М.* Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 226 с.

211. Плотникова 2010 – *Плотникова С. Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000. – 244 с.

212. Попчук 2006 – *Попчук О. М.* Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации:

автореферат дис. … канд. филол. наук : 10.02.21 / Оксана Михайловна Попчук. – Москва, 2006. – 27 с.

213. Пьянкова 2008 – *Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ксения Викторовна Пьянкова. – Екатеринбург, 2008. – 251 с.

214. Родионова 2004 – *Родионова И. В.* Глаголы с антропонимической корневой морфемой в русских народных говорах (I) / И. В. Родионова // Ономастика и диалектная лексика. Сборник научных трудов. – Выпуск 5 / под ред. М. Э. Рут., Л. А. Феоктистовой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 63–77.

215. Рут 1992 – *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке. / М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.

216. Рут 2008 – *Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике / М. Э. Рут. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 192 с.

217. Седакова 2007 – *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст / И. А. Седакова. – Москва : Индрик, 2007. – 430 с.

218. Сорокин 1965 – *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX века / Ю. С. Сорокин. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – 565 с.

219. Страхов 2013 – *Страхов А. Б.* Русские слова со значением ‘обмануться’ и ‘обмануть’, ‘обманщик’ и ‘простак’ в кругу народно-этимологических и научных сближений / А. Б. Страхов // Paleoslavica. – Vol. XXI. – 2013. – № 2. – С. 260–287.

220. Субботина 2004 – *Субботина В. Н.* Состав и соотношение русских этимологических гнезд, восходящих к омонимичным праславянским корням **ver-/*vor-* : дис. … канд. филол. наук / Виктория Николаевна Субботина. – Москва, 2004. – 386 с.

221. Сурикова 2016 – *Сурикова О. Д.* Еще раз о русском слове *шаромыга* / О. Д. Сурикова // Научный диалог. – 2016. – № 10 (58). – С. 113–124.

222. Телия 1991 – Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1991. – 214 с.

223. Тихомирова 2013 – *Тихомирова А. В.* Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Александра Васильевна Тихомирова. – Екатеринбург, 2013. – 350 с.

224. Толстая 2002 – *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.

225. Толстая 2007 – *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов / С. М. Толстая // Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина / ред. Н. Б. Вахтин, Г. А. Левинтон. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 23–31.

226. Толстая 2008 – *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – Москва : Индрик, 2008. – 527 с.

227. Толстая 2009 – *Толстая С. М.* ‘Кормить’ и ‘хоронить’ (к семантической реконструкции славянской погребальной лексики) / С. М. Толстая // Studia etymologica Brunensia. – 2009. – № 6. – S. 341–355.

228. Толстая 2010 – *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. – Москва : Либроком, 2010. – 368 с.

229. Толстая 2017 – *Толстая С. М.* Ошибка по-русски / С. М. Толстая // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2017. – С. 107–123.

230. Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* Избранные труды / Н. И. Толстой. – Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 520 с.

231. Топоров 1971 – *Топоров В. Н.* Об одном иранизме в славянском: **bazuriti* / В. Н. Топоров // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С. Б. Бернштейна / отв. ред. Е. В. Чешко. – Москва : Наука, 1971. – С. 450–458.

232. Топоров 1993 – *Топоров В. Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор / отв. ред. Т. М. Николаева. – Москва : Наука, 1993. – С. 3–103.

233. Топоров 2004 – *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Исследования по этимологии и семантике / В. Н. Топоров. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. – 816 с.

234. Усачева 1996 – *Усачева В. В.* Ритуальный обман в народной медицине / В. В. Усачева // Живая старина. – 1996. – № 4. – С. 29–30.

235. Хелемендик 2007 – *Хелемендик А. В.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля ‘ругать(ся)’ в русском языке : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Анна Валерьевна Хелемендик. – Москва, 2007. – 206 с.

236. Храмова 2009 – *Храмова Ю. А.* Паремиологическая реализация концептуальной диады «лицемерие-искренность» в русской и английской лингвокультурах / Ю. А. Храмова // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 1 (33). – С. 15–21.

237. Цзянькунь 2014 – *Цзянькунь П.* Оппозиция «правда – ложь» в паремиологическом пространстве русского языка (лингвокультурологический аспект) : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Пи Цзянькунь. – Санкт-Петербург, 2014. – 171 с.

238. Черепанова 1983 – *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера / О. А. Черепанова. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1983. – 169 с.

239. Шаховский, Панченко 1999 – *Шаховский В. И., Панченко Н. Н.* Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте / В. И. Шаховский, Н. Н. Панченко // Фразеология в контексте культуры : сборник статей / ред. В. Н. Телия. – Москва : Языки славянской культуры, 1999. – С. 285–299.

240. Шаховский 2005 – *Шаховский В. И.* Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации : аспекты

исследований : сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2005. – С. 173–204.

241. Шевцов 2005 – *Шевцов В. В.* Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): История игры и история общества / под ред. А. Н. Жеравиной, Э. Л. Львовой. – Томск : Томский гос. ун-т, 2005. – 244 с.

242. Шмелев 2009 – *Шмелев А. Д.* Врали и лжецы в русской языковой картине мира / А. Д. Шмелев // «Слово – чистое веселье…» : сборник статей в честь А. Б. Пеньковского / отв. ред. А. М. Молдован. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – С. 77–84.

243. Шмелев 2012 – *Шмелев А. Д.* Вранье в русской «наивной этике» / А. Д. Шмелев // Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – С. 506–517.

244. Ясинская 2013 – *Ясинская М. В.* «Когда кажется – креститься надо»: семантика обмана зрения в русских диалектах и мифологических рассказах / М. В. Ясинская // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. – Москва : Индрик, 2013. – С. 363–376.

245. Brückner 1914 – *Brückner A.* Miszellen / A. Brückner // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. – Bd. 46, H. 3 (1914). – P. 193–217.

246. Plotka i kłamstwo – Plotka i kłamstwo w języku i w kulturze / red. M. Baran-Łaszkiewich, S. Niebrzegowska-Bartmińska, S. Wasiuta. – Lublin : Polihimnia, 2010. – 186 s.

247. Sławski 1976 – *Sławski Fr.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy) / F. Sławski // Słownik prasłowiański / pod red. F. Sławskiego. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1976. – T. 2. – S. 13–60.

248. Wysoczański 2015 – *Wysoczański W.* Frazeologiczne ujęcie oszukiwania w wybranych językach słowiańskich /W. Wysoczański // Nowe zjawiska w języku, tekście i komunikacji / red. I. Kosek, R. Makarewicz, K. Zawilska. – Olsztyn, 2015. – S. 218–229.

ПРИЛОЖЕНИЕ

áбалмаш пск. ‘обманщик, плут’ [СРНГ 1: 188]
алáхарь калуж. ‘обманщик’ [СРНГ 1: 232]
алгáть смол. ‘лгать’ [ССГ 1: 69]
алёшки подпускать влад. ‘шутить, хвастать, лгать’ [СРНГ 1: 234]
алилýев назагибать влг. ‘наврать’ [КСГРС]
алилýи загибать влг. ‘врать’ [КСГРС]
алилýи заливать влг. ‘завираться’ [КСГРС]
алты́нник тамб. ‘обманщик’ [СРНГ 1: 241]
алы́р орл., костр. ‘обманщик, плут, мошенник’ [СРНГ 1: 242]
алы́ра перм., пск., сарат., тул., твер. ‘обманщик, плут, мошенник’ [СРНГ 1: 242]
алы́рить пск. ‘промышлять обманом, мошенничать’ [СРНГ 1: 243]
алы́рник арх., влг., новг., яросл., курск., калуж., ворон., тамб., нижегор., сарат., смол., ‘обманщик, плут, мошенник’ [СРНГ 1: 243; ССГ 1: 70]
алю́сничать сиб. ‘угодничать, льстить с корыстной целью’; тобол., забайк. ‘льстить, лицемерить’; тобол. ‘выманивать что-либо лестью, обманывать’ [СРНГ 1: 247]
алю́сы тобол. ‘лесть’ [СРНГ 1: 247]
алю́сы строить урал. ‘ласкаясь, обманывать’ [СРНГ 1: 247]
алю́ша ‘лгун, хвастун’ [СРНГ 1: 247]
алю́шки подпускать ‘лгать, хвастать, шутить’ [СРНГ 1: 247]
аля́сничать якут., калуж. ‘врать, говорить вздор, заговариваться’ [СРНГ 1: 249]
америку построить арх. ‘наговорить с три короба’ [СГРС 1: 16]
андрóна подпускать ряз. ‘хвастать, лгать’ [БСРП: 17]
андрóны едут ряз., влад., тул., влг., самар., симб., пск., калуж. ‘говорится в ответ тому, кто сказал неправду; о неправде, лжи’ [СРНГ 1: 259]
анцибýры смол. ‘пустые разговоры, вранье’ [ССГ 1: 79]
анцибýры лить (разводить) смол. ‘вести пустые разговоры, врать’ [ССГ 1: 79]
ахáха влад. ‘обманщик’ [СРНГ 1: 295–296]
ахивáка курск. ‘ловкий обманщик, мошенник’ [СРНГ 1: 296]
базлá влг. ‘врун, врунья’ [СГРС 1: 42–43]
базлáть влг. ‘врать’ [СГРС 1: 43]
базли́ть влг., олон., новг. ‘врать, говорить пустое’ [СГРС 1: 43; СРНГ 2: 50]
базлó влг., олон., новг. ‘врун, обманщик’ [СГРС 1: 42–43; СРНГ 2: 50]
базýрить пск. ‘жить обманом, плутовать’ [СРНГ 2: 51]
базýрничать пск., твер. ‘жить обманом, плутовать’ [СРНГ 2: 51]
бакýня ряз., тул., яросл., курск. ‘обманщик, плут, ловкий в разговоре; проныра’ [СРНГ 2: 65]
балабóшить калуж. ‘говорить пустяки, врать’ [СРНГ 2: 68]
балагуры разводить влг. ‘шутить, врать’ [СРНГ 2: 69]
баламýтить яросл. ‘говорить неправду’ [ЯОС 1: 30]
баламýтить воду пск. ‘лгать, говорить вздор’ [БСРП: 92]
баламýтка яросл. ‘лгун, врун; непостоянный, несправедливый человек’ [ЯОС 1: 30]
баламы́ш пск. ‘обман’ [СРНГ 2: 72]
баландá влг. ‘болтун, врун’ [СГРС 1: 51]
баланди́ть влг. ‘болтать попусту, врать’ [СГРС 1: 51]
балáнду переть влг., дон. ‘обманывать, лгать’ [БСРП: 26]
балáнду травить сиб. ‘лгать или просто много и попусту говорить’ [ФСРГС: 198]
балахвóстить влг. ‘сплетничать’; костр. ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 2: 75]
балгýдиться новг. ‘изменять жене, быть неверным’ [НОС 1: 28]
банкрýт смол. ‘обманщик, плут’ [ССГ 1: 120]
банкрýтина смол. ‘вор, плут’; ‘беспутный, нечестный человек’ [ССГ 1: 120]

банкру́тство смол. ‘мошенничество, плутовство’ [ССГ 1: 120]
барабо́шить новг. ‘лгать’ [НОС 1: 32]
барабо́шка твер. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 2: 102]
барахло́ костр. ‘врун’ [ЛКТЭ]
барахли́ть костр. ‘врать’ [ЛКТЭ]
барахти́ть костр. ‘много болтать, привирать’ [ЛКТЭ]
басни баять смол. ‘говорить неправду’ [ССГ 1: 131]
басни ска́зывать перм. ‘говорить неправду’ [ФСПГ: 332]
ба́ти́ть свердл. ‘лгать’ [СРНГ 2: 143]
баха́лдина влг. ‘вранье, сплетни, пустые разговоры’ [СГРС 1: 78]
бахва́л влг. ‘лжец, врун’ [СГРС 1: 78]
бахвалить влг. ‘говорить неправду, врать’ [СГРС 1: 78]
бахти́ть влг. ‘говорить неправду’ [СГРС 1: 80]
ба́ять влг. ‘врать’ [КСГРС]
баять байки новг. ‘лгать, говорить неправду’ [МИСНФ: 119]
бенде́рить смол. ‘придумывать, сочинять’ [ССГ 1: 161]
бередничать (удар.?) нижегор. ‘обманывать’ [СРНГ 2: 247]
берендить (удар.?) костр. ‘врать, лгать’ [СРНГ 2: 255]
бере́стяна рожа костр. ‘врун, обманщик, бессовестный человек’ [ЛКТЭ]
бере́стяную рожу надеть влг. ‘врать’ [КСГРС]
беса совать костр. ‘осторожно обманывать’ [ЛКТЭ]
бесомы́жничать пск. ‘обманывать, плутовать’ [СРНГ 2: 270]
бесье ребро влг. ‘лживая лицемерная женщина’ [КСГРС]
блудить свердл. ‘обманывать, врать’ [СРНГ 3: 29]
блудить языком яросл. ‘лгать’ [ЯОС 1: 64]
блудничать новг. ‘распутничать, изменять’ [НОС 1: 60]
блузни́ть пск. ‘обманывать’ [СРНГ 3: 31]
бры́жный смол. ‘ложный’ [ССГ 1: 195]
блыши́ть калуж., смол. ‘лгать, говорить неправду’ [СРНГ 3: 32; ССГ 1: 196]
блышь смол. ‘клевета, ложь; выдумка’ [ССГ 1: 196]
бо́лмотень смол. ‘лгун, врунишка’ [ССГ 1: 214]
бо́лмотень смол. ‘лгун, врунишка’ [ССГ 1: 214]
болози́ть смол. ‘дразнить, обманывать’ [ССГ 1: 215]
болтовёшка смол. ‘лгунишка, хвастунишка’ [ССГ 1: 219]
бо́лтух пск. ‘болтун, лгун, пустомеля’ [СРНГ 3: 82]
болту́ха смол. ‘лгун, лгунья’ [ССГ 1: 220]
болту́ша урал., том., барнаул. ‘болтун, лгун’ [СРНГ 3: 83]
болтушка смол. ‘пустой и лживый человек, сплетник’ [ССГ 1: 221]
бо́рону и чужую сто́рону перебирать костр. ‘сплетничать, врать, говорить ерунду’ [ЛКТЭ]
бороéша влг. ‘врун’ [КСГРС]
борода тебе новг. ‘об измене парня или девушки’ [НОС 1: 77]
борони́льщик яросл. ‘лгун, болтун’ [ЯОС 2: 16]
борону́ха ср.-урал. ‘болтливая женщина, лгунья’ [СРНГ 3: 118]
боронить борону́ карел. ‘говорить неправду, врать’, ‘болтать, пустословить’ [ФСРГРК: 27–28]
борону собирать; *соху да борону собирать / говорить* влг. ‘сплетничать, врать, говорить ерунду’ [ЛКТЭ; КСГРС]
бортану́ть смол. ‘изменить, нарушить верность кому-либо’ [ССГ 1: 231]
бочку арестантов наговорить влг. ‘наболтать, наврать’ [КСГРС]
бре́день новг. ‘вздор, нелепости, неправда’; новг. ‘тот, кто часто говорит неправду, нелепости, вздор’ [СРНГ 3: 170]

брезжа́ть пск., вят. ‘врать, говорить неправду’ [СРНГ 3: 174]
бре́ха́ло влг., пск., смол., твер. ‘лгун, обманщик; клеветник’ [СРНГ 3: 176]
бре́шить влг., ряз., брян., нижегор., вят. ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 3: 178]
бреха́ло новг., смол. ‘лгун’ [НОС 1: 86; ССГ 1: 250]
бреха́ть брехню́ сиб. неодобр. ‘говорить неправду’ [БСРП: 60]
брехать на воду влг. ‘лгать, говорить вздор’ [БСРП: 92]
брехать на молодой месяц влг. ‘лгать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 398]
брехать собачьей губой влг. ‘лгать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 168]
брехли́вый смол. ‘лживый’, южн., зап. ‘имеющий привычку лгать, лживый’ [СРНГ 3: 177; ССГ 1: 251]
брехло́ смол. ‘лгун, лгунья’ [ССГ 1: 251]
бреху́н смол. ‘сплетник, лжец’ [ССГ 1: 252]
бросать песком в глаза перм. ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 494]
бруздо́ить смол. ‘лгать’ [ССГ 1: 257]
брусна́ новг., перм., урал. ‘тот, кто говорит неправду, лгун’ [СРНГ 3: 206]
брякать языком свердл. ‘болтать, сплетничать, лгать’ [СРНГ 3: 229]
булы́ч влад., вят. ‘бесстыжий, бессовестный человек, наглый плут’ [Даль$_2$ II: 141]
бура́нить самар., ворон. ‘говорить неправду’ [СРНГ 3: 281]
буро́бить ворон., ряз., тамб., том. ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 3: 295]
буро́вить по пням орлов. ‘лгать, обманывать, говорить ерунду’ [БСРП 489]
бу́сорить енис. ‘говорить неправду, болтать’ [СРНГ 3: 307]
бутара́жить костр. ‘врать’ [ЛКТЭ]
бу́хать арх. ‘говорить неправду, врать’ [СГРС 1: 236]
бухте́ль влг. ‘враль’ [СГРС 1: 238]
бухте́рить перм. ‘говорить неправду’ [СРНГ 3: 326]
бухти́на влг. ‘болтун, болтунья; обманщик, обманщица’ [СГРС 1: 238]
бухти́нница, бухту́нья влг. ‘болтунья, обманщица’ [СГРС 1: 238]
бухтину гнуть влг. ‘обманывать, врать’ [СГРС 1: 238]
в обмишу́лках быть нижегор. ‘быть обманутым’ [СРНГ 22: 130]
ва́тлать влг. ‘врать’ [КСГРС]
вакýл(а) яросл., новг. ‘плут, обманщик’ [СРНГ 4: 19]
валёк влг. ‘обманщик, мошенник, плут’ [СРНГ 4: 24]
вара́кать арх., свердл. ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 4: 42]
варако́са олон. ‘тот, кто говорить неправду, лгун’; олон. ‘лживое сообщение, ложь’ [СРНГ 4: 42]
варако́сить олон. ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 4: 42]
вара́куль арх. ‘лгун’ [СГРС 2: 23]
варакýнья влг. ‘лгунья’ [СГРС 2: 23]
вара́куша влад. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 4: 43]
варга́нить арх. ‘обманывать, врать’ [СГРС 2: 25]
варза́ть влг. ‘говорить вздор, лгать’ [СГРС 2: 27]
варить кашу на мазуриках новг. ‘обманывать, обсчитывать’ [НОС 1: 108]
варлы́жник, варлыжница вят. ‘непостоянный, легкомысленный человек; обманщик’ [СРНГ 4: 55]
варлы́жничание вят. ‘лицемерие, двуличие’ [СРНГ 4: 55]
варна́кать ряз., смол. ‘лгать’ [СРНГ 4: 56]
варну́ть влг. ‘поступить недобросовестно, нечестно, обмануть’ [СРНГ 4: 57]
венец сронить вят. ‘нарушить супружескую верность’ [СРНГ 4: 112]
веников навязать кому новг. ‘изменить кому-л. в любви, нарушить супружескую верность’ [БСРП: 77]
верёвочный чёрт пск. ‘об обманщике, сумасброде и т. п.’ [СРНГ 4: 126]
вере́нить смол. ‘врать, сочинять, рассказывать небылицы’ [ССГ 2: 28]

вере́нь смол. ‘мастер рассказывать небылицы, сочинять, врать’ [ССГ 11: 189]
веретега́ влг. ‘лгун, обманщик’ [СРНГ 4: 134]
веретёжка арх. ‘непостоянный человек, лгун, обманщик’ [СРНГ 4: 150]
веретёха влг. ‘лгун, обманщик’ [СРНГ 4: 138]
верзу́н смол. ‘лжец, обманщик’ [ССГ 2: 30]
вертеть глазами печор. ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 125]
вертеть кого-л. без указ. места ‘обманывать’ [СРНГ 4: 152]
верту́н урал. ‘ненадёжный человек, обманщик’ [СРНГ 4: 155]
вешать (навешать) лапшу (лапши) новг. ‘лгать, говорить неправду’ [МИСНФ: 120]
взборуздúть смол. ‘наговорить о ком-либо неправду’ [ССГ 2: 42]
вила́ без указ. места ‘ловкий, лукавый, плутоватый человек’ [СРНГ 4: 279]
вила́вить вят., уфим., перм., свердл. ‘лукавить, хитрить, обманывать, говорить неправду, кривить душой’ [СРНГ 4: 279]
вила́вство влг. ‘лукавство’ [СРНГ 4: 279]
вира́ть олон., арх. ‘врать, рассказывать небылицы’ [СРНГ 4: 292]
вира́ться влг., арх. ‘говорить неправду, врать’ [СРНГ 4: 292]
вúрза смол. ‘лгун, обманщик’ [ССГ 2: 57]
вирза́ть смол. ‘лгать, обманывать’ [ССГ 2: 57]
водить концы кому-л. пск. ‘обманывать, вводить в заблуждение, заговаривать зубы’ [СРНГ 4: 338]
возвести поруху на кого-л. сарат. ‘оболгать, оклеветать кого-л.’ [СРНГ 30: 106]
вола скрутить влад. ‘обмануть кого-л.’ [СРНГ 38: 157]
волочить за долгий нос перм. ‘обманывать, вводить в заблуждение’[ФСПГ: 57]
восся́ влг. ‘обманщик, врун’ [КСГРС]
вра́ка перм., новг., арх. ‘ложь, неправда, выдумка, вздор’ [СРНГ 5: 186]
вра́кать новг., олон., костр., ср.урал., перм. ‘говорить неправду, врать’ [СРНГ 5: 186]
вракова́ть арх., енис. ‘говорить неправду, врать’ [СРНГ 5: 186]
вракомия (удар.?) олон. ‘ложь, неправда’ [СРНГ 5: 186]
вралúна кольск., свердл. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 5: 187]
вра́ло арх., новг. ‘лгун, обманщик’ [СРНГ 5: 187]
враль астрах. ‘ложь, неправда’ [СРНГ 5: 187]
вральный арх. ‘лживый, содержащий неверную информацию’ [СГРС 2: 198]
вра́лья́ арх., новг., пск., перм. ‘лгунья, обманщица’ [СРНГ 5: 187]
вранúна влг. ‘вранье, ложь’ [СГРС 2: 198]
вра́ница арх., печор., свердл. ‘ложь, неправда’ [СРНГ 5: 187]
враница идёт (пошла) алт. ‘распространяется ложный слух о ком-л., о чем-л.’ [БСРП: 105]
враснё арх. ‘ложь, неправда’ [СРНГ 5: 187]
врасня́ арх. ‘ложь, неправда’; арх. ‘лгун, враль’ [СРНГ 5: 188]
вра́сья́ влг. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 5: 188]
вра́ха арх. ‘лгунья’ [СРНГ 5: 188]
враха́тка влг. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 5: 188]
врач камч., сиб., том., енис., приангар., забайк. ‘лгун, обманщик’ [СРНГ 5: 188]
врача́вка влг. ‘лгунья, обманщица’ [СРНГ 5: 188]
врачу́н амур., иркут., забайк. ‘обманщик’ [СРНГ 5: 188]
врúха влг. ‘лгунья’ [СРНГ 5: 193]
вруль пск. ‘лгун’ [СРНГ 5: 195]
вру́лька ленингр. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 5: 195]
вру́ха смол. ‘лгунья’ [ССГ 2: 83]
вры сиб., иркут., забайк., перм., свердл., челяб., вят., костр. ‘ложь, неправда’ [СРНГ 5: 196]; арх., влг. ‘ложь, вранье’ [СГРС 2: 199]
вскурúть тул. ‘обмануть’ [СРНГ 5: 206]
втирать глаза том. ‘обманывать’ [СРНГ 5: 229]

выгадывать ворон. ‘обманывать’ [СРНГ 5: 261]
вы́йти за общего мужика омск. ‘быть женой неверного мужа’ [ФСРГС: 35]
выкома́нивать пск. ‘обманывать’ [ПОС 5: 182]
выкома́ривать дон. ‘придумывать разные хитрости, уловки для обмана’ [СРНГ 5: 294]
вы́лепить костр. ‘сказать неправду’ [ЛКТЭ]
вы́манцирить смол. ‘выпросить, выманить обманом или лестью что-нибудь’ [ССГ 2: 101]
вы́монтить смол. ‘выпросить с помощью хитрости или обманом’ [ССГ 2: 101]
вы́обмануть арх. ‘обмануть всех или многих’ [СРНГ 5: 321]
выпустить хорошего быка влг. ‘насплетничать, преувеличить сказанное’ [КСГРС]
выпустишь с комара, а приведёт с быка влг. ‘о том, кто врет, сплетничает’ [КСГРС]
гала́н казан. ‘льстец или обманщик’ [СРНГ 6: 104]
гала́нить казан. ‘льстить’; перм., казан. ‘заниматься обманом, плутовать’ [СРНГ 6: 104–105]
гали́ка иван. ‘обманщик, обманщица; плут, плутовка’ [СРНГ 6: 111]
гали́ть арх. ‘лгать, врать’ [СГРС 3: 10]
галки в рот влетели ворон. ‘кто-л. остался обманутым’ [СРНГ 6: 114]
гимо́рник смол. ‘обманщик, плут’ [ССГ 3: 23]
глаза (глазки) морочить ‘обманывать, вводить в заблуждение’ [ФСПГ: 218]
глаза втирать сиб. ‘обманывать’ [ФСРГС: 33]
глаза заговаривать сиб. ‘вводить в заблуждение’ [ФСРГС: 76]
глаза замазывать перм. ‘обманывать’ [ФСПГ: 129]
глаза запороши́ть кому народн. ‘ввести в заблуждение кого-л. [БСРП: 123]
глаза затемнять кому волг., сиб. ‘запутывать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 123]; том. ‘давать путаное объяснение, говорить неправду’ [СРНГ 6: 185]
глаза затуманивать сиб. ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-л.’ [ФСРГС: 81]
глаза светлить влад. ‘обманывать, вводить в заблуждение’ [СРНГ 36: 264]
гнать белку арх. ‘гулять на стороне (о мужчине)’ [СГРС 3: 49]; карел. ‘изменять жене’ [БСРП: 35]
гнать беса смол. ‘говорить неправду’ [ССГ 3: 60]
гнезди́ть влг. ‘врать’ [КСГРС]
гнутки́ гнуть без указ. места ‘врать’ [СРНГ 6: 251]
гнуть курск., урал. ‘врать, рассказывать небылицы’ [СРНГ 6: 251]
гнуть не паривши р. Урал ‘лгать, рассказывать небылицы’ [БСРП: 132]
говорить на себя и под себя влг. ‘врать, наговаривать на кого-л.’ [СГРС 3: 58]
голову накружить кому пск. ‘сбить с толку, ввести в заблуждение кого-л.’ [СППП: 29]
горо́шить моск. ‘обманывать’ [СРНГ 7: 69]
городить (нагородить) мох с болотом смол. ‘говорить что-либо неправдоподобное, нелепости’ [СРНГ 7: 58; ССГ 3: 60; 6: 148]
городить с ума новг. ‘говорить неправду, врать, говорить что-л. неправдоподобное’ [СРНГ 7: 58]
грезить иркут. ‘наговаривать’; алт. ‘врать, обманывать’ [СРНГ 7: 131]
грибов наварить новг. ‘изменить в любви’ [СРНГ 19: 151]
грибов сварить (*наварить, нажарить, насолить, сделать, подсыпать, устроить, жечь*) *кому* ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 238–239]
грибы (грибочки) тебе (мне) новг. ‘измена, нарушение верности в любви’ [НОС 2: 59]
гуда́ла новг. ‘плут, мошенник, ловкий обманщик’ [СРНГ 7: 200]
гулять из-за мужика арх. ‘изменить мужу’ [БСРП: 415]
давать / дать редчину кому новг. ‘нарушать верность в любви’ [БСРП: 560]
дать измену пск. ‘изменить’ [СРНГ 7: 257]; смол. ‘изменить’ [ССГ 3:104]
дать стуку кому новг. ‘изменить девушке, обмануть ее’ [МИСНФ: 235]
двоере́чить сев.-двин. ‘противоречить самому себе, хитрить; подлаживаться к тем и другим; лгать’ [СРНГ 7: 288]

делать облима́н нижегор. ‘делать вид, притворяться, обманывать’ [СРНГ 22: 101]
делать отвод глазами курск. ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 469]
дёмить твер. ‘лукавить, обманывать’ [СРНГ 7: 349]
дёмка твер. ‘обманщик, плут; обманщица, плутовка’ [СРНГ 7: 349]
догорошить (удар.?) нижегор. ‘прервать чью-либо речь, уличив говорящего в неправде, несправедливости’ [СРНГ 8: 88]
древи́ть влг., арх., петерб. ‘лгать’ [СРНГ 8: 179]
дре́шить пск. ‘говорить вздор, пустяки, лгать’ [СРНГ 8: 187]
дува́нить арх. ‘нечестно торговать (о бродячих торговцах)’ [СГРС 3: 282]
дуроту наводить курск. ‘притворяться, дурачить, обманывать’ [СРНГ 8: 272]
дурочку пороть ‘лгать, говорить неправду’ [ФСРГС: 147]
душу ломать самар. ‘божиться, клясться, заведомо говоря неправду, обманывая’ [СРНГ 8: 281]
ёгарь твер. ‘обманщик’ [СРНГ 8: 315]
его́рить пск. ‘обманывать’ [СРНГ 8: 317]
ёгорь твер. ‘обманщик’ [СРНГ 8: 315]
елды́га вят. ‘лгун, обманщик’ [СРНГ 8: 339]
елды́жить перм., вят. ‘обманывать, изворачиваться, ловчить’ [СРНГ 8: 339]
ерунди́ть влг., яросл. ‘говорить небылицы, лгать’ [СРНГ 9: 35]
ерунду точать дон. ‘говорить неправду, болтать глупости’ [БСРП: 224]
жу́рава (жураво́в) на со́сну (со́сны) наговорить, наобещать и т. п. новг. ‘говорить много, скрывая суть, обманывая’; новг. ‘много наобещать и не выполнить’ [НОС$_2$: 263]
жёга ‘плут, обманщик, хитрый, опытный человек’ [СРНГ 9: 97]
жегану́ть, жегону́ть влг. ‘ввести в убыток, обмануть’ [СРНГ 9: 98]
жегну́ть арх., сев-двин., урал. ‘обмануть, ввести в убыток’ [СРНГ 9: 98–99]
женить арх. ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [СГРС 3: 356]; пск., курск., костр. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 9: 125]
живчика подпустить ряз. ‘обмануть, солгать, приведя кого-либо в смущение, смятение’ [СРНГ 9: 162]
за о́сек скакать новг. ‘об измене в любви, о нарушении верности в любви’ [НОС 10: 64]
за стороной идти перм. ‘изменять в супружестве’ [ФСПГ: 149]
за стороной ходить сиб. ‘быть неверным в браке’ [СРНГ 41: 247]
за ухо провести перм. ‘обмануть’ [ФСПГ: 297]
забаку́лить смол. ‘обмануть’ [СРНГ 9: 243]
забалы́хнуть костр. ‘преувеличить, приврать’ [ЛКТЭ]
забели́ть новг. ‘сказать неправду, приукрасить’ [НОС$_2$: 268]
забели́ха новг. ‘женщина, любящая приврать, преувеличить увиденное’ [НОС$_2$: 268]
забираться в блудню новг. ‘изменять жене’ [БСРП: 44]
забрёха нижегор. ‘лгун, хвастун’ [СРНГ 9: 274]
завиру́ха смол. ‘о лживом человеке’ [ССГ 4: 47]; арх. ‘сплетник, врун’ [СГРС 4: 31]
завиру́шка арх. ‘сплетник, врун’ [СГРС 4: 31]
завиха́ривать костр. ‘болтать, врать’ [ЛКТЭ]
загибать арапа пск. ‘лгать, обманывать, вводить в заблуждение кого-л.’ [БСРП: 18]
загибать зубы карел. ‘говорить неправду, лгать’ [БСРП: 260]
заива́нивать смол. ‘сочинять, врать’ [ССГ 4: 68]
закон переступать пенз., олон. ‘нарушать супружескую верность’ [СРНГ 10: 149]
закры́в орл. ‘хитрость’; орл. ‘обман’ [СРНГ 10: 169]
закулика́ть влг. ‘начать привирать’ [КСГРС]
зали́вало арх. ‘лгун, врун’ [СГРС 4: 114]
залива́ло сахалин., енис., сиб., яросл., арх. ‘лгун’ [СРНГ 10: 205]
заливать в три ручья сиб. ‘лгать’ [ФСРГС: 78]

заливать пули кому карел. ‘лгать, привирать, фантазировать, рассказывать небылицы’ [ФСРГРК: 88]
заливать пушку крепче олова пск. ‘о беспардонной лжи, рассказывании небылиц’ [СППП: 108]
заливать / залить <всякой> америки сиб. ‘наговаривать много лишнего, привирая’ [ФСРГС: 78]
заливо́ха моск., яросл. ‘сплетник, лгун’ [СРНГ 10: 208]
залыга́ть влг. ‘говорить неправду, врать’ СГРС 4: 126]
замалы́хивать костр. ‘привирать’ [ЛКТЭ]
замалы́хнуть костр. ‘преувеличить, приврать’ [ЛКТЭ]
зама́н костр., тул., пск. ‘обман’ [ЛКТЭ; СРНГ 10: 231]
зама́нивать урал. ‘обманывать’ [СРНГ 10: 232]
замахра́чивать костр. ‘привирать’ [ЛКТЭ]
заме́ля влг. ‘врун, болтун’ [СГРС 4: 129]; костр. ‘врун, обманщик’ [ЛКТЭ]
замоло́вка влг. ‘врунья, лгунья’ [СГРС 4: 132]
заслепи́ть смол. ‘вводить в заблуждение, в соблазн’ [СРНГ 11: 41]
затащить борону на крышу новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 236]
захлы́нчивый печор. ‘склонный к обману’ [СРНГ 11: 152]
зга́льный тамб. ‘насмешливый, любящий зубоскалить; говорящий вздор; обманывающий, лживый’ [СРНГ 11: 227]
зеля́ть смол. ‘обманывать’ [ССГ 4: 138]
злодарство (удар.?) тамб. ‘обман, козни, ухищрения’ [СРНГ 11: 289]
злыда́рить курск., ряз. ‘плутовать, обманывать’ [СРНГ 11: 292]
злыда́рка без указ. места ‘плутовка, обманщица’ [СРНГ 11: 293]
злыда́рничать курск. ‘плутовать, обманывать’ [СРНГ 11: 293]
злыда́рство тамб. ‘обман, ухищрение’ [СРНГ 11: 293]
злыда́рь ряз. ‘плут, обманщик’ [СРНГ 11: 293]
змигу́льничать курск., орл. ‘обманывать’ [СРНГ 11: 303]
зубы редкие нижнепечор. ‘кто-нибудь лжет’ [СГНП 1: 270]
из-за бабы гулять омск. ‘нарушать супружескую верность’ [ФСРГС: 50]
из-за мужика (*милого, меня*, и т. п.) *гулять* (*бывать* и т. п.) влг., перм., вят., свердл. ‘изменять мужу (милому, и т. п.)’ [СРНГ 12: 135]
измена началась яросл. ‘об измене в любовных отношениях’ [ЯОС 6: 121]
изменённый курск., том., яросл. ‘обманутый в любви’ [ЯОС 4: 139; СРНГ 12: 144]
изменец пск. ‘тот, кто изменил в любви’ [СРНГ 12: 144]
изменку давать пск. ‘изменять, нарушать верность, обещание, слово’ [СРНГ 12: 144]
изме́нная смол. ‘изменившая’ [ССГ 4: 150]
измену делать нижнепечор. ‘изменять жене или мужу’ [СГНП 1: 289]
измену получить смол. ‘испытать чью-то измену’ [ССГ 4: 150]
измену сделать смол. ‘изменить, нарушить верность’ [ССГ 4: 150]
изменять, изменить кого-либо нижегор., моск., перм., пенз., том. ‘нарушать верность кому-либо’ [СРНГ 12: 144]
изнабазу́ливать свердл. ‘обманывать’ [СРНГ 12: 152]
илга́ть смол. ‘лгать’ [ССГ 4: 150]
илгу́н смол. ‘лгун’ [ССГ 4: 150]
искру́ченный влг. ‘лживый’ [ЛКТЭ]
ищау́л казан. ‘притворщик, обманщик’ [СРНГ 12: 275]
ищеву́льник оренб. ‘лукавый человек, плут’ [СРНГ 12: 276]
ищеу́льник вят. ‘клеветник’ [СРНГ 12: 275]
как спрыг-трава ‘о человеке, который часто говорит неправду, врет, обманывает’ [СРНГ 40: 277]
калау́шник влг. ‘болтун, врун’ [СГРС 5: 29]

караводить арх. ‘вести разгульный образ жизни, нарушать супружескую верность, «гулять»’ [СГРС 5: 68]
кая́ка арх. ‘лгун’ [СГРС 5: 113]
ке́рзовая рожа влг. ‘лживый человек’ [КСГРС]
киш арх. ‘обманщик, лгун’ [СГРС 5: 161]
кишева́ть арх. ‘обманывать, лгать’ [СГРС 5: 161]
класть на пятый палец арх. ‘об обмане, надувательстве’ [СГРС 5: 167]
клевети́ть смол. ‘клеветать, говорить неправду’ [ССГ 5: 35]
клепа́ла без указ. места ‘о том, кто наговаривает на других; лгун, сплетник’ [СРНГ 13: 278]
клепа́ло твер., пск. ‘о лгуне, сплетнике’ [СРНГ 13: 279]
клепа́ть пск., твер., ряз., перм., костр. ‘лгать, сплетничать’ [СРНГ 13: 279]
коклю́шки гнуть, в коклю́шки играть влад. ‘врать’ [СРНГ 14: 89]
коклю́шки плесть перм. ‘говорить иносказательно, притчами, стремясь обмануть; врать’ [СРНГ 14: 89]
колдун астрах. ‘плут, ловкий обманщик’ [СРНГ 14: 117]
колеси́ть курск. ‘изменять (мужу, жене)’ [СРНГ 14: 126]; костр., пск. ‘врать, лгать’ [СРНГ 14: 126]
колоколить без пути сиб. ‘врать’ [ФСРГС: 94]
колотить зубом новг. ‘привирать, сплетничать’ [БСРП: 770]
колоты́ра пск., твер. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 14: 186]
колоты́рить арх. ‘болтать напраслину, врать’ [СГРС 5: 270]; пск., твер., пенз. ‘лгать’ [СРНГ 14: 187]
колпачить арх. ‘хитрить, ловчить’ [СРНГ 14: 193]
колун повесить новг. ‘изменить в любви’ [НОС 8: 7]
колы́га влг. ‘лгун, врун, обманщик’ [КСГРС]; влг. ‘обманные слова’ [КСГРС]
колыгу загнуть влг. ‘соврать, обмануть’ [КСГРС]
колы́жить влг. ‘врать’ [КСГРС; СВГ 5: 92]
коляди́ть новг. ‘говорить неправду’ [НОС$_2$: 423]
концосво́дка влг. ‘сплетница’; ‘болтунья, врунья’ [СГРС 5: 308]
корого́дить смол. ‘долгое время обманывать, вводить в заблуждение’ [ССГ 5: 83]
кривить арх., влад., новорос. ‘обманывать, нарушать обещание, лгать’ [СРНГ 15: 242]
кривлять душой нижнепечор. ‘лгать, лицемерить’ [СГНП 1: 367]
кривлять твер., пск. ‘говорить ложь, неправду’ [СРНГ 15: 244]
кривоглазый костр. ‘обманщик, врун’ [ЛКТЭ]
кривой ряз. ‘обманщик, лжец’ [СРНГ 15: 245]
криворотый без указ. места ‘врун, пустомеля’ [СРНГ 15: 247]
кривоязыкий влг. ‘говорящий неправду, излагающий неверные факты’ [СГРС 6: 164]
кри́вство твер., пск. ‘обман, ложь, хитрость’ [СРНГ 15: 248]
криву́лить перм. ‘обманывать’ [СРНГ 15: 249]
кривые моты мотать народн. ‘обманывать, лгать’ [БСРП: 413]
криуля́ть влг. ‘врать, кривить душой’ [КСГРС]
кругово́й енис. ‘лживый, плутоватый’ [СРНГ 15: 304]
кружа́ло костр. ‘тот, кто врет’ [ЛКТЭ]
кружа́ть влг., костр. ‘врать, сочинять, плести небылицы’ [КСГРС; ЛКТЭ]; енис. ‘обманывать’ [СРНГ 15: 309]
кружи́ть костр. ‘врать, выдумывать’ [ЛКТЭ]; яросл. ‘врать, пустословить, болтать’ [ЯОС 5: 95]
крутéль смол. ‘лживый, хитрый человек; плут’ [ССГ 5: 116]
крути́ть смол. ‘хитрить, мошенничать’ [ССГ 5: 117]; рус. литов., рус. латв. ‘обманывать’ [СРНГ 15: 327]

крутить душой пск. ‘обманывать, лгать’ [СППП: 38]
крутить мозгами (кишками) смол. ‘хитрить’ [ССГ 5: 117]
крутить мозги кому нижнепечор. ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406]
крутия́нство смол. ‘мошенничество, нечестность’ [ССГ 5: 117]
крутнуть смол. ‘обмануть’ [СРНГ 15: 323]
крутоба́й влг. ‘врун’ [СГРС 6: 196]
кры́вда смол. ‘неправда, ложь’; ‘лгунья’ [ССГ 5: 118]
кры́вдить смол. ‘лгать, извращать правду’ [ССГ 5: 118]
куде́сить арх. ‘придумывать небылицы’ [СГРС 6: 221]
кузми́ть тул. ‘обманывать’ [СРНГ 16: 28]
кулика́ть влг. ‘говорить неправду, врать’ [СГРС 6: 254]
кулики́ влг. ‘сплетни, ложь’ [КСГРС]
курить тул. ‘обманывать’[СРНГ 16: 128]
куролесить том., самар. ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 16: 110]
кы́ра масляная оренб. ‘ложь, неправда, вранье’ [СРНГ 16: 202]
ла́бза влад. ‘обманщик, обманщица’ [СРНГ 16: 215]
лабози́ть смол. ‘лгать’ [ССГ 6: 5]
лабуда́ смол. ‘ложь, неправда’; ‘лгун, лгунья’ [ССГ 6: 5–6]
ламбе́рить вят. ‘хитро, ловко обманывать, мошенничать’ [СРНГ 16: 253]
лапо́шить пск., твер. ‘обманывать’ [СРНГ 16: 267]
лапти делать / *сделать кому* новг., пск. ‘изменять кому-л. в любви’ [БСРП: 352; НОС 2: 82]
лапти плести том. ‘обманывать (жену, мужа), изменять’ [СРНГ 27: 118]
лапти подарить новг. ‘нарушить верность в любви, изменить’ [НОС 8: 19]
лапти сделать (*подвесить, сплести, подарить*) *кому* новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 239–240]
лапти сплести арх. ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [КСГРС]*;* новг. ‘изменить в любви кому-либо’ [НОС 10: 130; СРНГ 40: 161]
лга́ла смол., пск. ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 16: 300; ССГ 6: 20]
лгач без указ. места ‘лгун’ [СРНГ 16: 300]
лебези́ть новг. ‘хитрить, обманывать’ [СРНГ 16: 303]
легкая почта омск. ‘об обманщике, лжеце’ [СРНГ 31, 18]
лезть на крышу костр. ‘обманывать’ [ЛКТЭ]
лёпнуть смол. ‘сказать необдуманно, солгать’ [ССГ 6: 28]
ликова́ть влг. ‘сплетничать’; ‘врать’ [КСГРС]
лимо́нить твер., пск., казан. ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 17: 48]
лиси́ть яросл. ‘ласкаться с целью уговорить; хитрить’ [ЯОС 6: 5]
лисой пройти без указ. места ‘схитрить’ [Даль$_2$ II: 258–259]
лису́тить без указ. места ‘хитро льстить, подделываясь’ [Даль$_2$ II: 258–259]
лить грязь на языке пск. ‘клеветать, оговаривать кого-л.’ [СППП: 33]
лить колокола общенар. ‘лгать, распространять ложные слухи; пустословить’ [БСРП: 302]
лить (отливать / отлить) пули (пулю) общенар. ‘хвастливо лгать, рассказывать что-л. неправдоподобное’ [БСРП: 543]
лоды́га перм. ‘лжец, обманщик’ [СРНГ 17: 106]
лоды́рничать влг. ‘хитрить, плутовать, обманывать’; вят. ‘быть непостоянным, вести себя изменчиво, хитрить’ [СРНГ 17: 107]
ложкомо́й костр. ‘хитрец, обманщик’ [ЛКТЭ]
ло́кас арх., влг. ‘лгун, пройдоха’ [КСГРС]
ло́ла смол. ‘лгун, лгунья’ [ССГ 6: 47]
лубяны́е глаза костр. ‘лживый, бессовестный человек’ [ЛКТЭ]
луди́ть пск., твер. ‘обманывать кого-л.’ [СРНГ 17: 179]
лулы́ твер., пск. ‘ложь, обман’ [СРНГ 17: 192]

лу́па забайк. ‘обман’ [СРНГ 17: 197]
луто́ня костр. ‘лживый человек’ [ЛКТЭ]
луто́шные глаза костр. ‘лживый, бессовестный человек’ [ЛКТЭ]
лы́га смол. ‘лживый человек’ [ССГ 6: 63]
лыта́ть яросл. ‘обманывать, темнить’ [ЯОС 6: 21]
ля́вля арх. ‘врун’ [КСГРС]
ля́мать смол. ‘говорить неправду’ [ССГ 6: 70]
ля́па арх., влг. болтун, врун [КСГРС]
ма́зать ‘обманывать, надувать (особенно при продаже)’ [СРНГ 17: 294]
мазать чёрной краской без указ. места ‘клеветать, очернять кого-л.’ [БСРП: 327]
ма́зу натянуть пск., твер. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 17: 293]
мазура́ш пск. ‘обманщик, выдумщик, хитрый человек’ [Королева 2000: 117]
мазу́рево пск. ‘хулиганство, мошенничество, обман’ [ПОС 17: 323]
мазу́рик арх., влг. ‘обманщик, жулик, мошенник’ [КСГРС]
мазури́на пск. ‘хулиганство, мошенничество, обман’ [ПОС 17: 324]
мазу́рка влг. ‘обманщица’ [КСГРС]
мазу́рница твер. ‘мошенница, обманщица’ [Селигер 3: 247–248]
мазу́рничать без указ. места ‘хитрить, обманывать’ [СРНГ 17: 300]
мазу́рство арх., влг. ‘обман, жульничество’ [КСГРС]
мака́рку подпустить ряз. ‘обманывать, лицемерить, лгать, притворяясь искренним’ [СРНГ 17: 308]
маку́ха смол. ‘лгун, лгунья’ [ССГ 6: 76]
ман олон., новг., калин. ‘лжец, обманщик’ [СРНГ 17: 354]
мана́ олон., зап.-брян. ‘обман’ [СРНГ 17: 354]
мани́ть арх., влг. ‘лгать, обманывать’ [КСГРС]
мани́ха арх. ‘обманщица, лгунья’ [КСГРС]
ману́ пускать брян. ‘морочить, вводить в заблуждение, распространять ложные слухи’ [СРНГ 17: 354]
маньши́ть влг. ‘обманывать, льстить’ [СРНГ 17: 366]
марши́ть новосиб. ‘изменять мужу, жене’ [СРНГ 17: 377]
ма́ячить калуж., орл. ‘обманывать, плутовать’ [СРНГ 18: 62]
меледи́ть влг. врать, «темнить», изворачиваться [КСГРС]
мельница влг. ‘неискренний человек’ [КСГРС]; твер., арх. ‘о лгуне, обманщике’ [СРНГ 18: 104]
мир морочить костр. ‘обманывать’ [ЛКТЭ]
мозги засорять нижнепечор. ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406]; сиб. ‘обманывать’ [ФСРГС: 80]
мозги засорять, замазывать нижнепечор. ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406]
мозги крутить нижнепечор. ‘врать, обманывать кого-то’ [СГНП 1: 406]
молоть неколёсную костр. ‘говорить неправду’ [ЛКТЭ]
молоть языком пск. ‘говорить вздор, ерунду, неправду’ [СППП: 84]
моло́ться влг. ‘оправдываться, врать’ [КСГРС]
мо́рок без указ. места ‘хитрость, плутовство, обман’ [СРНГ 18: 273]
мо́роком влг., олон. ‘незаметно, тайком, обманом’ [СРНГ 18: 274]
морочить беса пск. ‘обманывать, колдовать’ [БСРП: 39]
моро́чливый зап.-брян. ‘неискренний, имеющий привычку обманывать, говорить неправду’ [СРНГ 18: 276]
москва́ забайк. ‘о разговорчивом, ловком обманщике, плуте’ [СРНГ 18: 284]
мот смол. ‘обманщик, лгун’ [ССГ 6: 200]
мотать смол. ‘врать, обманывать’ [ССГ 6: 111]
моту́нистый тюмен. ‘непостоянный, нарушающий супружескую верность (о муже)’ [СРНГ 18: 305]

мотýха смол. ‘о лживой женщине’ [ССГ 6: 113]
мрачи́ть арх., свердл., сиб. обманывать, морочить [СРНГ 18: 327]
мудрýшка яросл., новг. ‘хитрушка, обольщенье, обман или шутка’ [Даль 2: 931]
мужем свернуть арх. ‘изменить мужу’ [СРНГ 36: 244]
мули́ть влад. ‘обманывать’; влад., твер., вят. ‘обманывать обещаниями, не выполнять обещанного’ [СРНГ 18: 341]
мýнить костр. ‘обманывать, обводить вокруг пальца’ [СРНГ 18: 346]
мутовáть влг., свердл. ‘хитрить, обманывать’ [СРНГ 19: 29]
мутосвéтник смол. ‘сплетник, лгун’ [ССГ 6: 120]
муты́лить, намуты́лить костр. ‘врать; наврать’ [ЛКТЭ]
мухлёвка смол. ‘обман, жульничество’; ‘плутовка, обманщица’ [ССГ 6: 120]
мухлóвка смол. ‘плутовка, обманщица’ [ССГ 11: 258]
мы́калья яросл. ‘непостоянная в любви женщина’ [ЯОС 6: 70]
мылистой влг. ‘лживый, болтливый’ [КСГРС]
мылить костр. ‘лгать’ [ЛКТЭ]
мы́лица влг. ‘врун’ [КСГРС]
мыльный влг. ‘лживый, болтливый’ [КСГРС]
мытáрить арх., влг., новг., яросл. ‘плутовать, обманывать’ [КСГРС; НОС$_2$: 577; СРНГ 19: 63]
мытáрник новг. ‘лживый, неискренний человек’ [НОС$_2$: 577]
мытáрный вят. ‘лживый, плутоватый, обманный’ [СРНГ 19: 64]
мытарь арх., новг., вят., оренб. ‘хитрый, нечестный человек, обманщик’ [КСГРС; Малеча 2: 459; НОС$_2$: 577; ОСВГ 6: 110]
мытóврить ворон. ‘обманывать, плутовать’ [СРНГ 19: 66]
на беса посадить омск. ‘обмануть’ [СРНГ 30: 134]
на ёлки разыгрывать оренб. ‘на потеху; обманывать кого-л., потешаться над кем-л.’ [СРНГ 8: 343]
на лулáх подъезжать пск., твер. ‘обманывать’ [СРНГ 17: 192]
на сторону пойти перм. ‘проявлять супружескую неверность’ [ФСПГ: 279]
на фуру поддеть влад., ряз. ‘обмануть’ [СРНГ 27: 385]
на холодную гнуть костр. ‘врать, говорить что-л. неверно’ [ЛКТЭ]
набагýлить влг. ‘наврать, наобещать лишнего’ [КСГРС]
набазли́ть влг. ‘налгать’ [КСГРС]
набахвáлить арх., влг. ‘наговорить неправды’ [КСГРС]
набирать яросл. ‘врать’ [ЯОС 6: 80]
набирóха яросл. ‘лгун, лгунья’ [ЯОС 6: 80]
наблáзнить перм. ‘надавать ложных обещаний’ [СРНГ 19: 120]
наблажи́ть свердл. ‘наговорить неправду’ [СРНГ 19: 120]
наборони́ть влг. ‘очень много наговорить, наврать’ [КСГРС]; свердл. ‘сказать неправду, наврать’ [СРНГ 19: 129]
наборонить хлеб да баню, да маленьку избушку влг. ‘наговорить с три короба’ [КСГРС]
набрéшить новг. ‘наврать, налгать’ [НОС 5: 125]
набутаражить костр. ‘наврать’ [ЛКТЭ]
набухти́ть влг. ‘наговорить неправду’ [КСГРС]
наваракóсить арх. ‘наврать, напутать’ [КСГРС]; костр. ‘наврать’ [ЛКТЭ]
наварить ухо новг. [НОС 5: 127]
навáтлать новосиб. ‘сказать неправду’ [СРНГ 19: 152]
наверзи́ть смол. ‘наврать, наговорить глупостей’ [ССГ 6: 140]
нави́рсать влг. ‘напутать, наговорить неправды’ [КСГРС]
наводить за нос кого пск. ‘обманывать, вводить в заблуждение, дурачить кого-л.’ [СППП: 57]
наводить на обман костр. ‘провести, обмануть (?)’ [СРНГ 19: 172]

наводить слепого (слепых) на брёвна морд. ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 59]
наворокóсить арх. сказать неправду, насочинять [КСГРС]
навра́кать олон. ‘сказать неправду, наврать’ [СРНГ 19: 186]
нагибáло свердл. ‘обманщик’ [СРНГ 19: 197]
нагнездúть влг. ‘наврать’ [КСГРС]
нагнýть вят., перм., свердл., сиб. ‘обмануть’ [СРНГ 19: 197]
нагнуть колёсы на турусах казан. ‘наврать, наговорить небылиц’ [СРНГ 19: 197]
наговорить беса в ступе новг. ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 122]
наговорить бочку арестантов новг. ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 122]
наговорить в долг и взаймы новг. ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 123]
наговорить взад и вперёд новг. ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 123]
наговорить мех кулаков смол. ‘сказать неправду’ [ССГ 6: 97]
наговорить на кривое веретно влг., ср.-урал. ‘сказать неправду’ [СРНГ 4: 140]
наговорить на себя и под себя сиб. ‘наболтать лишнего, налгать’ [ФСРГС: 116]
наговорить роту солдатов новг. ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 122]
наговорить четвергов в неделю костр. ‘сказать неправду’ [ЛКТЭ]
наговорить четыре короба новг. ‘много наговорить, наболтать, налгать’ [МИСНФ: 124]
нагрéзить том., пск., арх., печор., олон., перм., свердл. ‘наговорить пустяков, ерунды, неправду’ [СРНГ 19: 213]
нагреть смол., пск., ленингр. ‘обмануть; обыграть’ [СРНГ 19: 214]
надвéшивать арх. ‘обманывать, привирать’ [СРНГ 19: 224]
надмáть смол. ‘обмануть, надуть’ [ССГ 6: 151]
нажелтить тебе новг. ‘изменить кому-либо в любви’ [НОС 5: 141]
нажóг влг. ‘обманщик’ [КСГРС]
наилгáть смол. ‘налгать, наклеветать’ [ССГ 7: 10]
наклявзить смол. ‘налгать, наклеветать’ [ССГ 7: 14]
накозлúть влг. ‘наврать’ [КСГРС]
наколокóлить влг. ‘наговорить, наболтать; наврать’ [КСГРС]
накорáть печор., пск. ‘сказать неправду; неточно сказать’ [СРНГ 19: 340]
накормоля́ть влг. ‘наврать, наговорить лишнего, насплетничать’ [КСГРС]
накрестáть смол. ‘наврать, наболтать’ [ССГ 7: 17]
накружáть влг. ‘наврать, наболтать’ [КСГРС]
накрывать колпаком кого общенар. ‘обманом подчинять себе, одурачивать кого-л.’ [БСРП: 303]
накрыть влг. ‘оговорить, наклеветать’ [КСГРС]
накурелéсить ‘наговорить много, сказать неправду’ [ЛКТЭ]
накýривать без указ. места ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 19: 358]
наливать пустое арх. ‘говорить неправду, лгать’ [СРНГ 33: 148]
наликовáть влг. ‘наврать’; ‘насплетничать’ [КСГРС]
налить грязи на кого карел. ‘опорочить, оболгать кого-л.’ [БСРП: 167]
налыгáть смол. ‘наговаривать на кого-либо, лгать’ [ССГ 7: 22]
наля́взать арх., влг. ‘наврать, наговорить лишнего’ [КСГРС]
намазýрить влг. ‘обмануть, перехитрить’ [КСГРС]
наманýть костр. ‘обмануть, облапошить’ [ЛКТЭ]
наморaживать лапти костр. ‘часть ритуализированного порицания девушки, совершившей измену’ [ЛКТЭ]
намулúть влг. ‘врать, говорить не то’ [КСГРС]
намутосвéтить смол. ‘налгать, насплетничать’ [ССГ 11: 260]
намылить костр. ‘наврать, сказать лишнего’ [ЛКТЭ]
напéнничать костр. ‘приврать, сказать неправду; насплетничать; оговорить кого-л.’ [ЛКТЭ]

наплести кошеле́й коми, печор. ‘наврать, наговорить небылиц’ [БСРП: 324]
наплута́ть смол. ‘наговорить, наврать’ [ССГ 7: 29]
напра́слица, напра́сница смол. ‘ложь, напраслина’ [ССГ 7: 32]
напра́сный влг. ‘лживый, криводушный, склонный заниматься сплетнями’ [КСГРС]
напричита́ть влг. ‘наврать, навыдумывать, наболтать’ [КСГРС]
напричура́ть арх. ‘наврать, навыдумывать, наболтать’ [КСГРС]
напрясть на кривое веретено кому костр., перм. ‘налгать, ввести в заблуждение кого-л.’ [БСРП: 78]
наса́чить влад. ‘обмануть кого-л.’ [СРНГ 20: 151]
насвистеть яросл. ‘сказать неправду’ [ЯОС 6: 112]
насмусти́ть пск. ‘сказать неправду, наврать’ [СРНГ 20: 177]
насолоди́ть ленингр. ‘наговорить, наклеветать’ [СРГК 3: 337]
насому́скивать свердл. ‘говорить неправду, обманывать’ [СРНГ 20: 181]
настирать костр. ‘наврать, сказать лишнего’ [ЛКТЭ]
натуру́зить влг. ‘наврать, напутать, сказать не то’ [КСГРС]
нахвосте́ть влг. ‘наврать’ [КСГРС]
нахвости́ть влг. ‘наврать, напридумывать’ [КСГРС]
нахло́пать влг. ‘наврать’ [КСГРС]; костр., перм., свердл., новосиб., краснояр., том. ‘обмануть, солгать, наврать’ [СРНГ 20: 263]
нахлю́здить краснояр. ‘сказать неправду, солгать, соврать’ [СРНГ 20: 265]
нахлюсти́ть перм., ср.-урал., краснояр. ‘сказать неправду, солгать, соврать’; краснояр., якут. ‘насплетничать’ [СРНГ 20: 265]
нахомута́ть калуж. ‘наговорить неправды, наврать’ [СРНГ 20: 270]; смол. ‘обмануть; наврать, насплетничать, наябедничать’ [ССГ 7: 62]
начмути́ть смол. ‘вызвать сумятицу, одурачить; наврать, наговорить ерунды’ [ССГ 7: 67]
наша́вить арх. ‘наговорить неправды, наврать’ [КСГРС]
нашави́ть арх. ‘наговорить неправды, наврать’ [КСГРС]
нашармачка́ смол. ‘на чужой счет, обманным путем’ [ССГ 7: 67]
нашва́рить вят. ‘обмануть, дать меньше обещанного’ [СРНГ 20: 294]
нашлёпать киров. ‘наговорить неправды’ [СРНГ 20: 300]
наязы́нить костр. ‘много наговорить, наврать’ [ЛКТЭ]
наячить яросл. ‘обмануть’ [СРНГ 20: 309]
не в совесть сказать яросл. ‘сказать неправду, напраслину’ [СРНГ 39: 181]
не́нить р. Урал ‘обманывать’ [СРНГ 21: 97]
несамостоятельный новосиб. ‘неправдивый, лживый’ [СРНГ 21: 148]
нос кому-либо новг. ‘измена в любви’ [НОС 6: 68]
нос натянуть новг. ‘изменить в любви’ [НОС 6: 68]
нос подставить новг. ‘нарушить верность в любви’ [НОС 8: 56]
нос показать новг. ‘изменить кому-л. в любви’ [НОС 8: 76]
нос сделать кому новг., пск. ‘изменить в любви кому-л.’ [БСРП: 449]
ны́ука влг. ‘хитрый человек, лгун, проныра’ [КСГРС]
оба́грить пск., твер. ‘обмануть, обобрать’ [СРНГ 21: 341]
обагу́лить кург., тобол. ‘обмануть, обобрать’; ‘оговорить кого-л.’ [СРНГ 21: 341]
обагу́лы разводить влг. ‘заниматься пустыми разговорами, болтовней’ [СРНГ 21: 341]
обаку́ла пск., твер., калуж., влад., петерб., смол., курск. ‘обманщик, бойкий в разговорах и плутнях человек, клеветник’ [СРНГ 21: 344]; смол. ‘обманщик, обманщица’ [ССГ 7: 105]
обаку́ливать смол. ‘обманывать’ [ССГ 7: 105]
обаку́лить влг., пск., калуж., влад., твер., курск., петерб., ряз., смол. ‘обмануть, надуть, хитро или ласково разговаривая’; курск.; пск., твер. ‘обобрать, обмануть’ [СРНГ 21: 344]; смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 105]
обаку́льник смол. ‘обманщик, обманщица’ [ССГ 7: 105]

обаку́льничать пск., твер., влад. ‘быть обманщиком, обманывать’ [СРНГ 21: 344]
обаку́льщик смол. ‘обманщик’ [ССГ 7: 105]
обаку́рить смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 105]
обаламу́тить пск. ‘обмануть, одурачить лестью’ [СРНГ 21: 345]
обалбесить вят. ‘обмануть, поставить кого-либо в дурацкое положение’; ‘обманув, присвоить себе что-л.’ [СРНГ 21: 345]
обанду́рить, *обанду́ривать* смол. ‘обмануть, обманывать’ [ССГ 7: 105–106]
обахму́рить костр. ‘обмануть’ [ЛКТЭ]
обба́лтывать смол. ‘говорить неправду о ком-либо; клеветать’ [ССГ 7: 106]
обво́д смол. ‘обманщик, плут’ [СРНГ 22: 9]
обварга́нить смол. ‘обмануть, обыграть’ [ССГ 8: 109]
обвернуть новосиб. ‘обмануть’ [СРНГ 21: 357]
обволхви́ть смол. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 11]
обвьюши́ть смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 110]
обгоноши́ть калин. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 17]
обда́л нижегор., казан., влад., яросл. ‘обманщик’ [СРНГ 22: 19]
обда́лить нижегор. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 19]
обде́лать влг., костр. ‘обмануть’ [КСГРС; ЛКТЭ]
обдедю́лить смол. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 20]
обдекле́шить симб., пенз., перм. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 20]
обдёр влг. ‘мошенник’ [КСГРС]
обджалга́нить оренб. ‘обмануть; обыграть, обсчитать; плохо обстричь волосы на голове’ [Малеча 3: 12]
обдува́ть арх. ‘надувать, обманывать’ [КСГРС]
обдудо́лить ворон. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 24]
обезве́чить пск., олон. ‘обмануть и обобрать, стать причиной чьих-либо бедствий’ [СРНГ 22: 28]
обездо́мить арх. ‘обмануть при дележе’ [СРНГ 22: 29]
обельме́сить сиб. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 31]
обиго́рить тул., калуж. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 58]
обирю́лить пск., твер. ‘обмануть, обобрать, надуть кого-л.’ [СРНГ 22: 66]
обкалёжить арх ‘обыграть, обмануть, облапошить’ [СРНГ 22: 70]
обканату́пить влг. ‘обмануть’ [КСГРС]
обката́ть пск., твер. ‘обманув, обобрать’ [СРНГ 22: 72]
обковы́лить без указ. места ‘обмануть, надуть кого-л.’ [СРНГ 22: 75]
обколпа́чить, *обколпа́чивать* смол. ‘обмануть, обманывать’ [ССГ 7: 120]
обкультя́пить влад. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 78]
обладиво́нить влад. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 81]
облаку́та влг. ‘хитрый человек’ [КСГРС]
облаку́тничать влг. ‘хитрить, обманывать’ [КСГРС]
облаку́чить влг. ‘схитрить, обмануть’ [КСГРС]
облама́н новг., пск. ‘обман, подлог’; новг., пск. ‘обманщик, плут’ [СРНГ 22: 84]
обламбе́рить вят. ‘обмануть, надуть, оставить в дураках’ [СРНГ 22: 84]
обламо́н влг. ‘хитрый человек’ [КСГРС]
обламо́нить пск., новг. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 84]
обламо́ниться ‘быть обманутым’ [СРНГ 22: 84]
облапа́шивать кемер. ‘обманывать, обирать’ [СРНГ 22: 85]
облапо́шник нижегор. ‘обманщик, плут, мошенник’ [СРНГ 22: 86]
облаты́нить арх. ‘обмануть’ [КСГРС]
обледево́нить пенз., моск., пск., твер., тамб. ‘нагло обмануть, провести, обобрать’ [СРНГ 22: 91]
облепе́нить пск., твер. ‘обобрать; обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 94]

облепо́шить сев.-кавк. ‘обмануть, надуть, облапошить’ [СРНГ 22: 94]
облеща́ть смол. ‘обманывать лживыми уговорами, обольщать’ [ССГ 7: 124]
облимо́нить нижегор., костр., влад., пск., твер. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 101]
облить грязью кого без указ. места ‘оклеветать кого-л.’ [БСРП: 168]
облишма́нить перм. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 103]
облоку́чивать влг. ‘обманывать’ [КСГРС]
облошма́нивать перм. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 110]
облука́вить смол. ‘перехитрить, обмануть’ [ССГ 7: 126]
облупе́нить пск., твер. ‘обмануть, обобрать’ [СРНГ 22: 112]
облучи́ть пск. ‘обмануть, обвести’ [СРНГ 22: 113]
облы́га пск., твер. ‘обманщик, лгун, сплетник’ [СРНГ 22: 113]
облыга́ло нижегор., пск., твер., перм. ‘обманщик, лгун, сплетник’ [СРНГ 22: 113]
облыга́тельство перм. ‘лжесвидетельство, ложь’ [СРНГ 22: 113]
облыга́ть твер. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 113]
облыга́ться дон. ‘лгать, обманывать’ [СРНГ 22: 113]
облы́жная душа пск. ‘обманщик, коварный человек, которому нельзя доверять’ [СРНГ 22: 114]
облы́жник твер. пск. костр. ‘обманщик, плут, сплетник’ [СРНГ 22: 113]
облы́жница без указ. места ‘обманщица, лгунья, сплетница’ [СРНГ 22: 113]
облы́жничать пск., костр. ‘обманывать, жить обманом’ [СРНГ 22: 113]
облы́жный пск., смол., влг., костр., влад., яросл. ‘лживый, коварный, такой, которому нельзя доверять’ [СРНГ 22: 114]
облю́сить пск. ‘обмануть, перехитрить’ [СРНГ 22: 116]
обма́на смол. ‘обман, плутовство’ [ССГ 7: 127]
обма́нистый пск. ‘обманчивый’ [СРНГ 22: 119]
обма́нник иван. ‘обманщик’ [СРНГ 22: 119]
обма́нность смол. ‘обман, хитрость, уловка’ [ССГ 7: 127]
обма́нный пск., смол. ‘имеющий привычку обманывать, часто прибегающий к обману, лживый, ненадежный, неверный, коварный’ [СРНГ 22: 119]
обма́нство смол., моск., вят. ‘обман, хитрость, уловка’ [СРНГ 22: 119; ССГ 7: 127]
обма́нувать тул. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 120]
обма́нчистый пск. ‘обманчивый’ [СРНГ 22: 120]; смол. ‘имеющий привычку обманывать, лживый, ненадежный’ [ССГ 7: 128]
обма́тывать пск., смол. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 121; ССГ 7: 128]
обмазу́рить ленинград., пск., смол. ‘обмануть, перехитрить’ [СРНГ 22: 117]
обмакова́ть арх. ‘обмануть’ [КСГРС]
обмала́хать урал. ‘обмануть, обвести’ [СРНГ 22: 117]
обмала́хтать новг., арх., перм., влад. ‘обмануть, обвести’[СРНГ 22: 117]
обмамы́рить смол. ‘обмануть, обвести’ [СРНГ 22: 118]
обмана́т ворон., курск. ‘обманщик, лгун’ [СРНГ 22: 118]
обмани́ла без указ. места ‘обманщик, лгун, сплетник, мошенник’ [СРНГ 22: 119]
обмани́ть смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 127]; новг. ‘намеренно ввести кого-либо в заблуждение, сказав неправду; обмануть’; ‘изменить в любви’ [НОС 6: 94]
обману́ха влад. ‘обманщица’ [СРНГ 22: 120]
обмануть как лиса ворону пск. ‘о ловко и легко обманывающем кого-л. человеке’ [СППП: 102]
обманы строить олон. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 118]
обманя́ть смол., брян., новосиб. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 120; ССГ 7: 128]
обмату́ривать смол. ‘обманывать’ [ССГ 7: 128]
обмекну́ть арх. ‘обмануть с деньгами, обсчитать’ [КСГРС]
обмеше́нить арх. ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [КСГРС]; влг. ‘обмануть, одурачить’ [СРНГ 22: 128]

обмику́ливать пск., арх., смол., кург., зауральск. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 128]
обмику́лить смол. ‘обмануть, обманывать’ [ССГ 7: 129]
обмишу́рить костр. ‘обмануть’ [ЛКТЭ]
обмоку́ливать пск. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 132]
обморо́чить арх. ‘обмануть’ [КСГРС]
обмы́лить костр. ‘обмануть’ [ЛКТЭ]
обобо́шить костр. ‘обмануть’ [ЛКТЭ]
обоврать новосиб. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 151]
обогреть пск., твер. ‘обмануть с корыстной целью, надуть’; влад. ‘обокрасть’ [СРНГ 22: 152]
обойти кого-л. мороком сиб. ‘обмануть’ [СРНГ 18: 273]
обомзе́ривать смол. ‘обманывать’ [ССГ 7: 133]
оботкать перм., урал. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 184]
обоя́рить костр., пск., твер., яросл., краснояр. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 187]
обпу́тывать арх. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 189]
обрахова́ть пск., ворон. ‘обсчитать, обмануть’ [СРНГ 22: 197]
обрентюка́ть ворон. ‘обмануть, перехитрить’ [СРНГ 22: 203]
обреше́тить калуж. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 205]
обро́бить влг. ‘обмануть’ [КСГРС]
обрядиться в берёзовую рожу костр. ‘о лживом бесчестном человеке’ [КСГРС]
обряза́нить влг. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 226]
обсава́хать влг. ‘обобрать, обманом забрать чужое’ [КСГРС]
обувать (обуть, переобуть) кого-л. (из сапог) в лапоть (лапти) ворон., дон. ‘совершенно обобрать, разорить, обмануть’ [СРНГ 16: 266]
обувать в (кривые, чёртовы) лапти кого общенар. ‘обманывать кого-л.’ [БСРП: 352]
обу́рить арх. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 253]
обуря́ть перм. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 253]
обуть костр. ‘обмануть’ [ЛКТЭ]; яросл. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 248]
обуть в кривые лапти кого новг. ‘обмануть, обобрать кого-л.’ [МИСНФ: 230]
обцыганивать перм., курск., ворон., нижегор., тобол., тул. ‘обманывать, прибегая к хитрости’; арх., ворон. ‘обмануть при обмене лошадей’ [СРНГ 22: 263]
обчека́нить пск., твер., нижегор. ‘обмануть, обобрать’ [СРНГ 22: 264]
обчеку́лить влг. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 264]
обчеку́рить олон., яросл., твер., пск., перм. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 264]
обчичи́кать новг., твер., влг., яросл., костр., нижегор. ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 267]
обшаба́шить влг. ‘обмануть, обсчитать’ [КСГРС]
обшамбе́рить смол. ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 268]
общипать пёрышки кому-л. ‘обмануть кого-л.’ [БСРП: 493]
объега́ривать кург. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 274]
объеме́лить нижегор. ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 277]
объерёмить перм. ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 278]
объеро́шить тул., ряз., курск. ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 278]
объехать (объезжать) на кривых оглоблях пск., твер. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 277]
объюли́ть нижегор., пск., смол. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 278]
объяры́живать смол. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 279]
объяры́чивать костр. ‘обманывать’ [ЛКТЭ]
объя́чить яросл. ‘обмануть, провести’ [СРНГ 22: 281]
обыгрывать смол. ‘обманывать’ [ССГ 7: 146]
овин заливать новг. ‘ритуал для обманутого в любви’ [НОС 6: 121]
огалга́рить тобол. ‘обмануть, обвести вокруг пальца, околпачить’ [СРНГ 22: 310]
огиба́ла курск., нижегор. ‘обманщик, плут, пройдоха’ [СРНГ 22: 313]

огибать влад., пск., твер., нижегор. ‘обманывать, надувать, лгать’ [СРНГ 22: 313]
огибенивать пск., твер. ‘дурачить, обманывать; обводить вокруг пальца’ [СРНГ 22: 314]
огорошить костр., яросл. ‘обмануть’ [СРНГ 22: 350]
огра́чить тамб., влад. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 352]
огреть смол., яросл., костр. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 354]
огу́да тобол., влг., арх., перм. ‘обманщик’ [СРНГ 22: 359]
огуда́ло тобол., влг., арх., перм. ‘обманщик’ [СРНГ 22: 359]
огуда́чивать влг. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 360]
огу́дывать влг., арх., перм., свердл., тобол., алт., тамб. ‘обманывать’ [СРНГ 22: 360]
огулять влад. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 22: 363]
одеть пск., твер. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 9]
одува́ть влад. ‘обманывать’ [СРНГ 23: 67]
оду́р смол. ‘обман’ [СРНГ 23:68]
ожарить пск., твер. ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 23: 72]
ожечь новг., тул. ‘обмануть’ [СРНГ 23: 79]
ожу́лить пск., ленингр. ‘обмануть, обжулить’ [СРНГ 23: 82]
озапану́ть влг. ‘обмануть’ [СРНГ 23: 85]
озёлки пускать в глаза смол. ‘морочить, обманывать кого-л.’ [СРНГ 23: 89]
озёлок смол. ‘обман’ [СРНГ 23: 89]
озеля́ть смол. ‘обманывать’ [СРНГ 23: 89]
озеля́ться смол. ‘поддаваться обману, омрачаться, огорчаться’ [СРНГ 23: 89]
окаём, окоём яросл., влг., новг. ‘обманщик, плут, мошенник’ [СРНГ 23: 106]
околпа́чивала калуж. ‘обманщик, пройдоха, надувала’ [СРНГ 23: 145]
окорна́ть влг. ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 23: 154]
окоти́ть яросл. ‘обмануть, облапошить’ [СРНГ 23: 158]
окрести́ть тюмен., тобол. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 163]
окружить с ног до головы новг. ‘обмануть’ [НОС 6: 160]
окрути́ть арх. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 170]
окру́тник новг. ‘обманщик’ [НОС 6: 161]
окула́ть влг., яросл., влад. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 172]
окулома́ть яросл. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 23: 173]
оку́лить влад., пск., твер. ‘обманывать, надувать’; пск., твер. ‘сплетничать’ [СРНГ 23: 173]
оку́лывать яросл. ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 23: 173]
оку́льник пск., твер. ‘сплетник’; калин. ‘обманщик’ [СРНГ 23: 173]
оку́льничать пск., твер. ‘сплетничать’, ‘плутовать, обманывать’ [СРНГ 23: 173]
окуна́л влг. ‘обманщик, плут’ [СРНГ 23: 173]
окуна́ть влг. ‘обмануть’ [СРНГ 23: 173]
оку́ривать курск., орл., тул., свердл., костр. ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 23: 176]
оку́тать твер., влг., орл. ‘обмануть’ [СРНГ 23: 178]
ома́нсливый влг. ‘обманчивый, лживый’ [КСГРС]
омы́лить костр. ‘наврать, навыдумывать’ [ЛКТЭ]
опаранивать (удар.?) казан. ‘обманывать, плутовать’ [СРНГ 23: 236]
опашму́рить влг. ‘соврать’ [КСГРС]
опику́лить перм. ‘обмануть’ [СРНГ 23: 257]
оплету́шить перм. ‘обмануть’ [СРНГ 23: 264]
оплетать яросл. ‘много говорить, врать’ [ЯОС 7: 50–51]; арх. ‘врать, сочинять’ [СРНГ 23: 263]
оплетю́шить пск., твер. ‘обмануть’ [СРНГ 23: 265]
оприко́сить влг. ‘обмануть, обморочить’ [СРНГ 23: 295]
опру́дить влг. ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [СРНГ 23: 304]
опу́ду поймать костр. ‘оказаться обманутым’ [ЛКТЭ]
опу́тывание влг. ‘обман’ [КСГРС]

орёшь и не боронишь / *орёшь, а не боронишь* костр. ‘говорится тому, кто врет / ругается’ [ЛКТЭ]
оставить с носом новг. ‘измена в любви’ [НОС 6: 68]
отете́рить забайк. ‘обмануть’ [СРНГ 24: 178]
отовра́ть смол. ‘присвоить чужое при помощи лжи’ [ССГ 7: 197]
отури́ть яросл., киров., забайк., свердл. ‘обмануть’ [СРНГ 24: 348]
офа́лить нижегор., казан. ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 25: 20]
офарафо́нить свердл. ‘надуть, обмануть’ [СРНГ 25: 20]
оха́нивать влг. ‘оговаривать кого-л.’ [КСГРС]
оха́нить влг. ‘врать’; ‘очернить, оговорить, осмеять’ [КСГРС]
оха́нник влг. ‘клеветник, лгун’ [КСГРС]
оха́хорить влг. ‘обмануть’ [КСГРС]
охлабо́л костр. ‘врун’ [ЛКТЭ]
охлы́нец, охлы́нник твер., пск. ‘обманщик, мошенник’ [СРНГ 25: 37]
охлы́нничать пск., твер. ‘жить обманом, мошенничеством’ [СРНГ 25: 37]
охлыстну́ть пск. ‘обмануть’ [СРНГ 25: 38]
охмури́ла смол. ‘обманщик, обманщица’ [ССГ 7: 210]
очеку́рить перм. ‘обмануть, перехитрить; обобрать’ [СРНГ 25: 61]
ошаба́шить влг. ‘обмануть’ [КСГРС]
ошалопе́рить смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 213]
ошалопу́тать пск. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 25: 78]
ошалопу́тить смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 213]
ошама́нивать бурят. ‘обманывать’ [СРНГ 25: 78]
ошамбе́рить смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 213]
оша́стать влг. ‘обмануть’ [КСГРС]
ошемётки повесить костр. ‘изменить в любви кому-л.’ [ЛКТЭ]
ошемётки получить костр. ‘пережить измену в любви’ [ЛКТЭ]
ошква́рить влад. ‘обмануть, надуть’ [СРНГ 25: 89]
ошму́рить, ошму́ривать смол. ‘обмануть, обманывать’ [ССГ 7: 214]
ошпани́ть влг. ‘обмануть’ [КСГРС]
ошука́льщик смол. ‘обманщик’ [ССГ 7: 214]
ошука́ть смол. ‘обмануть’ [ССГ 7: 214]
ощеу́льник бурят., иркут. ‘плут, обманщик’ [СРНГ 25: 103]
ощу́чить перм. ‘обмануть’, вят. ‘перехитрить’ [СРНГ 25: 105]
палуси́ть пенз. ‘врать’ [СРНГ 25: 178]
паражо́р арх. ‘обманщик, лгун’ [КСГРС]
пасти́ть арх. ‘болтать вздор, врать’ [КСГРС]
пачкать очи карел. ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 463]
пе́нничать костр. ‘сплетничать; наговаривать на кого-л., ябедничать’ [ЛКТЭ]
пеле́дить яросл. ‘говорить неправду, лгать’ [ЯОС 7: 88]
перебреха́ть смол. ‘переврать, исказить’ [ССГ 8: 33]
переобуть из поршне́й в лапти кого народн. ‘обмануть, перехитрить кого-л.’ [БСРП: 525]
переодеть из сапог в лапти кого новг. ‘обмануть, обобрать кого-л.’ [МИСНФ: 230]
петля́ть смол. ‘лукавить; врать’ [ССГ 8: 69]
пи́льма влг. ‘обманщик, хитрец’ [КСГРС]
плести корзинку омск. ‘обманывать, лгать’ [СРНГ 27: 118]
плести косоплётки перм. ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 319]
плести кошели́ с лаптями народн. ‘лгать, обманывать кого-л.’ [БСРП: 324]
плести на косое веретено перм. ‘говорить неправду; лукавить’ [ФСПГ: 269]
плести сову смол. ‘говорить неправду, сочинять’ [ССГ 8: 79]
плести что не прики́сло перм. ‘обманывать’ [ФСПГ: 269]

плести / наплести <целые> лапти нижнепечор. ‘говорить пустяки, врать, сплетничать’ [СГНП 2: 380]
плетень худой яросл. ‘о болтливом и лживом человеке’ [ЯОС 8: 7]
плетня́ смол. ‘ложь, клевета’ [ССГ 8: 80]
плетуха́ть смол. ‘врать, сочинять’; ‘вводить в заблуждение, скрывать правду’ [ССГ 8: 80]
плету́шка арх. ‘о том, кто плетет, говорит несуразное, лжет или сплетничает’ [СРНГ 27: 131]
плетюха́ть яросл. ‘пустословить, говорить неправду’ [ЯОС 8: 8]
плуси́ть яросл. ‘говорить бессмыслицу, путаться в словах, лгать’ [ЯОС 8: 10]
плута́ть новг. ‘хитрить, лукавить’ [НОС$_2$: 829]; смол. ‘лгать’ [ССГ 8: 84]
плю́хать смол. ‘много говорить, врать’ [ССГ 8: 85]
по подружкам ходить (*пойти, бегать*) нижнепечор. ‘изменять жене’ [СГНП 2: 179]
побрёшки травить сиб. ‘лгать’ [ФСРГС: 198]
повёртливый влг. ‘болтливый, лживый’ [КСГРС]
подгу́глить самар. ‘обмануть, надуть, облапошить’ [СРНГ 27: 382]
поддо́нивать новосиб. ‘обманывать’ [СРНГ 27: 392]
поддёвка пск., твер. ‘обман’ [СРНГ 27: 386]
поддедю́ливать новг., смол., амур. ‘обманывать, одурачивать’ [СРНГ 27: 386]
поддувать пск., твер., вят. ‘обманывать’ [СРНГ 27: 397]
поддудо́ривать смол. ‘обманывать, надувать’ [СРНГ 27: 397]
поджени́ть курск. ‘обмануть’ [СРНГ 28: 7]
поджечь чужую масленицу новг. ‘изменить кому-либо’ [НОС 8: 31]
подкаса́ться смол. ‘подольститься с хитрой, обманной целью’ [ССГ 8: 114]
подковать сани кому ‘обмануть, провести кого-л.’ [БСРП: 593]
подковаться влад. ‘оказаться в неприятном положении, обмануться’ [СРНГ 28, 38]
подку́брить смол. ‘обмануть’, ‘украсть’ [СРНГ 28: 50]
подкузьми́ть костр. ‘войти в доверие обманом, лестью’ [СРНГ 28: 50]
подломи́ть арх. ‘обмануть’ [СРНГ 28: 58–59]
подлыга́ть иван., сарат., сев.-зап. ‘привирать, лгать’ [СРНГ 28: 71]
подма́нивать пск., твер. ‘обманывать’ [СРНГ 28: 75]
подма́нка брян. ‘обманщик, обманщица’ [СРНГ 28: 75]
подма́нывать смол., ряз., рост., олон., ставроп., барнаул. ‘обманывать’ [СРНГ 28: 75]
подману́ться смол. ‘впасть в обман, обмануться’ [СРНГ 28: 75]
подманя́ть смол. ‘обманывать’ [ССГ 8: 118]
поднакурить пенз. ‘обмануть, провести’ [СРНГ 28: 93]
подношу́ра яросл. ‘фальшивый человек, способный солгать; подхалим, льстец’ [ЯОС 8: 30]
подол не чистый у кого-л. р. Урал ‘намек на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.’ [СРНГ 28: 116]
подпускать лису без указ. места ‘хитрить, лукаво льстить’ [Даль$_2$ II: 258–259]
подпустить коклю́шку без указ. места ‘изобрести какую-л. хитрость, обман’ [СРНГ 14: 89]
подскипида́рить новг. ‘изменить в любви’ [НОС 8: 54]
подсола́живать (*подсолоди́ть*) пск., твер. ‘льстить, угодничать’ [СРНГ 28: 188]
подсусе́дить калуж. ‘сбыть плохой товар, обманув покупателя’ [СРНГ 28: 206]
подтитю́рить смол. ‘обмануть, поддеть’ [ССГ 8: 133]
подурить брян. ‘обмануть’ [СРНГ 27: 397]
подхалим твер. ‘обманщик’ [СРНГ 28: 233]
подхватывать р. Урал ‘изменять (кому-л.)’ [СРНГ 28: 235]
подши́льничать пск., твер. ‘гнусно лгать, наговаривать на кого-л.’ [СРНГ 28: 257]
подъего́ривать ворон. ‘обманывать’ [СРНГ 28: 261]
подъя́волить костр. ‘обмануть’ [СРНГ 28: 267]

поженить арх. ‘обмануть, ввести в убыток’ [СРНГ 28: 291]
пожениться арх. ‘изменить (жене)’ [СРНГ 28: 291]
показать Москву в решето без указ. места ‘обмануть, одурачить’ [Даль$_2$ IV: 96]
получить блин новг. ‘пережить измену’ [МИСНФ: 237; НОС 8: 99]
получить головёшку новг. ‘пережить измену’ [МИСНФ: 237]
получить измену яросл. ‘об измене в любовных отношениях’ [ЯОС 8: 56]
полыга́ла пск., казан. ‘тот, кто поддерживает хвастовство, ложь другого; врун, обманщик’ [СРНГ 29: 173–174]
посаде́кать том. ‘сказать неправду’ [СРНГ 30: 133]
потятю́риться курск. ‘поверить неправде, обмануться’ [СРНГ 30: 330]
похвастать ряз. ‘наговорить напраслины, наврать’ [СРНГ 30: 343]
похлы́стать смол. ‘обмануть, солгать’ [ССГ 11: 267]
пра́сол казан. ‘обманщик’ [СРНГ 31: 69]
предста́вленница смол. ‘о представляющейся кем-либо с целью обмана; притворщица’ [ССГ 9: 10]
преиспо́дный смол. ‘очень хитрый; лукавый’ [ССГ 9: 10]
прибалы́хивать костр. ‘привирать’ [ЛКТЭ]
прибая́нить яросл. ‘обмануть’ [СРНГ 31: 107]
привилова́тый смол. ‘несправедливый, хитрый’ [ССГ 9: 16]
пригуливать тул., курск., свердл. ‘изменять супругу, супруге, гулять’ [СРНГ 31: 182]
приколоть жёлтый цвет новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 237]
прикупить костр. ‘обмануть’ [ЛКТЭ]
прималы́ндывать тобол., свердл., сиб. ‘выдумывать, обманывать, врать’ [СРНГ 31: 285–286]
прималы́нивать свердл. ‘выдумывать, обманывать, врать’ [СРНГ 31: 286]
прималы́хивать костр. ‘привирать’ [ЛКТЭ]
прималы́шить костр. ‘приврать’ [ЛКТЭ]
приневе́рить жену нижегор. ‘заподозрить жену в неверности’ [СРНГ 31: 311]
присви́стывать смол. ‘врать’ [ССГ 9: 36]
пробреха́ть тул. ‘сказать ложь, неправду’ [СРНГ 32: 86]
проваживать на словах влг. ‘обманывать’ [СРНГ 32: 90]
провести воробья на соломе новосиб. ‘обмануть’ [СРНГ 32: 95]; нижнепечор. ‘обмануть кого-либо’ [СГНП 2: 218]
прово́дка влг. ‘обман, ложь, неправда’ [СРНГ 32: 98]
прожи́га свердл., влад., пск., арх. ‘плут, прохвост, проходимец, обманщик’ [СРНГ 32: 135]
прожить век по бабам новосиб. ‘быть неверным мужем’ [СРНГ 32: 134; ФСРГС: 154]
прожо́га пск., арх., забайк. ‘хитрый, изворотливый человек, обманщик, плут’ [СРНГ 32: 137]; смол. ‘о хитром, пронырливом человеке’ [ССГ 9: 53]
пройти смол. ‘обмануть, провести кого-л.’ [СРНГ 32: 149]
пройти линьком дон. ‘ловко, хитро обмануть’ [СРНГ 32: 149]
прокатить на венике (вересине) кого новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 238]
прокатить на веретене кого новг. ‘изменить кому-л., нарушить верность в любви’ [БСРП: 78]
прокла́мачница смол. ‘сплетница, обманщица’ [ССГ 9: 55]
проку́да твер., пск., влг., перм. ‘хитрый, лукавый человек, притворщик, обманщик’ [СРНГ 32: 165]
проку́дничать яросл. ‘хитрить, притворяться, обманывать’ [СРНГ 32: 166]
проману́жить алт. ‘обмануть, надавать пустых обещаний’ [СРНГ 32: 179]
прота́ка влг. ‘обман, хитрость’ [СРНГ 32: 262]
прохво́стка костр. ‘врунья; хвастунья’ [ЛКТЭ]
прохво́стница смол. ‘мошенница’ [ССГ 9: 64]

прохиндей смол. ‘нечестный человек, мошенник’ [ССГ 9: 64]
прохиндейка смол. ‘нечестный человек, мошенник’ [ССГ 9: 64]
прохинде́йничать смол. ‘вести себя нечестно, мошенничать’ [ССГ 9: 64]
прощелы́га костр., влг., астрах., тамб., калуж. ‘обманщик, лгун, хвастун’ [СРНГ 33: 57]
пули заворачивать (лить, разводить) пск. ‘обманывать, врать’ [СППП: 63]
пу́льник смол. ‘о тех, кто лжет, сочиняет’ [ССГ 9: 74]
пу́льница смол. ‘о тех, кто лжет, сочиняет’ [ССГ 9: 74]
пу́нтики заливать пск. ‘рассказывать небылицы, привирать’ [СППП: 63]
пустая гово́ря перм. ‘ложь, неправда’ [СРНГ 33: 343]
пустить пулю общенар. ‘соврать, выдумать что-л. нелепое’ [БСРП: 543]
пустое перо омск. ‘неправда’ [СРНГ 26: 288]
пу́хтарь забайк. ‘шарлатан, обманщик’ [СРНГ 33: 165]
пушка́рь новг. ‘лгун’ [НОС 9: 71]
пушку вылить пск. ‘солгать, выдумать что-л.’ [СППП: 64]
разлыга́ться смол. ‘начать лгать’ [ССГ 9: 94]
расстрижка забайкал. ‘женщина, публично подстриженная и изгнанная из дому за измену мужу’ [СРНГ 34: 232]
расхожий краснояр. ‘неверный (о супруге)’ [СРНГ 34: 302]
рвать кубан. ‘врать, говорить неправду’ [СРНГ 34: 357]
редкозубый (редкозубая) враль нижнепечор. ‘человек, имеющий репутацию вруна и не пользующийся доверием’ [СГНП 2: 237]
репа яросл. ‘ложь, неправда’ [ЯОС 8: 131]
репни́ поесть новг. ‘узнать об измене в любви’ [НОС 9: 137]
репней сварить (*наварить) кому* новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 239]
репня новг. ‘измена в любви’ [НОС 9: 137]
ре́хать свердл. ‘обманывать, врать’ [СРНГ 35: 78]
речь переводить ряз. ‘сплетничать, говорить неправду’ [СРНГ 35: 84]
рига сгорела, твоя рига сгорела новг. ‘нарушить верность в любви; изменить’ [НОС 9: 140]
рога наставить кому пск. ‘изменить мужу’ [СППП: 65]
рога носить ‘быть обманутым (о муже, которому изменила жена)’ [БСРП: 564]
рога поставить новг. ‘изменить в любви кому-л.’ [НОС 8: 146]
рогатку дать / давать кому пск. ‘изменить в любви кому-л.’ [СППП: 65]
рогатку получить пск. ‘узнать об измене любимой девушки’ [СППП: 65]
ро́ги надеть дон. ‘изменить мужу’ [СРНГ 35: 118]
роги подставить (*повесить, ставить*) *кому* новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 237]
рыжик арх. ‘о нарушителе верности в любви, дружбе’; пск. ‘тот, кому изменили в любви, дружбе’ [СРНГ 35: 305]
рыжики делать пск., арх. ‘нарушать верность в любви, изменять’ [СРНГ 35: 305]
рыжики ему (*тебе*) новг. ‘нарушить верность в любви, изменить’ [НОС 9: 163]
рыжики жечь кому новг. ‘изменять кому-л., нарушать верность в любви’ [БСРП: 588]
рыжики подсыпать новг. ‘нарушить верность в любви; изменить’ [НОС 8: 58]
рыжиков (*рыжики*) *дать (наделать, наставить, поднести, сделать, сыпать / насыпать, подсыпать*) *кому* пск. ‘изменить в любви кому-л.’ [СППП: 68]
с обманкой делать что-л. моск. ‘с помощью обмана, хитрости, обманывая’ [СРНГ 22: 119]
си́тный (*си́тного*) *тебе* новг. ‘выражение, указывающее на измену в любви’ [НОС 10: 62]
си́тный сделать (*устроить*) *кому* новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 240]
си́тный сыграть новг. ‘изменить в любви’ [НОС 11: 16]
садёкать том. ‘обманывать, говорить неправду’ [СРНГ 36: 21]
салёсничать пенз. ‘говорить неправду’ [СРНГ 36: 61]

сбасова́ть смол. ‘схитрить’ [ССГ 9: 163]
сбату́рить смол. ‘солгать’ [ССГ 9: 163]
сбездельничать без указ. места ‘совершить подлог, обман, смошенничать’ [СРНГ 36: 168]
сбла́знить смол. ‘обмануть кого-либо’ [ССГ 9: 164]
сблы́ши́ть смол. ‘сказать неправду, вздор’ [ССГ 9: 164]
сболта́ть новг. ‘сказать неправду, солгать’ [НОС 10: 15]
сбредни пск., твер. ‘что-л. неправдоподобное, вранье, сплетни’ [СРНГ 36: 185]
сверху закону жить омск. ‘изменять супружеской верности’ [ФСРГС: 72]
свист р. Урал ‘ложь, неправда’; свердл., курган. ‘обманщик, болтун’ [СРНГ 36: 296–297]
свистеть в дудку пск. ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 204]
свисту́ля влг. ‘легкомысленный, непостоянный, хвастливый человек, лгун, обманщик’ [СРНГ 36: 301]
свисту́н арх., свердл. ‘о болтуне, обманщике’ [СРНГ 36: 301]
сворокóсить новг. ‘наговорить лжи, неправды; наговорить чепухи, вздору; наврать’ [НОС 10: 25]
сгорела рига (*баня, байна*) *у кого* новг. ‘об измене в любви’ [МИСНФ: 239]
сгрóхать свердл., заурал. соврать, солгать что-л. [СРНГ 37: 44]
сгу́льдить арх. ‘обмануть, слукавить, схитрить’ [СРНГ 37: 48]
сделать бороду кому новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 239]
сделать измену том., яросл. ‘нарушить верность в любви, изменить’ [СРНГ 37: 60]
сделать козью морду кому новг. ‘обмануть’ [МИСНФ: 231]
сделать мост кому новг. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 240]
сдёра пск., твер. ‘обманщик’ [СРНГ 37: 64]
семени́ть яросл. ‘вертеться, врать, оправдываться лганьём’ [ЯОС 9: 25]
семери́ть костр. ‘говорить неправду’ [ЛКТЭ]
скаверза́ть смол. ‘солгать’ [ССГ 10: 16]
скакать (*ходить, прыгать*) *за óсек* новг. ‘изменять в любви’ [МИСНФ: 240–241; НОС 7: 19]
сквози́тельная бестия пск., твер. ‘очень хитрый, опытный плут, обманщик’ [СРНГ 37: 404]
складывать кого-л. с кем-л. пенз. ‘ревновать, подозревать в измене (жену, мужа)’ [СРНГ 38: 21]
сколокóлить свердл. ‘соврать, выдумать что-л. неправдоподобное’ [СРНГ 38: 58]
скривить линию смол. ‘солгать’ [ССГ 10: 35]
скру́та пск., твер. ‘обманщик’ [СРНГ 38: 156]
скрутéль пск., твер. ‘обманщик’ [СРНГ 38: 156]
скрути́ть пск., твер. ‘обмануть, надуть кого-л.’ [СРНГ 38: 157]
скрутить голову пск. ‘обмануть, одурачить кого-л.’ [БСРП: 144]
скру́тный пск., твер. ‘лживый, обманчивый, не заслуживающий доверия (о человеке)’ [СРНГ 38: 157]
скулы́жить влг. ‘соврать’ [КСГРС]
скургу́зить тамб. ‘обмануть, соврать’ [СРНГ 38: 190]
слепую бабушку на бревно наводить карел. ‘обманывать, лгать’ [БСРП: 24]
слу́касить пск., твер. ‘обманом приобрести что-л.; слукавить, обмануть’; твер. ‘солгать, соврать’ [СРНГ 38: 312]
слыга́ть арх., тамб. ‘говорить неправду, лгать’; ряз. ‘клеветать, ложно обвинять кого-л. в чем-л.’ [СРНГ 38: 322]
смакла́чить казан., влг. ‘обмануть, надуть кого-л.’ [СРНГ 38: 340]
смальха́нить пенз., казан., перм., арх. ‘сплутовать, смошенничать, обмануть’ [СРНГ 38: 343]
смахла́чить арх. ‘схитрить, обмануть, смошенничать’ [СРНГ 38: 348]
смахлевать влад., влг., ряз., пенз. ‘сплутовать, смошенничать, обмануть’ [СРНГ 38: 348]

сморо́зить костром., влг., влад., пск., твер., калуж., курск. ‘сказать неправду, солгать’ [СРНГ 39: 46]
смота́ть новг. ‘сплутовать, обмануть’ [СРНГ 39: 48]
смутиться амур. ‘нарушить супружескую верность’ [СРНГ 39: 68]
смуто́вить р. Урал ‘сказать неправду, обмануть’ [СРНГ 39: 63]
смухла́чить арх., олон. ‘сжульничать, смошенничать’ [СРНГ 39: 65]
смухли́ться перм. ‘вступить в любовную связь с кем-л., нарушив супружескую верность’ [СРНГ 39: 65]
смы́слить арх. ‘солгать, обмануть’ [СРНГ 39: 76]
соба́чить смол. ‘обирать, обманывая’ [ССГ 10: 68]
собачу́га смол. ‘о лживом человеке, обманщике’ [СРНГ 39: 153]
собирать перм., иркут. ‘обманывать’ [СРНГ 39: 162]
собирать головёшки новг. ‘изменять в любви кому-л.’ [НОС 10: 109; СРНГ 39: 159]; новг. ‘пережить измену в любви’ [МИСНФ: 241]
сода́рживать себя в верности р. Урал ‘соблюдать супружескую верность’ [СРНГ 39: 214]
солга́ться ряз. ‘скзать неправду, обмануть’ [СРНГ 39: 254]
солоди́ть арх. ‘наговаривать на кого-л.’ [СРГК 6: 212]
сомусти́ть свердл., том., хабар. ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [СРНГ 39: 319]
сохвости́ть костр. ‘солгать, обмануть’ [ЛКТЭ]
сподману́ть смол. ‘сбить с толку, обмануть’ [ССГ 10: 91]
спу́тать пск., твер. ‘наговорить вздору, солгать’; новг. ‘обмануть, соблазнить’ [СРНГ 40: 292]
стаклерить на счетах (удар.?) без указ. места ‘обманывать при счете, обсчитывать кого-л.’ [СРНГ 41: 36]
становить очки в глаза смол. ‘обманывать’ [ССГ 10: 107]
стать виноватой сиб. ‘изменить супружескому долгу (о женщине)’ [ФСРГС: 189]
сторонку гони́ть арх. ‘изменять мужу’ [БСРП: 646]
сторонку иметь бурят. ‘изменять жене, мужу’ [СРНГ 41: 248]; карел. ‘не соблюдать супружескую верность, изменять супругу(-ге)’ [ФСРГРК: 71]
стороной жить перм. ‘нарушать супружескую верность’ [ФСПГ: 122–123]
стороной ходить коми ‘изменять супругу, супруге’ [БСРП: 645]
сторону держать карел., том., кемер., новосиб. ‘изменять супружескому долгу’ [ФСРГРК: 71; ФСРГС: 59]; среднеобск. ‘изменять жене, мужу’ [СРНГ 41: 247]
стрепану́ться дон. ‘солгать’ [СРНГ 41: 329]
сухара кому костр. ‘об измене в любви’ [ЛКТЭ]
сухари новг. ‘измена в любви’ [НОС 11: 4]
сухару стащить / приволочь костр. ‘пережить измену в любви’ [ЛКТЭ]
сфольгова́ть смол. ‘соврать, смошенничать’ [ССГ 10: 155]
схло́пать перм., свердл., курган., тобол., новосиб. ‘обмануть, сказать неправду’ [СРНГ 43: 61]
схлопота́ть свердл. ‘обмануть кого-л., сказать неправду кому-л.’ [СРНГ 43: 61]
схлусить (удар.?) орл. ‘обмануть кого-л., сказать неправду кому-л.’ [СРНГ 43: 62]
схо́лить пск., твер. ‘обманом забрать, отобрать что-л.’ [СРНГ 43: 73]
съюли́ть смол. ‘обмануть’ [ССГ 10: 160]
сыромя́жник твер. ‘плут, обманщик’ [СРНГ 43: 145]
тереть волынку сиб. ‘говорить неправду, обычно с целью скрыть что-л.’ [ФСРГС: 196]
тимляный новг., петерб., олон. ‘о насмешнике, обманщике, хитреце’ [СРНГ 44: 124]
ткать пск. ‘обманывать, говорить неправду’ [СРНГ 44: 154]
топор повесить новг. ‘изменить в любви’ [НОС 8: 7]
тризне́ть смол. ‘говорить неправду’ [ССГ 10: 203]
труба новг. ‘измена в любви’ [НОС 11: 65]
тухта́ костр. ‘врун’ [ЛКТЭ]

тухти́ть влг., костр. ‘врать, обманывать’ [КСГРС; ЛКТЭ]
тыквина (*тебе, ему*) новг. ‘измена в любви кому-л.’ [НОС 11: 74]
удодо́рить смол. ‘обмануть, зачаровав’ [ССГ 11: 13]
ум в толку́й, а бес в ребро новг. ‘о неверности в любви мужа или жены’ [НОС 11: 43]
фо́фанить пск., твер. ‘обманывать, плутовать’ [Даль 4: 1152]
фигли строить нижегор. ‘льстить’; ‘обманывать’ [СРНГ 42: 19]
хамжи́ть костр. ‘врать’ [ЛКТЭ]
хвастун, хвастунья костр. ‘тот, кто врет’ [ЛКТЭ]
хвост, хвосто́вка костр. ‘лживый человек’ [ЛКТЭ]
хвосте́ть костр. ‘врать’ [ЛКТЭ]
хвости́ть влг., костр. ‘врать’ [КСГРС; ЛКТЭ]
хвосты костр. ‘ложь, вранье’; *без хвостов* костр. ‘без преувеличений, без вранья’ [ЛКТЭ]
хла́мостить яросл. ‘говорить неправду о ком-л.; клеветать’ [ЯОС 10: 32]
хло́мать языком пск. ‘обманывать, говорить неправду’ [СППП: 84]
хлус смол. ‘лгун’ [ССГ 11: 58]
хлуси́ть смол. лгать [ССГ 11: 58]
хлусня́ смол. ‘ложь, неправда’ [ССГ 11: 58]
хлынуть по сторонам морд. ‘нарушить супружескую верность, изменить жене’ [БСРП: 645]
хлы́ста смол. ‘о лживом человеке’ [ССГ 11: 59]
хлы́стать смол. ‘лгать, обманывать’ [ССГ 11: 59]
хлы́стить влг. ‘врать’ [КСГРС]
ходить за волей новосиб. ‘изменять супружескому долгу’ [ФСРГС, 212]
хомута́ть смол. рассказывать небылицы, лгать [ССГ 11: 68]
частокол городить пск. ‘говорить чепуху, врать’ [СППП: 79]
чехарда́ костр. ‘ложь, ерунда’ [ЛКТЭ]
чудить новг. ‘говорить неправду; обманывать’ [НОС$_2$: 1285]
чужбинкой заниматься перм. ‘изменять в супружестве’ [ФСПГ: 130]
шав олон. ‘обман’ [Барсов 1: XX]
шаве́ть олон. ‘болтать вздор, обманывать, лгать’ [Куликовский 1898: 135]
ша́вить арх., олон. ‘пустобаять, шутить или врать, болтать вздор’; ‘кривить душой’ [Даль 4: 1388]
шарами (глазами) вертеть (отвертеть) нижнепечор. ‘изворачиваться, врать’ [СГНП 2: 398]
шило-мыло влг. ‘о хитром человеке’ [КСГРС]
шильный-мыльный влг. ‘о том, кто врет, хитрит’ [КСГРС]
шутить неправду влг. ‘врать’ [КСГРС]
щелку́ша влг. ‘лгун, лгунья’ [КСГРС]